

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. Н. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1901

Печатано по распоряжению Совета Императорского Русского Географического Общества.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

Тазы, или Удинэ¹⁾.

(Опытъ этнографического изслѣдованія).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Владивостокское „Общество Изученія Амурскаго края“, поставивъ, въ числѣ другихъ своихъ задачъ, изученіе вымирающихъ народностей Приморья (См. Отчетъ Общ. Изуч. Амур. края за 1896 г., стр. 1), обратило особенное вниманіе на тунгусскій народъ, известный у этнографовъ подъ названіемъ орочей или орочонъ. Послѣдніе разбросаны на небольшомъ пространствѣ въ Приморской Области и представляютъ значительное разнообразіе мѣстныхъ отличій, утративъ подчасъ национальную чистоту подъ влияніемъ съдѣства и совместной жизни съ другими народностями, особенно съ китайцами, или манзами. Поэтому Общество Изученія Амурскаго края отправило въ 1886 году В. П. Маргаритова, для Изученія Орочей, въ Императорскую гавань, „какъ въ центръ болѣе сохранившихся отъ постороннихъ вліяній орочей“ (См. г. Маргаритова: „Объ орочахъ Императорской гавани“, С.-Петербургъ. 1888 г., стр. 1).

Помимо свѣдѣній, добытыхъ В. П. Маргаритовымъ и сообщенныхъ имъ въ вышеназванной монографіи, генерального штаба капитанъ Сергѣй Леонтьевичъ въ V томѣ (вып. II-й) „Записокъ Общества Изученія Амурскаго Края“ напечаталъ „Русско-орочанскій словарь“, собранный имъ во время экспедиціи, снаряженной военнымъ вѣдомствомъ лѣтомъ 1894 года, для изслѣдованія бассейна рѣки Тумнинъ, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ однимъ изъ членовъ Общества Н. А. Пальчевскимъ былъ поднятъ вопросъ, намѣченный еще въ монографіи В. П. Маргаритова.

¹⁾ Латинское и употреблено мною для выраженія звука, которому въ русскомъ алфавите неѣть соответствующей буквы.

²⁾ Во время окончанія своей работы, въ журналѣ «Землевѣдѣніе» за 1897 г. (кн. III—IV) я прочиталъ статью того же автора объ орочонахъ р. Тумнинъ, довольно обстоятельно знакомящую съ бытомъ, занятіями и природою названной мѣстности.

На страницѣ второй своего изслѣдованія послѣдній говоритъ: „Цо свѣдѣніямъ, собраннымъ академикомъ Шренкомъ въ бытность его на Амурѣ, вастоящіе ороchi простирались отъ залива Де-Кастри почти вплоть до залива св. Ольги... На югъ отъ нихъ, т. е. у зал. св. Ольги и южнѣе, жили ороchi, переродившіеся подъ вліяніемъ маньджуровъ и получившіе отъ нихъ название тазовъ или тадзовъ; Тадзы занимали пространство и по притокамъ рѣки Уссури и простирались даже до г. Владивостока. Теперь же эти тадзы раскинули свои предѣлы дальше на сѣверъ и, какъ мнѣ известно, живутъ на р. Нельма, впадающей въ Японское море и называемой орочами Шамарга. Хотя шамаргинскіе тадзы и вышли изъ повиновенія мандзъ и отдалились отъ нихъ на сѣверъ, тѣмъ не менѣе типъ чистыхъ орочей ими утраченъ, языкъ измѣнился и не совсѣмъ понимается орочами Императорской гавани. Мнѣ пришлось видѣть двухъ шамаргинскихъ тадзовъ... Они объяснялись съ орочами, но, какъ видно, не совсѣмъ ясно. Лобъ у нихъ выбритъ и носить двѣ косы; покрой одежды и устройство лодокъ напоминаетъ мандзовскій. Словомъ, это уже не ороchi, а выродки изъ орочей; настоящее же ороchi оканчиваютъ свое распространеніе на югѣ рѣкою Ботиль, гдѣ находится селеніе орочей въ 8 юртъ“. Подчеркнутое мною въ словахъ г. Маргаритова ясно указываетъ, что послѣднимъ намѣчены были нѣкоторые вопросы, требовавшіе болѣе подробнаго изслѣдованія для своего решенія.

Н. А. Пальчевскій, служа лѣсничимъ на Сучанѣ, сталкивался съ упоминаемыми г. Маргаритовымъ южными орочами, или тазами, и замѣтилъ, что они сильно отличаются отъ своихъ Императорскихъ собратьевъ¹⁾). Въ виду того, что тазы сильно пострадали въ двѣ эпидеміи осипы, а равно и въ силу того, что молодое поколѣніе ихъ подверглось путемъ конкубината перерожденію или вырожденію, Н. А. Пальчевскій настаивалъ предъ Распорядительнымъ Комитетомъ Общества Изученія Амурскаго края на необходимости изслѣдовать тазовъ и предлагалъ снарядить экспедицію для собранія свѣдѣній о географическомъ распространеніи этого народа на югъ, остатковъ языка и бытовыхъ предметовъ и для антропометрическихъ измѣреній.

Комитету угодно было возложить выполненіе предложенія г. Пальчевскаго на Д. И. Дюкова и меня.

1-го іюля 1896 г. я и товарищъ мой выѣхали изъ Владивостока и около 15 іюля достигли рѣки Сяо-Судухэ, притока р. Та-Судухэ, гдѣ встрѣтили поселеніе тазовъ. Къ сожалѣнію, начавшееся въ августѣ того года

¹⁾ Г. Пальчевскій не разъ бывалъ въ Императорской гавани и хорошо зналъ тамошнихъ инородцевъ, которыхъ ему манзы называли «юпитазами», т. е. рыбокожими пиногодцами.

дожди и наводнение, затопившее многія мѣстности такъ называемаго Южно-Уссурійскаго края, не дозволили намъ объѣхать и изслѣдоватъ тазовъ на всемъ предположенномъ районѣ. Приходилось ограничиться на первый разъ свѣдѣніями, собранными въ долинахъ рѣкъ Сло-Судухэ и Та-Судухэ, при чёмъ верховья послѣдней рѣки не посѣщены лично. Кромѣ того, застигнутый на Та-Судухэ ¹⁾ наводненіемъ, я принужденъ былъ возвращаться на Сучань по берегу Великаго океана на манзовской шампункѣ и потерпѣть въ ночь съ 6-го на 7-ое августа крушеніе отъ свирѣпаго тайфуна: шампунка разбита въ щепы, всѣ вещи разбросаны по залитому водою берегу, самому приходилось спасать свою жизнь, пробывъ по поясъ въ водѣ съ 2 часовъ ночи до 12 часовъ дня. Крушеніе это истребило фотографическіе снимки людей, жилищъ и мѣстности, попортило дорогой фотографическій аппаратъ и коллекціи бабочекъ. Несмотря на указанныя бѣды, мнѣ все-таки удалось доставить въ Музей Общества коллекцію бытовыхъ вещей тазовъ и, что самое цѣнное, цѣлый еще не разложившійся трупъ семидесятилѣтней тазачки. Но бѣда, очевидно, шла за мною по пятамъ: переданный мною трупъ тазачки, стоявшій мнѣ столькихъ усилій, испорченъ и обращенъ известью въ трухлый порошокъ.

Матеріалъ, собранный лѣтомъ 1896 г., былъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы на основаніи его дѣлать какіе-либо выводы. Районъ, обслѣдованный мною, слишкомъ малъ, притомъ, какъ выяснилось потомъ, отправный пунктъ для изслѣдованія тазовъ избранъ былъ не совсѣмъ удачный. Словомъ, необходимо было продолжать экспедицію. Близко ставъ къ Обществу Изученія Амурскаго края, какъ членъ Распорядительного Комитета, и узнавъ ограниченность средствъ, я не осмѣлился утруждать его новыми просьбами о доставленіи мнѣ возможности посѣтить рѣки, на которыхъ, по добытымъ мною свѣдѣніямъ, жили сплошь почти тазы. Къ счастью, лѣтомъ 1897 г. Г. Вениному Губернатору Приморской области понадобилось лицо, которое взяло бы на себя трудъ переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Коппи на сѣверъ до бухты Терней на югъ. Мои услуги были приняты начальствомъ, и я объѣхалъ все побережье Великаго океана, начиная отъ г. Владивостока на сѣверъ до р. Коппи, познакомился съ разнообразнымъ населеніемъ этого побережья, разспросилъ и уяснилъ себѣ то, что оставалось неяснымъ послѣ экспедиціи на Сучань.

Такимъ образомъ, настоящее сочиненіе является результатомъ двухъ моихъ поѣздокъ по территоріи, занимаемой тазами. Мною посѣщены сѣверная и южная оконечности, а равно и вся восточная граница обитаемой тазами

¹⁾ Товарищъ по экспедиціи Д. И. Дюковъ уѣхалъ раньше на Сучань, оставивъ на моихъ рукахъ всѣ пожитки, коллекціи и инструменты.

части Приморской области. Мне не удалось пройти территорию тазовъ съ востока на западъ и обследовать западную границу ихъ; но указанный районъ былъ недавно посещенъ охотничими командами 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады и г. Пальчевскимъ во время переписи инородцевъ. Добытые и обнародованные материа́лы и другіе литературные источники даютъ возможность представить первую попытку возможно полнаго всесторонняго изображенія жизни и быта тазовъ, тунгусского народца, къ сожалѣнію, постепенно вымирающаго, вслѣдствіе неумѣнья приспособиться къ нѣсколько измѣнившимъ условіямъ существованія. Но я не ограничился, какъ увидить читатель, однимъ изображеніемъ явленій жизни тазовъ: я старался посильнѣ, исходя отъ добытыхъ наукой данныхъ, объяснить эти самые явленія тазовской жизни, потому что только подобного рода этнографическая работа имѣеть и можетъ имѣть цѣну въ настоящее время. Въ видѣ приложений, наконецъ, я печатаю словарчикъ тазовскаго языка, насколько мнѣ удалось добыть словарный матеріа́лъ въ двѣ экспедиціи. Благодаря Общество Изученія Амурского края, Распорядительный Комитетъ и другихъ немногихъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ появляется въ свѣтъ этотъ слабый трудъ, могу желать, чтобы хорошия стороны его оправдали потраченныя на мою первую поездку средства.

Сергій Браиловский.

Владивостокъ. Мартъ—Августъ. 1898.

„По рассказамъ старожиловъ края, тазы, или кякала, жили по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури; по сказаніямъ маньчжуроў, преимущественно по восточному поморью и по рѣкамъ Фуцзинъ и Госэ, впадающимъ въ море... Кякала были прежде въ Хуньчуньской области, но теперь, повидимому, сосредоточились въ срединѣ Уссурійского поморья. Это племя заслуживаетъ особенного вниманія“...

Изъ неизданныхъ «Дорожныхъ замѣтокъ на пути отъ Благовѣщенска чрезъ Японію въ Пекинъ» архим. Палладія.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы предмета и выводы изъ него.

Самымъ старымъ и самымъ драгоценнымъ сочиненіемъ по изученію инородцевъ Приморской области является столь известный классический трудъ академика Шренка „Объ инородцахъ Амурского края“, появившійся въ свѣтѣ въ 1881—1883 г.г.¹⁾). Авторъ посвѣтилъ Амурскій край въ 50-хъ годахъ, когда послѣдній имѣлъ видъ вовсе еще нетронутой страны; имъ поставлены отчасти и решены вопросы, касающіеся прошлаго инородцевъ, сдѣлана группировка инородцевъ по физическимъ и языковымъ особенностямъ; наконецъ, въ труда Шренка находятся ссылки на сочиненія послѣдующаго времени вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, вполнѣ полагаясь на тщательность и добросовѣтность Шренка, изслѣдователь избавленъ отъ необходимости разматривать то, что уже было разсмотрѣно. Вотъ почему свой „обзоръ литературы“ о тазахъ я начну съ тѣхъ сочиненій, которыхъ не приняты во вниманіе академикомъ Шренкомъ.

Однимъ изъ такихъ является сочиненіе О. О. Уссе.

„Очеркъ условій землевѣдѣнія въ Амурскомъ Краѣ“ (Библіотека для чтенія, августъ-декабрь, 1869 г.). Въ этомъ сочиненіи находимъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о тазахъ, свѣдѣній общаго характера, потому что авторъ по собственному признанію, мало знакомъ съ этимъ племенемъ. Поэтому мало имѣютъ значенія свѣдѣнія, что тазы живутъ вдоль морскаго берега отъ южныхъ гаваней до гавани св. Ольги и далѣе къ сѣверу, что постройки и условія жизни ихъ сходны съ постройками и бытомъ гольдовъ. Гораздо важнѣе тѣ замѣчанія автора, которыми онъ сопровождаетъ обозрѣніе инородцевъ—орочей или ороочонъ, гольдовъ и тазовъ. „Всѣ поименованныя племена,—говорить онъ,—могутъ называть еще первобытными дикарями. Правда, на нихъ отозвалась китайская цивилизациѣ, но только въ нѣкоторыхъ виѣшнихъ проявленіяхъ и не проникла въ ихъ внутренній бытъ. Въ религіозномъ отношеніи они все шаманствующіе, только нѣкоторые гольды, въ южной части Уссури и Даубихэ, приняли отъ китайцевъ ламаизмъ и то, кажется, только по виѣшности: шаманы все еще имѣютъ на нихъ глубокое вліяніе. Сношенія съ русскими до сихъ поръ ограничиваются только мѣною рыбы и пушнины на водку, бумажныя матеріи и хлѣбъ, что составляетъ для инородцевъ рос-

¹⁾ На нѣмецкомъ яз. сочиненіе Шренка—«Die Völker des Amur-Landes»—вышло въ 1881 г.; русскій переводъ его, ничѣмъ не отличающійся отъ нѣмецкаго подлинника, напечатанъ въ 1883 г.

кошь. Сосѣдскія отношенія русскаго населенія съ этими племенами весьма радушки и хороши... Въ экономическомъ отношеніи эти жители Амурскаго края имѣютъ значеніе только, какъ промышленники пушнины. Судя по едва замѣтному вліянію пятнадцатилѣтняго сосѣдства съ русскою цивилизацію, трудно предположить, чтобы они скоро приняли осѣдлый и земледѣльческий образъ жизни, этой первой основы улучшенія быта и цивилизациі. Пропаганда православной вѣры между инородцами идетъ успѣшно, судя по числу обращенныхъ; но до сихъ поръ еще не замѣтно у послѣднихъ смягченія нравовъ и влеченія къ осѣдлости“.

Весьма много бытовыхъ и экономическихъ указаній о тазахъ находится въ двухъ сочиненіяхъ, появившихся въ 1872 году. Одно изъ нихъ принадлежитъ г-жѣ Олимпіадѣ Васильевой и носитъ заглавіе „Гавань св. Ольги“ (Извѣстія Русскаго Географич. Общ., 1872 г., т. VIII, стр. 55—71). Авторъ весьма подробно говоритъ о тазахъ, живущихъ близъ гавани св. Ольги, и объ отношеніи ихъ къ манзамъ или китайцамъ. Изъ его статьи мы узнаемъ, что по близости Ольгинскаго поста тазовъ мало: въ 8-ми верстахъ отъ поста, возлѣ селенія Пермскаго, пять франзъ, зато въ селеніяхъ Тадуши и Пфусуни ихъ много. Главное занятіе тазовъ зимою звѣроловство, а лѣтомъ и осенью—ловля морской капусты; заимствована тазами отъ манзъ: тазъ-звѣроловъ и охотникъ по природѣ своей и условіямъ окружающей природы. Вообще авторъ даетъ въ своей статьѣ рядъ простыхъ наблюденій, не пытаясь проникнуть въ ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, указавъ, что наружный видъ манзъ и ольгинскихъ тазовъ очень сходенъ (разницей служать двѣ косы и серыга въ носу у тазовъ), онъ не поставилъ этого явленія въ связь съ конкубинатомъ манзъ и тазачекъ, о чёмъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ. Объ экономической зависимости тазовъ отъ манзъ говорится глухо. Выраженія:—„торговля сосредоточена преимущественно въ рукахъ манзъ. Тазы въ торговомъ отношеніи вполнѣ имѣ подчиняются“—заключаютъ указаніе на весьма важное экономическое явленіе въ жизни тазовъ, о чёмъ я подробно буду говорить впослѣдствіи. При сообщеніи, что религія у ольгинскихъ тазовъ буддійская съ примѣсью различныхъ вѣрованій, напримѣръ,—взглядъ на тигра, невольно напрашивалось замѣчаніе, что буддизмъ тазовъ—результатъ китайскаго вліянія, а воспоминаніе о религіозномъ значеніи тигра—остатокъ первобытной языческой религіи тазовъ. Только слегка затронутъ авторомъ такой интересный вопросъ, какъ взглянуть тазъ на женскую нравственность. „Нравственность женщины у тазъ цѣнится очень высоко; недавно еще былъ случай, доказывающей, насколько тазы считаютъ вѣрность необходимымъ условиемъ семейной жизни и насколько у нихъ страненъ взглядъ на наказаніе: во время долгаго отсутствія мужа, тазачка принесла ребенка“. братья мужа повѣсили этого ре-

бенка". Цитированныя слова изъ статьи г-жи Васильевой вызываютъ рядъ вопросовъ: во-первыхъ, съ кѣмъ прижигать тазачкою ребенокъ: съ тазомъ или манзою; во-вторыхъ, всегда ли тазы поступаютъ такъ, какъ описано, съ незаконно-прижитыми дѣтьми; въ-третьихъ, при расправѣ съ ребенкомъ, тазы руководились ли своими законами, своимъ исконнымъ правомъ, или же подобное наказаніе представляетъ явленіе чуждое, результатъ манзовскаго вліянія.

Наиболѣе цѣнными слѣдуетъ признать два замѣчанія г-жи Васильевой: одно о томъ, что „сближеніе между манзами и тазами — самое тѣсное“. Причиною этого сближенія служить нужда другъ въ другѣ: манза снабжаетъ тазу различными товарами и жизненными припасами, таза же — хороший охотникъ — и снабжаетъ манзу плодами своей охоты; главною же причиной сближенія является холостая жизнь манзъ, которые женятся на тазачкахъ. Другое замѣчаніе состоить въ указаніи, что около поста Ольгинскаго находится много развалинъ фанзъ, слѣдовательно, здѣсь раньше было тазъ больше.

Въ одинъ годъ съ статьей г-жи Васильевой появилась книга г. Алябьева „Далекая Россія. Уссурійскій край“ (С.-Петербургъ, 1872 г.). На стр. 113—114 авторъ удѣлилъ нѣсколько замѣчаній инородцамъ изображаемаго имъ края. Несмотря на фельетонность изложенія, книга интересна цифровыми данными о количествѣ тазъ. Поэтому опуская его рѣчи о дикости орочей, или тазъ, о грязи ихъ жилищъ, обѣ эксплуатациіи ихъ манзами¹⁾), укажу приводимую имъ таблицу населенія въ Уссурійскомъ краѣ, по которой тазъ значится:

	муж.	жен.
въ Уссурійскомъ округѣ	433	328
въ Аввакумовскомъ	297	162
въ Сучанскомъ	131	45
Всего	861	535

Болѣе цѣнныемъ слѣдуетъ признать сочиненіе г. Степанова „Южно-Уссурійскій край“ (Отд. отискъ изъ мартовской книжки журнала „Древняя и Новая Россія“ за 1880 г.). На стр. 11—12 этого сочиненія находимъ слѣдующія свѣдѣнія о тазахъ: „коренные жители Южно-Уссурійского края принадлежать къ племени тазовъ или орочей (китайское название ихъ, по сочиненію В. И. Васильева, куяра). Происхожденіе,

1) Всѣ свѣдѣнія г. Алябьева по этой части незначительны свѣдѣній, сообщенныхыхъ въ книгѣ г. Иржевальскаго «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, въ 1867—69 гг.», вышедшей въ С.-Петербургѣ, въ 1870 году. На эту книгу часто ссылается г. Алябьевъ.

языкъ и религія этихъ инородцевъ не изслѣдованы; но существуетъ предположеніе, что названное племя суть члены тунгузской семьи¹. Это племя охотничье, питается рыбой и мясомъ, земледѣлія не знаетъ. Отъ охоты, какъ главного занятія, зависитъ бродячій образъ жизни. Живущіе въ горныхъ трущобахъ тазы строятъ конусообразные шалаші изъ жердей, прикрываемыхъ берестою. Одежда приготавливается изъ шкуръ, домашняя утварь изъ бересты, а желѣзное оружіе вымѣнивается у китайцевъ на пушину.

„Тазы, живущіе въ открытыхъ долинахъ, находятся въ полной зависимости и даже въ порабощеніи китайцевъ, переняли отъ нихъ постройку домовъ, одежду и частью даже языкъ. Питаюсь охотою и рыболовствомъ, эта отрасль тазовъ перекочевываетъ два раза въ годъ, лѣтомъ на устья и берега рѣкъ, гдѣ они питаются рыбкою, а зимою возвращаются въ свою фанзу, гдѣ остаются семейства, а мужчины уходятъ зимою въ хребты для охоты за пушнымъ звѣремъ. Вся добыча этого промысла идетъ манзамъ въ уплату за просо, табакъ и одежду, которыми они снабжаютъ семейства тазовъ, во время отсутствія мужей.

„Женщины занимаются домашними работами и вышиваніемъ нарядовъ, какъ для сбѣя, такъ и мужей. Кокетство женщины выражается не только въ вышитомъ узорами кисетѣ и воротѣ курмы, сшитой изъ бязи, но также и въ серебряныхъ браслетахъ, кольцахъ и серыгахъ; послѣднія носятся не только въ ушахъ, но и въ правой ноздрѣ“.

Я позволилъ себѣ длинную выписку изъ статьи г. Степанова на томъ основаніи, что сообщаемая имъ свѣдѣнія, очевидно, почерпнуты изъ непосредственного наблюденія, и потому, при всей своей сжатости, являются драгоценными. Конечно, не все сказанное имъ справедливо послѣ выхода въ свѣтъ классического труда Шренка. Еще болѣе интереснымъ трудомъ является рядъ отдѣльныхъ статей въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1880 г., №№ 177 — 178) г. А. М(аксимова), морского офицера, скончавшагося и похороненнаго во Владивостокѣ въ 1896 г. Среди этихъ статей, носящихъ общее заглавіе „Наши задачи на дальнемъ востокѣ“, находится особый этюдъ объ орочахъ.

Тазы, по мнѣнию автора,—обычное имя орочей въ Уссурійскомъ краѣ—есть китайское простонародное название Дацзы; китайцы называютъ такъ монголовъ, а въ Уссурійскомъ краѣ это название поему-что привилось къ орочамъ¹). Дѣлятся тазы на бродячихъ и осѣдлыхъ (скорѣе кочующихъ?).

¹) Ср. объясненіе Пржевальского: «Слово «таза», какъ объясняли мнѣ манзы, есть мѣстная передѣлка китайского названія «Юпид-узы», что значитъ, въ буквальномъ перевѣдѣ, рыбокожіе инородцы. Этимъ именемъ китайская географія издавна называетъ оби-

Бродячіе характеризуются слишкомъ мрачными красками: „(Они) находятся на самой низкой ступени умственного развитія; даже невозможно опредѣлить, есть ли у нихъ какія-либо вѣрованія. Полунагіе, донельзя грязные, подходящіе по своимъ инстинктамъ ближе къ животному, чѣмъ къ человѣку, они бродятъ со своими семействами съ мѣста на мѣсто, перенося съ собою и свои жалкіе берестяные шалаші. Переходъ этотъ обусловливается достаткомъ въ извѣстномъ мѣстѣ рыбы или звѣра, составляющихъ единственную пищу жалкихъ дикарей. Живя въ душныхъ, смрадныхъ, дымныхъ шалашахъ, они чуждаются всякаго общенія съ подобными себѣ и не имѣютъ никакихъ человѣческихъ стремленій. Всѣ ихъ умственные и душевныя способности сосредоточиваются только на ъѣ и снѣ; орочь, убивъ какого-нибудь звѣра, перекочевываетъ, обыкновенно, къ нему со всѣмъ семействомъ и не выходитъ изъ шалаша до тѣхъ поръ, пока не уничтожитъ всей своей добычи... полу сырое мясо поглощается въ огромной массѣ; ъѣдятъ безъ мѣры до тѣхъ поръ, пока куски не начнутъ останавливаться въ горлѣ”...

До какой степени въ приведенной цитатѣ изъ этюда г. А. М(аксимова) скущены краски и отсутствуетъ строгая объективность, необходимая для этнографа, какъ и для всякаго другого изслѣдователя, читатели увидятъ сами изъ послѣдующаго. Но г. А. Максимовъ въ своемъ увлеченіи рисовать мрачныя картины изъ быта тазовъ доходитъ до искаженія дѣйствительности, или же смотрѣть на дѣло изъ узкаго окошечка. Такъ, у него читаемъ: „Они, какъ и всѣ дикари, имѣютъ необыкновенное пристрастіе только къ крѣпкимъ напиткамъ; за водку они готовы отдать все, что у нихъ есть, даже жену и дѣтей... Изъ этой пагубной страсти дикарь китайцы извлекаютъ для себя громадныя выгоды... Каждый маньцзъ... за... бутылку водки собствен-наго изготовленія... требуетъ соболя, а при случаѣ беретъ и два”... Во-пер-выхъ, я не наблюдалъ и не встрѣчалъ ни у кого изъ изслѣдователей извѣстій, чтобы бродячій таза прошивалъ жену и дѣтей. Если среди нихъ встрѣчаются подобные субъекты-пропойцы, то они являются рѣдкимъ исключеніемъ. Во-вторыхъ, посредствомъ водки эксплуатируютъ орочей не одни маньцзы, а также японцы и русскіе.

Важнѣе разсужденія г. Максимова о значеніи тазъ для края. По его мнѣнію, отъ нихъ для края очень мало надежды въ будущемъ. Ихъ край-

тателей восточной Манчжуріи, употребляющіе для обуви и одежды выдѣланныя шкуры рыбъ».

Ср. Китайско-Русскій словарь арх. Налладія и Чопова (Пекінь, 1888 г.), стр. 148: «Да-цзы такъ въ просторѣчіи называютъ Монголовъ, съ старинного да-да или да-дянъ. Въ Манчжуріи китайцы называютъ этимъ именемъ Маньчжурскія племена, мѣстное произношеніе Кя-ка-ла, изъ чего русскіе составили название тазы; эти тазы, или Кякала, прозываются по приморью отъ Владивостока до р. Іосэ».

ная неразвитость потребуетъ много времени и трудовъ для достиженія благопріятныхъ результатовъ. Если такого мнѣнія о тазахъ нельзя раздѣлять вполнѣ, то несомнѣнно справедливымъ слѣдуетъ признать такое замѣчаніе г. Максимова: „Бродячіе ороchi были до настоящаго времени въ полномъ забвѣніи со стороны мѣстной администраціи; никто ими не интересовался, ни у кого не появилась даже мысль—поставить ихъ въ болѣе лучшее экономическое и общественное положеніе. Я даже увѣренъ, что многіе мѣстные администраторы даже не знаютъ, что подъ ихъ „просвѣщенной“ рукой бродятъ „какіе-то“ дики, стоящіе на самой низкой ступени умственного развитія. Между тѣмъ и эти дики должны заслуживать искренняго вниманія, какъ подданные нашего государства... Необходимо прежде всего употребить всѣ усилия къ тому, чтобы поднять ихъ умственное развитіе; это дѣло нашихъ миссіонеровъ; имъ предстоитъ трудная работа... Примѣръ безукоризненной жизни, энергія, неустрашимость—вотъ главныя основы, обусловливающія собою успѣхъ пропаганды среди дикихъ орочей“... Замѣчу, что въ дѣлѣ просвѣщенія тазъ единичныя усиленія миссіонеровъ, даже самыхъ идеальныхъ, едва ли сдѣлаютъ много: въ данномъ отношеніи наиболѣе плодотворнымъ средствомъ является близость русскихъ поселеній.

Благосклоннѣе относится г. Максимовъ къ осѣдлымъ тазамъ. Указавъ на вѣйшнее сходство ихъ съ манзами, насильное подчиненіе ихъ китайской культурѣ, на экономическую зависимость, онъ думаетъ, что при большемъ культурномъ развитіи осѣдлые ороchi, или тазы, представлять полезное населеніе края.

Слѣдя хронологическому порядку обозрѣнія литературы о тазахъ, я долженъ быть бы говорить о не разъ уже названномъ сочиненіи Шренка; но въ настоящей работѣ часто будетъ оно упоминаться, потому что она по существу своему является лишь детальною разработкою того, что намѣчено покойнымъ академикомъ (См. Введеніе къ труду Шренка). Поэтому переходжу къ сочиненіямъ, появившимся въ свѣтъ послѣ труда Шренка.

Наиболѣе интереса представляютъ сочиненія г. Надарова: 1) „Очеркъ современного состоянія Сѣверно-Уссурійского края (Владивостокъ, 1884 г.), 2) „Материалы къ изученію Уссурійского края“ (Владивостокъ, 1886 г.) и 3) „Сѣверно-Уссурійский край“ (С.-Петербургъ, 1887 г., отискъ изъ XVII т. записокъ И. Р. Г. Общ.). Во второмъ изъ названныхъ сочиненій находятся краткія свѣдѣнія о тазахъ, которыхъ онъ, согласно г. Вислѣневу, рассматриваетъ совмѣстно съ гольдами. Онъ даже заявляетъ на первой страницѣ статьи „Инородческое населеніе Уссурійской страны“, что „отдельного племени или народа тазовъ не существуетъ; название это относится без-

различно какъ къ гольдамъ, такъ и къ ороочонамъ (орочамъ)“. Круглою цифрою гольдовъ и тазовъ для Уссурійской страны онъ считаетъ 1900 человѣкъ. Но если принять во вниманіе, что цифра эта относится къ 1879 году, то едва ли г. Висленевъ смѣшалъ, подъ именемъ тазовъ, гольдовъ и ороочонъ: приведенную цифру слѣдуетъ принять за выраженіе количества тазовъ въ Уссурійскомъ краѣ.

Изъ другихъ замѣчаній г. Надарова необходимо отмѣтить слѣдующее: „Ороочоны Южно-Уссурійского края совсѣмъ не похожи на своихъ собратьевъ въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ. Первые потеряли уже свой языкъ, одежду и, въ общемъ, мало чѣмъ отличаются отъ манзовъ“ (стр. 26). Въполномъ своемъ объемѣ подобное замѣченіе справедливо только по отношенію къ тѣмъ тазамъ, которые родились отъ смѣшанныхъ браковъ манзъ и тазачекъ, и которыхъ г. Висленевъ неудачно назвалъ „потузами“.

Значительно важнѣе остальные два сочиненія г. Надарова, изъ коихъ „Очеркъ“ является прототипомъ и легъ въ основаніе сочиненія „Сѣверно-Уссурійский край“. На стр. 72—99 послѣдняго находимъ подробныя свѣдѣнія о жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, религії, нравахъ и обычаяхъ ороочонъ, или тазовъ, живущихъ въ верховьяхъ правыхъ притоковъ Уссури-Хора, Бикина и Илехна; тазы морского побережья не затронуты.

Какъ плодъ личныхъ наблюденій автора, много путешествовавшаго по краю, и прекрасного знатока инородческаго населенія, книга г. Надарова является первымъ самыми обстоятельными описаніемъ тазовъ и ихъ быта, настолько обстоятельнымъ, что послѣдующіе изслѣдователи не много могли прибавить къ свѣдѣніямъ его. Къ сожалѣнію, не на всѣ вопросы, связанные съ изученіемъ быта и возрѣній извѣстнаго народа, почтенный авторъ обратилъ должное вниманіе: у него напримѣръ, нѣтъ никакого указанія на памятники народнаго творчества тазъ; нѣтъ указанія на степени родства у нихъ; приведенный въ приложеніи (№ II) списокъ 238 словъ уссурійскихъ ороочонъ не отличается ни точностью транскрипціи, ни точностью указаній, въ какой мѣстности слова записаны, отсутствуютъ и антропометрическія измѣренія. Въ небольшой брошюркѣ г. Боголюбскаго „Краткій очеркъ народовъ Амурскаго края“ (С.-Петербургъ, 1890 г.) затрагивается интересный вопросъ о распространеніи тазъ.

„Въ южной части Приморской области,—говорить авторъ,—живутъ тазы, родственные гилякамъ; отъ сношенія съ китайцами они заимствовали религію, земледѣліе и даже ремесла. Эти тазы, по описаніямъ китайцевъ, кочуютъ на Уссури и внутри страны къ берегу Японскаго моря. (Юй-пи-та-сузы, т. е. одѣвающіеся въ рыбьи кожи).

Манзы, поселившіеся издавна въ Уссурійскомъ краѣ, оттѣсили тазовъ къ съверу отъ залива св. Ольги за р. Тютихѣ” (5—6 стр.). Подчеркнутыя слова ясно доказываютъ, что г. Боголюбскій не сомнѣвался въ южномъ происходеніи тазъ.

Весьма много статистического и бытового материала о тазахъ заключаютъ въ себѣ „Труды Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1895 г.“ (Хабаровскъ, 1896 г.). Матеріалъ этотъ добытъ г.г. офицерами 5-ти охотничихъ командъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады, предназначенныхъ для изслѣдованія части территоріи Уссурійского края, ограниченной съ одной стороны частью рр. Уссури и Амура, съ другой—горнымъ хребтомъ Сихота-Алинъ. Я не разъ буду пользоваться сырьимъ матеріаломъ, представляемымъ отчетами объ экспедиціяхъ; но долженъ замѣтить, что учесть тазъ, вездѣ называемыхъ орочонами, не вездѣ точенъ; многія важныя свѣдѣнія не добыты или пропущены вниманіемъ.

Оставляя въ сторонѣ такія изданія, какъ Живописная Россія Вольфа, Амурскій Край изд. Сытина, Географическо-Статистический словарь Амурской и Приморской областей г. А. Кириллова и Торгово-Промышленный календарь г. Романова, заключающія свѣдѣнія справочнаго характера, упомяну нѣкоторыя статьи позднѣйшаго времени.

Не касаясь моей статейки „Угасающее племя“ („Сибирь“, 1897 г., № 35, фельетонъ), остановлюсь на статьѣ „Перепись по бассейну р. Има“ (Дальній Востокъ, 1897 г., №№ 46—47). Хотя статья не подписана, но легко догадаться, по яснымъ намекамъ, что она принадлежитъ лѣсничему Н. А. Пальчевскому. Тутъ находимъ интересныя статистическія свѣдѣнія, добытыя переписью инородцевъ по р. Иману и притоку его Ваку. Эти свѣдѣнія значительно исправляютъ цифры, показанныя г. Альфтаномъ въ статьѣ „Общій очеркъ движенія 5 охотничихъ командъ 2-й В.-Сибир. стрѣлковой бригады, во время экспедиціи по изслѣдованію Уссурійского края лѣтомъ 1894 г. (см. Труды Пріамур. Отд. И. Р. Г. Об., за 1895 г.) По переписи г. Пальчевскаго оказывается орочонъ—въ долинѣ р. Имана—199 муж., 148 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ, солоновъ, корейцевъ и маньчжуръ; въ долинѣ р. Ваку—49 муж., 34 жен., кромѣ китайцевъ, гольдовъ и корейцевъ.

Помимо статистического матеріала, обращаютъ въ статьѣ вниманіе нѣкоторыя замѣчанія автора, напримѣръ, онъ аборигенамъ тайги Сихота-Алина приписываетъ такія названія: орочей (Императорская гавань), тазъ (на югъ отъ Императ. гав. до Сучана) и орочоновъ - удэ (вѣроятно, по

Иману и Ваку?). Если исключить изъ этихъ названій ничего не выражающее въ этнографическомъ смыслѣ слово таза, то получимъ два названія, дѣйствительно существующія, хотя авторъ не разобрался, кого какимъ именемъ называютъ.

Особенно подробно трактуется въ статьѣ вопросъ объ освобожденіи орочонъ изъ-подъ манзовскаго ига и экономической кабалы. Рѣдко среди трактующихъ о мѣстныхъ нуждахъ встрѣтишь лицъ, которыхъ горячо ратовали бы за русскіе интересы и за интересы обездоленныхъ и угасающихъ инородцевъ, какъ это дѣлаетъ г. Шальчевскій. Въ своемъ мѣстѣ я возвращусь къ этому вопросу и къ статьѣ г. Шальчевскаго, а пока заключу замѣчанія на его статью однимъ указаниемъ. „Данныя произведенной мною переписи,—читаемъ у него,—и разспросныя свѣдѣнія говорятъ за то, что главная масса орочей обитаетъ въ районѣ Императорской гавани и р. Хора, сходя на югъ на Амуръ и оттѣснена манзами на югъ“. Замѣчаніе слишкомъ поспѣшное и противорѣчитъ истинѣ, потому что орононы живутъ по другимъ притокамъ Уссури, и по берегу Японскаго моря, да и неясно, кого разумѣеть г. Шальчевскій подъ именемъ орочей.

Наконецъ въ самое послѣднее время (съ 3-го №, 1898 г.) г. Чановъ началъ въ своемъ „Дальнемъ Востокѣ“ не оконченную доселѣ статью „Материалы къ древней исторіи Приамурскаго Края“. Чопросту сказать, г. Чановъ печатаетъ въ отрывкахъ неизданный черновой дневникъ покойнаго начальника русской духовной миссіи въ Цекинѣ, извѣстнаго русскаго синолога архимандрита Налладія. Копія стъ этого дневника, хранящаяся въ архивѣ Общества Изученія Амурскаго края, побывала въ рукахъ г. Чанова, который весьма плохо выписалъ изъ нея цитаты. Такъ, трудно добраться до смысла въ слѣдующей цитатѣ изъ дневника: „Кякала то же, куяла, родственно другому роду Цзюли-кэ... Они захвачены маньчжурами при отцѣ его пра прадѣда“. Спрашиваю, при отцѣ чѣго пра прадѣда захвачены тазы (кякала) маньчжурами? Дѣло же объясняется тѣмъ, что у Налладія въ цитированномъ мѣстѣ говорится о посѣщенія тазы къ южной части. При отцѣ пра прадѣда этого тазы и произошло покореніе маньчжурами тазъ. Въ виду сказаннаго не могу довѣрять статьѣ г. Чанова и обращаюсь къ самому дневнику, въ случаѣ необходимости.

Подводя итоги сдѣланному обзору литературы о тазахъ, долженъ замѣтить, что она не бѣдна количественно, да и качественно представляетъ многое цѣннаго. Во всякомъ случаѣ, обозрѣніе ся позволяетъ мнѣ видѣть ясно, что сдѣлано моими предшественниками и что слѣдуетъ сдѣлать. Такъ наиболѣе обслѣдованъ и описанъ бытъ тазъ, живущихъ по правымъ прито-

камъ р. Уссури; мало изслѣдованными являются приморскіе тазы. Вопросъ о происхожденіи тазъ посль Шренка никѣмъ не поднимался, хотя на такое или иное решеніе его дѣлаются робкіе намеки въ статьяхъ нѣкоторыхъ авторовъ. Существуетъ большая путаница въ названіяхъ, даваемыхъ этому народу, и только разъ указывается (у г. Пальчевскаго) самоназвание иманскихъ тазъ. Границы территоріи, занятой тазами, совсѣмъ перемѣшаны и рѣдко точно опредѣляются. Весьма сбивчиво излагаются религіозныя воззрѣнія.

Пользуясь трудами своихъ предшественниковъ, а равно и собранными лично въ двѣ экспедиціи материалами, я дѣлаю попытку поставить и посильнѣе разрешить всѣ вопросы, возникающіе при начертаніи дѣльной и полной картины прошлой и современной жизни тазъ, которые давно уже причислены къ уга-сающему племени.

ГЛАВА II.

Происхождение и название народа.

У бикинскихъ тазовъ существуетъ пока единственно извѣстное въ печати преданіе объ ихъ собственномъ происхожденіи. Въ виду рѣдкости произведеній творчества среди нынѣшнихъ тазовъ и въ виду особенной важности этого преданія, при решеніи вопроса о происхожденіи названного народа, привожу его подробно.

„На Сучанѣ, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, — гласитъ преданіе, — царствовалъ сильный царь Кuanъюнъ, китайской династіи. Кругомъ его царства жили сильные цари, зависимые отъ него и платившіе ему дань. Почти черезъ каждыя сто верстъ было особое царство (Бай-ли-увантъ), и только немногія изъ царствъ были самостоятельны. Время тогда было хорошее; урожаи большиe; погода всегда стояла ясная, теплая; болѣзней не было.

У Царя Куюньюна былъ племянникъ, который жилъ въ крѣпости, въ мѣстности Санда-гу, по р. Улахэ (выше р. Ноту). Семья племянника состояла изъ жены Хунлоню и сестры ея Мюлоню, — обѣ писанныя красавицы; всѣ удивлялись ихъ красотѣ.

Тамъ, гдѣ великая китайская стѣна подходитъ къ морю, на каменной скалѣ стоять храмъ въ честь святой женщины—китаянки Мындзя-ню, сохранившей до конца своей жизни супружескую вѣрность. Однажды жена племянника Хунлоню собралась поѣхать въ Храмъ Мындзя-ню поклониться

святой женщины, но передъ отъездомъ, черезъ ворожею, она узнала, что на обратномъ пути ей и ея мужу грозить большая опасность отъ дяди Куанъюна, который былъ большой развратникъ и любитель красивыхъ женщинъ.

Передъ отправленіемъ въ дорогу, племянникъ заявилъ женѣ, что на обратномъ пути имъ предстоитъ ѿхать мимо дяди и необходимо завернуть къ нему погостить. Хунлоню начала отговаривать мужа не заѣждать къ дядѣ, но онъ не сталъ ее слушать и согласился исполнить лишь три условія, которыхъ она ему, наконецъ, поставила: 1) по пріѣздѣ къ дядѣ, коней не разсѣдливать, 2) водки не пить и 3) если ихъ ночь застигнетъ у дяди, ложиться не раздѣваясь. Мужъ обѣщался ей выполнить эти условія. Тогда Хунлоню, вынувъ серьги, одѣвшись по-мужски и заплетя волосы въ одну косу, отправилась въ дорогу съ мужемъ и небольшимъ отрядомъ.

„Солнце уже склонялось къ западу, когда они на обратномъ пути подъѣхали къ дядиному дому. Куанъюну дали знать о пріѣздѣ племянника, и онъ, выйдя ему навстрѣчу, сталъ очень уговаривать его зайти въ домъ и отдохнуть. Племянникъ согласился, вошелъ къ нему; но, помня завѣтъ жены, не велѣлъ разсѣдливать коней.

Куанъюнъ усадилъ племянника на почетное мѣсто, сталъ его угождать и разспрашивать про путешествіе. Племянникъ, порядочно уставшій за дорогу, выпилъ поднесенную ему чарку и захмелѣлъ, а тутъ ужъ и забылъ совсѣмъ, что обѣщался своей женѣ не пить водки. И дядя и племянникъ сильно выпили, когда наступила ночь. Во время пиры Куанъюнъ обратилъ вниманіе на красиваго прислужника у племянника и спросилъ: „какъ тебѣ приходится этотъ человѣкъ?“ Племянникъ, забывъ, что обѣщалъ женѣ не выдавать ее, спьяна сказалъ было: „Моя—жена;“ но опомнился и сейчасъ же поправился: „это моей жены братъ“. Но было уже поздно: Куанъюнъ догадался, что это жена племянника и намѣревался теперь завладѣть ею. Онъ началъ спаивать племянника, а самъ ничего не пилъ. Наконецъ, до того напоилъ племянника, что онъ тутъ же заснулъ. Видя что племянникъ, мертвѣцки пьяный, уже спить, Куанъюнъ схватилъ жену его и стала ее цѣловать.

„Возмущенная Хунлоню выхватила саблю и отрубила дядѣ голову, а затѣмъ въ досадѣ на мужа, что онъ забылъ свое обѣщаніе, и ему отсѣкла голову. Кликнувъ свою стражу, она сѣла на коня и поскакала домой къ своей сестрѣ Лю-ло-ню. Но вскорѣ войска Куанъюна бросились въ погоню за ними и настигли ихъ, такъ какъ кони у нихъ были уже измучены за дорогу. Видя свою неминуемую гибель, Хунлоню оторвала кусокъ отъ своей одежды и, укусивъ палецъ, кровью написала своей сестрѣ о всемъ случившемся. Затѣмъ

привязала письмо къ гравѣ, пустила свою чудную бѣлую лошадь домой, а сама себя заколола кинжаломъ. Отрядъ ея былъ весь перебитъ Куанъюновою стражею.

„Получивъ извѣстіе о гибели сестры и ея отряда, Лю-ло-ню собрала войска и направилась въ царство Куанъюна отомстить за нихъ. Это происходило въ самые жаркіе дни, лѣтомъ. Дойдя до рѣки Даубихэ, Лю-ло-ню послала одного вельможу посмотретьъ, стала ли рѣка. Тотъ пошелъ и принесъ отвѣтъ, что рѣка не стала. Ему отрубили голову и послали другого, но и этотъ принесъ тотъ же отвѣтъ; тогда и его постигла та же участь. Такъ казнили человѣкъ десять. Наконецъ, одинъ изъ посланныхъ думаетъ себѣ: “все равно отрубятъ голову, скажу, что рѣка стала. „Такъ и сказалъ. Дѣйствительно, когда подошли къ берегу, ледъ покрылъ всю рѣку. Отрядъ перешелъ по льду черезъ Даубихэ и, дойдя до города, гдѣ жилъ Куанъюнъ, разбили на голову непріятельское войско. Оставшихся въ живыхъ, а также и всѣхъ жителей Лю-ло-ню приказала казнить, даже дѣтей не пощадила. Только одна дѣвочка спаслась. Хотя за нею и погнались, но она все увертывалась. Всячески старались ее подманить, но она не подходила близко. Тогда Лю-ло-ню спросила ее: „Какъ же ты одна будешь жить, вѣдь умрешь съ голоду или замерзнешь?“ На это дѣвочка отвѣчала: „Какъ буду жить, чѣмъ буду питаться —не ваше дѣло; проживу какъ-нибудь и безъ васъ; деревья закроютъ меня, а земля и вода дадутъ мнѣ пищу.“

„Когда всѣ уѣхали, оставивъ дѣвочку одну, она поймала въ лѣсу медвѣженка и стала съ нимъ жить, питаясь рыбой, медомъ и кореньями“. Отъ нихъ и произошло потомство, называемое тазами (=орочонами) [См. Труды Приамур. Отд. за 1895, ст. г. Альфана „Инородческое населеніе по притокамъ Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку“, 38—39 стр.].

Если отбросить въ приведенномъ преданіи обычные аксессуары, коими фантазія народная украшаетъ старину стародавнюю, то легко видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ историческимъ фактотъ.

Въ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣткахъ“ архимандрита Палладія подъ 19 іюля (1870 г.) читаемъ слѣдующую, къ сожалѣнію, не вполнѣ ясную запись: „Сучэнъ—городище, бывшее резиденціей гиньскаго Вупзу. Сынъ Вупзу Куанъ-юнъ, имѣвшій двухъ женъ Хунъло и Луло, которые спасли его, когда онъ поѣхалъ высмотретьъ, не хочетъ ли возмутиться его дядя. Сучэнъ не позволяетъ у себя ночевать... Иные говорятъ, что тамъ возсѣдалъ танскій государь, ужъ не сунскіе ли государи сидѣли тамъ? Таны уничтожили дацзы. Шуанъ-чэнъ (Никольское) есть мѣсто-

пребываніе племянника или потомка Ли кэюна..., который жилъ здѣсь въ изгнаніи 40 лѣтъ”...

Сходство именъ преданія и мѣсть съ таковыми же записи у архим. Палладія даетъ основаніе видѣть въ первомъ не одну игру народной фантазіи. Еще большую историческую цѣну даютъ ему нѣкоторыя детали, сближающія его съ бытующими среди тазовъ и понынѣ возврѣніями. Такъ, и понынѣ тазы обожаютъ медвѣдя, и понынѣ среди нихъ живутъ преданія, что въ старину дѣвушки,—правда, во снѣ,—имѣли половыя сношенія съ медвѣдемъ и рожали отъ него дѣтей.

Слѣдя по этому преданію, необходимо признать, что первоначальною родиною тазъ былъ югъ, Сучанъ — мѣсто первоначальнаго поселенія ихъ, откуда они, подъ вліяніемъ ли напора со стороны другихъ народовъ, подъ вліяніемъ ли перемѣнъ, производимыхъ человѣкомъ въ первобытной природѣ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, двигались далѣе на сѣверъ.

Для архим. Палладія, очевидно, южное происхожденіе тазъ было вполнѣ сомнѣнія, какъ это видно изъ словъ, взятыхъ мною эпиграфомъ къ настоящему сочиненію. За южное происхожденіе тазъ высказался и другой авторитетъ по изученію инородцевъ Приамурскаго края академикъ Шренкъ. По его мнѣнію, распространеніе тазъ шло съ юга, съ границъ Кореи и верховьяхъ Уссури и исподволь подвигалось вдоль берегового хребта и морского берега.

Г. Штернбергъ въ своемъ сообщеніи „Объ орочахъ Императорской гавани“, доложенному въ музей Общества Изученія Амурскаго края 1-го ноября 1896 г., пытался опровергнуть установленное Шренкомъ мнѣніе о южномъ происхожденіи орочей. Онъ пытался доказать¹⁾, что ороchi явились съ сѣвера, съ низовьевъ Амура, а не съ юга, и въ старину были оленеводами. Для аргументаціи въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, онъ обращается сперва къ разсмотрѣнію географическаго распределенія поселеній орочей. Селенія эти расположены болѣею частью въ устьяхъ рѣкъ, но фактически они занимаютъ всю страну до хребта Сихота-Алгена, такъ какъ охота и рыбная ловля вызываютъ среди нихъ постоянныя перекочевки по всей системѣ рѣкъ, ими обитаемыхъ, а по р. Тумни встрѣчается цѣлый рядъ постоянныхъ орочскихъ селеній, въ среднемъ и верхнемъ ея теченіи. Даже при бѣгломъ взгляде

¹⁾ При изложеніи мнѣнія г. Штернберга и доказательствъ, пользуясь отчетомъ газеты «Владивостокъ», къ которой авторъ доклада стоялъ близко (№№ 47, 48, 50 и 51 за 1896 г.).

на территорію орочей нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что рѣки, протекающія по этой территории, сближаются своими верховьями съ системой Амура и Уссури, и что хребетъ Сихота-Алинъ, кажется, служить скорѣе соединяющимъ звеномъ, нежели преградою между отдельными частами ихъ поселеній. Уже по одному этому можно предположить, что система Амура и Уссури были, если не родиной, то переходнымъ пунктомъ для нынѣшнихъ обитателей татарского побережья. Это живое сообщеніе между обитателями западнаго и восточнаго склоновъ Сихота-Алина наблюдается и въ наше время, и случаи переселенія съ одного склона на другой составляютъ обычное явленіе. „Наблюдала переселенія орочей въ настоящее время,— говоритъ г. Штернбергъ,— по аналогіи мы можемъ заключить, что именно съ низовьевъ Амура и притоковъ Уссури постепенно спускались тѣ одинокія семьи, которые впослѣдствіи составили племя орочей“.

Вторымъ доказательствомъ сѣвернаго происхожденія орочей служать сохранившіяся среди нихъ (с. Дата нар. Тумни) преданія о томъ, что они когда-то были оленеводами. Наконецъ, о переселеніи орочей съ сѣвера свидѣтельствуетъ устройство юртъ и дѣтской колыбели.

Какъ легко замѣтить читатель, ни одинъ аргументъ г. Штернберга не отличается необходимую убѣдительностью, и его смѣлая гипотеза о происхожденіи орочей падаетъ сама собою.

Во-первыхъ, логика учить, что аналогія не есть научное и прочное основаніе, тѣмъ болѣе аналогія отъ настоящаго къ далекому прошлому. Во-вторыхъ, мало пользы приносить решенію вопроса о происхожденіи народа данныхъ, взятыхъ изъ современного быта орочей; при несохраненіи орочами племенной чистоты, чтѣ можетъ доказать устройство дѣтской колыбели, особенно, если принять во вниманіе, что у нихъ имѣются колыбели двухъ типовъ?

Въ-третьихъ, вопросъ о происхожденіи орочей можно решить только на исторической почвѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, которыми совершенно пренебрегъ г. Штернбергъ. Эти-же данные говорятъ противъ мнѣнія послѣдняго.

Такъ, въ японскомъ сочиненіи „San kokt tsou ran to sets“, переведенномъ Клапротомъ, говорится, что въ XVI-столѣтіи японскія войска, преслѣдуя корейскихъ принцевъ, проникли чрезъ всю провинцію Хамъ-къонъ, за Киль-чу, до Тюменьулы и здѣсь вступили въ страну Оронкай (китайское чтеніе У-лянъ-хай). Точно также іезуитскіе миссіонеры, посѣтивъ въ 1709 г. устье Суйфуна и мѣстность нынѣшняго Никольскаго, называютъ мѣстныя племена тазами. „Все это,—справедливо замѣчаетъ г. Пановъ, у которого мы заимствовали приводимыя свѣдѣнія, и название „Оронкай“, и „тазы“,

и сравнительная густота ихъ на югѣ (здесь японцы, по ихъ исторіи, взяли оронкайскую столицу и сожгли 9 другихъ городовъ) — вполнѣ согласуется съ указаніемъ Шренка, что ороchi (оронкайцы) распространялись именно съ юга (См. Дальний Востокъ 1896 г., № 114).

Мои личныя наблюденія и разспросы во время экспедиціи на Сучанъ и во время переписи инородцевъ по побережью Татарского пролива приводили къ тому, что и нынѣ происходит отчасти движение тазовъ съ юга, съ долины р. Та-Судухэ, на сѣверъ, въ долины рр. Та-ухэ, Пху-сунъ, Вай-фудинъ, Тазуши и др.

Въ виду сказанного, признаю доселѣ остающимся въ силѣ мнѣніе арх. Палладія и академика Шренка о южномъ происхожденіи тазовъ.

Больше затрудненій для своего решенія представляетъ вопросъ о на-
званіи народа, служащаго предметомъ настоящей монографіи.

Арх. Палладій по этому поводу высказалъ нѣсколько предположеній, называя тазовъ Кіакала или Кякала и отождествляя ихъ съ Куяла, самымъ краинимъ на югѣ маньчжурскимъ родомъ, обитавшимъ по лѣвому берегу реки Тюмень-Ула.

Ак. Шренкъ, удѣлившій этому трудному вопросу нѣсколько страницъ въ названіи классическомъ труда (139—144 стр.), приводить слѣдующія названія: Та-цзѣ, Та-чже и Та-че (русское Тазы), названія китайскія, равно какъ Кіакала и Г'окела; гольды называютъ тазъ — „Кэкаръ“ и „Ламука“. Затѣмъ слѣдуютъ различныя искаженія имени „Кіакала“, даннаго тазамъ въ китайской государственной географіи династіи Цинъ: „Къя-
кара“, „Къэхкаль“, „Кэкаль“.

Наконецъ, есть еще название „Ороchi“, данное Лаперузомъ и вошедшее во всеобщее употребленіе, и „Ороочоны“, не менѣе часто встрѣчающееся въ русскихъ сочиненіяхъ о тазахъ. Академикъ Шренкъ совершенно отвергаетъ название „Ороchi“. „Лучше всего было бы, — говорить онъ, — вовсе бросить название „Ороchi“ и замѣнить его какимъ-нибудь другимъ, хотя-бы названиемъ „Кэкаръ“, или тѣмъ, которое они даютъ себѣ сами, если только существуетъ такое название, общее у всѣхъ орочей и тазовъ отъ залива Де-Кастри до Суйфуна. До сихъ поръ, однако, еще совершенно неизвѣстно, какъ называютъ ороchi асми себя“.

Еще менѣе, чѣмъ название „Ороchi“, идетъ название „тазы“, „тацзы“ и т. п., коимъ китайцы, вслѣдствіе плохого знакомства съ этнографіей окраинъ Амура, коллективно обозначали тунгускія племена или, по выраженію Риттера, „смѣсь народовъ“ на сѣверо-востокѣ Азіи.

Не решивъ, такимъ образомъ, окончательно вопроса о названіи тазъ и оставшись при общеупотребительномъ „орочи“, акад. Шренкъ въ тоже время далъ толчекъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ разобраться въ этомъ вопросѣ. Многихъ изъ послѣдующихъ этнографовъ, изучавшихъ инородцевъ Приамурскаго края, интересовалъ вопросъ: „какъ называютъ сами себя орочи?“

Послѣдняя попытка решить этотъ вопросъ принадлежитъ г. Штернбергу, который пришелъ къ слѣдующему заключенію: народъ, известный въ этнографіи подъ именемъ орочей, самъ себя зоветъ „нана“ == „нани“. Подъ вліяніемъ прозвищъ, данныхъ сосѣдями, это племя называетъ себя часто, особенно передъ другими, „ороча“, на крайнемъ югѣ — кѣха, кѣра, хыды, тазы и пр. (См. „Владивостокъ“, 1896 г., № 47-й).

Но слово „нани“, служащее, по мнѣнію г. Штернберга, самоназваніемъ орочей, оказалось слишкомъ широкимъ, охватывающимъ и гольдовъ, и мангунъ, и ороковъ; поэтому его нельзя предпочтеть названію „орочей“, имѣющему болѣе тѣсный и опредѣленный смыслъ.

Какъ мнѣ кажется, ближе всѣхъ къ рѣшенію вопроса стоять удивительно прозорливый архимандrite Палладій. Въ разныхъ мѣстахъ неизданныхъ „Дорожныхъ замѣтокъ“ у него встрѣчаемъ интересныя по этому поводу замѣчанія. Такъ, подъ 21 іюня 1871 г. читаемъ: „Арочи (т. е. орочи) несомнѣнно мангуны; по преданію, нѣкогда у нихъ были олени¹⁾), но всѣ померли отъ заразы; они боятся кѣкаровъ (т. е. тазъ). Медвѣдь у нихъ Мафа²⁾), тигръ амба, у тазовъ — тасха“. Такимъ образомъ, здѣсь архм. Палладій ясно различаетъ орочей и тазъ, считая ихъ особыми народами. Подъ 16 мая 1870 г., будучи въ заливѣ св. Ольга, архим. Палладій заноситъ въ дневникъ слѣдующее: „По мнѣнію Борисова (кажется хозяиномъ капустоловъ, скучавшій у тазъ соболей), далѣе дацъ живутъ орочоне, дацы же одного племени съ гольдами“. Тутъ ужъ ясно противоположеніе тазъ орочамъ или орочонамъ.

Свѣдѣніями арх. Палладія слѣдуетъ дорожить, потому что они собраны человѣкомъ, вполнѣ подготовленнымъ къ изученію народовъ Приамурья. Если бы послѣдующіе этнографы были столь же внимательны къ изучаемымъ народамъ, какъ арх. Палладій, то акад. Шренкъ давно бы рѣшилъ столь запутанный теперь вопросъ о самоназваніи тазъ.

Лѣтомъ 1897 г. мнѣ надо было переписать инородцевъ по побережью Татарскаго пролива отъ р. Конки на сѣверѣ до бухты Терней на югѣ, или до р. Санденбя. На р. Конки мною былъ взятъ переводчикомъ Сергѣй

¹⁾ Г. Штернбергъ въ упомянутомъ сообщеніи тоже самое доказывалъ объ орочахъ Императорской гавани и зал. Де-Кастри.

²⁾ Такъ и теперь называютъ медвѣдя орочи Императорской гавани.

Тугину, ороочонъ, какъ онъ самъ себя называлъ¹⁾), хорошо знавшій языкъ жителей р. Кооппи и другихъ, живущихъ съвернѣе до устья Амура, и довольно свободно объяснявшійся по-русски. Оказалъ мнѣ большую услугу на р. Кооппи и ся притокахъ, этотъ переводчикъ оказался менѣе пригоденъ на р. Ботчи и другихъ на югъ, до того непригодны стали его услуги, какъ переводчика, что я принужденъ былъ взять еще одного переводчика, знавшаго тазовскій языкъ и китайскій, такъ что я говорилъ Тугину по-русски, онъ мою рѣчь переводилъ тазу по-китайски, тотъ эту рѣчь переводилъ по-тазовски жителямъ и передавалъ по-манзовски Тугину, который мнѣ говорилъ уже по-русски. Когда я на р. Ботчи обратился за разъясненіемъ, почему Тугину плохо передаетъ мнѣ рѣчь жителей, то переводчикъ и одинъ тазъ, знавшій немного по-русски, объяснили мнѣ, что отъ р. Кооппи до Императорской гавани и съвернѣе живутъ „ороочоны“, которые носятъ одну косу; а съ р. Ботчи на югъ, на р. Самарга и другихъ, живутъ „уди hэ“, которыхъ китайцы называютъ „тазы“, они носятъ двѣ косы.

Дѣйствительно, всюду по берегу Татарского пролива и Японского моря встрѣчавшіеся мнѣ аборигены страны говорили однимъ языкомъ, называли себя однимъ именемъ „уди hэ“, варьируя его въ произношеніи—удеэ, удэ. Такимъ образомъ, самоназваніемъ приморскихъ инородцевъ, начиная съ р. Ботчи на югъ до р. Та-Судухэ, слѣдуетъ признать название уди hэ (я обозначаю латин. буквою звукъ, для начертанія котораго нѣтъ въ русскомъ алфавитѣ буквы). Удивительно, что тоже самое находимъ и въ дневникѣ арх. Палладія. Подъ 19 іюня 1871 г. читаемъ: „Арк. Григ. Петровъ сдѣлалъ перебѣздъ отъ Семеновской гавани къ верховьямъ Хунгари и по Хунгари (гдѣ гиляки); отъ рѣки же Ыкки (=Ботчи), на югъ начинается племя кѣкаръ... Указавъ рѣку Ыкки начальнымъ пунктомъ поселенія „кѣкаръ“ (=тазы) на съверѣ, арх. Палладій точнѣе опредѣлилъ ихъ мѣстожительство, назвавъ и другія рѣки. Такъ, подъ 16 мая 1871 г., говоря о тазахъ (дацзахъ) залива св. Ольга, онъ пишетъ: „Эти дацзы обитаютъ далѣе по рѣкамъ Дацзышу¹⁾, Чжучжихэ²⁾, Яочжихэ³⁾, Шенъ-Кебѣ⁴⁾, Кѣма и въ двухнедѣльномъ пути отъ села рѣки Кунъху⁵⁾. Языкъ обитающихъ на послѣдней ему (т. е. тазѣ Кюйсюили) непонятенъ“.

¹⁾ Замѣчу здѣсь, что на р. Кооппи всѣ называли себя «ороочонами», плохо соглашаясь съ названіемъ «орочи». Слышалъ я и другое название, въ смыслѣ собирательного: мой переводчикъ Тугину говорилъ часто: «на такой-то рѣкѣ много—много шляка живи», а тамъ жили ороочоны или тазы. Другихъ названій мнѣ не говорили, не знали.

²⁾ т. е. Тазуши (Лефуле); ³⁾ Тютиха; ⁴⁾ Яудиху; ⁵⁾ Саихабэ или Санденбэя, впадающая въ бухту Терней; ⁵⁾ Кѣма и Кумгу не могу съ точностью переложить на современную географическую номенклатуру, но я не разъ слышалъ названія этихъ рѣкъ и переписалъ живущихъ по нимъ удинѣ. На существующихъ картахъ даны иные названія рѣкамъ, чѣмъ даютъ имъ аборигены.

Зная границу поселений тазъ по морскому берегу, мы узнаемъ изъ того же источника и границу сухопутную, на западъ отъ побережья. Въ отрывкѣ, взятомъ въ эпиграфъ къ настоящему изслѣдованію, ясно сказано, что тазы, или кякала, жили поверховьамъ рѣкъ, впадающихъ въ Уссури. Дѣйствительно, г. Пальчевскій, переписывая инородцевъ по пр. Иману и Ваку, узналъ, что орочоны, живущіе „по вершинамъ правыхъ притоковъ р. Уссури“, называютъ себя „удэ“. Такимъ образомъ новѣйшія тщательныя изслѣдованія оставили вѣсомѣнія вопросъ о самоназваніи тазовъ. Это особый народъ, называющій себя удинѣ или уде, занимающій и понынѣ тѣ мѣста, которыхъ указаны для него архим. Палладіемъ, объѣхавшимъ часть территории тазъ и весьма интересовавшимся изученіемъ этого народа. Само собою разумѣется, что удинѣ, разселившись по многимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Японское море и раздѣленнымъ продольными складками Сихота-Алина, могли образовать нѣкоторое разнообразіе говоровъ. Этимъ, думаю, можно объяснить замѣчаніе арх. Палладія, что тазу Кюйсюли непонятенъ языкъ удинѣ, обитающихъ по р. Кумгу. И въ настоящее время языки жителей правыхъ притоковъ р. Уссури, Ботчи, Самарга, Та-Судухѣ и др. представляютъ нѣкоторое разнообразіе, но послѣднее сводится скорѣе къ произношенію, чѣмъ къ словообразованію. Для примѣра укажу нѣсколько словъ: солнце-съ Уссури и Иа-Судухѣ), юу или шю (Ботчи, Самарга, Нахту и др. р.), шунъ (зал. св. Ольга изъ дневника арх. Палладія); гора-уа (Уссури), юа (Ботчи, Самарга и др. р.), гоу (св. Ольга у Палладія).

Выше мною было сказано, что мой переводчикъ, хорошо говорившій по-орочонски на р. Кошки, въ Императорской гавани и т. д., плохо понималъ жителей пр. Ботчи, Самарга и др. рѣкъ, впадающихъ въ Японское море южнѣе. Шлохое пониманіе ясно указываетъ, что хотя тазы, или удинѣ, являются инымъ народомъ, чѣмъ орочоны Императорской гавани, зал. Де-Кастри, р. Тумнинъ, однако, какъ одноплеменные, имѣютъ нѣчто общее. Для убѣдительности привожу здѣсь параллельно нѣсколько числительныхъ имёнъ и другихъ словъ, записанныхъ мною у жителей пр. Кошки, Ботчи, Самарга и Нахту (или Нахтуху).

Русский.	р. Копли и Майдата.	р. Ботчи.	р. Самарга.	р. Нахты.
Одинъ	омӯ	омоцò	омӯ и омозò	омӯ
Два	дю	дю	дзиӯ или дзюръ	джӯ
Три	элା	элା	элା	элା
Четыре	дым или дымъ	дий(и долгое)	ды (и долгое)	ды
Пять	туигା	туигା	туигା ¹⁾	туигା ²⁾
Шесть	илюмӯ	илюмӯ	илюмӯ	илюмӯ
Семь	падା	натା	падା	падା
Восемь	джахିଯୁ или джантୁ	джактୁ	джакпି или джагпି	джакпି
Девять	хүю	јିଇ	јିଇ	јେଇ
Десять	дая	дчା или дଜା	дଜା или ଦା	ଦଜା
Однинадцать	джёму	ଦ୍ଵାମୁ	ଦ୍ଵା-ମୁ	ଦ୍ଵା-ମୁ
Двнинадцать	дяньдю	ଦ୍ଵାଦ୍ଶୁ	ଦ୍ଵା-ଦ୍ଵା	ଦ୍ଵା-ଦ୍ଵା
Двадцать	ой	ୟାଇ	ୟାଇ	ୟାଇ
Двадцать одинъ	ой-омӯ	ୟାମୁ	ୟାଇ-ମୁ	ୟାମୁ
Тридцать два	гут୍ତы-дю	ଲାଦଜାଦୁ	ଲାଦା-ଦୁ	ଲାଦା ଦୁ
Сорокъ	дымъдା	ଦିଜା	ଦିଜା ପାଇ	ଦିଜା
Сто	омӯ-таңгୁ	ମୁ-ତାଙ୍ଗୁ	ମୁ-ତାଙ୍ଗୁ	ଦାର୍ଦା (=ମୁ) ତାଙ୍ଗୁ
Двѣсти	дю-таңгୁ	ଦୁ-ତାଙ୍ଗୁ	ଦୁ-ତାଙ୍ଗୁ	ଦକୁ-ତାଙ୍ଗୁ
Тысяча	ому-менъга	ମିନ୍ଦାରୀ	ମିନ୍ଦାରୀ	ମିନ୍ଦାରୀ
Отецъ	аманା	ଅବୁଗୁ	ଅବୁହା	ଅବୁହା
Мать	апимий	ଅନିହା	ଅନିହା	ଅନିହା
Сестра	хонадି	ଓକା	ପାର୍ଷିଵା—ଲୋକୋ	ପାର୍ଷିଵା
Братъ	ахлимий	ପାର୍ଷିଵା—ଲୋକୁନ୍ଧା	ପାର୍ଷିଵା—ଲୋକୁନ୍ଧା	ପାର୍ଷିଵା
Сынъ	битанэ	ହିତା	ହିତେଇ ପାଇ	ହିତେଇ
Дочь	hamэнитанэ	ଚିତେ	ଅଜିଗା	ହିତେଇ
Мужъ	адриэ	ମାନାଇ	ଅଦେଇ	ମାଫା
Жена	hamпэ	ମାମାଚାଇ	ମାମାଝେଇ	ଅହାନାଇ
Олень	эдахкэ	ପିରାଖକେ	ଯୁ	ଯେତ୍ତି ଶବ୍ଦ (ନେ ଜ୍ଞାନିତ୍ୟ ଲୋନ୍ଧା)
Собака	энахкэ	ନିଈ ପାଇ	ନିଈ	ନିଈ
Хорошій	айା	ଆଇବୁ	ଆଇବୁ	ଆଇବୁ
Худоі	унହା	ଗାହାନ୍ତି	ଗାହାନ୍ତି	ଗାହାନ୍ତି
Короткій	умъ	ମୋଜା	ମୋଜା ପାଇ	ମୋଜା
Старый	лоонтъ	ମାଫାସା	ମାଫାସା	ମାଫାସା
Слушаю	догдэвэ	—	ଦୋଗଦେଇ	ଦୋଗଦେ
Говорю	бидыганивэ	ବିନାମି	ବିନାମି	ବିନାମି

¹⁾ Недостающія буквы беру изъ латинскаго алфавита.²⁾ Знакъ , поставленный надъ *nh* или *ng*, означаетъ, что звуки *h* и *g* слѣдуетъ произносить съ носовымъ призвукомъ.

Нѣкоторыя имена числительныя, а другія части рѣчи въ особенности, кажется, ясно свидѣтельствуютъ, что, при сходствѣ, жители рр. Ботчи, Самарга, Нахту, по языку ближе другъ къ другу, чѣмъ жители р. Копии и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Если прибавить, что удинѣ, какъ за- свидѣтельствовано и г. Маргаритовымъ (у него шамаргинскіе ороши), по физическому типу нѣсколько разнятся отъ орочей Императорской гавани, то смѣло можно утверждать, что тунгусскій народецъ, извѣстный до сихъ порь подъ именемъ тазъ, есть особое племя орочай или орошинъ, носящее особое название. Основаніемъ къ такому утвержденію служить для меня то, что при решеніи вопроса о причислении какого-либо народа къ опредѣленному племени главную роль играютъ физическія свойства и языкъ (Шренкъ, Op. cit., 203 стр.). По моему мнѣнію, языкъ и физическія свойства тазъ таковы, что ихъ слѣдуетъ считать особымъ народомъ, имѣющимъ свое самоназвание удинѣ и противополагающимъ себя орошинамъ Императорской гавани и другихъ болѣе сѣверныхъ мѣстъ. Этимъ-то тазамъ, или удинѣ, и посвящена настоящая монографія.

ГЛАВА III.

Географическій очеркъ территории Удинѣ и ея физическія свойства.

Народъ удинѣ занимаетъ въ настоящее время часть Приморской области въ слѣдующихъ границахъ: на сѣверѣ—р. Ботчи, отъ устья до верховьевъ, теряющіхся въ горныхъ складкахъ берегового хребта, извѣстного подъ именемъ Сихота-Алинъ; на югѣ—рѣка Та-Судухѣ съ правымъ притокомъ Сяо-Судухѣ и бухта Нахodka; на западѣ—поселенія удинѣ простираются за береговой хребтъ Сихота-Алинъ и по рр. Хору, Бикину и Иману доходятъ до р. Уссури; на востокѣ страну ихъ омываютъ непривѣтливыя и бурныя воды Японскаго моря съ Татарскимъ проливомъ.

Таковы, въ общемъ очеркѣ, предѣлы территории, на которой тамъ и сямъ, сплошными поселеніями и разбросанно, вперемежку и вперемѣшку съ другими инородцами—гольдами, орошинами, маньчжурами и китайцами,—обитаютъ нынѣ удинѣ. Такимъ образомъ, посаѣднѣ занимаютъ своими постоянными и временными жилищами большую часть Засурскаго края¹), въ сто слишкомъ тысячъ квадратныхъ верстъ.

¹⁾ Я виолѣтъ присоединяюсь къ мнѣнію геолога Д. В. Иванова, что дѣленіе Приморской области на Сѣверно-и Южно-Уссурскій край искусственно и не имѣть никакого физико-географического основанія. См. его брошюру «Основные черты оро-геологического строенія хребта Сихота-Алина» (Записки пріамур. Отд. И. Р.-Г. Общ., т. I, вып. 3).

Обширный Зауссурійскій край можно по справедливости назвать горною страною. Въ самомъ дѣлѣ, за исключениемъ равнины на юго-западѣ его при озерѣ Ханка до прирѣчныхъ низменныхъ пространствъ вдоль праваго побережья рр. Уссури и Амура, онъ представляеть сильно расчлененную гористую поверхность. „Собственно говоря,—справедливо замѣщаетъ геологъ Ивановъ,—даже нельзя провести строгой границы, гдѣ горная область на западѣ смыкается равниною, такъ какъ среди послѣдней довольно часто встречаются разбросанными отдельно стоящіе хребты и сопки, которые, по мѣрѣ движенія въ глубь страны, увеличиваясь въ числѣ, мощности и скученности, постепенно и незамѣтно сливаются съ предгоріями Сихота-Алина“ (Op. cit., стр. 49).

Главная возвышенность Зауссурійского края, въ предѣлахъ територіи Удинѣ, Сихота-Алинъ, вопреки сложившемуся мнѣнію, является не обособленнымъ массивнымъ хребтомъ, а имѣеть видъ цѣлаго ряда параллельныхъ складокъ, имѣющихъ общее сѣверо-восточное направлениѣ и заполняющихъ собою весь край отъ моря до береговъ р. Уссури. Такжे вопреки сложившемуся мнѣнію, сѣверо-западные склоны Сихота-Алина представляются болѣе высокими и крутыми, чѣмъ юго-восточные, т. е. обращенные къ Японскому морю и Татарскому проливу¹⁾). Имѣя въ среднемъ не болѣе 3—3^{1/2} тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, складки Сихота-Алина мѣстами достигаютъ значительной высоты, напримѣръ, гора Голая, верстахъ въ десяти сѣвернѣе мыса Олимпіада. Прорѣзанные глубокими рѣчными долинами вкrestъ своему протяженію, складки кряжа ясно дробятся на рядъ отдельныхъ вытянутыхъ хребтовъ съ характерными макушками—гребнями конической формы („сопки“). Сѣверо-сѣверо-восточному направлению главныхъ складокъ Сихота-Алина соответствуетъ направлениѣ долинъ, по которымъ течетъ большинство рѣкъ этого края. Только на западномъ склонѣ хребта долины рѣкъ имѣютъ различныя направления—сѣверо-восточное, юго-западное и др. Что касается береговой полосы территоріи удинѣ, то она характеризуется въ позднѣйшихъ чисто научныхъ сочиненіяхъ такъ. „Все наше побережье Сѣверо-Японскаго моря и Татарскаго пролива, по характеру своихъ береговъ, можетъ быть легко подраздѣлено на двѣ, совершенно различныя другъ отъ друга, части: южную, отъ залива Шетра Великаго до залива св. Ольги, богатую бухтами и заливами, съ сильно развитой береговой линіей, и сѣверную, большую часть, отъ залива св. Ольги до залива Де-Кастри, отличающуюся недоступ-

¹⁾ «Мнѣніе, что гористость страны достигаетъ наибольшей своей интенсивности со стороны Татарскаго пролива и Сѣверо-Японскаго моря, зависить исключительно отъ рѣзкаго контраста горного ландшафта, сравнительно съ морской поверхностью, такъ какъ здесь горные хребты непосредственно обрываются въ море... (Ивановъ, оп. cit., 49 стр.. примѣч. 2).

ностью своихъ береговъ и почти полнымъ отсутствиемъ сколько-нибудь значительныхъ бухтъ и заливовъ, за исключеніемъ развѣ только одной на всемъ этомъ протяженіи прекрасной фьордообразной Императорской гавани. Эта разница въ характерѣ береговъ обусловливается, главнымъ образомъ, орографическими особенностями страны; здѣсь на всемъ протяженіи береговой линіи тянется горная цѣпь хребта Сихота-Алина, которая крайними своими отрогами совпадаетъ съ направленіемъ берега; мѣстами же эти отдѣльныя параллельныя цѣпи горъ на юго-востокѣ какъ бы обрываются прямо въ море и тогда даютъ начало ряду бухтъ и заливовъ... Америка, св. Ольга, св. Владимиръ и др.» (Ивановъ, Op. cit., 35).

На сѣверѣ отъ залива Св. Владимира морскіе берега представляютъ почти непрерывные береговые хребты, параллельные береговой линіи моря, изредка прерываемые горными рѣчками. Эти рѣчки являются единственными возможными путями для мѣстныхъ жителей, которые по нимъ переваливаются даже черезъ хребетъ Сихота-Алинъ, выходя на верховья р.р. Имана, Хора, Бикина и др. притоковъ Уссури¹⁾.

Зауссурійскій край богатъ водами, принадлежащими къ двумъ бассейнамъ: къ бассейну р. Амура и къ бассейну Японскаго моря и Татарскаго пролива.

Изъ рѣкъ Амурскаго бассейна по территоріи удинѣ²⁾ протекаютъ три большихъ правыхъ притока р. Уссури—Хоръ, Бикинъ и Иманъ, съ своими многочисленными притоками³⁾.

Рѣка Хоръ (кит. Маньюхе, ороочон. Шоро) вытекаетъ изъ того горнаго узла, гдѣ сходятся наиболѣе высокія складки Сихота-Алина и откуда берутъ свое начало верховья другихъ рѣкъ, Самарги, Дондона, Буды и др. Имѣя протяженія (вмѣстѣ съ извилинами) болѣе 370-ти верстъ, она сначала течетъ въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направлениі; затѣмъ, по принятіи притока Джукдами, поворачиваетъ и на протяженіи 70 верстъ течетъ въ юго-юго-восточ-

¹⁾ Вить до сихъ поръ извѣстныя перевалы отъ моря на притоки Уссури. Геологъ Ивановъ на сѣверѣ перевалилъ черезъ Сихата-Алинъ такъ: р. Тумнинъ, ся западный притокъ Хута, р. Бута, притокъ Хуты, ручей Омо и хребетъ того же имени, ручей Пелагія р. Гоббилия, р. Дондонъ, р. Амуръ. Второй перевалъ его шелъ: съ р. Самарга на притокъ ся Кукчи, притокъ послѣдняго Янова, перевалъ Сололи, ручьи Дэди—Сололи, Яладаго, Дягдосу п. Колю, р. Такома, лѣвый притокъ Хора, р. Хоръ. (Ивановъ. Op. cit. 11 и слѣд.). Съ верховьевъ р. Бикина существуетъ два перевала: одинъ идетъ отъ лѣваго притока Бикина Уленгоу до притока послѣдняго р. Бегаму, переваль, р. Кушунго и море. Другой перевалъ идетъ по р. Уленгоу до самого перевала, затѣмъ по р. Тахоба спускаются къ морю.

Изъ долины р. Имана лучшій переваль черезъ Сихота - Алинъ находится въ 50 верстахъ выше впаденія въ него р. Армы (Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.).

²⁾ Свѣдѣнія о рѣкахъ Зауссурійскаго края заимствую изъ слѣд. сочиненій: 1) г. Надарова: «Сѣверно-Уссурийскій Край», 2) Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. и 3) Д. Ивановъ «Основныя черты оро-геологического строенія хребта Сихота-Алина».

номъ направлениі, а далѣе до самаго устья сохраняетъ западное направление, дѣлая два крутыхъ заворота—одинъ на сѣверъ, другой на югъ. На всемъ своемъ протяженіи рѣка Хоръ не имѣеть цѣльного русла, а часто разбивается на нѣсколько переплетающихся между собою протоковъ, образующихъ большие и малые острова, затопляемые въ большую воду. Тамъ, гдѣ Хоръ имѣеть цѣльное русло, ширина различна: въ верховьяхъ 50-70 саж., въ средней части—доходитъ до 100 саж., а въ низовьяхъ иногда достигаетъ 150 саж. Глубина рѣки довольно значительна, но не всегда одинакова на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ вслѣдствіе наносовъ. Наибольшая глубина въ низовьяхъ рѣки колеблется между 35 и 70 фут., наименьшая 7 футовъ. Однаковая на всемъ протяженіи Хора быстрота теченія значительна и въ среднемъ равняется 10 ф. въ секунду, исключая низовьевъ, гдѣ она доходитъ до 4 фут. въ секунду. Видное сквозь чистую, прозрачную и холодную воду дно рѣки покрыто, на всемъ протяженіи, галькою и, въ малую воду, выдается на многочисленныхъ перекатахъ иногда на одинъ футъ надъ поверхностью воды.

Въ верхнемъ и среднемъ теченіи берега Хора сопровождаются крутыми и скалистыми сопками, подходящими вплотную къ правому берегу и спускающимися высокими обрывами. Сопки лѣваго берега, отступая, образуютъ низину отъ 1 до 7 верстъ шириной. Эта низина переходитъ въ сплошную равнину нижняго теченія рѣки, гдѣ сопки значительно удаляются отъ береговъ и тощутъ, въ видѣ изолированныхъ хребтовъ, въ общей равнинной картинѣ. Вся равнина эта покрыта слоемъ супеска, толщиною отъ 6 до 10 верш., лежащаго на глиняной или песчаной подпочвѣ.

Хоръ, какъ и многія быстрыя горныя рѣки, не подвергается сплошному замерзанію, хотя и покрывается въ срединѣ ноября льдомъ; въ концѣ февраля или началѣ марта онъ обыкновенно вскрывается. Тогда бываетъ такой подъемъ воды, что она выступаетъ изъ береговъ. Впрочемъ, разливы Хора, какъ горной рѣки, происходятъ и въ другое неопределеннное время: стоитъ въ іюлѣ, сентябрѣ или въ какое-либо другое время, въ теченіе двухъ трехъ дней, пойти сильнѣе дождямъ,—и вода поднимается на 1—2 аршина. Вотъ почему въ равнинѣ Хора часты наводненія, разрушительная сила которыхъ не всегда одинакова.

Въ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ теченіяхъ Хоръ принимаетъ много притоковъ. Такъ, слѣва въ него впадаютъ—Чуй, Кефалу (лю), Сурфай, Танду, Чуха, Суя, Кефынъ, Кетенъ, Мутенъ¹⁾; справа:

) Ивановъ еще называетъ въ числѣ лѣвыхъ притоковъ: Такома, Тянга, Адаки, Яву, Ходды, Ялоки, Тали, Сагди-Тали, Сагды.

Джукдами, Коломи, Гулами, Октынъ, Воума, Кедами, Миза, Лонто, Дукчи, Никонбисани¹⁾.

Изъ нихъ доселѣ изслѣдованы и описаны весьма немногіе. Наиболѣе важными слѣдуетъ считать Джукдами, Кетенъ и Мутенъ.

Рѣка Джукдами впадаетъ въ Хоръ справа, версты на 2—3 выше устья лѣваго притока Чуя, и беретъ начало изъ ключей на водораздѣлѣ рр. Хора и Немпту (впадающей въ оз. Синда). Сперва она течетъ въ восточномъ направлениі на протяженіі около 25 верстъ, но за 6—7 вер. до сліянія съ Хоромъ поворачиваетъ на юго-востокъ. Незначительная въ верховьяхъ рѣчушка (до двухъ саженъ шириной), она въ нижнемъ теченіи достигаетъ ширины большой рѣчки (15 и 20 саж.), съ глубиною отъ 1 до 5, и въ устьѣ до 17 футовъ. Дно ея устлано мелкою галькою, пескомъ и кое-гдѣ вязкимъ иломъ. Заломы и карчи мѣшаютъ движенію по ней лодокъ; а берега представляютъ равнину—болото (въ 6—7 вер. шириной), затопляемую при разливахъ водою, температура которой очень низка.

Рѣка Кетенъ сливается съ Хоромъ на лѣвомъ берегу его, въ 160 верстахъ отъ устья послѣдняго. Истоки ея находятся въ ключахъ горнаго узла, служащаго водораздѣломъ бассейна р. Хора отъ бассейна р. Бикина. Въ верхнемъ своемъ теченіи (отъ истоковъ до впаденія притока Седженъ), на протяженіи 70—80 вер., она, сохранивъ направлениѣ съ востока на западъ, протекаетъ по долинѣ, стѣсненной справа высокими и обрывистыми, а слѣва пологими, но изрѣзанными множествомъ извилистыхъ падей сопками; узкость русла, быстрота теченія и заломы дѣлаютъ ее несудоходною. Принявъ притокъ Седженъ, Кетенъ, на протяженіи 145 вер., течетъ въ сѣверо-сѣверо-западномъ направлениі и становится довольно широкою рѣкою, протекая по обширнымъ площадямъ. Отъ устья притока Нево она поворачиваетъ на сѣверо-западъ и при сліяніи съ Хоромъ образуетъ три рукава, изъ которыхъ самый большой имѣеть до 16 саж. ширины. Вообще Кетенъ—большой притокъ Хора, что видно изъ протяженія (до 250 верстъ) и ширины, доходящей до 55 саж.; глубина же колеблется между 1 и 13 футами. Самое быстрое теченіе она имѣеть въ верхнемъ теченіи (9 фут.), самое медленное—въ низовьяхъ (6 фут. въ сек.). Въ остальныхъ отношеніяхъ она проходитъ на Хорѣ: тѣ же галька, песокъ и иль на днѣ; тѣ же наносные острова и островки, образуемые протоками; тѣ же періоды замерзанія и вскрытия.

¹⁾ Ивановъ еще называетъ: Болгуг, Даудя, Коочки, Талами, Олоса, Буми, Юмми, Уфа, Типчанг, Омопа, Табау, Модяп, Хунгар, Сагду, Беудя. Уг. Надарова совершенно иная названія для правыхъ притоковъ Хора: Мадьязотунъ Аланъ, Чибисонгоза, Итыкенъ, Талами, Чуке, Сумлай, Кабули, Сухали (Ор. сіт., стр. 15). Что значитъ эта нестрога номенклатуры? Въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г. перепутаны правые и лѣвые притоки (см. 7 стр. ст. «Результаты географич. изслѣдований охотнич. командъ»).

Р. Мутенъ¹⁾, направляясь съ юга на съверъ, имѣть мѣстами гористые, мѣстами равнинные берега. Глубина ея колеблется между 9 и 28 фут., ширина между 15 и 40 саж. Замерзаетъ она лишь въ первыхъ числахъ декабря, а вскрывается около середины марта.

Второй притокъ Уссури-Бикинъ. Вытекая изъ горныхъ складокъ Сихота-Алина, онъ, на протяженіи болѣе 275 вер., течетъ въ различныхъ направленіяхъ: съ юго-востока на съверо-западъ (73 вер.), на западъ (40 вер.), на юго-западъ (26 в.), снова на съверо-западъ (18 вер.), на западъ (52 вер.), на съверъ (52 в.) и еще разъ на западъ (17 вер.).

Позднѣйшими изслѣдователями все теченіе Бикина раздѣляется на четыре части.

Принявъ слѣва р. Уленгоу верстъ 25 послѣ выхода изъ Сихота-Алина, Бикинъ становится уже большою рѣкою сажень въ 15 шириною, доходящую у горы Шифонтай до 50 саж. При очень большой быстротѣ теченія, глубина рѣки въ этой части достигаетъ отъ $\frac{1}{2}$ до 13 фут., причемъ встрѣчается множество перекатовъ, протокъ и заломовъ. Кромѣ Уленгоу на этомъ протяженіи втекаютъ въ Бикинъ—справа Байчелаза и Гунзюгоу съ притокомъ Ибкэ, слѣва—Метахеза и Байчехеза.

Принявъ въ себя только что поименованные притоки, Бикинъ за горою Шифонтай до перевала выростаетъ въ огромную горную рѣку до 100 саж. шириною и отъ $1\frac{1}{2}$ до 18 фут. глубиною, представляя и тутъ тѣ же перекаты, заломы и мели. И въ этой части въ главную рѣку вливаются свои воды мелкія рѣчки, каковы:—справа Тохоло, Се-тунъ, Чешуданза, Нюшидинза и Гонголаза, слѣва—Ситуха.

За переваломъ, Бикинъ сильно измѣняетъ характеръ: при той же ширинѣ и глубинѣ, онъ имѣеть ровное, менѣе 4 фут. въ секунду, теченіе и русло, очищенное отъ заломовъ и перекатовъ. На этомъ протяженіи ему несетъ дань своими водами—справа Алчанъ, слѣва—Малый Силанъ, Хантроводи и Хамхеза.

Принявъ Алчанъ, Бикинъ еще болѣе расширяется (до 125 саж.) и еще медленнѣе несетъ свои воды въ р. Уссури.

Долина Бикина имѣеть различную ширину: если сопровождающія его горы подходятъ къ руслу, то ширина долины не превышаетъ полуторыхъ верстъ; или же удаляются, то долина имѣеть до 20 вер. въ ширину.

Принимая во вниманіе, что въ Бикинъ впадаетъ на 39-й verstѣ отъ устья Алчанъ, имѣющій до 110 verstъ теченія, достигающій 30 саж. въ ширину и 13 фут. въ глубину и принимающій въ себя множество ручьевъ

¹⁾ Г. Надаровъ называетъ ее еще Корзуню, по имени одного изъ партии лѣсничихъ, работавшихъ въ Приморской области лѣтомъ 1861 года.

и рѣчекъ съ красною водою (особенность Алчана), можно согласиться съ г. Надаровымъ, что „Бикинъ составляетъ самый большой изъ правыхъ притоковъ р. Уссури“ (Op. cit., 21 стр.).

Третій притокъ Уссури Иманъ (И ма по-мѣстному) до настоящаго времени остается не обслѣдованнымъ на всемъ своемъ протяженіи, которое по прямому направлению предположительно опредѣляютъ въ 275 верстъ.

По выходѣ изъ Сихота-Алина, эта рѣка, имѣя весьма извилистое русло, сохраняетъ въ общемъ направлениѣ отъ востока на западъ. Сперва мощный бурный потокъ, быстро несущійся по узкой долинѣ среди горъ, Иманъ, принять въ себя воды многихъ притоковъ, превращается въ большую рѣку, шириной отъ 30 до 70 и даже (въ низовьяхъ) до 100 саж. По незначительной быстротѣ своего теченія и по сравнительной чистотѣ своего русла, онъ болѣе другихъ правыхъ притоковъ Уссури способенъ къ судоходству. По словамъ г. Надарова, въ большую и среднюю воду по этой рѣкѣ могутъ плавать мелкосидящіе пароходы (Op. cit., 28 стр.). Сопровождающія Иманъ возвышенности не отходятъ далеко отъ него, и потому долина рѣки, исключая низовьевъ, не широка. Съ этихъ возвышенностей стекаетъ множество рѣчекъ, питаяющихъ своими водами главную рѣку. Изъ такихъ притоковъ извѣстны: справа — Арма, Вагун-бэ, Тайзибери, Сибича, Тунача, Байдехэ и иѣкоторые другие. Важнѣе лѣвые притоки: Тчанчихэ, Синандза, Соситухэ, Соенлаза, Ситухэ, Сеоханхэза, Ханехеза, Нейцахэ (по мѣстному Лейцахэ) и Бѣлая. Но самымъ значительнымъ лѣвымъ притокомъ, безспорно, является Вакъ. Это название рѣка носить лишь на протяженіи 156 верстъ, отъ устья до сліянія составляющихъ ее рѣкъ — Санда-Вака и Туда-Вака.

Вытекая изъ параллельныхъ складокъ Сихота-Алина, Туда-Вакъ довольно извилисто, съ большими кривунами, съ разнообразною скоростью и глубиною, течеть по равнинѣ, то служивающейся, то расширяющейся, до горы Цуанинъ. Соединившись здѣсь съ Санда-Вакомъ, онъ течеть подъ именемъ Вака сперва съ юга на сѣверъ, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Питаясь многими ручьями и рѣчками, вытекающими изъ надей и овраговъ, которыми изрѣзаны горы, сопровождающія теченіе Вака, рѣка становится шире и многоводнѣе и впадаетъ въ Иманъ, пробѣжавъ съ изгибами болѣе 200 верстъ.

По берегамъ какъ описанныхъ притоковъ Уссури, такъ и многихъ другихъ, которыхъ тутъ не перечисляю, встрѣчаются озера и болотистыя топкія мѣста.

Что касается рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, то ихъ насчитываютъ до ста; но подробнаго описанія ихъ теченія не

имѣется въ географической литературѣ. Впрочемъ, для составленія понятія объ этихъ рѣкахъ, достаточно ознакомиться съ *habitus'omъ* одной какой-нибудь, потому что въ общемъ онъ всѣ сходны другъ съ другомъ. Избираю рѣку Самаргу (Бѣглинку), какъ наиболѣе известную и особенно любимую удинѣ. Она вливается въ море верстъ на 15 южнѣ мыса Суфренъ. Вытекая изъ наиболѣе высокихъ складокъ Сихота-Алина, Самарга все время течетъ въ довольно узкой рѣчной долинѣ, стѣненной высокими горными хребтами, которые, въ видѣ параллельныхъ горъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки. При общемъ съверо-съверо-западномъ направленіи, теченіе ея прерывается каменистыми порогами и уступами. Принимая цѣлый рядъ болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ ¹⁾), она расширяется и раздѣляется на ряды отдельныхъ протоковъ.

Кромѣ рѣкъ, на побережья Японскаго моря и Татарскаго пролива имѣются три большихъ озера: озеро Благодати близъ бухты Джигитъ, озеро Бурное у мыса Гладкаго и озеро Утиное у мыса Олимпіады.

Обиліе рѣкъ даетъ основаніе предполагать обиліе атмосферическихъ осадковъ и дѣлать заключенія о свойствахъ климата Зауссурійскаго края. Но слѣдуетъ замѣтить, что при сужденіи о климатѣ этого края необходимо принимать въ соображеніе, кромѣ географическаго положенія, много побочныхъ факторовъ, вліяющихъ на него.

Всѣ ²⁾ занимавшіеся метеорологическими изслѣдованіями Зауссурійскаго края свидѣтельствуютъ, что климатъ его въ общемъ гораздо суровѣе, чѣмъ то можно было бы предполагать по географическому положенію. Не слѣдуетъ забывать и того, что въ различныхъ пунктахъ этого обширнаго края встрѣчается множество частныхъ, чисто мѣстныхъ, климатическихъ особенностей. Особенно это примѣнительно къ климату территоріи удинѣ.

Главными и существенными свойствами климата территоріи удинѣ слѣдуетъ признать крайнюю влажность воздуха лѣтомъ и не менѣе сильную сухость зимою, въ зависимости отъ господствующихъ вѣтровъ, дующихъ съ правильностью муссоновъ. Послѣдніе являются здѣсь въ видѣ двухъ господствующихъ воздушныхъ теченій: зимою и осенью—съверо-западнаго, лѣтомъ и весною—юго-восточнаго.

Съверо-западный вѣтеръ, пронесшись надъ отличающимися сухостью воздуха Средней Азіей и Сибирью, въ Зауссурійскій край приходитъ съ 20% насыщенности атмосферы; а юго-восточный, несущійся съ поверхности

¹⁾ Справа: Силяни-Біосани, Туня, Умучда, Бого, Аутя, Дугдя, Хулеми, Боктаги, Нектя, Кукчи; слѣва: Омого, Тахто, Янтугени, Эй, Дугдя, Кобохто, Агдя, Вайса, Ракки, Чиппу и др.

²⁾ Шренкъ, Воейковъ, Шперкъ, Макаровъ, Буссе, Надаровъ и др.

Великаго океана, весьма обиленъ влагою, которая, охлаждаясь надъ холодною водою Японскаго моря, превращается въ густой туманъ. Вотъ почему можно сказать, что, въ общемъ, климатъ территоріи удінѣ имѣть свойства континентальнаго и морскаго.

Параллельныя складки хребта Сихота-Алина, благодаря своему протяженію, являются, на ряду съ господствующими вѣтрами, важнымъ фактомъ, производящимъ еще одно общее свойство въ климатѣ страны, обитаемой удінѣ. Свойство это заключается въ томъ, что часть террitorіи, прилегающая къ морю, обильна туманами и отличается недостаткомъ ясныхъ солнечныхъ дней, следовательно климатъ ея можно назвать морскимъ по преимуществу. Наоборотъ, часть террitorіи, расположенная по западнымъ склонамъ Сихота-Алина, солнечная, влажность воздуха въ ней, хотя и весьма значительная, выражается лишь дождемъ, росою и рѣдкими утренними туманами, т. е. климатъ этой части можно назвать континентально-морскимъ.

Ясно, такимъ образомъ, что параллельныя складки Сихота-Алина, для терроторію удінѣ на туманную и солнечную части, составляютъ въ то же время и границу непосредственнаго вліянія моря: въ прибрежной полосѣ нѣть такихъ контрастовъ между наибольшимъ морозомъ зимою и наибольшимъ тепломъ лѣтомъ, какъ въ полосѣ, расположенной по западнымъ склонамъ хребта.

Указанныя свойства климата страны удінѣ, въ отдельныхъ пунктахъ ея, разнообразятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, напримѣръ, отъ направленія отдельныхъ складокъ Сихота-Алина, отъ количества атмосферическихъ осадковъ, отъ близости океана и нѣкоторыхъ топографическихъ свойствъ данной мѣстности.

Такъ, нельзя определить для всего края сроки наступленія временъ года, а приходится дѣлить его на части. Для сѣверной части страны, занимаемой удінѣ, начало зимы совпадаетъ съ концомъ сентября мѣсяца, начало весны — съ началомъ марта, начало лѣта — съ началомъ юна и начало осени — съ концомъ или половиною августа. Такимъ образомъ наиболѣе продолжительнымъ временемъ года здѣсь является зима, а самымъ короткимъ — лѣто.

По мѣрѣ передвиженія на югъ, къ заливу св. Ольги и южнѣе, передвигаются и мѣсяцы временъ года: на зиму приходится не болѣе трехъ мѣсяцевъ, самое большее — четыре. Въ Камнѣ-Рыболовѣ, находящемся при озера Ханка, следовательно въ захребетной части Зауссурійскаго края, времена года распредѣляются такъ: зима начинается около конца октября и

позднѣе, весна—въ началѣ марта, лѣто въ началѣ мая и осень въ концѣ августа¹⁾.

Весна и лѣто во всемъ краѣ характеризуются обиліемъ дождей, обиліемъ атмосферныхъ осадковъ, въ видѣ тумановъ. Но періоды дождей не совпадаютъ по мѣсяцамъ на всемъ пространствѣ Зауссурійскаго края: на сѣверѣ этотъ періодъ наступаетъ ранѣе, на югѣ—позднѣе. Туманамъ, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, подвергается приморская полоса края. Осень и зима характеризуются, наоборотъ, ясными и сухими днями. Снѣгъ идетъ рѣдко, но выпадаетъ его иногда много, при чемъ, благодаря вѣтрамъ, онъ не повсюду ложится равнымъ слоемъ. Замѣчено, напримѣръ, что въ устьяхъ приморскихъ рѣкъ толщина снѣгового покрова ничтожна, въ верховьяхъ же она превышаетъ аршинъ.

Во всемъ Зауссурійскомъ краѣ съ паденiemъ дождей въ тѣсной связи стоитъ разлитіе рѣкъ. При горномъ характерѣ большей части рѣкъ, во времія дождей разлитіе ихъ принимаетъ подчасъ грозный видъ и наноситъ народо-населенію огромный вредъ. Весною же, во времія таянія снѣга, здѣсь рѣдко бываетъ чрезмѣрное переполненіе рѣкъ водою, потому что таежная растительность не позволяетъ лучамъ солнца расплавлять снѣгъ сразу, — онъ таетъ медленно и прибыль воды рѣчной малозамѣтна.

Чтѣмъ касается времени вскрытия и замерзанія рѣкъ, то оно, насколько можно судить изъ сдѣланного выше описанія рѣкъ, весьма разнообразно для различныхъ мѣстностей края; но въ общемъ можно считать за исходный пунктъ вскрытия марта мѣсяцъ, а замерзанія ноябрь, допуская большую вариацію чиселъ указанныхъ мѣсяцевъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что многія горныя рѣки, при быстротѣ своего теченія, покрываются сплошнымъ льдомъ лишь въ декабрѣ мѣсяцѣ, а иные и совсѣмъ не покрываются, представляя огромныя и опасныя полыни.

Распределеніе и характеръ почвы въ Зауссурійскомъ краѣ слѣдуетъ тому же, наиболѣе характерному для этого края, закону разнообразія. При разнообразіи топографіи, почвенный слой имѣеть различный характеръ. Такъ, гористые центральные участки предгорій Сихота-Алина въ большинствѣ случаевъ лишены почвенного покрова, потому что текущая вода сноситъ съ горныхъ крутизнь образующійся перегной и частички вывѣтриванія мате-

¹⁾ По періодамъ растительности въ южной части края времена года распредѣляются такъ: Для Владивостока. зима начинается 10 ноября; весна—27 марта; лѣто 23 июня; осень 17 сентября и. с. Для залива св. Ольги: зима начинается 7 ноября, весна 26 марта, лѣто 27 июня, осень 14 сентября и. с. Такимъ образомъ и здѣсь зима преобладаетъ по количеству дней надъ другими временами года. (См. Надаровъ. Южно-Уссурійскій край въ современномъ его состояніи. Сообщ. въ общемъ собраніи И. Р. Г. О. 19 апреля 1889 г.).

ринской породы. Лишь на болѣе пологихъ склонахъ небольшихъ размытыхъ хребтовъ и сопокъ, на окраинахъ страны, встрѣчаются легкія перегнойныя почвы, около $2\frac{1}{2}$ —3 верш. толщиной; педючкой служить такой же перегнойный слой, только съ большимъ процентнымъ содержаніемъ каменистыхъ угловатыхъ обломковъ горной породы. Это такъ называемыя первичныя аллювиальныя почвы.

На низинныхъ пространствахъ вдоль береговъ рѣкъ встрѣчаются другого рода почвы, которые по своему происхожденію относятся къ вторичнымъ, намывнымъ, аллювиальнымъ почвамъ и распадаются на нѣсколько типовъ и разновидностей, въ зависимости отъ частной топографіи мѣстности. Отъ рельефа данного района зависятъ и вариаціи почвы. Но каковы бы ни были эти вариаціи, можно выдѣлить двѣ подгруппы наносныхъ почвъ. Первая подгруппа— почвы возвышенныхъ мѣстъ, залегающія на древнерѣчныхъ валахъ, косахъ и отмеляхъ; это почти исключительно супесчаныя, песчаныя, съ малымъ процентомъ глинистыхъ частицъ, и боровыя почвы, окрашенныя перегнойными веществами въ сѣроватый цвѣтъ.

Вторую подгруппу составляютъ почвы низинъ, встрѣчающіяся на относительно пониженныхъ мѣстахъ, на падахъ, луговинахъ и низинахъ и, по-мѣстному, моревыхъ мѣстахъ; это— различнаго рода суглинистые, собственно-глинистые, иловатыя и болотно-перегнойные почвы. Среди этихъ почвъ попадаются иногда бѣлесоватыя, мучнистые, подзолистые почвы¹⁾.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что слой перегноя, вслѣдствіе обильной травянистой растительности, достигаетъ иногда внушительной толщины, переходя $1\frac{1}{2}$ аршина.

Распределеніе растительности и ея характеръ находятся въ соотвѣтствіи съ устройствомъ поверхности и свойствомъ почвы той или другой мѣстности Зауссурійскаго края. Послѣдній, будучи страною гористою, является вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсистою страною. Въ сѣверной части края преобладаютъ хвойныя породы, въ южной—лиственныя; но распределеніе растительности въ обѣихъ частяхъ его одно и то-же.

Такъ, горные хребты представляютъ сплошную тайгу, образованную преимущественно елью, пихтою, лиственицею и кедромъ²⁾. Обыкновенно, крутые склоны горъ покрыты елью (*ricea obovata vajjanensis*) и пихтою (*abies sibirica*), смѣняющимися въ покатыхъ подножіяхъ и невысокихъ перевалахъ лиственичнымъ лѣсомъ (*Larix sibirica*). Всѣ эти деревья перевиваются безчисленными нитями дикаго винограда и другихъ ползучихъ растеній, порождае-

¹⁾ Подробности см. кн. Д. В. Иванова «Основныя черты С. Алина», 52—54 стр.

²⁾ Подробное описание деревьевъ см. въ соч. Максимовича, Маака, Будищева и Пржевальского

мыхъ огромнымъ скоплениемъ влаги и достигающихъ здѣсь роскошнаго развитія; таковы: *ledum palustre*, *vaccinium* и *ribes arcticus*. Часто нога человѣка попираетъ каменистую почву лиственаго лѣса, густо устланную моховымъ покровомъ (*spagnum*). Въ такую тайгу рѣдко проникаютъ лучи солнца, и почти никогда здѣсь не гуляетъ вѣтеръ. „Нерѣдко приходилось наблюдать,—говорить г. Надаровъ,—что на верху тайги реветь буря и ломаетъ верушки деревьевъ, а у моего костра почти не шелохнется“ (Op. cit., 100 стр.).

Долины горныхъ рѣчекъ и каменистая, галечниковая наносная почвы отмелей покрыты чернолѣсемъ, которое весьма богато числомъ представителей: тополь, береза, дубъ, ясень, вязъ, осина, липа, рябина, черемуха, сибирская яблонь и груша, боярышникъ,—все это смѣшанное чернолѣсѣ танется длинными языками по горнымъ долинамъ далеко въ глубь края. Прирѣчные низинныя пространства покрыты однообразною тальниковою растительностью—ивами и таволжникомъ (*spirea salicifolia*).

На югѣ и вообще тамъ, гдѣ появляются равнины, обнаженные отъ лѣсовъ, преобладаютъ разныя травы. На мокрыхъ пространствахъ онѣ достигаютъ исполинскихъ размѣровъ, такъ что стебли нерѣдко закрываютъ всадника; на болѣе сухихъ мѣстахъ травы понижаются, но зонтиковыя растенія, особенно заря достигаетъ саженной высоты и вершковой длины въ діаметрѣ у корня. По народному выражению, на сухихъ угодьяхъ ростетъ трава „кудрява“, достигающая аршинной высоты и отличающаяся большимъ разнообразіемъ видовъ. „Между послѣдними, по словамъ Ф. Ф. Буссе, полевой горошекъ занимаетъ иногда обширныя площади, здѣсь-же растетъ пайза (кажется изъ семейства гречишныхъ), крайне питательная и излюбленная скотомъ“ ¹⁾.

Кромѣ мховъ, почвеннымъ покровомъ равнинъ и лѣсовъ часто являются ягодныя растенія—малина, красная смородина, земляника, клубника, черемуха, брусника, клюква; но онѣ не высокаго достоинства. Кромѣ того, встрѣчаются барбарисъ, калина и кустовая черешня.

Такова флора Зауссурійскаго края въ своей первобытной неприкословенности. Если-же посмотретьъ, какъ вліяетъ на нее человѣкъ, то на первомъ планѣ необходимо поставить лѣсные пожары или, по-мѣстному, палы. Обыкновенно палы случаются раннею весною и позднею осенью. Иногда лѣсной пожаръ охватываетъ нѣсколько десятковъ верстъ, и дымъ застилаетъ свѣтъ солнца, наполняя воздухъ удушливой гарью. Палы, съ которыми производятся палы, весьма различны. По словамъ г. Надарова ²⁾, лѣсные пожары прино-

¹⁾) Буссе: «Переселеніе крестьянъ моремъ въ Южно-Уссурійскій край въ 1883—1893 годахъ», стр. 13.

²⁾) «Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края». Владивостокъ, 1884 г., стр. 5.

сять большую пользу краю, осушая мѣстность и способствуя провѣтриванію тайги, равно уменьшая количество „гнуса“ (комары, мошка, паутъ).

Кромѣ того, въ южной части Зауссурійскаго края пожары производятся манзами съ цѣлью болѣе удобнаго нахожденія пантовъ. Наконецъ, часто лѣса горятъ отъ небрежности человѣка; либо охотники забываютъ залить водою костеръ, и вѣтеръ, разнося угли, причиняетъ гибель деревьямъ, либо то-же самое дѣлаютъ искатели жень-шена. Минѣ не разъ приходилось видѣть по побережью Татарскаго пролива, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, лѣсъ послѣ пожара; печальное зрѣлище! Точно мертвцы, стоять обуглившіяся и опаленныя деревья на покрытой пепломъ землѣ, и холodomъ смерти и разрушенія вѣтъ отъ такого „сухостоя“. Минѣ кажется, стоить хоть одинъ разъ видѣть такую картину, и никакіе доводы въ пользу „паловъ“ не покажутся убѣдительными. Поэтому я всесѣло становлюсь па сторону изслѣдователей, говорящихъ о вредѣ лѣсныхъ пожаровъ. „Ежегодно огонь не только уничтожаетъ мѣстами молодую поросль и подлѣсокъ,— говоритъ Ф. Ф. Буссе ¹⁾,— но вредить корнямъ и стволамъ здоровыхъ и вполнѣ развившихся деревьевъ; они хирѣютъ и, при дальнѣйшемъ ростѣ, дѣлаются дуплистыми, вѣтки частью умираютъ, и нерѣдко видно, какъ какой-нибудь исполинъ, вместо красивой кроны, воздымается къ небу сухія вѣтви. Иногда случается видѣть цѣлые рощи сухостоя молодыхъ экземпляровъ, заваленныхыхъ колодами“.

Люди выжигаютъ не только лѣса, но и сухую траву на пашнѣ или сѣнокосѣ. Но дѣятельность человѣка не всегда носитъ характеръ губительности: тотъ-же человѣкъ, въ Зауссурійскомъ краѣ, осушилъ множество болотистыхъ мѣсть и мочежинъ и увеличилъ количество удобныхъ угодій. Г. Буссе ²⁾ свидѣтельствуетъ, что въ 1886 г., объѣзжая окрестности села Никольскаго ³⁾, онъ провалился въ топкихъ мѣстахъ по брюхо лошади, а на остальной площасти конь шелъ часто по водѣ; къ 90-мъ-же годамъ вода держалась въ немногихъ и небольшихъ ложбинахъ, все-же остальное пространство представляло прекрасный сухой сѣнокосъ и выгонъ, даже встрѣчались пашни на такихъ мѣстахъ, где раньше господствовали лягушки. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что человѣку трудно бороться съ буйною растительностью Зауссурійскаго края: если лугъ или другое культивированное угодіе станется безъ обработки годъ-два, то появляются поросли молодыхъ деревьевъ и кустарниковъ или-же пашня превращается въ болото.

Фауна Зауссурійскаго края необыкновенно богата по составу и обилію видовъ, но не всегда и не вездѣ является одинаковое богатство по количеству особей.

¹⁾ Переселеніе крестьянъ моремъ, стр. 14.

²⁾ Op. cit., 12 стр.

³⁾ Нынѣ городъ Никольскъ-Уссурійскій.

Природа центральныхъ предгорій Сихота-Алина столь угрюма, что, по мнѣнію г. Д. Иванова¹⁾, къ ней примѣнімо названіе „лѣсной пустыни“, „которая, полной своей безжизненностью можетъ итти въ сравненіе развѣ съ песчанными пустынями Сахары“. Въ такой „лѣсной пустынѣ“ даже охотникъ-аборигенъ не можетъ найти для себя что-либо полезное, потому что тамъ замѣчаются полное отсутствіе звѣря.

Иной характеръ и большее оживленіе представляетъ тайга по горнымъ скатамъ и въ невысокихъ падахъ. „Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ,—говорить Пржевальскій²⁾. Путника поражаетъ смѣщеніе формъ съвера и юга въ растительномъ и въ животномъ мірѣ. Пожалуй, еще больше поразить его тишина и отсутствіе какихъ бы то ни было проявленій жизни. Въ съверной части края тайга изрѣдка оживляется постукиваньемъ дятла и отрывистымъ кукованьемъ особаго вида кукушки, да трескомъ сучьевъ при бѣгѣ лося и еще реже при ходѣ бѣгѣ медвѣдя. Что касается равнинъ въ южной части края, то мертвая тишина, царящая тамъ зимою, съ наступленіемъ весны, нарушается перелетомъ множества птицъ, наполняющихъ воздухъ тысячами писковъ, свистовъ и другихъ непередаваемыхъ человѣческимъ словомъ звуковъ. Въ то время какъ зимою здѣсь можно встрѣтить изъ птицъ—утокъ гоголей, снѣжныхъ стренатокъ и бѣлыхъ совъ, а изъ звѣрей—енота, барсука, лисицы, ласку и хорька,—весною появляются лебеди, гуси, бакланы, журавли и многія нернатныя, которыхъ такъ подробно описалъ, по личнымъ наблюденіямъ, Пржевальскій въ VII гл. своего „Путешествія въ Уссурійскомъ краѣ“. Изъ міра животныхъ въ это время совершаютъ переходъ стада дикихъ козъ. Впрочемъ, съ полною увѣренностью можно сказать, что Зауссурійскій край круглый годъ имѣеть и множество птицъ, и множество звѣрей. Рябчики, тетерева, фазаны, куропатки—постоянные обитатели лѣсовъ и равнинъ. Изъ звѣрей здѣсь преобладаютъ хищныя, затѣмъ грызуны и жвачныя; насѣкомоядныхъ мало, а еще менѣе рукокрылыхъ и толстокожихъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ млекопитающихъ края является тигръ о продѣлкахъ котораго такъ много разказано въ путешествіяхъ по Зауссурійскому краю и который нѣкогда пробирался въ съверную часть края. Недаромъ этотъ могучій и красивый звѣрь внушаетъ религіозный ужасъ дикарю. Рѣже встрѣчается здѣсь барсъ, наравнѣ съ тигромъ пользующійся божескими почестями у гольдовъ и удинѣ. Не менѣе рѣдкое явленіе здѣсь рысь, о которой китайцы отзываются, что она—„Ига-янъ ламаза“, т. е. „все равно, что тигръ“. На побережью Японскаго моря, по глухихъ лѣсистымъ падямъ

¹⁾ Op. cit., 56 р. ²⁾ Путешествіе въ Уссурійскомъ краю, 26 стр.

и по горамъ, часто можно натолкнуться на дикую кошку. По всему почти краю во множествѣ истребляются—бурый и черный медведи, барсуки, куницы, соболи, выдры, волки, лисицы и енотовидные собаки.

Представителей насекомоядныхъ мало—ежт, кротъ и землеройка, а рукокрылые представлены здѣсь одною летучею мышью, которой насчитываютъ нѣсколько видовъ. Изъ отряда грызуновъ попадаются: летучая и обыкновенная бѣлки, бурундукъ, зайцы, мыши и крысы. Единственнымъ представителемъ толстокожихъ является кабанъ, за которымъ усердно охотятся человѣкъ и тигръ, но который, благодаря уничтоженію лѣсовъ пожарами, кое-гдѣ сдѣлался рѣдкимъ гостемъ.

Разнообразіе отрядъ жвачныхъ: антилопа (или горный баранъ), кабарга, лось (сохатый), изюбрь (олень настоящій), олень пискунъ (аксисъ) и дикая коза, или козуля,—вотъ предметъ постоянной охоты аборигеновъ края.

Изъ водныхъ млекопитающихъ въ устьяхъ рѣкъ и въ морѣ, куда эти рѣки втекаютъ, встрѣчаются во множествѣ нерпы, рѣже—сивучи, акулы и киты.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что воды, орошающія Зауссурійскій край и омывающія его, заключаютъ въ себѣ несмѣтные виды рыбъ, изъ которыхъ часть составляетъ главную пищу удинѣ. Правые притоки Уссури—всѣ рыбныя рѣки: таймень, ленокъ, сазанъ, сигъ, карась, чебакъ, пискарь, красноперъ, верхоглядъ, щука, сомъ, касатка, осетръ, калуга и зубатка (кѣта) встрѣчаются почти во всѣхъ нихъ. Въ устья же рѣкъ, впадающихъ въ Японское море и Татарскій проливъ, рыба идетъ периодически. Наиболѣе цѣнными промысловыми для жителей являются принадлежащія къ лососевой семье рыбы; горбуша, кѣта, хоѣ и нѣкоторыя форелевые породы. Горбуша и кѣта идутъ въ два приема. Кромѣ того, въ морѣ въ обиліи водятся—сельди, камбала, треска, не называя мелкой рыбы, въ родѣ бычковъ, коньковъ и т. п. Рѣки и моря изобилуютъ разными видами крабовъ, въ небольшомъ количествѣ потребляемыхъ удинѣ.

Къ вреднымъ животнымъ и насекомымъ слѣдуетъ отнести множество видовъ, еще мало изслѣдованныхъ, змѣй, лягушекъ, „паутъ“ и „гнустъ“. Шель именемъ „паута“ разумѣется оводъ довольно крупнаго разбора. „Паутъ, собственно говоря, здѣсь двухъ видовъ—бурый и черный“,—читаемъ въ дневникѣ г. Вѣльковича¹⁾). Бурый паутъ отличается нѣкоторою медлительностью характера: онъ садится деликатно и осторожно. Сѣвші, онъ сначала подумаетъ, пошевелить лапками и затѣмъ уже жалить, но чаще онъ улетаетъ, не причиняя никакого вреда человѣку. Черный же паутъ, хотя и менѣе

¹⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

бураго, отличается лютостью и стремительностью: онъ, словно пуля, надетасть на человѣка и причиняетъ жгучую боль. И бурый и черный паути отливаются живучестью. Паутъ хотя и не признаеть въ человѣкѣ царя надъ всѣмъ живущимъ на землѣ и жалить его куда вздумается, но все же съ нимъ жить можно. Зато мошка, или „гнусъ“, является положительно какою-то египетской казнью въ здѣшнемъ краю, какимъ-то бѣчомъ Божімъ. Она бываетъ двухъ видовъ—мелкая и крупная. Мелкая, наиболѣе опасная и назойливая, появляется съ начала весны, а крупная смѣняетъ ее во второй половинѣ мая. Противъ „гнуса“, который мириадами носится въ воздухѣ и нагло лѣзть въ глаза, въ уши, въ ротъ и въ носъ, забирается подъ рубаху, нѣтъ никакихъ положительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Сѣтки, дымокуры и темнота до нѣкоторой степени предохраняютъ еще человѣка отъ „этихъ дьяволовъ“, изъ которыхъ, по Пржевальскому ¹⁾, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, изслѣдователь можетъ собрать цѣлую коллекцію на самомъ себѣ; но бѣдныя животныя сильно страдаютъ отъ нихъ. Они, по словамъ Пржевальскаго ²⁾, „мучимыя цѣлыми тысячами этиль кровопойцъ, брыкаются, мотаются головою, машутъ хвостомъ, даже бросаются на землю—и все-таки не имѣютъ возможности освободиться отъ своихъ мучителей“. Недаромъ такой сильный звѣрь, какъ лось, и тотъ, преслѣдуемый „гнусомъ“, перекочевываетъ изъ глубины материка въ морю, гдѣ мошки, сравнительно, мѣньше.

Наконецъ, подъ вліяніемъ жаркаго и влажнаго лѣта, развиваются мириады червей и жучковъ, вредящихъ деревьямъ.

Изъ домашнихъ животныхъ на территоріи удиѣ встрѣчаются — звѣровыя, или охотничий, и ъздовые собаки, низкорослые лошади, огромные быки и коровы, свиньи, овцы, кѣшки; изъ птицъ—куры, гуси, рѣдко утки и голуби.

О другихъ естественныхъ богатствахъ края, напримѣръ, о минералахъ и металлахъ, не упоминаю, потому что аборигены не пользуются этими богатствами, да и болѣе культурные жители мало разрабатываютъ ихъ.

Въ заключеніе краткаго очерка физическихъ свойствъ территоріи удиѣ остановлюсь на спорномъ вопросѣ о культуро-способности Залуссурійскаго края. Этотъ вопросъ, имѣя огромное практическое значеніе для края и его будущности, не разъ уже трактовался въ нашей литературѣ. Выразителями двухъ противоположныхъ рѣшеній вопроса въ послѣднее время явились—покойный О. О. Буссе ³⁾ и геологъ Д. В. Иванонъ ⁴⁾.

¹⁾ Op. cit. 222.

²⁾ ibidem.

³⁾ Переселеніе крестьянъ моремъ.

⁴⁾ Основные черты орогоологич. строенія хр. С. Алина.

Для первого виѣ сомнѣніи земледѣльческая способность Заусурійскаго края. Онъ рѣшительно опровергаетъ мнѣніе о неплодородности края, которое составилось на основаніи лишь того, что первые русскіе, посѣтившиѳ его въ 1860 г., нашли здѣсь пустыню. Пустынность края объясняется покойнымъ изслѣдователемъ чисто-историческими причинами — разорительными войнами, внутренними неурядицами. „Въ древности край былъ густо заселенъ хлѣбопашцами, и въ немъ процвѣтала китайская культура, и если русскіе застали здѣсь въ 1860 г. ничтожное населеніе, то лишь потому, что страна, обращенная въ пустыню разгромомъ въ началѣ XVII-столѣтія, еще не успѣла вновь заселиться китайцами“ — вотъ окончательное сужденіе покойнаго Буссе по данному вопросу.

Г. Ивановъ, послѣ анализа физико-географическихъ условій края, пришелъ къ противоположному рѣшенію того-же вопроса. По его мнѣнію, большая часть площади Заусурійскаго края, этой угрюмой и непривѣтливой страны, мало пригодна въ культурномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, скалистые хребты Сихота-Алина лишены даже почвенного покрова, и растительность ихъ, вопреки общему о ней мнѣнію, какъ о чѣмъ-то мощномъ, является крайне жалкою и ничтожною.

„Разматривая эти лѣсные участки въ центральныхъ предгоріяхъ Сихота-Алина, невольно приравниваешь ихъ къ обширному кладищу природы, одинъ видъ котораго невыразимо тяжело дѣйствуетъ на человѣка“, — говоритъ г. Ивановъ. Не болѣе отраднаго можно найти на низкихъ мѣстахъ, въ среднихъ теченіяхъ горныхъ рѣчекъ. Тутъ господствуетъ во всей своей первобытной красѣ угрюмая дѣвственная тайга; но использование ея инымъ, кромѣ охотничьяго, путемъ, напримѣръ, путемъ эксплоатациіи лѣсныхъ матеріаловъ (о земледѣліи здѣсь не можетъ быть и рѣчи), едва-ли будетъ возможно: отдельныя деревья, опять-таки вопреки сложившемуся мнѣнію, поражаютъ своими скромными размѣрами и чахлымъ, болѣзnenнымъ видомъ. Такимъ образомъ, остаются западные равнинные участки, ничтожные въ количественномъ отношеніи, по сравненію съ площадью всей территории. Но и эти участки не особенно пригодны для земледѣлія: во-первыхъ, они подвержены затопленію отъ разливовъ горныхъ рѣчекъ Сихота-Алина; во-вторыхъ, „они въ общей сложности, представляютъ такой ничтожный процентъ удобной земли, сравнительно съ общей площадью территории, что едва-ли могутъ быть принимаемы во вниманіе при разсмотрѣніи общей производительности всей страны“.

Отсюда, по мнѣнію г. Иванова, ясно, что земледѣліе въ Заусурійскомъ краѣ должно уступить главную роль, въ экономическомъ отношеніи, рыболовству, охотничьему промыслу и горному дѣлу. „Использованіе именно этихъ

естественныхъ богатствъ страны,— говорить онъ,— является, по нашему мнѣнію, самыи рациональныи для края”... По мнѣнію того же автора, на вопросъ: „неужели этотъ дикий, пустынныи край отъ вѣка былъ таковыи, съ такимъ ничтожныи инородческимъ населеніемъ, имѣя подъ бокомъ столь переполненныи населеніемъ территоріисосѣдей?”— слѣдуетъ, на основаніи ознакомленія съ естественно-историческими и физико-географическими условіями страны, отвѣтъ утвердительныи „да“, съ прибавкою, что условія, неблагопріятныи для культуры, выражались рѣзче и были интенсивнѣе тогда, чѣмъ теперь.

Какъ примирить столь противоположныи мнѣнія о культуроспособности Зауссурійскаго края? Но-моему, Ф. Ф. Буссе и г. Д. Ивановъ оба неправы, становясь на врайнія точки зрѣнія: первый увлекается насчетъ историческихъ причинъ пустынности края, второй—естественно-историческими и физико-географическими данными.

Свѣдѣнія Ф. Ф. Буссе о земледѣліи у переселенцевъ¹⁾, даныя, собраныя агрономомъ Н. А. Крюковымъ²⁾, представляемыя въ послѣдующемъ изложениіи данныя о существованіи пашень и огородовъ у удино³⁾ ясно убѣждаютъ, что земледѣліе въ краѣ возможно и существуетъ, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ частей его. Рисуя мрачную картину природы Зауссурійскаго края, г. Д. Ивановъ упускаетъ изъ виду, что земледѣліе и его развитіе обусловливаются тремя факторами: климатомъ, почвою и экономическими условіями. Климатъ, конечно, зависитъ отъ силъ природы, и человѣкъ не научился еще измѣнять его, но онъ умѣетъ приспособляться къ климату. Въ отношеніи земледѣлія, такое приспособленіе будстъ заключаться во времени посѣвовъ, подборѣ зеренъ и другихъ злаковъ. Китайцы, близко знакомые съ климатическими условіями края, отлично приспособились къ нему и поистинѣ являются первыми культуртрегерами среди аборигенъ. Что касается почвы и экономическихъ условій, то человѣкъ можетъ оказаться на нихъ большее вліяніе. Напримеръ, указавіе г. Иванова, что равнинные участки ничтожны по количеству, справедливо только теперь, когда край мало заселенъ, потому что площадь годной для посѣвовъ земли можетъ быть значительно увеличена осушеніемъ мокрыхъ земель, о чѣмъ убѣдительно и обстоятельно трактуетъ капитанъ Львовъ въ статьѣ „Опытъ изысканій для осушенія и воздѣлыванія мокрыхъ земель въ Приморской области (Записки Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ., т. III, вып. I, Хабаровскъ, 1897 г.).

Въ силу вышесказанного я склоняюсь и считаю болѣе справедливымъ

¹⁾ Ор. cit. стр. 140—152.

²⁾ Опытъ описанія землепользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амур. и Примор. областей; Приамурскій край на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

мнѣніе, что земли Заусурійского края удобны для земледѣльческой культуры; но, какъ дѣственныя, требуютъ упорного труда и многихъ горькихъ опытовъ, при первоначальной обработкѣ. Исторіей человѣчества доказано, что энергический трудъ и знанія часто обращаютъ малоплодородныя мѣста и пустыни въ зеленѣюція нивы. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потребны трудъ и знаніе здѣсь, и я не сомнѣваюсь, что, съ усиленіемъ русской колонизаціи, они явятся, непремѣнно явятся, тѣмъ болѣе, что охотничій промыселъ (на который возлагаетъ большія надежды г. Д. Ивановъ) съ каждымъ годомъ падать, иaborигену края по необходимости придется въ скоромъ будущемъ перейти къ земледѣлію, если только онъ не желаетъ окончательно исчезнуть съ лица страны, своей родины.

ГЛАВА IV.

Разселеніе.

Въ предѣлахъ очерченной и описанной, въ предыдущей главѣ, территоріи обитаютъ удинѣ, которыхъ едва ли въ настоящее время насчитается двѣ-три тысячи. Этотъ незначительный полубродячій, полуосѣдлый народецъ свободно переходитъ по рекамъ и переваламъ обширной страны, которую, вѣроятно, занималъ искони. Развернувъ этнографическую карту Шренка, приложенную къ его классическому труду, легко увидимъ, что въ 50-хъ гг., удинѣ жили тамъ же, гдѣ застаемъ ихъ и нынѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что полоса земли отъ р. Уссури до моря, т. е. территорія удинѣ, при неоднократныхъ войнахъ маньчжуръ съ китайской имперіей, при движениіи русскихъ, не подвергалась крупнымъ передвиженіямъ и измѣненіямъ въ составѣ населенія. Отмѣченное академикомъ Шренкомъ молчаніе китайскихъ историковъ обѣ амурскихъ инородцахъ, по-моему, исключительно объясняется полнымъ невѣдѣніемъ китайцевъ относительно Заусурійского края. Стоитъ припомнить исторію присоединенія Амурского края къ Россіи, подвиги Невельского и другихъ славныхъ русскихъ моряковъ¹), чтобы признать несомнѣнной истиной положеніе, что китайцы не знали Заусурійского края и имѣли весьма смутное представленіе обѣ обитателяхъ его. Вотъ почему извѣстія китайскихъ источниковъ и не заходятъ далѣе XVII столѣтія, да и эти свѣдѣнія не отличаются ясностью и опредѣленностью.

Всѣ измѣненія, прошедшія, можно сказать, на глазахъ русскихъ на территоріи удинѣ въ недавнее прошлое, исчерпываются передвиженіемъ южной границы ихъ.

¹⁾ См. Записки Невельского.

По свидѣтельству архим. Палладія ¹⁾, тазы жили нѣкогда въ Хуньчунской области; по свидѣтельству Пржевальского ²⁾, въ концѣ 60-хъ годовъ истекающаго столѣтія тазы обитали по береговымъ рѣчкамъ Японскаго моря, начиная отъ устья р. Суйфуна, впадающей въ Амурскій заливъ. Въ настоящее время эту границу необходимо передвинуть еще дальше къ востоку почти не одинъ градусъ.

Въ экспедицію на Сучанъ, лѣтомъ 1896 г., я нашелъ около бухты Находка одну семью тазъ, а населеніе въ нѣсколько семей впервые встрѣтилъ на р. Сяо-Судухэ, верстахъ въ 7 – 8 отъ впаденія ея въ Та-Судухэ. На пространствѣ же отъ р. Суйфуна до Сяо-Судухэ тазы вытѣснены русскими и манзами. По причинѣ бродячаго и полубродячаго образа жизни огромнаго большинства удиїѣ трудно дать опредѣленную картину ихъ разселенія на исконахъ занимаемой территории; но, въ виду особаго интереса при сравненіи съ недалекимъ прошлымъ, на нижеслѣдующихъ страницахъ предлагается подробный перечень поселеній удиїѣ, насколько можно было собрать о томъ позднѣйшія свѣдѣнія ³⁾.

Начну съ правыхъ притоковъ р. Уссури.

Объ удиїѣ, живущихъ по р.р. Бикину, Иману и Ваку, говорить, что часть ихъ ведеть осѣдлый образъ жизни, часть находится въ переходномъ положеніи отъ кочевого къ осѣдлому быту, наконецъ, нѣкоторыя семьи, живущія по Иману, переходятъ съ одного мѣста на другое (Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.). Долженъ при этомъ замѣтить, что осѣдлость удиїѣ на одномъ мѣстѣ едва ли превышаетъ десятокъ два лѣтъ,— въ большинствѣ случаевъ она моложе.

Удиїѣ бассейна р. Хора и его притоковъ—кочующій народъ. По свѣдѣніямъ г. Вѣльковича, по Хору и его притокамъ кочуютъ три большія семьи или фамиліи: Камунджига, Кимонку и Сыгдыри. Фамилія Камунджига кочуетъ въ бассейнѣ р. Кетень, фамилія Кимонку—въ бассейнѣ р.р. Чуй, Сурфай, Чуна и Суя, фамилія Сыгдыри—по р. Мутону и въ низовьяхъ Хора. Самое верхнее становище по этой послѣдней рѣкѣ найдено ниже впаденія рѣки Чуй ⁴⁾. Затѣмъ идутъ ихъ временные становища внизъ по теченію рѣки до устья. „Опредѣлить численность всѣхъ

¹⁾ Неизданный дневникъ.

²⁾ Путешествіе въ Уссур. краѣ въ 1867 – 69 гг.

³⁾ Къ сожалѣнію, автору не были доступны свѣдѣнія, добытыя послѣднею переписью на всемъ районѣ, занимаемомъ нынѣ тазами.

⁴⁾ Такимъ образомъ опровергается сказанное у акад. Шренка на 25 стр.: «Говорятъ, что на р. Шоръ(Хоръ) можно встрѣтить орочей не ближе, какъ въ 60 верстахъ разстоянія отъ устья впадающей въ него рѣки Кхетенъ-дабанъ. Но начиная отсюда они живутъ какъ по главной рѣкѣ, такъ и по ея притокамъ, напр., по Корсонѣ и др.

орочонъ, кочующихъ въ бассейнѣ Хора, было почти невозможно, такъ какъ во время нашего плаванія по этой рѣкѣ орочоны постоянно перебѣжали съ мѣста на мѣсто“,—говорить г. Бѣльковичъ. „По словамъ трехъ китайцевъ, живущихъ на Хорѣ и знающихъ каждый по счету всѣхъ орочонъ, кочующихъ въ окрестностяхъ той или другой китайской фанзы, выходитъ, что всѣхъ орочонъ кочуетъ на Хорѣ до 50 семействъ; такъ какъ каждая семья, въ среднемъ, состоитъ изъ 10 членовъ, считая тутъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, то, слѣдовательно, всѣхъ орочонъ надо считать до 500 душъ обоего пола и разнаго возраста“. Цифра 500 совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова, который, однако, насчитывалъ 98 семей (См. Сѣв.-Уссур. край, 19). По-моему, въ виду заявленія г. Шальчевскаго, что учесть орочонъ произведенъ не совсѣмъ точно г. Альфтаномъ (Дал. Вѣст., 1897, №№ 46—47), можно допустить, что по Хору кочуетъ около 1000 человѣкъ (оставляя 98 семей г. Надарова и допуская для семьи цифру 10 человѣкъ).

Съ р. Хора удинѣ заходить (по р. Амуру или инымъ путемъ?) на р. Немпту, впадающую въ озеро Синда, гдѣ ихъ встречали охотничий команды въ 1894 г. (Труды Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895). Едва ли, поэтому, не будетъ справедливо признать оз. Синда и рѣку Немпту за сѣверную границу удинѣ съ западной стороны.

О поселеніяхъ удинѣ по р. Викинѣ имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Самымъ верхнимъ населеннымъ пунктомъ, выше которого по Викинѣ уже никто не живеть, является селеніе Та-Байчелаза. Оно состоитъ изъ одной семьи удинѣ въ 19 человѣкъ (10 муж., 9 жен.), живущихъ здѣсь уже 7 лѣтъ въ трехъ балаганахъ. За нимъ слѣдуетъ селеніе Мушиджайдэ, состоящее изъ двухъ балагановъ и 23 жителей (12 муж., 11 жен.). Далѣе еще—селеніе Даусикцы, имѣющее 2 балагана и 24 жителя (12 муж. и 12 жен.), живущихъ здѣсь уже третій годъ. Четвертое поселеніе—Гангатоу состоитъ изъ 3 балагановъ и двухъ семей въ 22 человѣка (10 м., 12 ж.), живущихъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ. Пятое селеніе—Ся-Байчелаза—состоитъ изъ 3 балагановъ и 16 жителей (7 м., 9 жен.). Шестое—Тунгоуза—2 балагана и 13 жителей (11 м., 2 жен.). Седьмое—Гундзюгоу имѣеть одинъ балаганъ и одну семью удинѣ въ 7 человѣкъ (4 м., 3 ж.). Восьмое—Метахеза заключаетъ 4 балагана при 22 жителяхъ (13 м., 9 ж.). Девятое—Фунсуладаза состоитъ изъ двухъ семей удинѣ въ 17 человѣкъ (9 м., 8 ж.). Десятое—Тохоло имѣеть 1 фанзу и 3 балагана, въ которыхъ живутъ три семьи въ 38 человѣкъ (24 м., 14 ж.). Въ слѣдующемъ селеніи Кукчингэ, лежащемъ на протокѣ близъ р. Чамудинды, имѣется 1 большая фанза и 1 балаганъ, въ послѣднемъ живеть 14 удинѣ (7 м., 7 ж.). Селеніе Сигоу, состоящее въ настоящее время изъ 6 фанзъ и 1 балагана и

имѣющее смѣшанное населеніе — китайцевъ и удиңэ, лѣтъ 30 тому назадъ было большимъ поселеніемъ заключавшимъ болѣе 25 фанзъ. Эпидемія (оспен-ная?) разогнала и уничтожила жителей, которыхъ теперь всего 70 (35 м., 35 ж.). Въ селеніи Ся-Мушиджайдэ имѣется небольшая фанза и 1 балаганъ, въ которыхъ обитаютъ 10 жителей (6 м., 4 ж.). Послѣднимъ селеніемъ удиңэ по р. Бикину является Табанъ, въ 60 верстахъ отъ устья рѣки. Въ немъ удиңэ перемѣщаны съ китайцами, живутъ замѣчательно трезво, неуютно, сами — угрюмые, непривѣтливые, что и составляетъ ихъ отличительную особенность среди другихъ удиңэ, обитающихъ по Бикину. Съ послѣдняго удиңэ бродятъ и по его притокамъ ради охоты и рыбной ловли, напримѣръ, по берегамъ Алчана можно встрѣтить нѣсколько балагановъ изъ кедровой коры, гдѣ зимою обитаютъ кочующіе удиңэ.

Во всѣхъ перечисленныхъ выше поселеніяхъ всего на все насчитывается 301 житель обоего пола, что совпадаетъ съ показаніемъ г. Надарова ¹⁾: послѣдній насчиталъ отъ 50 до 60 семействъ, т. е., полагая на семью по 5—6 душъ, получимъ отъ 250 до 360 человѣкъ обоего пола. По сообщенію же старожила-китайца Сунзуи, до оспенной эпидеміи 1877 года, удиңэ было по Бикину въ 5—6 разъ болѣе.

По Иману имѣются поселенія удиңэ въ слѣдующихъ мѣстахъ. На р. Армѣ находится юрта съ 15 жителями (10 м., 5 ж.); нѣсколько далѣе, внизъ по теченію р. Имана, находится еще юрта съ 14 жителями (8 м., 6 ж.); еще далѣе юрта съ 3 жителями (1 м., 2 ж.); на 168 verstѣ отъ устья рѣки имѣется юрта съ 9 обитателями (5 м., 4 ж.); на 164 verstѣ — юрта съ 11 жителями (7 м., 4 ж.), на $73\frac{1}{2}$ вер.—фанза съ 10 жителями (4 м., 6 ж.). Есть и еще нѣсколько поселей удиңэ, но на основаніи моего источника ²⁾ трудно съ точностью указать, какія изъ нихъ принадлежатъ удиңэ¹, какія китайцамъ, живущимъ по Иману вперемежку съ аборигенами ³⁾. Во всякомъ случаѣ, по Иману наиболѣе точный учетъ насчитываетъ 337 удиңэ (199 м., 148 ж.), а по притоку его Ваку — 83 (49 м., 34 ж.). Такимъ образомъ, по правымъ притокамъ Уссури, т. е. въ западной части территории тазъ, по наиболѣе свѣжимъ даннымъ, насчитывается 1731 человѣкъ обоего пола ⁴⁾.

¹⁾ Сѣв. Уссур. край, 25 стр.

²⁾ Результаты географич. исследованій охотничихъ командъ В.-С. стрѣлковыхъ бригадъ лѣтомъ 1894 г. Въ Трудахъ Приам. Отд. И. Р. Г. О. за 1895 г.

³⁾ Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться материаломъ, добытымъ И. А. Нальчевскимъ во время пересечи инородцевъ по р. Иману и Ваку. Весьма желательно, чтобы онъ обнародовалъ списокъ поселеній удиңэ по названнымъ рѣкамъ, потому что его списокъ, очевидно, вполнѣ и точноѣ другихъ.

⁴⁾ Допуская, что не все кочующіе удиңэ учтены, можно указанную цифру увеличить до 2000 человѣкъ.

Что касается прибрежной части страны удиңә, то поселенія ихъ на основаніи собранныхъ мною лѣтомъ 1897 г. свѣдѣній, имѣются въ слѣдующихъ мѣстахъ.

При устьѣ р. Ботчи находимъ двѣ юрты: въ одной 11 жителей (7 м., 4 ж.), въ другой—6 (4 м., 2 ж.). Пройдя вверхъ по рѣкѣ съ версту или менѣе, встречаемъ юрту съ 5 жителями (3 м., 2 ж.); еще далѣе вверхъ находятся двѣ юрты, изъ коихъ въ одной—12 жителей (6 м., 6 ж.), въ другой—7 (4 м., 3 ж.); еще далѣе, въ верховьяхъ рѣки, юрта заключаетъ въ себѣ 7 человѣкъ (5 м., 2 ж.) ¹⁾. На слѣдующихъ за Ботчи маленькихъ рѣчкахъ, на югъ до р. Нельма, появляются лишь временно охотники-удиңә,—напримѣръ, съ послѣдней рѣки прѣѣзжаютъ для охоты за сохатымъ. Лѣтомъ 1897 г. я засталъ на одной изъ такихъ едва замѣтныхъ рѣчушекъ двѣ семьи удиңә, удачно охотившихся за лосемъ.

При устьѣ небольшой и, сравнительно, небыстрой рѣки Нельма расположено селеніе удиңә, называемое ими Нельмѣ. Въ поселеніи двѣ семьи—одна въ 7 (5 м., 2 саж.), другая—въ 3 (2 м., 1 ж.) человѣка. Въ началѣ 80-хъ годовъ, по свѣдѣніямъ г. Надарова, на этой рѣкѣ существовало болѣе многочисленное населеніе; въ 1897 г., при моемъ посѣщеніи, жители Нельмы и другихъ рѣчекъ (напр., Луды, Адами) переселились на рѣку болѣе южную, называемую удиңә Самаргѣ, а на картахъ обозначаемую именемъ „Вѣглянка“. Послѣдняя дѣйствительно является своего рода центромъ и самыми многочисленными поселеніемъ удиңә въ сѣверной части территории ихъ. Лѣтомъ юрты разбиты на низменной полосѣ, которая тянется отъ устья рѣки на 10 вѣрстъ, пока рѣка не вступить въ горы. При впаденіи въ море, рѣка эта разбивается на нѣсколько протокъ, поросшихъ рѣдколѣсью (ветлы, вербы, ели и др.) и высокою травою. Въ этомъ мѣстѣ видѣ на рѣку довольно живописенъ, особенно раннимъ утромъ или тихимъ вечеромъ. Зимнія юрты расположены ближе къ горамъ, въ разстояніи 10 вѣрстъ отъ лѣтнихъ.

На лѣвой протокѣ находятся два селенія: ближе къ берегу моря (въ разстояніи 40—50 саж.) Куңд и хѣ ²⁾ въ двѣ юрты съ 18 жителями (7 м., 11 жен.); по другую сторону протоки, наискось, с. Ги также въ 2 юрты, въ которыхъ 22 человѣка (15 м., 7 ж.). При устьѣ рѣки находится село Тикпі въ двѣ юрты, въ коихъ 21 житель (9 м., 12 ж.). Верстахъ

¹⁾ Интересно сопоставить съ мою записью запись г.г. Надарова и Маргаритова. Надаровъ въ первыхъ 80-хъ годахъ записалъ: «При устьѣ этой (Ботчи) рѣки стоять двѣ орооченскія юрты». Маргаритовъ въ концѣ 80 годовъ указалъ: «С.-Ботиль въ 8 юртъ съ 30 жителями». У меня 48 жителей. слѣдовательно, число обычательныхъ селеній Ботчи увеличилось.

²⁾ Въ языке удиңә часто слышится глухой *t*, который я вездѣ обозначаю латинскою буквою *h*.

въ 4—5 отъ устья расположено село Бибаулэй, состоящее изъ 5 юртъ съ 52 жителями (30 м., 22 ж.). Наконецъ, ворстахъ въ 25 отъ устья рѣки находится село Мухтаху́, состоящее изъ 8 юртъ съ 13 жителями (8 м., 5 ж.).

Слѣдующимъ населеннымъ пунктомъ по берегу Японского моря является рѣка Иді (можетъ быть, р. Перетолчина существующихъ картъ) ¹⁾. По этой рѣкѣ, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ —2 вер. другъ отъ друга, разбросано семь юртъ съ 66 жителями (40 м., 26 ж.). На р. Кюмоны (можетъ быть, Бархатовка), при моемъ посѣщеніи, удінѣ не оказалось, хотя г. Надаровъ указалъ при устьѣ ея 4 юрты. На р. Нахту́ (вѣроятно, Торопыгина) найдено шесть юртъ, при чмъ одна расположена на р. Оканъ, въ 20 вер. отъ Нахту́. Во всѣхъ шести юртахъ 55 жителей (35 м., 20 ж.).

Второю наиболѣе населеною рѣчкою является Кушунъ (на картахъ обыкновенно называемая Кушунгубу). Жители этой рѣки временно живутъ, во время охоты на сохатаго, по рѣчкѣ Токо (на картахъ Тахобей), впадающей въ море съвернѣе Кушуна. Шослѣдня рѣка въ настоящее время является границею, до которой по побережью океана проникли китайцы, или манзы, движаясь съ юга. Здѣсь-же сказываются первые признаки манзовскаго вліянія на удінѣ. Рѣка Кушунъ не широкая, раздѣляется, при впаденіи въ море, на нѣсколько рукавовъ, обильна мелями. Лѣвый берегъ покрытъ густымъ чернолѣсемъ, правый свободенъ отъ густоты деревьевъ и часто представляетъ огромныя равнинныя, покрытыя слоемъ жирнаго чернозема (болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 четвертей ²⁾). На одной изъ такихъ равнинъ, ворстахъ въ 6—7 отъ устья, расположено поселеніе удінѣ и китайцевъ ³⁾. Поселеніе состоитъ изъ 11 жилищъ (фансы, одна юрта и одинъ балаганъ), въ которыхъ насчитывается 53 жителя (39 муж., 14 ж.).

Слѣдующая рѣка Амгу́ въ настоящее время заселена многолюднѣе, чѣмъ-то было въ началѣ 80-хъ годовъ, потому что г. Надаровъ упоминаетъ лишь объ одной юртѣ. Лѣтомъ 1897 г. мною найдено 5 жилищъ (фансы и одинъ балаганъ). Впрочемъ, необходимо замѣтить, что увеличеніе населенія этой рѣки произошло исключительно на счетъ манзъ, а не удінѣ. Можно положи-

¹⁾ Далѣе называю рѣки именами, слышанными мною отъ удінѣ. Идінскій старшина нарисовалъ мнѣ рѣки по морскому берегу въ слѣд. порядкѣ: Иді, Ая, Кюмоны, Нахтаху́, Пса, Уйканчу́, Халанку́, Кумбу́, Талиа. Нѣкоторые удінѣ называли еще другія рѣчки на томъ же пространствѣ, наприм.: Каздѣ, Нянсѣ.

²⁾ Мнѣ довелось быть на р. Кушунѣ въ дождь. Идя по равнинѣ къ фанзамъ, я испытывалъ то же, что бываетъ съ путникомъ во время дождя, напримѣръ, въ Подольской губерніи: жирный линкій черноземъ тянется за сапогомъ.

³⁾ «На устьѣ этой рѣки стоять 1 юрта орочоновъ, а выше по течению рѣки расположено еще нѣсколько орочонскихъ юртъ и китайскихъ фанзъ. Китайцы и орочоны по р. Бикини говорили мнѣ, что на р. р. Кушунго живеть много орочоновъ», говорить объ этой рѣкѣ г. Надаровъ (Ор. сіт. 36 стр.).

тельно сказать, на основаниі видѣннаго мною, что эта рѣка отвоевана у удинѣ китайцами. По сообщенію г. Большева, долина р. Амгу способна и благопріятна къ населенію. Дѣйствительно, я видѣлъ хорошія нивы вокругъ жилищъ; за пашнями высится различной породы лѣсъ. Рѣка не особенно быстрая и довольно глубокая, на пройденномъ мною 7—8-верстномъ разстояніи отъ устья, течетъ въ высокихъ берегахъ, едва-ли позволяющихъ водѣ выходить изъ русла. Жилища, составляющія поселеніе на р. Амгу, разбросаны на большомъ пространствѣ.

Въ 4-хъ фанзахъ живетъ 6 манзъ и одна женщина удинѣ; въ балаганѣ-же — семья удинѣ, состоящая изъ 6 человѣкъ (5 м., 1 ж.), да еще одного работника—манзы,—всего въ селеніи 14 жителей (12 м., 2 ж.).

На р. Такхомѣ, въ 10 верстахъ отъ устья, расположено село Кэміэ. Время и сюда внесло значительныя перемѣны, судя по тому что сообщилъ г. Надаровъ. „Въ нижнемъ теченіи ея (Такхомы) расположена, — говоритъ онъ¹⁾ — деревня орочоновъ, состоящая изъ 19 домовъ, а при устьѣ одна орочонская юрта“. При моемъ посѣщеніи, никакой юрты при устьѣ рѣки не оказалось; верстахъ въ 10—15 отъ устья находится и нынѣ село, состоящее изъ удинѣ и манзъ, но въ немъ всего-на-все шесть жилищъ. Еще г. Большевъ призналъ долину Такхомы вполнѣ способной и благопріятной для заселенія. Дѣйствительно, при самомъ устьѣ рѣки, параллельная складки Сихота-Алина, окружающія ее, значительно удаляются справа и слѣва и образуютъ обширную долину, по которой проложена даже колесная дорога жителями с. Кэмэ. Идя по этой долинѣ, покрытой черноземомъ, буйною растительностью и пестрымъ ковромъ разнообразныхъ цветовъ, я невольно припомнилъ долины ранѣе видѣнныхъ рр. Сучана и Та-Судухѣ: такъ всѣ онѣ сходны между собою. Но долинѣ Такхомы тамъ и сямъ разбросанъ рѣдкій лѣсъ, который сплошнымъ кольцомъ облегаетъ далекій горизонтъ и чернѣется тамъ широкою лентою. Породы лѣса разнообразны, по склонамъ-же горъ исключительно растетъ низкорослый и корявый дубъ.

Къ сожалѣнію, долина эта въ нижней части подвержена наводненіямъ при разливѣ рѣки, вотъ почему село Кэмэ и отодвинулось верстъ на 10—15 въ глубь страны. Жилища, составляющія село Кэмэ, разбросаны на большомъ разстояніи и образуютъ двѣ группы: одна состоитъ изъ трехъ рядомъ стоящихъ фанзъ, другая тоже изъ трехъ фанзъ, но сильно разбросанныхъ. Семьи тутъ смѣшанныя, потому что манзы поженились на женщинахъ удинѣ; происшедшее поколѣніе женится между собою, и происходитъ сильное смѣшаніе крови удинѣ и манзовской. Лучше всего это будетъ видно изъ слѣдующаго

¹⁾ Ор. сіт. стр. 37.

указаний на состав семейств. Въ первой фанзѣ 10 жителей: хозяинъ-китаецъ, женатъ на женщинѣ удинѣ; родившійся отъ этого брака сынъ женатъ на удинѣ и имѣть отъ брака съ нею двухъ дочерей и одного сына. Кромѣ названныхъ членовъ семьи, здѣсь живетъ — работникъ съ женою, оба удинѣ и работникъ — манза (5 м., 5 ж.). Въ другой фанзѣ изъ 8 жителей — два китайца, одинъ кореецъ, остальные — удинѣ (6 м., 2 ж.); въ третьей фанзѣ всѣ пять жителей — удинѣ (3 м., 2 ж.), въ четвертой изъ 9 жителей (6 м., 3 ж., три китайца; пятая состоитъ изъ 3 манзъ; шестая изъ удинѣ (2 м., 2 ж.). Во временному балаганѣ, встрѣченномъ при устьѣ Такхомы жили пастухи — одинъ удинѣ, другой — китаецъ. Р. Санденбэя, впадающая въ бухту Терней, является въ настоящее время однимъ изъ населеннѣйшихъ пунктовъ побережья отъ р. Копни до зал. св. Ольги. Значительное увеличеніе населенія объясняется притокомъ китайцевъ.

Если г. Надаровъ въ началѣ 80-хъ годовъ по р. Санденбэю нашелъ 4 фанзы, то теперь, верстахъ въ 6—7 отъ устья рѣки, расположено большое село Санхабэ, состоящее изъ 32 фанзъ, разбросанныхъ на протяженіи 10—15 верстъ по обоимъ берегамъ Санденбэи. Это поселеніе можно считать вполнѣ манзовскимъ, потому что изъ 32 фанзъ только 9 имѣютъ жителями удинѣ или семьи смѣшанныя. Поэтому и обозначаю здѣсь лишь эти 9 фанзъ. Въ первой фанзѣ хозяинъ — китаецъ, женатъ на вдовѣ удинѣ, имѣющей отъ первого мужа — удинѣ двухъ сыновей (3 м., 1 ж.). Во второй фанзѣ изъ 10 жителей (6 м., 4 ж.) три китайца-работника, остальные — удинѣ; въ третьей — два китайца и двѣ женщины — удинѣ (2 м., 2 ж.); въ четвертой — одинъ удинѣ, два китайца (3 м.); въ пятой изъ 10 жителей (2 м., 8 ж.) всѣ удинѣ; въ шестой 9 жителей (5 м., 4 ж.); хозяинъ — китаецъ, хозяйка — удинѣ, у нихъ три сына и три дочери да работникъ — китаецъ; въ седьмой — шесть жителей (5 м., 1 ж.) — всѣ китайцы, лишь женщина — удинѣ; въ восьмой всѣ 10 жителей (5 м., 5 ж.) — удинѣ; девятая фанза изъ 10 человѣкъ (8 м., 2 ж.) имѣеть такой составъ: хозяинъ — солонъ, женатый на женщинѣ удинѣ и дѣти отъ этого брака. Вполнѣ подтверждая сообщеніе г. Большева о пригодности долины р. Санденбэя для заселенія, долженъ указать, что долина затоцляется рѣдко, лишь въ исключительныхъ наводненіяхъ, каково, напримѣръ, наводненіе 1896 г. Долина покрыта довольно глубокимъ слоемъ чернозема, очень плодородна и тщательно воздѣлывается китайцами. По моему мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ село Санхабэ будетъ играть видную роль въ экономической и промышленной жизни края. Сама по себѣ рѣка отличается глубиною и сплавна на всемъ почти теченіи; въ устье ея свободно проходятъ нагруженныя рыбою японскія шкуны. Рыбы въ эту рѣку идетъ много, и этотъ участокъ считается наилучшимъ на побережья Япон-

скаго моря. Горы, окружающія долину, покрыты прекраснымъ кедровымъ лѣсомъ, въ разработкѣ котораго уже приступила лѣтомъ 1898 г. компанія владивостокскихъ коммерсантовъ. Разработка лѣсныхъ богатствъ сильно оживить рѣку, привлечетъ сюда еще большее населеніе, при чемъ тутъ поселятся и русскіе; потребности лѣсопильни вызовутъ спросъ на продукты сельскаго хозяйства, что заставитъ жителей расширить и безъ того обширныя пашни.

За рѣкою Санденбекъ прекращаются на большое разстояніе поселенія удинѣ, или тазъ, уступивъ мѣсто одинокимъ фанзамъ манзъ. Вновь селенія удинѣ появляются на р. Тадушу, или Тазуши (Лефуле); но здѣсь, какъ и дальше по другимъ рѣкамъ, удинѣ живутъ уже островками среди мензовскаго моря и теряютъ основу національности—языкъ. По сообщенію ольгинского пристава г. Шкуркина, переданному мнѣ лично лѣтомъ 1897 г., на р. Тадушу только тѣ удинѣ говорятъ, лучше сказать, знаютъ еще свой языкъ, которымъ болѣе 40 лѣтъ; молодое же поколѣніе забыло родную рѣчъ и говоритъ по-манзовски. Подобное явленіе, печальное для національности удинѣ, замѣчается повсемѣстно на югѣ.

Не имѣя подъ руками свѣдѣній, добытыхъ послѣднею переписью, затрудняюсь сказать что-либо опредѣленное о количествѣ тазъ, обитающихъ на рр. Тазуши, Аввакумовкѣ и другихъ; могу сказать лишь то, что количество ихъ значительно уменьшилось: г. Пржевальскій въ концѣ 60-хъ годовъ насчиталъ на р. Шерудинѣ 25 фанзъ китайцевъ и удинѣ, т. е., полагая по 5 жителей на фанзу, 125 человѣкъ, а г. Шкуркинъ, переписывая жителей по той же рѣкѣ лѣтомъ 1897 г., нашелъ лишь 97 человѣкъ¹⁾. Во время экспедиціи на Сучанѣ, лѣтомъ 1896 г., мною добыты слѣдующія свѣдѣнія о поселеніяхъ и количествѣ удинѣ!

На р. Сяо-Судухѣ, верстахъ въ 7—8 отъ впаденія ея въ Та-Судухѣ, имѣются удинѣ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ Ли-чанга проживаютъ жена хозяина и ея братъ, родителями которыхъ были отецъ-манза и мать-тазачка, и работникъ, родители котораго были удинѣ. Въ фанзѣ Шуэнца (или Тисерь) жителей 8 (4 м., 4 ж.)—всѣ удинѣ; въ фанзѣ Лойси—5 жителей (2 м., 3 ж.) всѣ тазы, или удинѣ, въ фанзѣ Лянсыра—1 удинѣ. На р. Та-Судухѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, находятся удинѣ въ слѣд. фанзахъ: въ фанзѣ манцы Лю-мин-хѣ жена-удинѣ и работникъ-удинѣ (1 м., 1 ж.), далѣе идетъ семья удинѣ Тоцара (1 м., 1 ж.), Канжара (2 м., 2 ж.), старухи Оригуэго (2 м., 2 ж.). Семья Кохолуна состоитъ изъ хозяина-таза, жены-корейки и дѣтей отъ этого брака—двухъ сыновей и дочери (3 м., 2 ж.). Въ фанзѣ Чанчуна мужъ и жена — удинѣ, а товарищъ мужа —

¹⁾ «Поязданка на р. Лифудинѣ для переписи населенія въ 1897 г.», («Приамурскія Вѣдомости», №№ 202—203).

китаецъ; въ фанзѣ китайца Лію—два удинѣ (2 м.); въ фанзѣ Чуй-фү и Тен-дю-фү тазъ 6 (4 м. и 2 ж.); въ фанзѣ Тодина 5 жителей — удинѣ (4 м., 1 ж.). Въ мѣстности, называемой Тудугуо, есть фанза, хозяинъ коей полутазъ, жена-тазачка; у нихъ три сына и одна дочь, при чемъ меньшій сынъ, двухлѣтній ребенокъ, имѣетъ русые курчавые волосы — явленіе, весьма рѣдкое среди удинѣ. Въ фанзѣ манзы Цуй-шен-юна одинъ тазъ (1 м.).

Въ бухтѣ Чутовѣ, недалеко отъ впаденія Та-Судуха въ море, находится фанза таза-капустолова Шавшуна (1 м.); въ бухтѣ Лонгувай (близъ б. Находка), въ фанзѣ, 3 жителя—удинѣ (2 м., 1 ж.).

Изъ сказанного ясно, что въ восточной части Зауссурійскаго края насчитывается около 500 удинѣ обоего пола. Если присоединить сюда неизвѣстное количество по рр. Тауху, Либудину и другимъ; если прибавить тѣхъ удинѣ, которые, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, обитаютъ близъ гор. Никольска-Уссурійскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, то всего удинѣ едвали наберется $3\frac{1}{3}$ тысячи.

Сосѣдями удинѣ на сѣверѣ, западѣ и югѣ являются различные родственные и неродственные народы, которые оказываютъ на нихъ сильное вліяніе. На сѣверѣ они примыкаютъ и постоянно сталкиваются съ орочами или орочонами р. Коши и Императорской гавани¹⁾). На западѣ и сѣверо-западѣ сосѣдями удинѣ являются гольды и манзы; на югѣ—исключительно манзы и отчасти русскіе.

Изъ названныхъ народовъ наибольшую роль въ жизни удинѣ въ настоящее время играютъ китайцы, или манзы. Столкновеніе удинѣ съ китайцами, однимъ изъ культурыйшихъ народовъ восточной Азіи, уходитъ въ почтенную давность: начало его восходитъ къ XVII столѣтію. Китайцы, этотъ практичный, предпріимчивый и ловкій народъ, подчинившій своему культурному вліянію своихъ побѣдителей маньчжуровъ и образовавшій особый народъ манзъ (т. е. маньчжуро-китайцевъ), уже давно прорвались въ Зауссурійскій край и распространяютъ здѣсь свой языкъ, религію, нравы и обычаи, вліяя даже на измѣненіе физического типа аборигеновъ его—удинѣ и гольдовъ. Надвигаясь съ юга (по арх. Палладію, съ Хуньчуна), манзы тѣснили удинѣ и отодвигали ихъ постепенно на сѣверъ. Если взять недавнѣе прошлое, то въ долинѣ Сучана, напримѣръ, со временемъ г. Пржевальскаго, впервые указавшаго на присутствіе большого количества манзъ на Сучанѣ, и со времени доклада г. Надарова („Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края“, Владивостокъ, 1886 г.) многое измѣнилось. Въ настоящее время

¹⁾ Объ этихъ орочахъ писалъ г. Маргаритовъ: «Объ орочахъ Императорской гавани», С.-Петербургъ, 1888 г.

Сучанъ не является мѣстомъ главнаго скопленія манзъ, потому что распоряженіе покойнаго военнаго генералъ-губернатора бар. А. Н. Корфа о выселеніи съ долины этой рѣки манзъ, ежегодно увеличивающеся поселеніе русскихъ переселенцевъ сильно измѣнили этнографическую физіономію данной мѣстности. Быть можетъ, упомянутыя только что обстоятельства явились причиной дальнѣйшаго движенія манзъ на сѣверъ, безостановочно совершающагося и понынѣ. Благодаря этому движенію, давно уже позади оставлена манзами граница, 46-й градусъ сѣверной широты, указанная г. Вениковымъ, какъ предѣлъ поселеній ихъ на сѣверѣ. Мы видѣли, что манзы проникли и осѣлись уже на р. Кушунгоу, не говоря о томъ, что для торговыхъ цѣлей они проникаютъ зимою гораздо сѣвернѣе. Сказанное о приморской части Зауральскаго края вполнѣ примѣнно и къ захребетной: и здѣсь манзы проникли далеко въ глубь страны удинѣ, подчиняя послѣднихъ своему вліянію.

Всестороннему разсмотрѣнію вліянія китайскихъ выходцевъ на различныя стороны материальнаго и духовнаго быта удинѣ отчасти посвящены всѣ послѣдующія главы настоящей монографіи, потому что, изслѣдуя бытъ удинѣ, нельзя не говорить о вліяніи на нихъ манзъ.

ГЛАВА V.

Физическая особенности удинѣ.

Расовые признаки удинѣ никѣмъ еще научно не изучались. Не беря на себя подобной тяжелой и непосильной по специальности работы, я рѣшаюсь представить въ этой главѣ нѣкоторый материалъ и нѣсколько заключеній и соображеній по этому важному вопросу, опираясь на результаты, добытые учеными относительно другихъ народовъ, въ частности относительно инородцевъ Сибири.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о классификаціи инородцевъ Амурскаго края, будемъ исходить изъ той мысли, что удинѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими инородцами принадлежать къ тунгусскому племени. Поэтому вся наша задача, при изложеніи этой главы, будетъ состоять въ сообщеніи материала, который можетъ дать возможность къ установлению отношенія удинѣ ко всему племени, а равно и къ отдѣльнымъ вѣгамъ того народа, который известенъ въ этнографіи инородцевъ Азіи подъ названіемъ орочей.

Принимая во вниманіе, что на территории удинѣ едва ли происходили

въ историческія времена сильныя передвиженія народовъ и племенъ, а равно считая отчасти справедливымъ мнѣніе геолога Д. В. Иванова, что сѣверная часть Зауссурійскаго края, угрюмая и суровая, всегда была непривлекательною для человѣка, слѣдовало бы предположить, что чистый физическій типъ удиnэ долженъ быть сохраниться въ неприкосновенной цѣлостности. Но подобного рода предположеніе было бы слишкомъ прямолинейнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что Зауссурійскій край, несмотря на гористый характеръ, при обилии рѣкъ и переваловъ, представляетъ возможность для всякаго рода передвиженій и сближеній населяющихъ его народовъ; не надо упускать изъ виду и то обстоятельство, что уже въ историческія времена, издавна, удиnэ приходили въ соприкосновеніе съ различными родственными и неродственными племенами; стоитъ припомнить, что удиnэ, мирный и беззечный, не сторонится приходящихъ на его территорію народовъ, но скоро и легко входитъ въ общеніе съ ними, подчиняясь вліянію болѣе культурнаго изъ нихъ,—слѣдуетъ имѣть все сказанное въ виду, чтобы признать, что удиnэ, какъ и многіе другіе инородцы Амурскаго края, не сохранили чистоты своего физического типа.

На основаніи современныхъ данныхъ положительно можно сказать, что удиnэ представляютъ помѣсь многихъ народовъ. Браки удиnэ съ орочами Императорской гавани, приобрѣтеніе или похищеніе женщинъ-удиnэ гольдами, въ позднѣйшее время все усиливающееся сожительство манзъ съ женщинами этого народа—произвели такую этнографическую мѣшаницу, что изъ нея трудно выдѣлить цѣльный физическій типъ. Но здѣсь только что сказаннаго вполнѣ станетъ понятнымъ то разнообразіе характеристикъ физическаго типа удиnэ, какое представляетъ литература. Венюковъ, впервые описавшій тазовъ, или удиnэ, нашелъ, что они менѣе худощавы, въ отношеніи рукъ и ногъ болѣе мускулисты, сравнительно съ прибайкальскими тунгусами; лицо ихъ не имѣть угловатости исто-монгольскихъ племенъ, каковы буряты, калмыки и др.; склады дуги у нихъ выдаются меньше, носъ не плоскъ, промежутокъ между глазами не такъ широкъ и, наконецъ, глаза часто лишь сѣрые, а не черные¹⁾. Максимовичъ замѣтилъ, что на рѣкѣ Хорѣ тазы даже выше средняго роста, красиво сложены, съ пріятнымъ лицомъ и высокимъ носомъ, но съ рѣдкою бородою²⁾. г. Надаровъ³⁾ пишетъ: „Лицо орочона нѣсколько продолговатое и не такое плоское и широкое, какъ лицо гольда; скулы у орочона таиня же выдающіяся, какъ у гольда, носъ менѣе приплюснутый и зачастую даже острый. Разрѣзъ глазъ косой. Волосы на головѣ у орочона

¹⁾ Цитирую Венюкова по сочиненію Шренка, стр. 302.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Op. cit. 74 стр.

черные, густые и жесткие; усы и борода черные, редковатые. Кисти рукъ и ступни ногъ малыя. Вообще по фігурамъ орочонъ представляется сухощавымъ, но мускулистымъ. У женщинъ формы тѣла очень округленныя. Губы у мужчинъ и женщинъ толстыя“.

Въ трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г. читаемъ: „Орочонъ средняго роста, стройнаго и красиваго тѣлосложенія, съ плавными, граціозными движеніями. Женщины, наоборотъ, низкаго роста, широкаго, приземистаго сложенія, съ неуклюжей, переваливающейся походкою. Лицомъ орочонъ совершенно похожи на китайцевъ ¹⁾). Хотя г. Маргаритовъ говоритъ въ своей работѣ объ орочахъ Императорской гавани, но такъ какъ онъ включилъ въ нее и удина, живущихъ на р. Ботчи (у него названа Ботиль), и такъ какъ орочи Императорской гавани являются ближайшими родичами удинъ, то я позволю себѣ привести сдѣланную имъ характеристику общаго физического типа орочей, характеристику, наиболѣе полную изъ всего, что писалось доселѣ. „Голова небольшая,—пишетъ онъ ²⁾—лицо большое, лобъ прямой и невысокий, лобные бугры слабо развиты и сближены; виски (отъ полукружныхъ линій идутъ прямо назадъ) плоскіе. Затылокъ плоскій и у большинства спускается почти прямой линіей отъ макушки къ шеѣ; затылочный бугоръ неясно ощущается, или же ощущается въ видѣ поперечного вала, лежащаго несимметрично... Лицо плоское и широкое у скуль и немного сужено къ верху и къ низу; при томъ бываетъ какъ короткое (квадратъ), такъ и продолговатое (прямоугольникъ). Носъ у большинства съ низкой спинкой и незамѣтно расплюзывающійся въ стороны... Курносыхъ и длинноносыхъ, собственно говоря, нѣть... Глаза вообще небольшіе, черные... Челюсти сильно развиты и вооружены большими, крѣпкими и частыми зубами... Руки и ноги не мускулистыя, ноги съ кривизною у колѣнъ наружу, кисти рукъ и ступни ногъ маленькия“... Къказанному необходимо добавить, что г. Маргаритовъ различаетъ двойственный типъ орочей Императорской гавани: одинъ плосколицый и безводосый или маловолосый, другой—длиннолицый и многоволосый.

Не предрѣшая напередъ вопроса объ общемъ физическомъ типѣ удинъ, я постараюсь ниже привести тѣ антропометрическія данные, которыхъ удалось мнѣ добыть въ экспедицію 1896 г. Подвергнуто было измѣренію 32 особи—удина, мужчинъ и женщинъ, стариковъ, взрослыхъ и дѣтей. А чтобы читатель могъ судить о достоинствѣ крови, текшей въ жилахъ мню измѣренныхъ субъектовъ, я предварительно приведу краткія свѣдѣнія объ ихъ происхожденіи и жизни до периода измѣренія.

¹⁾ Подобное же замѣчаніе см. у А. Максимова, «С.-Петербург. Вѣдом.» 1880 г. № 178.

²⁾ Op. cit. 37 стр.

Таза Шуюнцай (говорить, въ молодости звали его Тисэръ) родился отъ чистокровныхъ тазъ на р. Та-Судухъ; 22-хъ лѣтъ перешелъ на р. Сучанъ, и черезъ 10 лѣтъ на Сяо-Судуху. Жена его Инчерь—также чистокровная тазачка. Изъ ея дѣтей измѣренъ сынъ Шонсай. Племянникъ Шуюнца Шхаръ родился отъ тазъ: отца Соцара и матери Сигеръ на Сучанѣ. Переbrался на Сяо-Судухъ въ 1884 г., когда, по приказанію по-коинаго генераль-губернатора Приамурскаго края барона Корфа, выгоняли съ Сучана манзъ. Приставъ Марковъ, не зная племенного состава населенія Сучанской долины, принялъ тазъ за манзъ и выслалъ первыхъ вмѣстѣ съ послѣдними.

Таза Лойсай родился на Сучанѣ, а въ 1884 г. переселился на Сяо-Судухъ. Жена его Юэ родилась отъ тазачки и манзы на Сучанѣ. Племянникъ его Шуа—чистокровный таза.

Лаказа родился на Сучанѣ отъ тазачки и манзы.

Суа—родной братъ Шуюнца, чистокровный таза.

Сичарь—чистокровная тазачка, родилась на р. Та-Судухѣ, гдѣ и вышла замужъ за манзу Лю-мин-хэ. Карапъ ея дочь отъ этого брака.

Тодаръ и его жена Цайнхэръ—чистокровные тазы; родились: мужъ на р. Тауху, жена—на Сучанѣ.

Канжаръ и жена его Чогбръ—чистокровные тазы. Онъ родился на р. Ихусунѣ, она—на Та-Судухѣ.

Чуминдай—чистокровный таза, родился на Та-Судухѣ, бродилъ по Сучану, Сяо-Судухѣ.

Чумуйэ—родился на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кохолуйнъ (имя манзовское) считаетъ себя чистокровнымъ тазою, хотя сосѣди утвердительно заявляли мнѣ, что онъ происхожденія смѣшанного. Сынъ его Сыръ родился отъ брака съ корейкою.

Ленгарь—чистокровная тазачка, родилась и выросла на Сучанѣ.

Братья Юнхіэ и Чюнциэ родились на Сучанѣ отъ родителей тазъ.

Кинцаръ родился на Сучанѣ, какъ и жена его Ямі отъ чистокровныхъ тазъ. Ихъ сынъ Шоръ.

Таза Чингарь родился на Та-Судухѣ отъ родителей тазъ.

Чистокровный таза Тодинъ родился на Та-Судухѣ, а женился на Сучанѣ на Кыръ, отцомъ которой былъ—манза, матерью—тазачка.

Братья Оршай и Сыръ родились—первый на Та-Судухѣ, второй—въ бухтѣ Ченсазавай отъ тазъ.

Чистокровный таза Чангыръ глубокій старикъ.

Шань родилась на Сучанѣ отъ чистокровныхъ тазъ, но вышла замужъ за Чан-Сугуна, у которого отецъ—манза, мать—тазачка.

Измѣренія означенныхъ удины производились самодѣльнымъ приборомъ, устроеннымъ по образцу краніометра, и метрическою лентою. Поэтому цифры моихъ измѣреній слѣдуетъ считать лишь приблизительными; величины мною всюду показываются въ сантиметрахъ.

Измѣренія тѣла дали слѣдующія цифры:

ИМЕНА И ПОЛЪ.	Сложение.			Р а з м е р ы т ъ ё л а .																																					
	Худое.	Среднее.	Толстое.	Ростъ стоя.			Высота сухо- вого отверстия.			Высота шижи- ного края подбо- рodka.			Высота астроми- он'я.			Высота Еріcon- dylus'a.			Высота верхни- го края средни- го пальца.			Объемъ груди.		Ширина плечь.		Длина плеча.		Длина предпле- чья.		Длина кисти ру- ки.		Обхватъ ладони.		Длина голени.		Длина ступни.		Обхватъ ступни.		Дѣга.	
				Ростъ спин.	Высота сухо- вого отверстия.	Высота шижи- ного края подбо- рodka.	Высота астроми- он'я.	Высота Еріcon- dylus'a.	Высота верхни- го края средни- го пальца.	Объемъ груди.	Ширина плечь.	Длина плеча.	Длина предпле- чья.	Длина кисти ру- ки.	Обхватъ ладони.	Длина голени.	Длина ступни.	Обхватъ ступни.	Дѣга.																						
Шуюнцай м.	худ.	—	—	174	90,2	158,4	150,2	143	111,2	63	87,9	41	35,5	26,8	19,2	19,2	44	23	23,5	42																					
Инчерь ж.	ср.	—	—	154,7	79,7	144,2	128,9	132,5	98,7	57,6	85 ¹⁾	37,2	28	24,4	18,3	18,3	36	23,3	21,1	41																					
Шонсай м.	ср.	—	—	137,8	74,1	123,8	118,7	112,2	85,4	50	66	27,6	24,5	21	14,8	16,8	31,9	21,2	20,6	13																					
Пхаръ м.	ср.	—	—	169	87	153,2	142,8	139,7	105,5	64,5	91	38,8	33,4	24	20	20,3	41	25,3	24,8	28																					
Лойсай м.	ср.	—	—	177	96,7	165	159	151,3	116,4	66,8	92	36,8	38	27	19,5	20,5	43,5	26,7	25	26																					
Юэ ж.	ср.	—	—	157,7	80,3	148,3	136,7	129,8	102,5	59,7	85,3	34,5	36,2	24,2	18,9	19,1	37	24,2	22	20																					
Шуа м.	ср.	—	—	156,6	79	144	135,5	129,6	97	58,2	81,6	35,7	28,8	24,7	18,8	19,4	39	24	22	17																					
Лаказа м.	ср.	—	—	134,5	69,4	125,7	116,9	106	82,4	45,5	67,3	30	24	19,3	15,7	16,2	28,5	20,9	18,9	12																					
Суа м.	ср.	—	—	178,4	94	167,6	156	148,3	117,3	70,6	87,3	41	32,9	27,8	18,8	18,5	40,5	27	24,6	30																					
Сичарь ж.	худ.	—	тол.	160,3	82,9	149	138,5	133,2	103,8	64,9	89	40	30,7	23,6	16,3	17,8	35,5	22,3	23,5	32																					
Карь ж.	худ.	—	—	125,6	67,2	115,5	107	98,6	75,1	42,7	60,4	30,2	27,7	16,3	14	14,4	29,5	69,3	19	11																					
Тоцарь м.	худ.	—	—	178,8	92,3	165,7	155	150,8	115,3	70	90,8	40	34	25	21,7	21	41,2	26,4	23,5	35																					
Пайэръ ж.	—	—	тол.	153,8	81,6	110,7	121,9	125,1	91,9	53,8	89,5	35,5	28,1	22	18,6	19,7	38,5	21,4	23	36																					
Канжарь м.	худ.	—	—	170,5	88,7	159	149,7	142,5	108,7	64,3	89,2	32,2	32	28	21,1	23,1	39,4	27,4	25,8	21																					
Чогбръ ж.	худ.	—	—	158,1	81	146,1	137,8	132,2	101,8	62,2	80	32,5	30	23,3	18	17,5	37	23	24	21																					
Чуминда м.	—	—	ср.	168,8	91	157,7	148,3	133,3	106	62,8	77,8	39	27,7	24	19	17,5	37,9	24	24,3	60																					
Чумуйэ ж.	—	—	ср.	165,4	86,2	157	147	139	105,2	60	84,8	39,7	31,2	24,7	19,3	20,1	39,8	24,7	25	27																					
Кохолунь м.	худ.	—	—	169,1	78	156,7	149,2	141,9	109,7	63,1	80,8	37,6	33,7	27,5	21,2	19,5	42,5	27	21	41																					
Сарь м.	—	—	ср.	159,4	74,7	145,9	137,3	131,6	101,5	58,3	76,3	35,7	27,6	23,3	18,2	19	37,4	23,9	22,9	17																					
Ленгаръ ж.	худ.	—	—	155	75,2	143,3	135,7	125,9	95,3	59,4	78	35,4	29,8	23	17	16,5	37,5	21	19,5	27																					
Юнхэ м.	ср.	—	—	161,2	81,2	149,8	142	132,8	97,9	56	79,9	40,5	33,1	25,7	18,8	21	38,5	24,3	23,9	20																					
Чунціэ м.	ср.	—	—	144,5	70,8	135,5	130,6	117,9	88,1	50	73	36,5	26,7	21	16	16,8	34,9	23,8	22,3	12																					
Кинцарь м.	ср.	—	—	166,5	86,4	153,1	143,8	141,5	108,8	62,4	89	42	35,2	28,7	20,2	19,8	39	26,2	23,5	38																					
Ямъ ж.	ср.	—	—	147,4	83,7	134,5	126	124,8	93,8	58	81	33,5	29,3	24,5	17,5	17	32	23,5	22,6	38																					
Шоръ м.	худ.	—	—	116,8	59,5	104,2	100	92	70,7	42	57	28	21	18,5	14,3	14	27	20,1	19,2	9																					
Чангарь м.	—	—	ср.	161,7	86	150,1	141,5	136,8	106	64	82,3	34,7	30,5	23,6	20	20	39,7	26,4	24	49																					
Тодинъ м.	худ.	—	—	175,3	95,2	163,3	150,8	139,8	109	67	89,8	40	35,2	26	23,5	22	42,5	26,3	25	40																					
Кыръ ж.	—	—	ср.	161,4	89,1	150,7	142,5	131,4	100,7	64,7	81,8	38,5	33	24	18,4	18,9	37	25	22,8	31																					
ОршАО м.	—	—	ср.	160,4	89,8	148,6	137,8	129,7	99,2	61,5	81,5	38	31,8	23,3	19,9	18,8	38,8	24,4	21,8	32																					
Сыръ м.	—	—	ср.	164,2	87	156,3	142	134,5	102,8	63,4	88,3	42,3	34,7	25	20,5	22	38	24,8	24,1	25																					
Чангыръ м.	худ.	—	—	171	85,9	159,4	148,6	141,5	112	65,5	90,1	40,3	33,8	26,5	21,3	21,3	37,8	28,5	27,5	72																					
Шанъ ж.	худ.	—	—	156,4	79,2	146,3	133,8	126	95,5	61,5	81	35,4	31,5	21,2	18,1	18,3	36	24,4	21,8	28																					

¹⁾ Женщины нельзя было измерять, обнажив ихъ, поэтому объемъ груди измерялся чрезъ платье (двѣ рубахи).

При измѣрении: 1) У Чумуйэ на обѣихъ ногахъ выдается второй отъ большого пальца. 2) При измѣрении Ленгаръ и др. женщинъ оказалось, что измѣрять женскія головы мешаютъ обильные волосы. 3) У Година на ногахъ, при обхватѣ ступни, шишкы; на обѣихъ ногахъ большой палецъ и слѣдующіе равны. 4) У ОршАО на обхватѣ ладони, около мизинца, шишкы. 5) У старика Чангыра на объемѣ голени, съ обѣихъ сторонъ, шишкы; на обѣихъ ногахъ второй отъ большого пальца длиниче. Шишкы ревматического происхождения.

Представленная таблица позволяет сдѣлать слѣдующіе выводы: во-первыхъ, толстые субъекты среди удиңэ явлење весьма рѣдкое; большая часть ихъ средняго или худощаваго (тощаго) тѣлосложенія. Во-вторыхъ, прімѣсь манзовской крови влечетъ увеличеніе роста и другихъ частей тѣла. Въ-третьихъ, сравненіе моей таблицы съ таблицею г. Маргаритова ¹⁾, измѣрившаго орочей Императорской гавани, показываетъ почти полное совпаденіе цифръ роста, длины кисти руки, обхвата ладони, если перевести его миллиметры на мои сантиметры. Поэтому весьма вѣроятно, что ростъ, длина кисти и обхватъ ладони, въ отношеніи размѣра тѣла, являются наиболѣе устойчивыми физическими признаками для различныхъ вѣтвей одного народа, известнаго подъ именемъ орочей, а затѣмъ, можетъ быть, и для всего тунгусского племени ²⁾.

По цвѣту волосъ всѣ измѣренные субъекты оказались черноволосыми, два имѣющими красный отливъ, одинъ—чернорыжеватые волоса. На бровяхъ, вѣкахъ, бородѣ и усахъ ³⁾ волосы совершенно такого же цвѣта, какого цвѣта волоса на головѣ ⁴⁾. Растительность на усахъ и бородѣ рѣдкая, на бровяхъ гуще, но не настолько густая, какъ у орочей Императорской гавани. Сѣдыхъ въ обѣ экспедиціи приходилось видѣть мало; сѣдѣть начинаютъ съ 60 лѣтъ и позднѣ. Въ бассейнѣ Та-Судухѣ, на Сучанѣ и по побережью Татарскаго пролива мнѣ встрѣтилось не болѣе десятка сѣдоволосыхъ, вообще старыхъ мужчинъ и женщинъ. Весьма вѣроятно, что до старости доживаютъ немногіе удиңэ, потому что невзгоды жизни, а особенно осененія эпидеміи поражаютъ, главнымъ образомъ, взрослое населеніе. Да, по правдѣ сказать, старикъ и старуха представляютъ нѣчто невыразимо жалкое и беспомощное въ современномъ быту удиңэ. Слѣпота, глухота, подчасъ общее разслабленіе организма лишаютъ удиңэ возможности принимать дѣятельное участіе въ жизни юрты или фанзы; такие старики и старухи почти совершенно заброшены,—и имъ остается только поскорѣе сойти въ могилу, чтобы не обременять своимъ безполезнымъ существованіемъ другихъ. Живя изо дня въ день, ничего не сберегая про черный день, удиңэ готовить себѣ самую грустную старость!

Подобно цвѣту волосъ весьма однообразенъ и цвѣтъ глазъ. Основнымъ цвѣтомъ глазъ для удиңэ является карій съ нѣкоторыми немногочи-

¹⁾ Ор. сіт. 38—39.

²⁾ Труды антропологического общества 1894—1895 уч. года, т. II, статья г. Никольского: «Этнографическо-антропологический очеркъ восточныхъ черемисъ», стр. 54.

³⁾ Борода и усы имѣются у очень немногихъ мужчинъ.

⁴⁾ Свѣтлые волосы у мальчика, о которомъ упоминалось на стр. 59, являются единичнымъ и рѣдкимъ исключеніемъ.

сленными оттѣнками. Такъ, изъ 32 субъектовъ, измѣренныхъ мною, у 24 встрѣтился карій цвѣтъ глазъ, у 4-хъ—темно-карій, у 2-хъ—свѣтло-карій, черный—у одного и сѣрий—у одного. При этомъ слѣдуетъ оговориться, что у стариковъ, напримѣръ, у семидесятидвухлѣтняго Чангыра, трудно опредѣлить цвѣтъ глазъ, потому что онъ измѣнился отъ времени, вылияль такъ сказать. Каріе или черные глаза встрѣчались мнѣ исключительно и по побережью Татарского пролива.

Труднѣе мнѣ было опредѣлить цвѣтъ кожи: я видѣлъ удиѣ лѣтомъ, когда они загорѣли подъ вліяніемъ жаркихъ лучей лѣтняго солнца. Но на основаніи съѣдѣній другихъ изслѣдователей, видѣвшихъ удиѣ зимою, можно сказать, что основнымъ цвѣтомъ кожи ихъ слѣдуетъ признать темновато-бурый. На открытыхъ мѣстахъ тѣла—на шеѣ, лицѣ, ногахъ—этотъ цвѣтъ приближается къ темному, а у нѣкоторыхъ, особенно у тѣхъ, которые являются дѣтьми манзъ и тазачекъ, онъ переходитъ въ темно-оливковый. Свѣтлый цвѣтъ кожи, какъ рѣдкое исключеніе, я встрѣтилъ лишь у одного субъекта, который явился плодомъ любовныхъ похожденій лѣсной стражи.

Перехожу къ нѣкоторымъ частнымъ измѣреніямъ.

Остановлюсь сперва на данныхъ, полученныхъ отъ измѣренія и изслѣдованія глазъ.

Имена и поль.	Велики или малы.	Углублены или выдаются.	Прямые или косые.	Ясно, неясно или вовсе прикрытъ слезный бугорокъ.	Лѣта.
Шуюнцай мужч.	малые	углуб.	слабо косы	не закрыть.	44
Инчерь жен.	маловаты	не углуб.	наружн. углы припод.	не закрыть.	41
Шонси муж.	малые	углуб.	косые	неясно	13
Пхаръ »	большіе	выдаются	прямые	ясно	28
Лойси »	малые	нормал.	верх. углы припод.	ясно	26
Юэ жен.	малые	средн.	верх. углы припод.	ясно	20
Шуа муж.	сред. вел.	не углуб.	полупрямые	неясно	17
Лаказы муж.	узкіе	не углуб.	наруж. углы припод.	закрыть	12
Суа муж.	малые	углуб.	косые	неясно	30
Сичарь жен.	малые	средн.	наруж. углы припод.	неясно	32
Карь дѣв.	сред. вел.	средн.	наруж. углы припод.	неясно	11
Тоцарь муж.	сред. вел.	средн.	прямые	ясно	35
Цайлгэръ жен.	сред. вел.	средн.	наруж. края припод.	ясно	36
Канжаръ муж.	большіе	средн.	нар. края немного при.	неясно	21
Чагдръ жен.	малые	средн.	косые	неясно	21
Чуминдѣа муж.	сред. вел.	углуб.	прямые	ясно	60
Чумуйэ муж.	сред. вел.	не углуб.	косые и нар. края прип.	ясно	27
Кохолунъ муж.	большіе	не углуб.	прямые	ясно	41
Сяръ муж.	большіе	не углуб.	косые	ясно	17
Ленгэръ жен.	малые	виалные	косоватые	неясно	27
Юнхіэ муж.	сред. вел.	не углуб.	прямые	неясно	20
Чуншіэ муж.	сред. вел.	не углуб.	наруж. края припод.	неясно	12
Кинцарь муж.	большіе	не углуб.	почти прямые	немного закр. (неясно)	38
Ями жен.	сред. вел.	средн.	немного косые	неясно	38
Шоръ мальч.	сред. вел.	нормал.	наруж. края припод.	закрыть	9
Чангарь муж.	сред. вел.	нормал.	прямые	неясно	49
Тодѣвъ муж.	малые	углуб.	немного косые	неясно	40
Кыръ жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно	31
Оришад муж.	малые	углуб.	прямые	закрыть	32
Сыръ муж.	сред. вел.	не углуб.	верх. вѣко опущено	неясно	25
Чангыръ муж.	малые	углуб.	косые	неясно	72
Шаянь жен.	сред. вел.	не углуб.	прямые	ясно.	28

П р и мѣч ани я: 1) У Иничерь верхнее вѣко толстое; наружный край его свѣшивается; нижнее вѣко тоже свѣшивается.
 2) У Лойси верхнее вѣко висить.
 3) У Шонси правый глазъ пораженъ катарарактой.
 4) У Лаказы оба вѣка такъ толсты, что глаза представляютъ щели

Изъ представленной таблицы ясно, что большие глаза среди удине встречаются какъ рѣдкое исключеніе. Преобладающими являются или средніе или малые, причемъ они не сидятъ въ глубинѣ глазной впадины; нельзя признать глаза удине и косыми, тѣмъ болѣе, что слезный бугорокъ, какъ

И М Е Н А .	Н о с т ъ .						Г у б ы .		
	П о л .	Возраст.	Длина.	Ширина.	Длина выступа.	Очертание.	Межглазное пространство.	Толстая или тонкая.	Сжатыя или раскрытыя.
Шуюнцай. . . .	м.	42	4,8	3,6	8,3	съ небол. горбик.	2,7	тол.	полураскр.
Инчерь. . . .	ж.	41	4,3	3,5	8,5	прям.	3	тол. ниж. губа	раскр.
Шонсан. . . .	м.	13	4,1	3,3	7,6	распл.	2,9	тол.	вер. губ. прип.
Шхаръ	м.	28	4,9	3,9	8,1	курн.	3,1	сред. вел.	ниж. губ. раскр.
Лойси	м.	26	5,2	3,5	9,6	съ больш. горб.	3,1	ниж. губ. толст.	сжат.
Юэ. . . .	ж.	20	4,8	3	8,6	распл.	3,6	тол.	вер. губ. прип.
Шуа	м.	17	4,4	3,6	8	прям.	3	тол.	раскр.
Лаказа	м.	12	3,4	3,2	6,6	распл. въ стор.	3,4	тол.	раскр.
Суа	м.	30	4,5	3,3	8,2	прям.	3,1	средн. вел.	вер. губ. прип.
Сичаръ	ж.	32	4	3,5	7,8	прям. распл. въ стор.	3,3	средн. вел.	сжат.
Картъ	ж.	11	3,7	3,2	7	вставл. распл.	3,8	ниж. губа.тол.	раскр.
Тоцаръ	м.	35	5,7	3,9	8,4	прям.	3,4	сред. вел.	сжат.
Цайгэръ	ж.	36	4,2	4,3	8,1	курн.	3,8	тол.	раскр.
Канжаръ	м.	21	4,8	3,6	9,5	прям.	3,2	тонк.	полураскр.
Чагоръ	ж.	21	4	3,2	8,3	курн.	2,7	тол.	ниж. губ. отв.
Чуминда	м.	60	5,1	3,8	5,2	прям.	3,5	тонк.	сжат.
Чумуйэ	м.	27	4,7	3,7	8,4	прям.	3,6	ниж. губ. тол.	сжат.
Кохолунъ	м.	41	5	3,7	9,5	вздер.	3,2	тол.	раскр.
Сяръ	м.	17	4,7	3,3	8,2	прям. съ горб.	2,9	тол.	раскр.
Лепгаръ	ж.	27	4,6	3,4	7,9	прям.	3,4	ниж. губ. тол.	раскр.
Юнхіэ	м.	20	4,8	3,6	8,3	прям.	3,1	тол.	полураск.
Чуншіэ	м.	12	4	3,6	7,8	курн.	3,5	тол.	раскр.
Кинцаръ	м.	38	5,6	3,8	10,5	прям.	3	тол.	вер. губ. пр.
Ями	ж.	38	4	3	8,7	курн.	3,5	ниж. губ. тол.	раскрыт.
Шоръ	м.	9	3,3	2,9	6,8	курн.	3,2	средн. вел.	сжат.
Чангаръ	м.	49	5	3,6	7,3	курн.	2,7	средн. вел.	сжат.
Тодинъ	м.	40	5,2	3,8	9,7	вздер.	3,3	ниж. губ. тол.	полураск.
Кыръ	ж.	31	4,4	3	9	прям.	2,7	ниж. губ. тол.	полураск.
Оршао	м.	32	4,8	3,4	8	прям.	3,3	ниж. губ. тол.	полураск.
Сыръ	м.	25	4,5	3,3	8	прям. съ горб.	2,8	средн. вел.	сжат.
Чангыръ	м.	72	4,9	4,1	8	расплюс.	3,7	тон.	сжат.
Шашъ	ж.	28	3,7	3	7,3	вздери.	2,7	ниж. тол.	сжат.

видно изъ представленной выше таблицы, часто ясно или совершенно закрыть верхнимъ вѣкомъ. Такимъ образомъ, среди удиѣ наблюдалось то же явленіе, какое подмѣчено г. Маргаритовымъ среди орочей Императорской гавани¹⁾

Измѣрения носа, губъ, рта и зубовъ дали слѣдующую таблицу:

Р о т ь.		З у б ы.				
Величина.	Ф о р м а.	Прямые или косо направл. впередъ.	Частые или рѣдкіе.	Сжатые или не сжатые.	Крупные или мелкие.	Мѣста ясныхъ про-межутковъ.
бол.	прямой.	напр. назадъ	частые	сжатые	средн. вел.	нѣть
обыкн.	прямой.	прямые	частые	сжатые	мелкие	нѣть
обыкн. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
больш.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
больш.	прямой.	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой.	прямые	частые	сжатые	сред. вел.	нѣть
больш.	прямой.	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
больш.	оба угла отрѣзаны.	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	различ. вел.	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
сред. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
больш.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжат. вкось	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	крупные	нѣть
больш.	углы упущены	прямые	частые	сжатые	средн. вел.	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	не сжатые	рѣдкіе	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	стерты	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	не ровн.	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	кривые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть
средн. вел.	прямой	з у б о въ отъ	старости	мало		нѣть
средн. вел.	прямой	прямые	частые	сжатые	крупные	нѣть

¹⁾ Cm. Op. cit. 36-37.

Какъ видно изъ таблицы, а еще болѣе къ тому приводятъ многочисленныя личныя наблюденія, носъ у большей части удиѣ не великъ и прямой, но высота его незначительна. У большинства субъектовъ, мною наблюденныхъ, носъ при основаніи вогнутъ и расплывается по сторонамъ. Носы вздернутые или курносые встрѣчались не рѣдко; менѣе попадалось горбоносыхъ, но таковые встрѣчались и по побережью Татарскаго пролива. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что обычай женщинъ—удиѣ носить въ носу большія серги сильно портитъ носъ. Ноздри у многихъ субъектовъ, особенно у женщинъ, рѣзко выраженные я видѣлъ довольно часто. Ширина носа незначительная: нормою для нея можно принять 3 сантиметра съ незначительными отступленіями.

Губы у большей части удиѣ—толстныя. Сколько я могъ наблюдать, у многихъ пожилыхъ удиѣ нижня губа всегда толста и отвисла, хотя верхняя средней толщины. Ротъ средней величины—преобладаетъ, небольшіе рты встрѣчаются особенно часто среди мужчинъ. Что касается ушей, то большихъ и оттопыренныхъ я не встрѣчалъ. Преобладаютъ уши средней величины; но у женщинъ, вслѣдствіе привычки съ ранняго дѣтства носить тяжелыя серги, нижня часть уха сильно оттянута. Довольно часто встречаются и маленькия уши.

По виду и формѣ, зубы у большинства измѣренныхъ—прямые; кривые встрѣтились у трехъ-четырехъ субъектовъ. Крупные и сжатые, равно частые зубы преобладаютъ надъ мелкими, несжатыми и рѣдкими. Бѣлый цвѣтъ зубовъ встрѣчается у весьма немногихъ, чаще всего у женщинъ; обыкновенно преобладаетъ или желтовато-бѣлый или бурый съ черною каймою на границѣ десенъ съ зубами. Порча бѣлаго цвѣта зубовъ и сравнительная рѣдкость его среди удиѣ, повидимому, объясняется обычаемъ курить трубку съ пяти-семилѣтняго возраста. Курятъ трубки съ длинными чубуками, оканчивающимися каменными или металлическими мундштуками. Привычка не выпускать изо рта трубку причиняетъ зубамъ удиѣ, помимо порчи естественного бѣлаго цвѣта, другой вредъ. Такъ, у Шуунцая внутренніе углы верхнихъ рѣзцовъ стерты (въ верхней челюсти); вторые рѣзцы на той же челюсти, параллельно, стерты. У Кинцара верхніе и нижніе зубы съ лѣвой стороны искрошены мундштукомъ, исключая клыковъ. Подобнаго рода порча зубовъ встречается часто. Зубовъ каріозныхъ и порченыхъ отъ другихъ причинъ я встрѣчалъ мало. Зубною болѣзни по всему побережью Татарскаго пролива при мнѣ страдало всего два-три человѣка. У 72-лѣтняго старика Чангира почти половины зубовъ, въ верхней и нижней челюстяхъ, не было. Не могу сказать, въ какой степени влияетъ на зубы куреніе опіума. и влиять ли вообще это вещество на зубы; но среди удиѣ, особенно въ южной части ихъ терраторіи, куреніе опіума сильно распространено.

Измѣренія головы и лица дали слѣдующую таблицу:

И М Е Н А .	Полъ.	Возрастъ.	Г о л о в а .						Л и п о .									
			Горизонтальная окружность.	Поперечная окружность.	Вертикальная окружности.	Наибольший диаметръ.	Наибольший диаметръ.	Ушиной дампъръ.	Отъ Globella до сопственного отростка.	Отъ сопственного отростка до затылочн. бугра.	Междусосцевидными отростками.	Полная длина лица.	Длина верхнаго лица.	Верхний поперечный диаметръ.	Наибольший широтный диаметръ.	Разстояние между складками луками.	Нижний поперечный диаметръ.	Длина горизонт. вѣтви пижней части.
Шуюндай	м.	42	55,8	33,5	36	21	15	13,8	16	8,7	13,2	11,2	5,5	12,5	14,8	11,7	11,9	10,5
Инчерь	ж.	41	54,4	34,8	31,8	17,7	14,8	13	14,8	8,7	12,9	12	5,1	11,8	13,7	10	13,5	8,8
Шонси	м.	13	52	32	35,8	15	14,8	13,3	12,9	8	12	10	5,1	11,2	13,4	10,4	10	9
Ихаръ	м.	28	60,2	34,2	35	19,1	15,2	15	16	8,7	14	12	6,1	13	15,3	12	11,3	10,7
Лойси	м.	26	56,6	35,9	33,1	19	15,1	14	15,9	7	13,3	14,7	6,2	12,4	14,9	11	11,3	10,6
Юэ. . . .	ж.	20	53,4	32,4	36	18	15,1	13	14,5	13,3	12,8	11,3	5,4	13	13,3	11,2	11,1	10,5
Шуа	м.	17	54,6	33	35	15,2	15,8	14,3	15	8,2	13,4	10,6	5,3	13	13,2	10,6	10,8	9,2
Лаказа	м.	12	50,2	33,8	36	16,2	14,7	12,9	13	8	12,2	9	4,4	11,4	12,8	10	10,2	9,4
Суа	м.	30	56,6	33,9	35,4	19	15	14,3	16	9,1	14	10,9	5,1	12,4	14,4	11,9	10,5	10,4
Сичаръ	ж.	32	56	33,5	37,4	17,4	16	14	15,5	8,5	13,5	11,2	5,3	12,9	14,1	11	13	11,5
Карь	ж.	11	50,4	32	32,3	16,8	14,7	13,2	14	9,3	12,5	9,2	4,6	12	13,2	11	12,3	9
Тоцарь	м.	35	56	33,9	36,5	18,9	15	14,2	15	7,8	14,3	12,8	6,4	13	14,8	11,5	11,8	10,1
Цайлгэръ	ж.	36	55	32	37	19,8	16	14,5	16,2	9,8	13,5	11	5,4	13,1	14,8	11,9	12,8	11,3
Канжаръ	м.	21	56	34,5	38	18,7	15,8	14	14,2	9,6	14,5	14	6	12,4	14,6	10,7	12,5	10,8
Чагоръ	ж.	21	49	34,7	35,2	17	15	13,1	14,8	8,8	12,2	11,2	5,3	11,8	13,6	11	11	10,2
Чуминда	м.	60	56	34,3	36,5	19,8	16,2	14,1	16	15	14	12,6	6,3	18,2	14,7	11,3	11	10,7
Чумуйэ	м.	27	57,4	34,7	35,6	18,2	15,2	13,8	15,4	9,4	13,4	11,7	6,2	13	14,3	11,1	11	10,5
Кохолунь	м.	41	55	35	36	19,6	14,6	14	16,2	9,3	13,2	12,3	6,3	12,2	14,7	11	11,2	10
Сяръ	м.	17	54,7	33,8	34	18,7	14,9	13,7	15,6	10	12,7	11,7	6,3	12,4	14	11	10,6	9,7
Ленгаръ	ж.	27	52,8	33,1	35,6	17,7	15	13,5	13,5	9,5	12,1	11,4	6	12,4	14	11,3	11,2	9,7
Юнхіэ	м.	20	53,1	31	35	17,3	14,3	13,3	15,7	10,1	13	11,8	6	12,2	13,4	11	10,8	11
Чуншіэ	м.	12	53,5	32,7	36	17,7	15	13,8	14,9	9,2	13	10,8	5,6	12	13,8	11	11,1	9,7
Киннтаръ	м.	38	57,1	30,6	33,4	20	15,6	14,5	16	9,2	14	13	6	12,5	15	11,5	12	10,8
Яни	ж.	38	55	33	35	18,9	15,6	15,2	14,7	10,8	12,8	10,4	5	12,8	13,2	11,1	9,9	10,3
Шоръ	м.	9	52	34	33	16,5	14,6	12,6	12,8	10	12	10,5	4,8	10,9	11,3	9	9	7,8
Чангаръ	м.	49	55,1	34,5	34	19,3	15,2	15,4	14,8	11	14	11,6	6,1	12,5	15,1	9,9	13,8	10,1
Тодинъ	м.	40	56,8	36,5	37	18,3	15	15,1	15	10,1	14	14,5	5,5	13,7	15,2	12,7	10,1	10
Кыръ	ж.	31	52,3	34,7	37	16,2	15,3	15,9	13,2	8,5	12,3	11,4	5,2	12,4	13,4	11	10,2	10
Оршао	м.	32	53,7	33	35,8	18,4	13,7	13,7	14	9,5	13	11,1	5,6	12,1	13,5	11	9,9	9
Сыръ	м.	25	55,9	33	34,5	18,6	13,5	13,9	14,3	10	13,2	12	5,5	13,9	14,3	11	10,3	10,5
Чангыръ	м.	72	56	31,5	33,5	19,3	14,1	14,2	15,1	9,6	13,9	11,2	5	12,1	14,1	10,1	10,9	10,1
Шанъ	ж.	28	51,5	34,5	33,5	18,5	13,2	14,2	13,6	9,9	13	10,5	4,2	12,2	13,1	9,9	9,5	9,8

Сравнивая цифры трехъ главныхъ размѣровъ окружности головы—горизонтальной, поперечной и вертикальной,—находимъ, что для мужчины максимальной величиной будетъ: для горизонтальной окружности—60,2, для вертикальной—38, поперечной—36,5; для женщины—горизонтальная окружность—56, вертикальная—37, поперечная 34,7. Минимальной величиной для мужчины будетъ: гориз. окр.—50,2, вертик.—33, поперечная—30,6; для женщины: горизонт.—49, вертик.—31,8 и поперечная—32 сантиметра. Такимъ образомъ, по вышепазваннымъ тремъ окружностямъ голова женщины—удиѣ разнится отъ головы мужчины.

Беря одну горизонтальную окружность головы измѣренныхъ субъектовъ, видимъ, что наибольшее количество имѣть 55—56 сант. съ долями, одинъ—50 сант., два—52 сант. съ долями. Иначе говоря, если разгруппировать эти величины на имѣющихъ малую окружность головы, до 50 сант., среднюю, отъ 50 до 52, и большую, отъ 52 сант. и болѣе, то станетъ ясно, что удиѣ имѣютъ довольно значительную горизонтальную окружность головы.

Сравненіе величинъ верхняго поперечного и нижняго поперечного діаметровъ лица показываетъ, что разность между ними незначительная, иногда же показатель нижняго поперечного діаметра превосходитъ показателя верхняго поперечного діаметра. Такимъ образомъ, удиѣ въ этомъ случаѣ близко призываются къ своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ и родичамъ, орочамъ Императорской гавани, о которыхъ г. Маргаритовъ сообщаетъ слѣдующее: „Сильное развитіе скуловыхъ и челюстныхъ костей одинаково присуще всѣмъ орочамъ, причемъ ширина нижней челюсти (между задними углами), а также ширина между скулами и между лобными скуловыми отростками на глазъ мало разнятся, почему лицо кажется почти одинаково широкимъ на всемъ своемъ протяженіи. Мало того, у нѣкоторыхъ женщинъ ширина между скуловыми костями превосходитъ ширину самого черепа, почему, глядя на орочку, вамъ зачастую представляется, что у нея на плечахъ не голова, а одно лишь лицо¹⁾). Минь кажется, этотъ физический признакъ, повторяющійся въ различныхъ отрасляхъ орочей, можно признать однимъ изъ основныхъ и типическихъ.

Перехожу къ описанію менѣе устойчивыхъ физическихъ свойствъ, въ значительной степени, зависящихъ отъ упражненія, питанія и другихъ условій жизни.

Мышечной силой едва ли удиѣ отличаются: видѣнные мною въ обѣ экспедиціи проводники и переводчики значительно уступали по силѣ рус-

¹⁾ Op. cit. 37.

скимъ солдатамъ, которые, неся по непривычнымъ лѣснымъ дебрямъ трехпудовую тяжесть, не утомлялись такъ, какъ утомлялись удинѣ съ незначительною кладью. Привелось видѣть на р. Самаргѣ борьбу удинѣ; въ ней гольдъ оказался сильнѣе и удалѣе, а съ моимъ Калачинымъ никто не посмѣлъ вступать въ борьбу. Съ другой стороны, въ ходьбѣ вообще удинѣ неутомимы и терпѣливы при невзгодахъ: отправившись на охоту, удинѣ исходитъ десятки верстъ, голодаетъ днями, но все перенесетъ и добьется звѣря. Равно не меньшую способность къ продолжительной дѣятельности обнаруживаютъ они приѣздѣ по рѣкамъ на лодкахъ. Но этимъ и исчерпывается кругъ терпѣливости и выносливости удинѣ. Въ общемъ удинѣ неподвиженъ и малодѣятеленъ по природѣ: лишь крайняя нужда побуждаетъ его приняться за дѣло; нѣть этой нужды,—и удинѣ апатично лежитъ въ своемъ жилищѣ, не менѣе апатично покуривая трубку въ промежуткахъ между сномъ и бодрствованіемъ. Не сомнѣваюсь, что всякий русскій, жившій среди удинѣ, невольно возмущался этой неподвижностью, если ему доводилось искать проводника или переводчика, если ему требовалось послать удинѣ куда-нибудь за лодкою. Въ движениіи удинѣ, обыкновенно, медленъ и тяжеловатъ, но у него въ мышцахъ хранится значительный запасъ готовности сразу перейти въ движение. За все время своихъ скитаній среди удинѣ я встрѣтилъ только двухъ (одного старика, другого молодого), полныхъ вѣчнаго трепета и порывовъ къ движению и дѣятельности. Несмотря на сказанное, я глубоко убѣжденъ, что всякий удинѣ способенъ перейти отъ неподвижности и покоя къ самой хлопотливой дѣятельности. Стоитъ посмотретьъ на удинѣ тогда, когда онъ длиннымъ шестомъ гонитъ вверхъ по рѣкѣ свою оморочку и спорить съ быстротою теченія; стоитъ обратить вниманіе на то, съ какою настойчивостью онъ слѣдуетъ за „чужакомъ“, чѣмъ-либо его заинтересовавшимъ. Припоминается мнѣ, сколько оживленнаго говора, толковъ и предположеній, сколько любопытства вызвало среди удинѣ мое появленіе, для переписи ихъ. Еще сильнѣе врѣзался мнѣ въ память тотъ энтузіазмъ, съ какимъ они провожали меня, послѣ пятничаго пребыванія на р. Нахту. Надо видѣть удинѣ въ такие моменты пробужденія быстрыхъ и сильныхъ движений, чтобы не признать его безнадежно апатичнымъ. Легко впасть, въ данномъ отношеніи, въ ошибку. На обыкновенно равнодушномъ и тупомъ лицѣ удинѣ не прочтешь подчасъ ни испуга, ни горя, ни гнѣва. Слушая жалобы безпомощной старухи, горькіе вопли пораженной смертью мужа и разстройствомъ хозяйства жены, вы въ равнодушныхъ чертахъ лица не прочтете никакихъ слѣдовъ переживаемаго горя. Только гнѣвъ у нѣкоторыхъ, очень немногихъ субъектовъ вызываетъ особый блескъ глазъ. Поражая европейца своимъ, подчасъ неизроятнымъ, равнодушіемъ, удинѣ можетъ

удивить и общей нечувствительностью кожи. Последняя, лишенная чистоты и холода, подверженная действию атмосферы различного свойства, теряет, в значительной степени, свою чувствительность. Ни ужасные раны на голове отъ объятій медведя, ни адская боль отъ воинившейся въ кость ноги стрѣлы, настороженной на сохатаго, но по несчастной случайности угодившая въ человека, никакія другія физическія страданія не вызываютъ ни стоновъ, ни криковъ, ни оханій.

Что же касается органовъ виѣшнихъ чувствъ, то они (особенно зрѣніе и слухъ) у полудикаго удила развиты въ высшей степени. Неудивимый для европейца шорохъ и трескъ въ лѣсу, незамѣтное движеніе въ чащѣ тайги или на глубинѣ рѣчной — ничто не ускользнетъ отъ зоркаго и быстраго взгляда и чуткаго уха удила. Въ этомъ отношеніи онъ тѣмъ болѣе поражаетъ европейца, что Ѣдкій дымъ жилища, поражая глаза краснотою и слезливостью, не уменьшаетъ зоркости зрѣнія, нечистоплотность уха не ослабляетъ тонкости и чуткости слуха. Насколько развито у удила обоняніе, трудно сказать безъ достаточныхъ специальныхъ наблюденій. Вонь употребляемой иногда пищи, дурной запахъ атмосферы жилищъ еще не служатъ вѣскимъ основаніемъ для утвержденія о полной неразвитости этого виѣшняго чувства. Вкусъ развить достаточно: горькое, соленое, кислое, сладкое легко различались удила, предпочтитающими въ пищѣ прѣсное и сладкое. Вообще можно сказать, что полудикарь удила способенъ различать и запахи и вкусы, но не имѣть возможности, живя въ убогой обстановкѣ, въ достаточной степени развивать и упражнять заложенные матерью-природою вкусовые, обонятельные и другіе задатки. Въ развитіи виѣшнихъ чувствъ большое значеніе имѣютъ упражненія и специализація этихъ упражненій. Занимаясь съ раннихъ лѣтъ рыболовствомъ, звѣроловствомъ и охотою, удила прекрасно видить и слышать въ таежной обстановкѣ, обнаруживаетъ поразительную чуткость къ шороху тайги и плеску рѣчной волны; при всемъ томъ весьма возможно, что онъ окажется весьма невоспріимчивымъ къ вариаціямъ пѣнія или музыки. Въ заключеніе описанія физическихъ особенностей удила необходимо упомянуть объ уродствахъ и болѣзняхъ, часто встрѣчающихся среди нихъ.

За весь периодъ моего пребыванія среди удила мнѣ удалось встрѣтить одного горбатаго, двухъ кривыхъ, одного на костыль и одного безрукаго. Горбатымъ сдавался видѣніи мною удила въ дѣствѣ, упавъ съ дерева; окривѣлъ одинъ отъ старости, другой — отъ медведя, который „лапою вынуль глазъ“; безъ руки сталъ удила, благодаря шалости тигра, охотившагося, какъ и пострадавшій, за козулами. Полагаю, что указанныхъ уродствъ еще немного на все количество удила.

Косоглазыхъ я не встрѣчалъ, но болѣзни глазъ сильно распространены

среди нихъ. Причиною весьма распространенной красноты¹⁾ и слезливости глазъ является свойственная удинѣ нечистоплотность²⁾ и дымъ жилищъ. Весьма часто болѣзнь глазъ является слѣдствіемъ оспы. Не могу сказать, чѣмъ объяснить весьма частую, по сообщенію г. Пальчевскаго (Дал. Вост., № 46, 1897 г.), слѣпоту среди женщинъ р. Имана. Глухоту встрѣчалъ лишь у старыхъ, какъ слѣдствіе притупленія всѣхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Въ слѣдствіе нерашивости, большое распространеніе среди удинѣ имѣются всевозможныя накожныя болѣзни. Вотъ, какъ образецъ, описание болѣзни кожи у 24-лѣтней женщины Ярь, вышедшей замужъ за манзу Сунфа (на Сяо-Судухѣ).

Все тѣло ея поражено ранами, похожими на мокрый лишай и переносящимися съ мѣста на мѣсто. Мѣста прежняго пораженія похожи на зажившія раны, причиженныя кипяткомъ. Болѣзнь началась въ 1891 году и, въ моментъ осмотра мною пораженій черезъ 5 лѣтъ, имѣла такой видъ: на носу, верхней губѣ и вокругъ нихъ—мокнущіе, рубцующіеся прыщи, но полное отсутствіе боли, даже при давленіи прыщей. Правое ухо и до средины щека покрыты сплошнымъ рубцоватымъ пятномъ; такой же рубецъ на лбу; сзади лѣвой брови—зажившее рубцеватое пятно величиною съ трехкопеечную монету. Раны имѣются на правой руцѣ отъ кисти, внутри, въ видѣ четырехъ серебряныхъ рублей; на изгибѣ локтя, внутри же, рубецъ; на плечевомъ сочлененіи продольная язва въ 2 вершка. Такой болѣзни не было ни у кого изъ ее родителей; у нея появилась она послѣ 4-хъ лѣтъ супружеской жизни. Ни на кого изъ живущихъ съ нею вмѣстѣ эта болѣзнь не переходитъ. Противъ болѣзни никакихъ средствъ не предпринималось; попробовали обмывать теплою водою, но замѣтили, что отъ обмыванья болѣзнь усиливается, и остановили.

Весьма часто встрѣчаются среди удинѣ ревматическая и другія простудные болѣзни, порождаемыя устройствомъ жилищъ и условіями быта. Охота и рыболовство, главныя занятія ихъ, заставляютъ подчасъ весьма долго находиться на холодѣ и въ водѣ. Перемѣнить или высушить платье онъ еще

¹⁾ Это въ большинствѣ случаевъ трахома. См. Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. г. Бѣльковича.

²⁾ Удинѣ не имѣютъ обыкновенія умываться и купаться, хотя лѣто проводятъ близъ рѣкъ; но подъ влияніемъ указаній и совѣтовъ русскихъ охотно пріучаются къ этимъ гигиеническимъ привычкамъ. Такъ, я не однократно объяснялъ, почему надо мыться и купаться, раздавалъ куски яичнаго мыла и видѣлъ, что мой совѣтъ исполняется. При этомъ замѣчу, что женщина являлась наиболѣе восприимчивою къ моимъ наставленіямъ. Теперь странствующей среди удинѣ часто встрѣчить и умытыхъ, и причесанныхъ, и разряженныхъ женщинъ-удинѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ убѣдить и нигдѣ не видѣлъ обыкновенія мыть платье или перемѣнить его.

не научилъся: оно сохнетъ на немъ. Устройство жилищъ съ двумя противоположными дверями, со множествомъ щелей, съ вѣчно пылающимъ очагомъ, нагрѣвающимъ лишь ту часть тѣла, которая обращена къ нему, прямо ведетъ къ сильнымъ ревматизмамъ. Въ долинѣ рр. Та-Судухѣ и Сяо-Судухѣ мнѣ не такъ часто доводилось встрѣтить эти болѣзни, какъ на побережье Татарского пролива. Можетъ быть, такое явленіе объясняется тѣмъ, что удинѣ долинѣ названныхъ рѣкъ обзавелись фанзами, представляющими болѣе надежную защиту отъ холода и сквозняковъ, чѣмъ убогій шалашъ или юрта.

Сравнительно малую, но весьма гибельную распространенность среди удинѣ имѣть сифилисъ, которому даже названія не придумали до сихъ поръ эти полудикари. Замѣчательно, что эту ужасную болѣзнь, со всѣми ея гибельными для организма послѣдствіями, мнѣ доводилось встрѣтить лишь въ южной части территоріи удинѣ. Несомнѣнно, что болѣзнь имѣть заносное происхожденіе, и, по моему мнѣнію, ее принесли сюда манзы. Чтобы читатель могъ судить, что дѣлаетъ съ человѣкомъ сифилисъ, при отсутствіи средствъ для борьбы съ нимъ, я опишу 16-ти лѣтнюю дочь Шуюнца, пораженную этой болѣзнью въ 1891 г. За пять лѣтъ болѣзнь успѣла до того разрушить организмъ молодой и здоровой дѣвушки¹), что она представляла нѣчто невыразимо ужасное. Нельзя было равнодушно смотрѣть на это заживо гніющее существо, съ выпавшимъ носомъ, вытекшимъ глазомъ; нельзя было равнодушно слушать хрипѣніе въ пораженномъ горлѣ. Вотъ картина болѣзни, замѣченная мною: на правой сторонѣ лба двѣ гнойныя язвы величиною съ трехкопеечную монету, язвы расположены одна надъ другой; на мѣстѣ праваго глаза—зарубцевавшееся углубленіе; правая щека превратилась въ гнойную язву величиною въ $1\frac{1}{2}$ кв. вершка, носъ провалился и видна кость (оконечность); часть верхней губы сгнила, и чрезъ образовавшуюся щель видны зубы; лѣвый глазъ едва открывается—онъ пораженъ и скоро вытечетъ; руки чрезвычайно тонки: это буквально кости, обтянутыя кожею. Судя по тому, что больная хрюпитъ, глухо покашливаетъ и часто сплевываетъ гнойную слюну, надо предположить, что сифилисъ поразилъ уже горло.

По словамъ родителей, болѣзнь началась небольшимъ прыщомъ на плечѣ, превратившимся затѣмъ въ язву; потомъ тоже повторялось на другомъ плечѣ, наконецъ болѣзнь перешла на лицо; на другихъ частяхъ тѣла язвъ нѣтъ. Прыщикъ вскорѣ послѣ того, какъ въ ихъ фанзѣ заночевалъ бродячій манза.

Какъ ни грустна картина больной дѣвушки, но еще грустнѣе то, что сифилитика не удалена изъ семьи, снить на нарахъ рядомъ съ другими

¹) Къ сожалѣнію, удачно снятый съ нея портретъ погибъ въ ночь съ 6-го на 7-ое августа 1896 г., когда тайфунъ разбилъ везшую меня шампунку.

дѣтьми, плюетъ на земляной полъ, на которомъ играютъ маленькие братя и сестры.

Такою же заносною, но болѣе безпощадною и частою среди удинѣявляется эпидемическая болѣзнь—оспа, называемая китайскимъ именемъ чуфѣ. Больше всего разсказовъ обѣ этой страшной гостьѣ привелось мнѣ услышать на югѣ, чтѣ и слово чуфѣ, прямо указываетъ на источникъ, откуда болѣзнь появилась. Сѣвериѣ, по побережью Татарскаго пролива я меныше слышалъ разсказовъ обѣ осپѣ и рѣдко встрѣчалъ пораженныхъ ею. На югѣ особенно хорошо помнить двѣ эпидеміи оспы 1874—75 гг. и 1882—83 гг. Первая эпидемія оспы поразила всѣхъ взрослыхъ, оставивъ малолѣтнихъ, такъ что хоронить мертвѣцовъ было некому. По словамъ стариковъ, въ первую эпидемію оспы на Сучанѣ было мало манзъ, которые не умираютъ отъ оспы, потому что переносятъ ее въ дѣствѣ; во вторую эпидемію ихъ было уже много, и они хоронили умершихъ удинѣ. Противъ оспы они не знаютъ средствъ. Лишь очень немногіе начинаютъ прививать оспу, пользуясь услугами знахарей-корейцевъ. Въ чёмъ состоить эта прививка, что за лѣкаріи корейцы, мнѣ не удалось узнать, потому что видѣній мною знахарь ничего не сообщилъ моему переводчику-корейцу о своемъ врачебномъ искусстве. Судя по видѣніямъ мною орудіямъ врачевального искусства, напоминающимъ инструменты русскихъ коноваловъ, можно предположить, что эти врачи скорѣе губятъ, чѣмъ спасаютъ отъ болѣзни довѣрчивыхъ пациентовъ. Впрочемъ, жена манзы Лю-мин-хэ сообщила мнѣ, что за 4 р. 50 к. ея четырехлѣтнему сыну привилъ оспу кореецъ, и болѣзни не было у сына. Слѣдуетъ предположить, что въ качествѣ лѣкарей практикуютъ среди удинѣ манзы, лѣчащіе посредствомъ травъ и растеній, пантовъ, женъ-шена и т. п. Можетъ быть, вполнѣ самобытнымъ является слѣдующій способъ лѣченія простуды: больное мѣсто растираютъ докрасна твердою костяжкою¹⁾.

Изъ другихъ болѣзней, встрѣчающихся среди удинѣ, приходилось наблюдать: параличъ рукъ, усыханіе спиннаго мозга, водянку и болѣзни желудка. Другіе изслѣдователи наблюдали чахотку²⁾, да и мнѣ не разъ говорили, напримѣръ: „умерла мать не отъ чуфы, а отъ другой болѣзни, кашляла“. На р. Самарѣ я видѣлъ больного, который не можетъ принимать никакой пищи, потому что его тошнитъ, тотчасъ же по принятии пищи, и рветъ. Одинъ жаловался на сильную головную боль. Вообще приходится здѣсь повторить почти общее мнѣніе, что удинѣ нуждаются въ медицинской помощи³⁾. При наличности ея и при заведеніи другихъ санитарныхъ и ги-

1) См. ст. Бѣльковича въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.

2) Тамъ же.

3) «Теперь, какъ и вообще при каждой встрѣчѣ съ инородцами, они сейчасъ же обращались къ охотникамъ за медицинскою помощью; прѣѣзжали больше взрослые, приводили

геническихъ условій, къ которымъ, конечно, рано или поздно приведетъ удинѣ дѣйствительность, они могутъ дать закаленное, выносливое и искусное населеніе, могущее, по словамъ г. Надарова¹⁾, во время войны принести, въ качествѣ партизановъ, значительныя услуги Россіи.

ГЛАВА VI.

Экономическая основы быта.

Удинѣ, подобно другимъ своимъ родичамъ, искони извѣстны за рыболововъ и охотниковъ. Рыболовство и охота являются не только главными занятіями, но и главными экономическими основами быта ихъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рыболовство, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ территории удинѣ, буквально обусловливаетъ самое существованіе жителей. Этотъ промыселъ питаетъ, отчасти одѣваетъ и даже доставляетъ домашнюю обстановку удинѣ. Вотъ почему, вѣроятно, они не оставляютъ совершенно рыболовства даже тамъ, где, вслѣдствіе измѣнившихъся условій, пришлось переходить къ земледѣлію, между тѣмъ какъ охота многими совершенно заброшена. Весна и лѣто, можно сказать, самое горячее время для рыбного промысла на побережьяхъ Великаго океана²⁾). Для этого промысла все населеніе рр. Ботчи, Самарги и др. сѣѣзжается къ устью, къ берегу моря, потому что здѣсь и породы рыбъ разнообразнѣе, и рыба свѣжей и здоровѣе. Хотя удинѣ не пренебрегаютъ никакой рыбой (ѣдятъ бычковъ, тайменя, краснопера, щукъ и т. п.), однако зачастую на прокормъ себѣ и собакамъ, главнымъ образомъ, горбушу и кѣту, даже предпочтительно послѣднюю. Несомнѣнно, кѣта предпочитается горбушѣ вслѣдствіе своей величины и мясистости³⁾). По крайней мѣрѣ, во время первого хода горбушки, предшествующаго ходу кѣты, въ іюнѣ мѣсяцѣ, жители рр. Ботчи, Нельмы и др. не спѣшили ловлей ея для юколы, хотя рыба во множествѣ выкидывалась

больныхъ дѣтей. Хининъ, антифибринъ, кастрорка, скипидаръ и вазелинъ—вотъ всѣ медикаменты, которыми лѣчили пациентовъ, и большая часть ихъ выздоравливали. Часто приходилось жалѣть, что въ командѣ не было фельдшера и было взято такъ мало лѣкарствъ съ собою. Много добра можно было бы сдѣлать этимъ несчастнымъ дикарямъ, вымирающимъ постепенно отъ различныхъ болѣзней и не имѣющимъ возможности обращаться къ кому-нибудь за помощью» (ст. г. Альфрана въ Трудахъ Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.).

¹⁾ Сѣв.-Уссур. край, 100 стр.

²⁾ Сперва буду говорить объ этомъ районѣ территории удинѣ, какъ менѣе извѣстномъ. Затѣмъ скажу объ удинѣ, живущихъ на правыхъ притокахъ р. Уссури.

³⁾ Мое утвержденіе нисколько не противорѣчить сказанному г. Маргаритовымъ на стр. 17, потому что горбуша предпочитается кѣтѣ только при спѣшномъ заготовленіи юколы, когда нѣтъ времени хорошо прокоптить и просушить рыбу.

на поверхность рѣкъ. На мой вопросъ, почему не ловятъ рыбы, мнѣ отвѣчали, что подождутъ кѣты¹).

Добываютъ рыбу сѣтями, острогами и крючками.

Во время переписи инородцевъ по побережью Татарснаго пролива, я не только въ каждой юртѣ встрѣчалъ принадлежности для вязанья сѣтей (иглы—ильма, ручка для поддерживанія сѣти—халá), но нашелъ жителей, которые специально занимались вязаньемъ сѣтей, какъ занятіемъ, дающимъ средство къ жизни. Сѣти вязутъ изъ нитокъ, добываемыхъ изъ дикорастущей крапивы, хотя предпочтитаются нитки русскаго приготовленія, доставляемыя услужливыми китайцами и русскими купцами изъ Владивостока. Чомю, какъ удиће, упрашивая меня пріѣхать къ нимъ на слѣдующее лѣто съ товарами, говорили: „привези, капитанъ, нитокъ для сѣтки“. Видѣнныя мною сѣти не отличались своею величиною, и удиће не безъ зависимости говорили о японскихъ неводахъ, сдѣланныхъ изъ травы и рисовой соломы и отличающихся огромными размѣрами и шириной. Одинъ стариkъ, разматривая на шкуру „Сторожъ“ заарестованный у японцевъ неводъ и удивляясь его величинѣ и доброкачественности, говорилъ: „Одного такого невода достаточно, чтобы прокормить все наше село рыбью“. Чомю ту радость, которую преисполнiliлись жители р. Кушуна, по случаю подарка имъ нѣсколькихъ кусковъ японскаго невода. Поплавки для сѣтей дѣлаются изъ дерева: это небольшія, въ четверть длиною, дощечки, шириной вершка въ два, толщиной около вершка, съ подструженными концами. У этихъ концовъ находятся дырочки, чрезъ которыхъ проходятъ нитки, прикрепляющія ихъ къ веревкѣ, обходящей сѣть внизу и вверху. Грузилами служатъ куски желѣзныхъ вещей, гладко обтесанные камни или добытые на брошенныхъ японскихъ рыболовняхъ глиняные грузила. Веревки, тяжи и клячи къ сѣтямъ дѣлаются изъ краивныхъ веревокъ собственнаго издѣлія.

Несмотря на малый размѣръ сѣтей, на ихъ, въ большей части случаевъ, значительную ветхость, обиліе рыбы, во время ея хода, позволяетъ вытаскивать сотни штуокъ за одну тону. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ ловли горбушки: за двѣ тони дрянною сѣтенкою пойманъ почти полный ботъ рыбы.

Къ сожалѣнію, употребленіе сѣтей распространено среди удића очень мало: незначительный ли бюджетъ, или просто неумѣніе и нежеланье заставляютъ ихъ довольствоваться большую частью, а на правыхъ притокахъ р. Уссури, исключительно острогою. Правда, умѣніе владѣть острогою до-

¹) Подробное описание кѣты и горбушки сдѣлано г. Маргаритовымъ, къ работѣ кото-
рого я отсыпаю читателя. Ор. с. 15 л. дальше.

ведено у нихъ до такого совершенства, что этотъ способъ добыванія рыбы слѣдуетъ признать исконнымъ и самымъ основнымъ. Удила съ острогою въ рукѣ на своемъ батѣ является удивительнымъ виртуозомъ: разъ замѣчена рыба, она не уйдетъ отъ него; онъ погонится за нею и на разстояніи до двухъ сажень вонзить въ нее свою острогу.

Остроги бываютъ двухъ видовъ—цѣльные и привязные. Цѣльная острога состоитъ изъ желѣзного лезвія, насаженного неподвижно на тонкую и длинную (до $4\frac{1}{2}$ арш.) палку. Лезвіе иногда имѣеть видъ трезубца¹⁾. Такою острогою бьютъ и колютъ небольшую рыбу. Для болѣе крупной рыбы (тайменя, сома) употребляется привязная острога, потому что большая рыба, послѣ удара острогой, бьется и ломаетъ древко или срывается. Привязная острога тѣмъ, именно, и отличается отъ цѣльной, что лезвіе ея не насаживается на древко неподвижно, а такъ, чтобы его легко можно было снять. Лезвіе у этой остроги за ушко привязывается тонкою и крѣпкою веревкою къ противоположному концу древка или къ его серединѣ. Когда такая острога вонзается въ рыбу, то послѣдняя быстрымъ движеніемъ срываетъ вонзившееся въ нее лезвіе съ древка и продолжаетъ плыть, таща за собою бросаемое изъ руки древко, служащее въ данномъ случаѣ поплавкомъ и указателемъ, куда направилась раненая рыба. Когда рыба выбьется изъ силъ, удила подплываетъ къ добычѣ и осторожно, взявъ за древко, подтягиваетъ ее.

Крючками ловятъ рыбу различно. Мнѣ не разъ приводилось видѣть ловлю крупной и мелкой рыбы на наживку²⁾. По сообщенію г. Надарова³⁾, осетръ и калуга ловятся желѣзными крючками, привязанными къ веревкѣ съ поплавками: играя, рыба цѣпляется за крючки. Кромѣ желѣзныхъ крючковъ, употребляются самодѣльные, какъ остатокъ глубокой старины, состоящіе изъ рѣзца кабарги (самца), прикрѣпленного подъ прямымъ угломъ къ деревянной палочкѣ. На такой крючекъ, съ насаженною наживкою, при мнѣ на р. Нахтѣ поймали тайменя, при чёмъ наживкой служила горбуша⁴⁾.

При ловлѣ рыбы употребляются лодки двухъ типовъ: болѣе помѣстительные—баты и меньшія—оморочки. Батъ выдалбливается изъ цѣльнаго дерева, при чёмъ такъ, что передъ носомъ на $1\frac{1}{2}$ —2 арш. выдается доска, продолженіе плоскаго дна. Онъ очень легокъ, идетъ хорошо противъ теченія и поднимается до 40 пуд. Но онъ требуетъ осторожнаго и умѣлаго обращенія, потому что очень валокъ и легко ломается. Оморочка также выдалбли-

¹⁾ Подробности см. въ цитиров. кн. г. Маргаритова, стр. 19.

²⁾ То же говорить и г. Маргаритовъ, Op. cit. 18.

³⁾ Op. cit. 102.

⁴⁾ По сообщенію г. Маргаритова, такъ ловится рыба хоѣ, Op. cit. 18.

вается изъ пѣльного куска дерева, но корма и носъ у нея острые. Оморочки—ходки, легки и тонки и поднимаютъ до 10 пуд., но требуютъ весьма умѣлого обращенія, иначе легко переворачиваются. Въ настоящее время уже почти не встрѣчаются оморочки изъ бересты, потому что онъ крайне непрочны ¹⁾.

Вся работа по добычѣ рыбы лежитъ, главнымъ образомъ, на мужчинѣ, хотя я встрѣчалъ (напримѣръ, на р. Самарѣ) и промышляющихъ женщинъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло объяснялось вдовствомъ и отсутствиемъ дѣтей мужскаго пола хотя бы 10-лѣтнаго возраста. Во всякомъ случаѣ въ рыболовствѣ мужчинѣ весьма часто помогаетъ женщина: она править батомъ и направляетъ его туда, куда смотрѣть съ приготовленною острогою мужчиной. При ловлѣ рыбы сѣтью, послѣднюю вмѣстѣ съ мужчинами часто тянутъ и женщины.

Гораздо рѣже ловятъ рыбу ловушками. По нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Татарскій проливъ, мнѣ встрѣчались такого рода нехитрыя ловушки. Зная обыкновеніе горбуши и другой рыбы, при ходѣ противъ течения, выпрыгивать изъ воды, удинѣ изъ тонкихъ жердей среди рѣки ставить загороду, полъ которой покатъ: низкій конецъ его постепенно понижается въ воду, а противоположный поднимается надъ водой. Съ того мѣста, гдѣ полъ выдается изъ воды, начинаются стѣнки изъ травы или вѣтвей. Рыба, идя вверхъ противъ течения и вскакываясь, попадаетъ на помостъ загороды и тамъ остается, потому что стѣнки мѣшаютъ ей свалиться въ воду. Ловушки осматриваются хозяевами раза два—три въ день. Мнѣ передавали, что за ночь иногда попадаетъ рыбъ 10—20. Обыкновенно, подобнаго рода ловушки устраиваются близъ жилья, чтобы не тратить много времени на осмотръ ихъ.

Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о количествѣ ежегодно добываемой удинѣ рыбы: никто еще не дѣлалъ попытки подсчитывать уловъ за весь рыбный сезонъ хотя бы въ одномъ селеніи, а сами жители на вопросъ объ этомъ не говорятъ, да и не могутъ сказать ничего точнаго, потому что не считали. Сказать, что „каждая семья запасаетъ на зиму 1500—3000 рыбъ ²⁾), едвали значить точно опредѣлить цифру дѣйствительно добываемой рыбы.

Что касается правыхъ притоковъ р. Уссури, то тутъ ловля рыбы (кѣты) производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ почти исключительно острогою, которую колютъ съ носовой выдающейся части бата.

¹⁾ Подробности и рисунки см. у Маргаритова, стр. 14 и слѣд.

²⁾ См. Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

Во время пребыванія на морскомъ берегу ради добычи рыбы, до наступленія времени хода ея и въ промежутки между ходами, удиће занимаются охотою, которая является второю послѣ рыболовства основою ихъ экономического быта.

Во всякое время, когда только представится случай, удиће бываетъ нерпу (рѣдко сивуч). Нерпа на всемъ побережье Татарского пролива не составляеть предмета специальной охоты для жителей, а убивается ими, такъ сказать, между дѣломъ. Тѣмъ не менѣе въ обиходѣ жителей нерпа играетъ важную роль, доставляя мясо, жиръ и шкуру. При мнѣ нерпу стрѣляли изъ ружей, весьма распространенныхъ въ настоящее время среди удиће. Большею частью встречается пестрая нерпа темновато-сѣраго цвѣта, рѣже бѣлая или, лучше сказать, блѣдно-желтая. Точно также между дѣломъ часто бываютъ изъ ружей и выдру, водящуюся во всѣхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ океанъ. На этого звѣря, впрочемъ, охотятся и зимою, настораживая на него снаряды и лучки. Въ долинѣ р. Та-Судухѣ мнѣ попался охотникъ, который круглый годъ, особенно лѣтомъ, ловилъ выдръ капканомъ, по своему устройству совершенно напоминающимъ обыкновенные капканы на крысъ.

Въ іюнѣ и отчасти іюль мѣсяцахъ удиће сильно охотятся на сочатаго (лося), мясо которого, подобно мясу кѣты, приготовляется на зиму. И лось, подобно нерпѣ, доставляетъ мясо, жиръ („масло“) и материалъ для различныхъ подѣлокъ. Лѣтомъ лось появляется на морскомъ побережье, спасаясь отъ „гнуса“, зимою же онъ перекочевываетъ въ глубь материка, но охота на него продолжается и тамъ. Куда я ни прѣѣзжалъ въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ, всюду въ деревняхъ удиће встрѣчали сушившееся и коптившееся мясо сочатаго, равно растянутыя на палкахъ кожи. Въ это время охотились на лося, главнымъ образомъ, ради мяса и кожи: шкура лѣтомъ никакуда не годится, потому что шерсть линяетъ даже на ногахъ, а въ пахахъ и на головѣ имѣются голыя плѣшины, выѣденные мошкой, оводомъ и комарами. При мнѣ били лося изъ ружей. Для этого охотникъ на оморочекъ отправлялся въ извѣстное излюбленное лосемъ мѣсто вечерняго и утренняго водо-поя и подкарауливалъ тамъ звѣря. Зимою же, обыкновенно, охотятся на лося съ ружьемъ и на лыжахъ съ копьемъ и собаками. Кромѣ того, зимою по преимуществу настораживаютъ на тропинкахъ къ водопою луки — самострѣлы. Въ южной части территории удиће лѣтомъ усиленно охотятся на изюбря, главнымъ образомъ, ради пантъ, т. е. молодыхъ роговъ. На югѣ лучшими считаются панты пестрыхъ оленей. Бывать изюбria двоякимъ образомъ: или, разѣзжая по рѣкѣ въ оморочекѣ, выслѣдываютъ звѣря, когда онъ подходитъ полакомиться различными водорослями и водяными лиліями, или же бывать его по „трубѣ“. Послѣдній способъ охоты практикуется осенью

и основанъ на томъ, что съ сентября мѣсяца изюбрь-самецъ начинаетъ ревѣть, отыскивая самку. Призываю ревомъ самку на свиданіе, самецъ въ это время очень свирѣпъ и изъ-за обладанія ею идетъ на страшный бой со своимъ соперникомъ. Пользуясь этимъ, удиѣ трубою подражаютъ реву изюбря, который, предполагая увидѣть соперника, идетъ прямо на охотника. Вотъ очень интересное описание охоты подобнаго рода.

„Еще засвѣтло пришли охотники къ рѣчкѣ Сядунгоу и стали ждать. Когда стемнѣло, и показалась луна, издали послышался ревъ изюбря; онъ подходилъ все ближе и ближе, и вдругъ въ одной верстѣ отъ стоянки охотниковъ раздался ревъ громаднаго быка. Гольдъ Ильянъ взялъ свою трубу изъ бересты¹⁾ и, подражая реву изюбря, проигралъ на ней. Тотчасъ же послышался отвѣтъ изюбря. „Онъ сердится, пойдемъ!“ сказалъ Ильянъ, и охотники тронулись къ нему навстрѣчу. Отойдя шаговъ 200 отъ табора, остановились на полянѣ за сломленнымъ бурею дубомъ. Поляна, на которой стояли, осѣщалась полной луной... На полянѣ, въ полуверстѣ отъ притаившихся охотниковъ, большой изюбрь-самецъ искалъ свою возлюбленную. У небольшого дерева онъ увидалъ самку, которая еще раньше примѣтила его и послѣшила принять граціозную позу... Увидѣвъ самку, изюбрь закричалъ во всю свою мощнную грудь, на что получилъ въ отвѣтъ слабый крикъ самки, которая приглашала его подойти. Но въ это время Ильянъ опять проигралъ „арію возлюбленнаго“ на своей трубѣ. Встрепенулся изюбрь и въ яности готовъ былъ броситься въ чащу, чтобы скорѣе покончить съ воображаемымъ своимъ соперникомъ. Изюбрь сгоралъ отъ ревности и, въ нетерпѣніи, рыль копытами землю... Послышался опять звукъ трубы; старый быкъ отвѣтилъ ему самымъ грознымъ вызовомъ, но противникъ все не шелъ... Рѣшили подойти къ нему, и, во время подхода, по временамъ, Гольдъ останавливался и игралъ въ трубу. Наконецъ, подошли шаговъ на 80 къ полянѣ... остановились на краю ея за толстой осиной и Ильянъ заигралъ въ рогъ. Раздался отвѣтный грозный крикъ изюбря, и онъ поскакалъ къ гольдамъ²⁾.. “По побережью Татарскаго пролива знаютъ цѣну пантамъ лишь тѣ удиѣ, которые живутъ на югъ, начиная отъ р. Кушунгоу. На югѣ, где много манзовскихъ купцовъ, панты являются предметомъ самымъ интереснымъ и заманчивымъ для обитателя. Нѣть сомнѣнія, что охоту за пантами создали манзы. По рассказамъ старожиловъ, глубокихъ стариковъ, до прихода манзъ въ долину р. Та-Судуха, тамъ было очень много пантовъ, такъ много, что имъ не придавали никакой цѣны и проигрывали въ карты. Когда же пришли сюда манзы, панты повысились въ цѣнѣ, но ихъ стало совсѣмъ мало. Опыт-

¹⁾ На р. Санденбѣ я видѣлъ подобную же трубу изъ дерева.

²⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г. ст. I, Альфана.

ные охотники говоривали въ шутку, что прежде на одного охотника приходилось двадцать пантачей (звѣрь съ молодыми рогами), а теперь (въ 1896 г.) на одного пантача приходится двадцать охотниковъ. Убылью звѣря, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что очень многіе удиѣ, наскучивъ неудачною охотою за пантами, бросаютъ ее и переходятъ къ другимъ болѣе вѣрнымъ занятіямъ. Добываніе пантовъ является дѣломъ труднымъ не потому только, что звѣрь съ каждымъ годомъ значительно уменьшается, а и потому, что пантачи, спасая отъ комаровъ и мошекъ свои молодые, нѣжные и чувствительные къ уколамъ рога, прячутся въ чащу тайги, и рѣдко выходятъ на открытые мѣста. Поэтому охотнику приходится бродить по непроходимой тайгѣ, ища случайной встрѣчи съ изюбремъ или оленемъ. Впрочемъ, такъ какъ ночью звѣри приходятъ на солонцы, то ихъ по большей части тамъ и бываютъ охотники.

Особенно цѣняются молодые рога пестраго оленя (*cervus axis*), который водится въ южной части территории удиѣ. Изюбринные же панты считаются лучшими лишь тогда, когда сняты съ лобовой костью черепа съ изюбря, убитаго въ концѣ июня. Уменьшеніе звѣря и дороговизна пантовъ побудили нѣкоторыхъ охотниковъ держать изюбреи и оленей въ засадкахъ и ежегодно спиливать панты. Ниѣ нигдѣ не приходилось въ селеніяхъ удиѣ видѣть подобныхъ засадокъ, да и никто изъ изслѣдователей быга ихъ не сообщилъ о засадкахъ у нихъ. Весьма возможно, что удиѣ не имѣютъ засадокъ, при своемъ подвижномъ и временномъ хозяйствѣ.

Если рыба (кѣта и горбуша) и лось питаются и одѣваются удиѣ, то охота на соболя, главное занятіе ихъ зимою, доставляетъ средства для удовлетворенія всѣхъ остальныхъ несложныхъ потребностей; соболь — единственное богатство удиѣ.

Этотъ драгоценный звѣрь водится по всей территории удиѣ и только на югѣ (бассейнъ Сучана, Та-Судуха) онъ съ каждымъ годомъ попадается рѣже и рѣже, не составляя предмета специальной охоты.

Добываютъ соболя различными способами: ловятъ силками, сѣткою, настораживаютъ лукъ, наконецъ охотятся на него съ ружьемъ и собакою. Наиболѣе цѣннымъ считается соболь, имѣющій темный цвѣтъ шкурки; такие соболи встречаются въ сѣверной части Зауссурійского края и при томъ, насколько известно, въ прибрежной полосѣ; по притокамъ же Уссури соболь плохого качества. Весь добываемый удиѣ соболь поступаетъ въ продажу, и никогда не употребляется ими для своихъ нуждъ. Лѣтомъ на р. Ботчи и другихъ я лишь у нѣкоторыхъ видѣлъ по одной, по двѣ шкурки этого дорогого звѣрька, которыхъ удиѣ носили за пазухой и обращались съ ними, какъ съ ходячей монетой. Такимъ образомъ, весь соболь, добываемый зимою,

поступаетъ на рынокъ и является главнымъ предметомъ торгового оборота, о чмъ подробнѣе будеть рѣчь впереди. Зимою же, по пути, добываются и другія животныя: кабарга, мѣшочки струи которой продаются повсюду среди удинѣ, козуля, медвѣдь, лисица, барсукъ, хорекъ, бѣлка и кабанъ. Лисицу добываютъ травою и ловятъ собаками. Ко мнѣ часто обращались удинѣ съ просьбою достать имъ во Владивостокѣ и переслать черезъ пароходъ „Вай-калъ“ стрихнина для отравленія лисицъ. Среди лисицъ преобладаютъ красные. Съ каждымъ годомъ увеличивается добываніе медвѣдя, котораго или бываютъ изъ ружей, или поднимаютъ изъ берлоги на копье (тѣг). Въ южной части Зауссурійскаго края охотятся еще на волка и енота. Особенно интересна охота на послѣдняго съ собаками въ долинѣ рр. Имана и Вака. Охота производится ночью, потому что звѣрь этотъ для своихъ прогулокъ выбираетъ обыкновенно это время. Промышленникъ, имѣя одну или нѣсколько собакъ, „привязываетъ имъ на шею небольшіе бубенчики и съ заходомъ солнца выходитъ на охоту. Собака, найдя енотовый слѣдъ, идетъ по слѣду, догоняетъ звѣрька и душитъ его. Осеню еноты бываютъ очень жирны и неуклюжи и потому собака безъ труда догоняетъ ихъ. Звонъ бубенчика указываетъ промышленнику, гдѣ его собака душитъ енота. Промышленникъ отправляется на это мѣсто и подбираетъ звѣрка¹⁾). Енотъ даетъ шкурки и сало.

Удинѣ охотятся и на птицъ, но рѣже, и это производится скорѣе какъ развлеченіе. Охотятся, главнымъ образомъ, на утокъ, которыхъ насчитывается нѣсколько породъ. Бываютъ изъ ружей-дробовиковъ и почти оставили бить деревянными стрѣлами изъ ручныхъ луковъ. Въ каждой юртѣ, гдѣ есть много маленькихъ дѣтей, вы непремѣнно увидите украшенія и побрякушки на дѣтскихъ поясахъ, сдѣланныя изъ ножныхъ костей и носовъ утокъ. Особенно много утокъ бываетъ по веснѣ, когда однимъ выстрѣломъ легко убиваютъ по 10—15 штукъ. Осеню силками и петлями ловятъ, а изъ ружей бываютъ много рябчиковъ. Въ странѣ удинѣ существуетъ два рода рябчиковъ: обыкновенный сѣрий и такъ называемый „каменныи“ рябчикъ, почти чернаго цвѣта. Особенно считается вкуснымъ послѣдній, добить котораго весьма легко, потому что онъ непугливъ и близко подпускаетъ къ себѣ. При мнѣ разъ убила дѣвушка-удинѣ сѣраго рябчика палкою. Рѣже бываютъ гуси и лебедя. Изъ шкурки послѣдняго, тщательно выдѣланной, шьютъ иногда одежду, чаще же она идетъ на отдѣлку къ ней.

Орудіями при охотѣ служатъ копья, луки, стрѣлы, ружья и всевозможные снаряды. Изъ копій обращаютъ вниманіе тѣ, которыми бываютъ мед-

¹⁾ Надаровъ: «Сѣверно-Уссурійскій Край», 118—119 стр.

вѣдя. „Копье дѣлается большое съ маленькими поперечниками на ремняхъ, въ 2—3 четвертыхъ оть переднаго конца. Копье прикрѣпляется къ крѣпкому, но легкому и прямому древку въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины сыромятными ремнями²⁾). Луки бываютъ двухъ видовъ—обыкновенный ручной лукъ и „самострѣлъ“. Насколько могу судить по личнымъ наблюденіямъ, стрѣлы, копья и луки съ каждымъ годомъ уступаютъ мѣсто ружьямъ. Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ удиѣ, и я всегда слышалъ отъ нихъ восторженные отзывы о ружьѣ. Едва ли ошибусь, если скажу, что завѣтною мечтою каждого удиѣ является—скопить денегъ или соболя и пріобрѣсти ружье. Уже теперь на побережья Татарскаго пролива я не встрѣчалъ юрты, въ которой не имѣлось бы ружья. Только дорожевизна заставляетъ удиѣ довольствоваться „дѣдовскимъ оружіемъ“.

Пока имѣются ружья курковыя, заряжающіяся съ дула, рѣдко берданки и большие „винчестера“, особенно на югѣ Зауссурійскаго края. Стрѣляютъ удиѣ удивительно мѣтко, не тратя даромъ пороха. Мой проводникъ Канцарь попадалъ пулею въ воробья, билъ изъ двухъ десятковъ созванныхъ курь намѣченную птицу въ голову. Попавшаяся на глаза удиѣ добыча рѣдко уходитъ въ лѣсъ или воду. Помню разсказъ моего проводника по р. Амгу объ одномъ странномъ случаѣ съ нимъ: щахъ онъ разъ въ оморошки по рѣкѣ, и вотъ въ заливчикѣ, близко отъ него, стоитъ у воды сохатый. Онъ схватилъ винчестеръ, выстрѣлилъ разъ. Сохатый, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, остановился, точно удивляясь, какъ это пуля пролетѣла мимо. Охотникъ выстрѣлилъ вторично, пуля снова пролетѣла мимо, и сохатый скрылся въ чащѣ таежной. Разсказчикъ самъ не могъ понять, какъ онъ промахнулся на такомъ близкомъ разстояніи. Часто мнѣ доводилось слышать желаніе пріобрѣсти берданки. Ружья эти они предпочитаютъ винчестерамъ. Любовное и удивительно аккуратное обращеніе удиѣ съ ружьемъ, даже самымъ плохимъ, ясно показываетъ, насколько ему необходима и цѣнна эта вещь. Онъ часто притираетъ ружье, чистить его, хранить въ чехлѣ изъ кожи нерпы или изъ барсукового или кабаньяго мѣха и вѣшаетъ на самое почетное мѣсто въ юртѣ. Въ виду сказанного понятно будетъ, сколько горя причиняло удиѣ заарестованіе ружей на Сучанѣ лѣсною стражею вслѣдствіе того, что эти дикии не понимали сущности закона, запрещавшаго охоту въ тѣ мѣсяцы, когда матки ходятъ беременными или производятъ дѣтенышей.

Снарядовъ и ловушекъ, которыми удиѣ ловятъ звѣрей, много, но по своему виду и устройству они напоминаютъ и совершенно сходны на таковые же

²⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г., ст. г. Альфана.

у другихъ инородцевъ Заусурійскаго края¹⁾. Само собою разумѣется, что неиболѣшее количество ловушекъ приходится на долю драгоцѣннаго звѣрка-соболя. Немало ихъ и на олена, особенно интересна одна, весьма часто практикуемая на югѣ, напримѣръ, въ бассейнѣ р. Та-Судуха²⁾. Ловушка эта по-манзовски называется „лутхаза“³⁾ и состоитъ изъ такъ называемаго „оленьяго башмака“ и веревочной петли. Башмакъ представляетъ четырехугольную деревянную рамку, убитую гвоздями, загнутыми вовнутрь такъ, что образуютъ нѣчто въ родѣ конуса. Эта рамка кладется конусомъ изъ гвоздей въ ямку, выкапываемую на тропѣ, по которой ходятъ олени. На рамку набрасывается сверху веревочная петля съ привязанною на свободномъ концѣ веревки палкою. Олень, идя по тропѣ, попадаетъ ногою въ раму, проваливается, раздвигая гвозди, которые не позволяютъ вынуть ногу обратно. Чувствуя на ногѣ тяжесть, олень старается сбросить башмакъ, рвется и бѣть ногою и хотя ломаетъ раму, зато затягиваетъ петлю. Уйти далеко послѣ этого онъ не можетъ, палка цѣпляется за кусты и деревья, а кровавый слѣдъ изъ пораненой гвоздями ноги приводить охотника къ добычѣ.

Въ качествѣ орудій охоты, для удиѣ имѣютъ большое значеніе лыжи и собаки.

Собака исполняетъ двѣ роли въ быту удиѣ: она возить и ловить или отыскивать звѣря. Впрочемъ, на территоріи удиѣ, въ сѣверной части, зимою рѣдко употребляютъ собакъ для Ѣзда, чаще на нихъ перевозятъ по рѣкамъ товары. Но начиная съ р. Кушунгоу, нѣть Ѣздовыхъ собакъ, держать здѣсь исключительно такъ называемыхъ „звѣровыхъ“, т. е. для охоты назначенныхъ. Если употребляются собакъ для Ѣзда, то впряженіе ихъ ремнями въ легкія и небольшія санки, называемыя нартами. Хорошія Ѣздовые собаки рѣдко встречаются у удиѣ, а если встречаются, то продаются за 100 рублей, каковую сумму едва ли можетъ скопить какой-либо изъ нихъ.

Звѣровые собаки доступнѣе по цѣнѣ: средняя стоимость ихъ—10 руб., самая низкая цѣна плохой собаки—5 руб.

И звѣровые и Ѣздовые собаки—одного типа. Онѣ—небольшого роста, пропорциональнаго сложенія, съ небольшой острой мордою, съ характерно торчащими ушами, съ небольшими глазами, съ стройными сильными ногами и маленькими лапами; хвостъ у нихъ длинный, пушистый и крючкомъ загнутый, на груди, брюхѣ и ногахъ шерсть свѣтлѣе, чѣмъ на спинѣ, при

¹⁾ Но желаю здѣсь повторять известное о ловушкахъ, отсылаю читателя къ книгѣ г. Маргаритова, гдѣ находятся подробное описание и рисунки (стр. 12—13).

²⁾ Даю подробное описание, потому что въ литературѣ не встрѣчалъ подобныхъ известій.

³⁾ Отсутствие «тазовскаго» названія, вѣроятно, указываетъ на манзовское происхождение ловушки.

этомъ шерсть длинная, особенно на шеѣ, и торчащая въ разныя стороны. Такую собаку можно встрѣтить въ каждой юртѣ и фанзѣ. Онѣ очень злы, часто грызутся съ собаками сосѣдей, нападаютъ на прохожаго, и только крикъ хозяина „тх“ унимаетъ ихъ. Нѣкоторые хозяева держатъ днемъ своихъ собакъ на привязи, большинство же — на полной свободѣ, при чёмъ собаки, прячась отъ мошки и мухъ, вырываются у берега глубокія ямы и скрываются тамъ.

Необходимою принадлежностью каждого охотника въ зимнюю пору являются лыжи. Онѣ въ длину бываютъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ, дѣлаются изъ бархатнаго дуба или ильмового дерева и подбиваются изюбринами или козьими голенями, которые подклеиваются калужскимъ kleemъ. При ходѣ на лыжахъ необходимъ посохъ, чтобы спуститься съ горы и управлять движеніями. Порохъ этотъ представляетъ обыкновенно палку отъ 2 до $2\frac{1}{3}$ арш. въ длину. Къ одному изъ концовъ палки прикрепляется клыкъ отъ сѣкача или какая-нибудь острага кость (иногда желѣзное острѣ), а чтобы этотъ конецъ не увязалъ, при упорѣ на него, въ 5 — 6 вершикахъ отъ конца привязывается ремнями колесо съ четвертью или болѣе въ діаметрѣ. На другомъ концѣ посоха дѣлается лопаточка, для копанья барсучихъ норъ.

Около юрты и въ юртѣ удинѣ нерѣдко встрѣчаются нѣкоторыя дикия животныя, которыхъ живѣемъ достаются ему на охотѣ. На сѣверѣ Зауссурійскаго края мнѣ лично не разъ приходилось видѣть небольшіе срубы для содержанія медвѣжатъ, выращиваемыхъ для особаго, такъ называемаго „медвѣжьяго праздника“. Часто приходилось встрѣчать срубы поменьше, въ которыхъ содержались лисята, продаваемыя потомъ японцамъ либо живѣемъ, либо шкуркою. Любители держать въ клѣткахъ, а чаще на привязи, ради потѣхи и удовольствія, орловъ и другихъ хищныхъ птицъ. Наконецъ, въ качествѣ пѣвчихъ, попадаются синія сороки и другія мелкія птички.

До сихъ поръ, говоря обѣ охотѣ, я никогда не называлъ времена и количества добываемаго звѣря. При нѣкоторомъ разнообразіи климатическихъ условій въ сѣверной и южной частяхъ Зауссурійскаго края, время охоты колеблется и опредѣляется различно, учесть же количество добываемаго звѣря на всей территории удинѣ невозможно, потому что добываемаго звѣря никто не считалъ и не считаетъ. Поэтому я рѣшаюсь нѣсколько постѣдующихъ страницъ занять добытыми лично свѣдѣніями о срокахъ охоты и количествѣ добываемаго звѣря, насколько мнѣ удалось собрать ихъ въ разныхъ селеніяхъ.

На р. Ботчи соболя ловятъ четыре мѣсяца: ноябрь, декабрь, январь и февраль. Вероятно, впрочемъ, что этотъ срокъ слѣдуетъ варьировать такъ: съ половины октября мѣсяца — начало, съ половины февраля — конецъ охоты

на соболя, потому что уди^не не научились еще точному обозначенію времени мѣсяцами и числами. Количество добываемаго звѣра весьма различно: въ хорошій годъ одинъ охотникъ добываетъ отъ 40 до 50 соболей, въ плохой—2—3 соболя. Весь добываемый соболь идетъ въ продажу, при чемъ покупщиками являются русскіе и манзы: при мѣновой торговлѣ хороший соболь идетъ за 5—6 и даже за 8 руб. Выдръ на р. Ботчи—мало; въ хорошій годъ ихъ добывается не болѣе 2 штукъ, которая продаются исключительно манзамъ за 5—6 рублей одна товаромъ. Медвѣдей бываютъ осенью и зимою въ хорошій годъ на одного охотника выпадетъ 6 медвѣдей, въ неудачный годъ—не болѣе 2-хъ. За шкуру хорошаго, большого и чернаго, медвѣдя товаромъ манзы даютъ 10 руб., за плохую же—5 руб. Сохатыхъ бываютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ при удачной охотѣ добывается по 20 штукъ на охотника. Кожу и шкуру продаютъ манзамъ по 3 руб. товаромъ. Нерпъ въ р. Ботчи водится мало: одинъ охотникъ въ годъ добываетъ 10 штукъ. Кожу нерпы покупаютъ манзы по 2 рубли деньгами и товаромъ. На р. Самаргѣ соболя начинаютъ ловить съ октября и прекращаютъ охоту въ мартѣ до схода снѣга. Наибольшій уловъ одного охотника равняется 30—50 соболями, наименышій—10. Соболя покупаютъ гольды и китайцы, платя за хорошаго соболя—8 руб., средняго—5—6 руб. и за худого—2—3 руб. товаромъ. Количество соболя въ данной мѣстности зависитъ отъ урожая кедровыхъ орѣховъ. „Много орѣховъ—много блокъ, много блокъ—много соболя“, говорили мнѣ на Самаргѣ. Выдръ и здѣсь мало; охотятся на нихъ лѣтомъ и зимою, добывая, при удачѣ, 4—5 штукъ. Гольды и китайцы, при мѣновой торговлѣ на товары, установили цѣну на выдру по 1 рублю за четверть шкурки. Здѣсь хорошая выдра имѣеть 4—5 четвертей. Медвѣдя бываютъ лѣтомъ и зимою, добывая, при счастливой охотѣ, до 5 медвѣдей на человѣка. Шкура хорошаго медвѣдя оцѣнивается товарами въ 8—9 руб., плохого—въ 5 р. Сохатаго бываютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ наибольшая добыча на охотника исчисляется въ 8—10 штукъ. Шкура или кожа сохатаго, смотря по качеству, продается отъ 1 до 3 руб.

На р. Күшунгоу соболя добываютъ съ ноября по февраль мѣсяцъ (рѣдко по мартъ). На охотника за сезонъ приходится отъ 10 до 20 соболей. Покупателями являются манзы, платя деньгами и товаромъ за хорошаго соболя 6—8 руб., за плохого—4—5 руб. Сохатаго бываютъ лѣтомъ и зимою, при чемъ удачный годъ приносить охотнику 10 штукъ. Кожу продаютъ за 1—2 рубля, а хорошие панты ¹⁾ доходятъ до 80—100 руб. Пантовъ ежегодно добывается не болѣе 2—3. Выдра встрѣчается въ не-

1) Здѣсь уже, благодаря сосѣству манзъ, знаютъ помѣрь цѣну, и имѣются специалисты—охотники на пантачей.

большомъ количествѣ, такъ что на охотника приходится лишь до 5 штукъ; цѣна шкуркѣ отъ 3 до 4 рублей. Козуль тоже мало: ежегодно на охотника приходится 2—3. Медвѣдей въ осень и зиму каждый охотникъ добываетъ 5—6, продавая шкуры манзамъ за деньги или товары; цѣна хорошему медвѣдю—9—10 руб., худому—4—5 руб. Тутъ охотятся и на лисицѣ, добывая въ удачный годъ до 10 шкуръ на охотника. Шкурка лисицы оцѣнивается въ 2 руб. Бѣлокъ на охотника приходится въ годъ удачный по 50 штукъ; десятокъ шкурокъ продаются за 2 руб. товаромъ. Кабарговую струю при мнѣ покупалъ мой проводникъ на р. Иди за 1 р. 70 к. мѣшечекъ.

На р. Такхомѣ сохатыхъ бываютъ мало—1—2 штуки: соболя въ удачный годъ добываютъ по 50 штукъ на охотника; выдръ по 10 штукъ; медвѣдей—то же количество; бѣлки по 3—4; козуль по 10. Продаются: шкурку сохатаго за 2 руб.; хорошаго соболя—за 6—7 руб.; хорошую выдру—за 5 руб., плохую—за 2—3 руб., медвѣдя хорошаго—за 12 руб., плохого—до рубля, шкурку бѣлки по 1 коп., козули—по 3 коп. Хорошіе панты (рога пятнистаго оленя) стоять 200 руб., а плохіе доходятъ до 10 руб. Перечисленныя мною разспросныя свѣдѣнія, кажется, даютъ возможность заключить, что охота должна давать сильную поддержку хозяйству удилѣ, особенно предполагая, что количество добываемаго звѣря показывалось менѣе дѣйствительнаго¹⁾; если же на самомъ дѣлѣ она не приносить охотнику возможныхъ выгодъ, то причиною являются нѣкоторыя ненормальные явленія быта, о чмѣ подробно будетъ сказано ниже.

Почти тождественное значеніе въ экономическомъ быту удилѣ съ „пантами“ имѣть женевеневый промыселъ. Съ женевенемъ познакомили удилѣ манзы, приписывающіе этому растенію способность „поправить человѣка, возвратить ему силу и свѣжесть молодости, сѣдѣлать кожу красноватой, какъ у молодой дѣвушки“²⁾. Этотъ корень растетъ по скатамъ горъ въ тѣнистомъ лѣсу. Онъ бѣлаго цвѣта длиною въ 2—3 дюйма, со многими тонкими отростками въ видѣ бѣлыхъ нитокъ; толщина корня въ среднемъ около $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма, но встречаются и болѣе толстые. Поверхъ земли этотъ корень выпускаетъ стебель, длиною фута въ $1\frac{1}{2}$, толщиною 1,5 линіи. Отъ стебля, на разстояніи 6—8 дюймовъ отъ земли, отходятъ 4 листа, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 5 отдельныхъ, расположенныхъ вѣрообразно листковъ; въ срединѣ находится самый большой листокъ, достигающій до 5 дюй-

¹⁾ Допускаю такую возможность особенно съ рѣки Кушунгоу на югѣ, потому что манзы никогда не показываютъ въ истинномъ видѣ своихъ доходовъ, боясь, что за показанное придется платить въ русскую казну пошлину.

²⁾ Надаровъ, Сѣв.-Уссур. край, 115 стр.

мовъ въ длину и до 2-хъ въ ширину; слѣдующіе листки съ боку немного меныше, а крайніе еще незначительнѣе, величиною до одного дюйма; каждый листокъ овальной формы, съ острымъ концомъ; края листковъ мелкозубчатые. Стебель оканчивается пучкомъ красно-яркихъ ягодъ, числомъ до 10; но эти ягоды появляются и приобрѣтаютъ красный цвѣтъ только позднимъ лѣтомъ. Искатели женьшена удишѣ раздѣляются на два класса: одни ищутъ корень по собственной волѣ, для собственного прибытка, чтобы сразу разбогатѣть, другіе ищутъ поневолѣ, по порученію своихъ хозяевъ — манзъ. И тѣ и другіе отправляются искать женьшень съ іюля по сентябрь мѣсяцъ. Должники-удишисты. е. искатели поневолѣ, отправляются за корнемъ артелью, получая продовольствіе отъ своего кредитора-китайца. Снаряжаются въ походъ такъ: „надѣваютъ короткую куртку, наколѣнники изъ толстой ткани поверхъ штановъ, улы; голени обертываютъ длинной лентой изъ дабы или кожей; для предохраненія отъ сырости и для сохраненія одежды у каждого имѣется холщевой промасленный передникъ. Кромѣ того, берется сумочка съ огнивомъ и трутомъ, костяная палочка или деревянныя вилочки для выкапыванія корня, ножъ и длинный посохъ“. Впереди идетъ опытный и зоркій искатель. Идутъ всѣ въ линію, иногда въ двѣ, идутъ тихо, раздвигая траву посохами. Когда корень найденъ, то опытный искатель осторожно, чтобы не повредить самыхъ тонкихъ отпрысковъ, выкапываетъ его. Выкопанный корень обкладываютъ мохомъ, укладываютъ въ коробку и обсыпаютъ землею, которую изрѣдка поливаютъ водой. Все добытое за полтора-два мѣсяца отдаютъ своему хозяину-китайцу, который продаетъ на исконномъ женьшеневомъ рынке въ китайскомъ селеніи Има-Хоузѣ, противъ Графскаго поселка. Цѣна женьшена зависитъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и достоинства корня. Молодой корень, съ тремя листьями, считается хорошимъ, и за фунтъ его даются отъ 85 до 150 руб. Если стебель женьшена имѣсть 4 листа, то корень его считается лучше и цѣнится отъ 200 до 600 руб. за фунтъ. Когда на стеблѣ 5 листьевъ, то корень считается очень дорогимъ, и его продаютъ не фунтами, а штуками и по высокой цѣнѣ. Еще дороже цѣнится корень женьшена, на стеблѣ котораго 6 листьевъ. Такъ, передаютъ, что въ 1879 г. одинъ удишѣ нашелъ по р. Ваку женьшеневый корень около 1 вершка въ діаметрѣ и отъ 6 до 7 вершковъ длиною, за который получилъ 1500 металлическихъ рублей.

Кромѣ достоинства корня, на оцѣнку его сильно вліяетъ количество добытаго въ данномъ году женьшена и число покупателей¹⁾). Но женьш-

¹⁾ См. Надарова Сѣв.-Уссур. край, 114 и слѣд.; Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Общ. за 1895 г.; Приамурскія Вѣдомости №№ 205 и 209.

невый промыселъ ненадеженъ: можно исходить цѣлое лѣто и ничего не найти; тутъ нужно особое счастье, или „фартъ“, какъ говорили мнѣ удинѣ р. Татарскаго. Приготовленіемъ женышена, равно разведеніемъ искусственнаго корня, болѣе дешеваго, удинѣ не занимаются, предоставляемъ эти занятія китайцамъ, какъ хорошимъ и опытнымъ знатокамъ, поэтому я и не буду говорить объ этомъ¹⁾.

Истребленіе лѣсовъ пожарами и уменьшеніе изъ года въ годъ звѣря, случайность нахожденія женышена, не всегда удачный ловъ рыбы, побуждаютъ удинѣ, особенно тамъ, гдѣ онъ соприкасается съ манзами, ввести новый факторъ въ свое экономическое существование. Я говорю о земледѣліи.

Вдоль побережья Татарскаго пролива легко можно прослѣдить тѣ первоначальные фазы, которыя переживаетъ земледѣліе: сперва оно имѣть видъ огородовъ, на которыхъ воздѣлывается картофель. Съ р. Нельмы и далѣе на югъ, при опросѣ жителей о занятіяхъ, всюду называли, кромѣ рыболовства и охоты, и огородничество. На р. Ботчи не знаютъ еще этой отрасли хозяйства, но не разъ высказывали желаніе научиться садить картофель, который, какъ пищевой продуктъ, имѣеть очень нравится. Тѣхъ удинѣ, которые умѣютъ садить картофель, научили этой отрасли хозяйства манзы. Садить пока мало: самое большее $\frac{1}{2}$ —1 десятину. На р. Самаргѣ въ огородахъ, кромѣ картофеля, начинаютъ воздѣлывать немнога буды, тоже по примѣру китайцевъ. На слѣдующихъ къ югу рѣкахъ огороды постепенно увеличиваются въ размѣрахъ (до $1\frac{1}{2}$ —2 десятинъ) и переходятъ уже въ пашни, гдѣ, кромѣ картофеля и буды, встрѣчаются пшеница, ячмень и макъ. На рр. Кущунгоу и Санденбека путникъ уже встрѣчаетъ огромныя поля подъ будою, пшеницею, кукурузою и макомъ. Послѣдній, по мѣрѣ движенія на югъ, получаетъ все большее распространеніе и воздѣлывается исключительно для добыванія опiumа. За заливомъ св. Ольги, къ югу, земледѣліе является для нѣкоторыхъ удинѣ исключительнымъ и главнымъ занятіемъ, хотя необходимость имѣть земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, помѣщеніе для храненія зерна еще не сознается многими изъ удинѣ, какъ условіе, безъ котораго нѣть прочнаго земледѣльческаго хозяйства. За все время пребыванія своего среди удинѣ, и на Сучанѣ и на побережье Татарскаго пролива, я никогда не встрѣтилъ такого хорошаго (относительно) земледѣльческаго инвентаря, какой всюду имѣется у манзы. Не видя въ дворахъ удинѣ ни плуга, ни быка, ни лошади, я съ удивленіемъ спрашивалъ, какимъ образомъ они обрабатываютъ подчасъ довольно обширныя поля. Отвѣтъ получался всегда одинъ и тотъ же: „манзы даромъ даютъ“. Впрочемъ, по словамъ ольгинскаго пристава г. Шкур-

¹⁾ Желающихъ прочитать объ этомъ отсылаю къ книгамъ гг. Маака, Алябьева и др.

кина, удиңе, живущие близъ залива св. Ольги, нѣкогда, не такъ давно, имѣли большой сельскохозяйственный инвентарь и скотъ, но манзы съумѣли все прибрать къ своимъ рукамъ.

Вообще дикарю-удиңе, привыкшему къ бродячemu или кочевому образу жизни, трудно сразу подавить сильно укоренившаяся привычки и перейти къ вполнѣ осѣдлой жизни. Можно положительно сказать, что количество годовъ осѣдлой жизни любого изъ удиңе на побережье Татарскаго пролива измѣряется семью-восемью годами.

Единственно беспечностью удиңе и его наклонностью къ бездѣйствію можно объяснить то обстоятельство, что посѣяннаго не хватаетъ на годовое потребленіе. Когда я, бесѣдуя съ жителями долины Та-Судуха, указывалъ на необходимость большей запаски, то получалъ въ отвѣтъ одно: „не хватитъ, у манзы взаймы возьмемъ“. Столъ же ничтожно земледѣліе и у тѣхъ удиңе, которые обитаютъ по правымъ притокамъ р. Уссури. Г. Надаровъ въ восьмидесятыхъ годахъ насчиталъ всего 6 десятинъ пахатной земли. Съ того времени, впрочемъ, судя по результатамъ изслѣдований охотничихъ командъ, земледѣліе сдѣлало значительный шагъ впередъ, но въ очень многихъ случаяхъ оно носить характеръ огорода и только изрѣдка переходитъ въ пашню. На огородахъ и здѣсь встрѣчаемъ излюбленные китайцами овощи: картофель, кукурузу, бобы, лукъ, чеснокъ, тыкву, огурцы и арбузы; на пашняхъ—чулицу, ячмень, гаолянъ и табакъ¹⁾.

Если охота и рыболовство позволяютъ и отчасти заставляютъ удиңе вести кочевой и бродячій образъ жизни, то земледѣліе неизбѣжно приводить ихъ къ осѣдлости, подаяя первыя начала культуры и перемѣння бытовую обстановку. Не сомнѣваюсь, что рано или поздно большая часть территории удиңе должна будетъ отойти подъ пашни; что аборигены ея должны будутъ перейти къ земледѣлію и его поставить краеугольнымъ камнемъ своего благосостоянія. Весьма желательно, чтобы этотъ тяжелый переделъ въ экономической жизни удиңе, при содѣйствіи русскихъ, совершился скорѣе и возможно легче, потому что на югѣ онъ совершается, при содѣйствіи китайцевъ, слишкомъ тяжело и разорительно.

Трудно сказать, что побуждаетъ удиңе къ такимъ промысламъ, какъ трепанголовство и капустоловство. Оба эти промысла только что начинаютъ проникать въ жизнь удиңе, особенно на югѣ, по побережью Великаго океана. Многу встрѣчено здѣсь только три самостоятельныхъ капустолова (въ бухтѣ Находкѣ и на р. Санденбесѣ), но много таѣзъ занимается ловлею морской капусты въ качествѣ работниковъ у манзъ. Трепанголововъ очень мало: мнѣ известны только два.

¹⁾ Труды Приамур. Отд. И. Р. Г. Об. за 1895 г.

Нѣкоторымъ намекомъ на мотивы, побуждающимъ тазъ приниматься за упомянутые промыслы, можетъ служить слѣдующая бесѣда, которую я велъ съ женщиной удинѣ на р. Та-Судухѣ. Ея мужъ лѣтомъ 1896 г. впервые ушелъ на ловлю тренанговъ, занимаясь дотолѣ хлѣбопашествомъ. На мое замѣченіе о случайности этой добычи и о большей надежности расширенія пашни, она отвѣтила: „мы пробуемъ, что выгоднѣе—нашнюю пахать или тренанговъ ловить“. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что она хотѣла мнѣ сказать: „мы пробуемъ, что легче и прибыльне — землю пахать или тренанговъ ловить“. Долженъ замѣтить, что оба тренанголова, видѣнныя мною, равно какъ и капустоловы относились къ числу „захудалыхъ“ удинѣ или бездомныхъ бобылей; при этомъ, какъ они сами рассказали мнѣ, тренанголовство и капустоловство соблазнило ихъ надеждою на большия барыши, о чёмъ они узнали изъ разказовъ манзъ. Въ виду сказанного осмѣлюсь выразить боязнь, что тренанголовство и капустоловство являются въ рукахъ манзъ-культуртрегеровъ лишь средствами окончательно сбить съ выгодной экономической позиціи удинѣ и привести его къ нищетѣ¹).

Мое спасеніе находить себѣ маленькое основаніе и въ томъ, что тренанголовство и капустоловство, для одиночнаго веденія ихъ, не требуютъ большихъ средствъ, чтò ясно при ближайшемъ ознакомленіи съ этими промыслами.

Морская капуста (*Laminaria sacchalinia* или *iapanica*) представляеть водоросль съ лапчатымъ или мочковатымъ корнемъ, прикрѣпляющимся къ камнямъ и скаламъ. Въ свѣжемъ видѣ листъ капусты имѣеть зеленобурый цвѣтъ. Эта водоросль встрѣчается по всему побережью Японскаго моря. Наиболѣе цѣнною считается морская капуста, листья которой имѣютъ одинаковую толщину по серединѣ и по краямъ, возможно большую длину и вы-
сушены такъ, что сохраняютъ свой зеленый цвѣтъ. У нашихъ береговъ промыселъ начинается въ концѣ марта и продолжается до сентября мѣсяца. При ловлѣ капусты употребляются, во-1-хъ, лодки, въ три сажени длиною съ кормою и носомъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ шириной; онѣ плоскодонны и имѣютъ вышину по борту въ 1 аршинъ. Во-2-хъ, кромѣ лодки, требуется шесть, имѣющій въ длину 10 и не болѣе 28 футовъ. На одномъ концѣ его укрѣплена рукоятка, на другомъ врѣзаны четыре желоба, въ которые вкладываютя и прикрѣпляются 4 палочки, до 5 четвертей длиною. Эти палочки на половину выдаются впередъ шеста, и, такимъ образомъ, получаются вилы, съ зубьями, расположеными по окружности круга. Иногда эти палочки дѣлаются желѣзныя. Капустоловъ въ тихую погоду выѣзжаетъ

¹) По сообщенію г-жи Васильевой, около зал. ев. Ольги капустоловство стало главнымъ занятіемъ тазъ (См. Извѣстія И. Р. Г. Об. 1872 г., т. VIII, № 2, 65 стр.).

на лодкѣ не далѣе полуверсты отъ берега и, опуская вилы въ воду и натягивая на нихъ листья морской капусты, вытягиваеть растеніе въ лодку. Наловленную капусту просушиваютъ, сортируютъ и связываютъ въ пучки¹⁾ (до 1 пуда 33 ф.). Въ наиболѣе удачный для ловли капусты годъ одинъ капустоловъ можетъ получить рублей 30—40 чистаго заработка, проживъ на морскомъ берегу съ марта до сентября или половины октября мѣсяца. Такимъ образомъ, при одиночномъ добываніи, промыселъ этотъ нельзя считать особенно прибыльнымъ, тѣмъ болѣе, что въ некоторые годы, какъ напримѣръ въ 1896 г., на моихъ глазахъ разсвирѣпѣвшій подъ влияніемъ тайфуна океанъ обратно взялъ отданное въ теченіе пяти мѣсяцевъ капустное богатство, какъ бы за проценты изломавъ снасти и разбивъ лодки. Многіе манзы, а съ ними и одинъ удинѣ остались тогда безъ хлѣба, чулицы и табаку.

Что касается трепанголовства, то и оно не сулитъ богатыхъ барышей удинѣ.

Трепангъ представляетъ одинъ изъ видовъ голотурій (*holothuria edulis*) и похожъ на червя. Покровы его тѣла кожистаго характера; щупальцы во кругъ рта пластинчаты, способныя втягиваться внутрь тѣла. Брюшная сторона трепанга снабжена многочисленными амбулякральными ножками, разсѣянными весьма неправильно, а на спинѣ и по бокамъ замѣчается пять рядовъ кожистыхъ отростковъ, расположенныхъ по оси тѣла.

Удинѣ ловятъ трепанговъ двумя способами, заимствованными у манзъ,— колуть и неводятъ. При первомъ способѣ орудіями ловли являются лодка и особый снарядъ, состоящій изъ длиннаго (отъ 2 до $3\frac{1}{2}$ саж.) тщательно выстроганного шеста, толщиною отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 сантиметровъ. Нижняя часть шеста, всегда приставная, оканчивается деревяннымъ цилиндромъ, до 5 сантим. въ диаметрѣ и до 12 сант. длиною. Въ этомъ цилиндрѣ, съ внѣшней стороны, продолблены четыре желобка. Въ эти желобки вставлены металлическія иглы, выходящія до 7 сантим. наружу и имѣющія на концахъ крючки, на подобіе остроги. Орудіе это примитивное и дешевое, такъ какъ стоимость его не превышаетъ 1 р. 50 к. Ловлю посредствомъ такого орудія производить одинъ человѣкъ, лежа въ лодкѣ²⁾ и бросая шесть въ намѣченныхъ трепанговъ. Само собою разумѣется, что ловить трепанговъ шестомъ возможнѣ лишь при тихой погодѣ, когда хорошо видно морское дно, и при незначительной глубинѣ (не болѣе $2\frac{1}{2}$ саж.). Обыкновенно ловля шестомъ происходитъ въ концѣ марта, въ апрѣлѣ и въ концѣ сентября.

¹⁾ Подробности см. въ ст. Семенова «Промыселъ морской капусты въ Японскомъ морѣ», Владивостокъ, 1885 г., и въ Запискахъ Общ. Из. Амур. края т. VI. вып. I, стр. 62 и слѣд.

²⁾ Въ бухтѣ Находкѣ и видѣль нѣсколько лодокъ-трепанголовокъ: онѣ — небольшихъ размѣровъ, и борты ихъ выдаются надъ поверхностью моря не болѣе какъ на полъ-аршина.

При второмъ способѣ добычи трепанговъ орудіемъ служить китайская драга, состоящая изъ желѣзной рамы, толщиною въ 1 сантим., снабженной сѣткою. На одной изъ длинныхъ сторонъ рамы, вмѣсто желѣзной связи, протягивается ремень, на которомъ помѣщаются чугунныя подрѣзала. Эти подрѣзала имѣютъ форму сплошной подковы, снабженной ушками, сквозь которыхъ проходитъ связзывающій раму ремень. Стоимость драги не превышаетъ 6 руб., а ловля ею требуетъ двухъ человѣкъ: одинъ управляетъ лодкою, другой волочитъ заброшенную драгу по дну моря съ помощью веревки до 10 саж. длиною. Такимъ способомъ ловятъ съ конца марта по іюнь и со второй половины сентября до первыхъ чиселъ октября ¹⁾). Трепанговый промыселъ точно такъ же нельзя считать особенно прибыльной статьей въ хозяйствѣ удинѣ, особенно при одиночной ловлѣ. Если одинъ ловецъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ поймаетъ 100 фунтовъ трепанговъ ²⁾ (хорошій уловъ), то, считая за фунтъ 55 коп., получимъ доходъ въ 55 руб., половину какой суммы онъ успѣетъ пройти за время ловли. Но вѣдь часто цѣна приготовленнымъ трепангамъ падаетъ на рынкѣ до 35 коп. за фунтъ, тогда ничтожность заработка для всякаго очевидна. Въ виду сказаннаго легко понять, почему удинѣ занимаются трепанголовствомъ, такъ сказать, между дѣломъ.

*C. H. Браиловскій.
(Продолженіе сlijдетъ).*

¹⁾ Подробности см. въ ст. г. Маслениникова въ IV томѣ Зап. Зап. Общ. Изуч. Амур. Края, а также въ VI т. тѣкъ же записокъ.

²⁾ Считаю приготовленныхъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Финскія сказки. *)

Четыре волоса изъ бороды черта.

Тавастгусская губ., Калвала; рукописный сборникъ Нормальной гимназіи **) IX, № 4.

Жиль-былъ однажды очень богатый мельникъ, по имени Петруха, и у него была прехорошенькая дочь. Въ мельничномъ пруду появилось морское чудовище, требовавшее ежедневно по свинью. Петруха обѣщалъ руку своей дочери тому, кто убьетъ чудовище. Вызвался одинъ пастушокъ убить его.

Онъ привель ему свинью и крикнулъ: «Гдѣ ты тамъ, морской драконъ?». Тотъ появился, и пастушокъ и продолжалъ: «если ты не съѣшь этой свиньи, я тебѣ приведу завтра двухъ». Чудовище не тронуло свиньи, и пастушокъ отвелъ ее обратно домой. Петруха очень удивился, что драконъ не съѣлъ свиньи, но пастушокъ ни слова не промолвилъ. На другой день онъ пришелъ къ пруду съ двумя свиньями и обѣщалъ дракону на слѣдующій день трехъ, если онъ не съѣсть этихъ двухъ. Чудовище нырнуло въ воду, а пастушокъ возвратился домой съ двумя свиньями.

На третій день онъ пришелъ съ тремя свиньями; Петръ тайно слѣдила за нимъ. «Если сегодня не тронешь свиней», крикнулъ пастушокъ, «завтра получишь ихъ четыре». Мельникъ же со своей стороны закричалъ: «съѣшь, съѣшь ихъ», и голодное чудовище появилось и яростно бросилось на пастушка. Пастушокъ пронзилъ его саблею.

Мельникъ однако не далъ пастушки своей дочери, а потребовалъ, чтобы онъ принесъ четыре волоса изъ бороды черта. Онъ обѣщалъ и отправился въ путь.

Онъ пришелъ въ одно королевство. Въ королевскомъ саду росла яблоня съ золотыми яблоками, и вдругъ она перестала приносить плоды. Пообѣщавъ привести ее въ прежнее состояніе, онъ продолжалъ свой путь. Придя въ другое королевство, гдѣ исчезли двѣ королевны, и пообѣщавъ отыскать ихъ, онъ продолжалъ свой путь. Придя въ третье королевство, гдѣ пропала тоже королевна, онъ также обѣщалъ отыскать ее.—Три королевича перевозили людей на паромѣ черезъ реку. Увидавъ пастуха, они обратились къ нему съ просьбой научить ихъ, какъ бы имъ избавиться отъ этой обязанности. Онъ обѣщалъ имъ на обратномъ пути указать средство, какъ отъ этого избавиться, и они перевезли его. Въ логовище черта никого не было, кроме его жены, королевны, исчезнувшей изъ третьаго королевства. Пастушокъ, передавъ ей о всѣхъ своихъ пріключенияхъ, просилъ ее выдернуть у черта изъ бороды четыре волоса. Она обѣщала и спрятала его за печь. Спустя нѣсколько времени вернулся чертъ домой и легъ спать. Скоро послышалось громкое хрюканіе. Королевна выдернула у него одинъ волосъ, и чертъ вскочилъ, говоря: «Что такое?» «Мнѣ приснился сонъ», отвѣтила королевна. «Что

*) См. «Жив. Старина» Вып. I, 1901.

**) Въ архивѣ Финского Литературного Общества.

тебѣ приснилось? спросилъ чертъ. «Я видѣла во снѣ, что въ саду одного короля яблоня, приносившая золотыя яблоки, вдругъ перестала приносить ихъ». «Подѣй ей корнами погребень солдатъ; если выроютъ его кости, яблоня снова будетъ приносить золотыя яблоки», объяснилъ чертъ и снова заснула. Пастушокъ запечаталъ эти слова въ своей памяти.

Спустя нѣсколько времени она выдернула другой волосъ отъ черта, и онъ, вскочивъ, сердито крикнулъ: «Что такое, зачѣмъ ты тревожишь меня». Миѣ приснился сонъ, «отвѣтила она», что въ одномъ королевствѣ внезапно исчезли двѣ королевны». «Надо ударить мою палкою три раза по правому столбу воротъ, и королевны найдутся», сказалъ чертъ и тотчасъ снова заснула.

Тоже самое повторилось и въ третій разъ. Она выдернула отъ черта третій волосъ и узнала, что исчезнувшую королевну найдутъ, если ударятъ три раза чертовою палкою по лѣвому столбу воротъ.

Не хватало еще четвертаго волоса, а королевна очень боялась болѣе тревожить черта. Однако, какъ только послышалось хранинѣ, она выдернула отъ черта четвертый волосъ. Чертъ прямо бросился къ своей сабль и хотѣлъ убить королевну. Она умоляла его пощадить ее, говоря, что не могла сдержать себя, такъ какъ ей снѣлось, что трое королевичей перевезутъ на паромѣ людей черезъ какую-то рѣку и не могутъ избавиться отъ этой обязанности. Пусть, достигнувъ противоположнаго берега, перевернутъ паромъ со словами: «теперь перевози ты столько времени, сколько мы перевозили», сказалъ чертъ и снова заснула.

Пастушокъ взялъ чертову палку, ударилъ три раза по правому столбу чертовыхъ воротъ и появились вдругъ двѣ королевны. Затѣмъ онъ ударилъ три раза по лѣвому столбу и появилась королевна, жена черта. Онъ отправился вмѣстѣ съ тремя королевнами и достигъ рѣки, черезъ которую королевичи перевозили народъ. Онъ обѣщалъ имъ объявить на противоположномъ берегу, какъ избавиться отъ ихъ обязанности. Ноблагодаривъ его, королевичи остались ждать свою жертву.

Придя къ королю, дочь котораго нашлася, пастушокъ получилъ въ награду двухъ золотыхъ быковъ и золотую колесницу. Король, обрѣтшій двухъ дочерей, подарилъ ему колесницу, на половину наполненную золотомъ. Хозяину яблони съ золотыми яблоками пастушокъ велѣлъ вырыть тѣло солдата, лежавшее подъ корнями яблони. Король наградилъ его полную колесницу серебра.

Придя домой, вручилъ пастушокъ мельнику четыре волоса изъ чертовой бороды и потребовалъ дочь его себѣ въ жены. Но мельникъ отказалъ ему, но пожелалъ узнать, отъ кого онъ получилъ свои богатства. «Отъ черта», сказалъ пастушокъ, и мельникъ, надѣясь также разбогатѣть, отправился тѣмъ же путемъ въ чертово логовище. Дойдя до берега рѣки, черезъ которую королевичи перевозили людей, онъ приказалъ имъ перевезти его. Какъ только Петруха вступилъ на паромъ, королевичи перевернули его со словами: «теперь перевози ты столько времени, сколько мы перевозили». Королевичи ушли, оставивъ Петруху перевозить. Онъ и донынѣ перевозить, не зная способа, какимъ образомъ избавиться отъ этой обязанности.

Пастушокъ, проходя напрасно Петруху домой, женился на его дочери и получилъ съ нею мельницу, на которой онъ еще и теперь мелеть.

Человѣкъ и чертъ.

Улеаборская губ., Типпала; рукописный сб. Корянепа, № 101.

Человѣкъ обдиралъ ивы на берегу озера. Принесль къ нему чертъ, жившій рыбью этого озера. «Для чего обдираешь ты эти деревья? спросилъ его чертъ. Чтобы изъ коры сдѣлать ремни, обвязать ими озеро и перенести его на синѣ въ другое мѣсто, отвѣтилъ человѣкъ. «Не тронь моей воды», умолялъ чертъ, «я вознагражду тебя, чѣмъ пожелаешь». «Миѣ ничего не нужно», отвѣтилъ человѣкъ, «но только въ

тому случаѣ я соглашусь отказаться отъ моего намѣренія, если ты одержишь верхъ въ борьбѣ съ моимъ братомъ, живущимъ въ лѣсу по ту сторону озера. Чертъ согласился и отправился въ назначенное мѣсто. «Онъ доброправный», закричалъ человѣкъ ему въ слѣдъ, «онъ не вступитъ первый въ борьбу, кинь въ него палкою». По ту сторону озера чертъ повстрѣчалъ медвѣда, щищаго верхушки дыгилъ. Онъ кинулъ въ него палкою, медвѣдь, взбѣшенный, поднялся на заднія лапы и прямо пошелъ на черта, и между ними завязалась борьба. Но чертъ скоро замѣтилъ, что онъ не въ силахъ съ нимъ сладить и былъ счастливъ, когда ему удалось освободиться изъ лапъ медвѣда. Опечаленный, онъ отправился жаловаться человѣку, что медвѣдь чуть не убилъ его. «Ты, какъ я вижу, не пары ему», сказали человѣкъ. «Попробуй-ка бѣжать на перегонку съ моимъ младшимъ братомъ, онъ тамъ на полѣ деретъ рѣпу. Только онъ плохо слышитъ, и вамъ слѣдуетъ первоначально потрясти изгородь». Чертъ согласился и ушелъ.

На полѣ сидѣлъ заяцъ. Когда чертъ потрясъ изгородь, заяцъ такъ перепугался, что пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Чертъ только мелькомъ видѣлъ его и вернулся опечаленный жаловаться человѣку, что соперникъ его бѣжитъ болѣе чѣмъ вдвое испѣче его, несмотря на то, что онъ хромой. «Ну, такъ я унесу озеро», угрожалъ человѣкъ. Чертъ почувствовалъ себя еще въ худшемъ положеніи. «Оставь мнѣ только мое озеро», умолялъ чертъ, «проси, чего хочешь, я все дамъ тебѣ». «Хорошо, дай мнѣ мѣшокъ серебра, и я оставлю тебя въ покоѣ», отвѣтилъ человѣкъ. Чертъ обѣщалъ исполнить его желаніе и пошелъ за серебромъ.

Въ его отсутствіе человѣкъ вырылъ глубокую яму подъ сгнившимъ пустымъ пнемъ и по возвращеніи его указалъ ему пень, говоря: «вотъ, мой мѣшокъ». Чертъ высыпалъ свой мѣшокъ въ пень, но даже дио мѣшка человѣка не блестѣло. Два дня чертъ неутомимо таскалъ серебро. «Какой у тебя громадный мѣшокъ», сказали наконецъ чертъ, «вотъ уже два дня, какъ я таскаю серебро, а онъ и па половину не наполнился. Не довольно ли тебѣ того, что я тебѣ насыпалъ? Человѣкъ удовольствовался тѣмъ количествомъ серебра, какое уже было принесено и далъ обѣщаніе не трогать озера. Чертъ былъ очень доволенъ исходомъ дѣла, а человѣкъ сталъ богатымъ, пребогатымъ.

Черты глазная мазь.

Санктъ-Михельская губ., Юва; рукописный сборникъ Лампинена, № 36.

Литейщикъ лиль олово на оцинѣ. Подошелъ къ нему чертъ съ вопросомъ: «что ты тутъ дѣлаешь? Видя глазъ черта обвязаннымъ тряпицею, человѣкъ, который прежде хорошо зналъ черта, подумалъ про себя: «Постой-ка я проведу тебя». «Варю глазную мазь», отвѣтилъ человѣкъ, мѣшиая горячее олово. «Какъ тебя зовутъ?», спросилъ снова чертъ. «Я—самъ», отвѣтилъ человѣкъ. Чертъ попросилъ его помазать ему больной глазъ. «Съ удовольствиемъ», отвѣтилъ литейщикъ, «по прежде тебя надо привзвать къ полу, чтобы мазь лучше текла въ глазъ. Человѣкъ привзвалъ черта и влилъ ему въ глазъ горячее олово. Чертъ, взвизгнувъ пронзительно, стремглавъ бросился бѣжать домой». «Кто это тебя такъ изуродовалъ?» спросили другіе черти. «Я-самъ, я-самъ», кричали черты въ страшныхъ страданіяхъ. «Въ такомъ случаѣ молчи и вини самаго себя», сказали черти, «зачѣмъ былъ такъ глупъ».

Охота королевича на медведя.

Тавастгусская губ., Хаусярви; рукописный сб. Рапола, № 9.

Однажды одинъ мужикъ пахалъ поле и, разсердясь на лошадь, закричалъ: «медведь съѣсть тебя». Медведь, случайно услыхавъ эти слова, сказалъ: «хорошо, отдай мнѣ твою лошадь, я съѣмъ ее! Человѣкъ огорчился и умолялъ его подождать, пока онъ окончить свою работу. Медведь согласился ждать, и человѣкъ нечально продолжалъ пахать.

Лиса случайно подошла къ мужику. «Что ты такъ печаленъ? спросила она его. «По несчастію», отвѣтилъ мужикъ, «я необдуманно обѣщалъ отдать мою лошадь на съѣденіе медведю, и онъ теперь требуетъ ея». Лиса готова была помочь мужику и отдать ему самаго медведя, если онъ обѣщаетъ наградить ее. Мужикъ обѣщалъ ей въ награду нѣсколько цыплятъ. «Я привяжу себѣ на шею колокольчикъ», сказала лиса, «и буду скакать по лѣсу съ камня на камень; когда медведь подойдетъ къ тебѣ и спроситъ: «что это тамъ за шумъ», то скажи: это королевичъ охотится на медведя».

Лиса пошла въ лѣсъ, навязала себѣ на шею колокольчикъ и скакала съ камня на камень, поднимая большой шумъ. Медведь подошелъ къ мужику съ вопросомъ: «что это тамъ за шумъ?» «Это королевичъ охотится на медведя», отвѣтилъ мужикъ. «Не выдавай меня, братецъ, умолялъ медведь, и я не съѣмъ твоей лошади». Человѣкъ пообѣщалъ не выдавать его. Лиса вышла на опушку лѣса и громко крикнула: «что тамъ чернѣется около тебя?» «Скажи», подсказалъ медведь, «что это пень». «Это пень», отвѣтилъ мужикъ.

«Экій ты дуракъ», крикнула лиса, «если это пень, то отчего ты не срубишь его». «Свали меня», сказалъ медведь, и мужикъ такъ и сдѣлалъ.

«Экій ты дуракъ», крикнула опять лиса, «если это пень, что-же ты не положишь его на сани». «Положи меня будто пень на сани», просилъ медведь, и мужикъ взвалилъ его на сани.

«Экій ты дуракъ», крикнула третій разъ лиса, «что-же ты его не привяжешь, вѣдь такъ онъ свалится». «Сдѣтай видъ, что ты меня привязываешь», просилъ медведь, «но не привязывай крѣпко». Мужикъ привязалъ его крѣпко-на-крѣпко. «Ты никогда не поумнѣешь», крикнула еще разъ лиса, «что не говори; кладя пень на сани, всегда всаживають въ него топоръ». Медведь просилъ, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ не всадилъ въ него топора, но мужикъ ударилъ тонцоромъ по головѣ медведя, и медведь издохъ.

Тутъ подошла лиса къ мужику, и они вмѣстѣ отправились къ дому послѣдняго. Не дойдя до него, мужикъ обратился къ лисѣ со словами: «подожди здѣсь, я сюда принесу тебѣ цыплятъ, у меня въ домѣ есть дѣти, и они испугаются тебя». Мужикъ ушелъ и вернулся спустя нѣсколько времени съ пустымъ мѣшкомъ. «Полѣзай сюда», сказалъ онъ лисѣ, «чтобы забрать цыплятъ; если я ихъ выпущу, они уѣдуть.» Лиса влезла въ мѣшокъ, а мужикъ завязалъ его и ударилъ имъ обѣ-земь.

«Вотъ какова награда за добродѣтель», воскрикнула лиса.

Сообщ. Антти Аарнэ, редакторъ.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ привести собранныя мною пѣсни, я считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе объяснить гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ, кѣмъ поется и сохраняется эта устная народная поэзія.

Предлагаемыя мною пѣсни записаны лично въ Черниговской губерніи, которая хотя и причисляется къ Малороссіи, но гдѣ въ настоящее время во всѣхъ ея сѣверныхъ уѣздахъ живутъ такъ называемые Литвины и говорятъ по-бѣлорусски, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.

Что касается малорусского языка и народныхъ пѣсенъ, то онъ довольно давно пріобрѣли себѣ имя и завоевали симпатію литературного мѣра и образованаго общества. На долю же Литвина-Бѣлорусса выпалъ, если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ полный индиферентизмъ, какъ будто онъ не такое же Божье созданіе, не народъ,—и его пѣсни—не пѣсни, однимъ словомъ—это пасынки губерніи. Ихъ называютъ «карапъемъ» и прочими недружелюбными названіями.

Положимъ, легко допустить, что малорусская рѣчь благозвучнѣе бѣлорусской. Предположимъ напр. какой нибудь отрывокъ, написанный по-бѣлорусски, станетъ читать лицо, совершено незнакомое съ народнымъ говоромъ, произнося *и* и *оз* твердо безъ смягченія, то подобное чтеніе будетъ рѣзать ухо. Между тѣмъ какъ народъ произноситъ эти звуки съ ютировкой, отчего ихъ устная рѣчь выходитъ гораздо мягче. Заставьте бѣлорусскую женщину разскажать что нибудь; вслушайтесь въ эту рѣчь, и вы найдете въ ней своеобразную мягкость и легкость звуковыхъ сочетаній.

Для того, чтобы при чтеніи возможно было соблюдать правильность произношенія, я записывала пѣсни съ фонографическою точностью.

Исполнить это мнѣ было не трудно потому, что я росла въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ хуторѣ дѣдушки Г. М. Силевича, усадьба которого лежала вблизи села Россухи *). За неизмѣніемъ гувернантокъ, боннъ и даже сверстницъ, я въ дѣтствѣ весь свой досугъ дѣлила съ дворовыми людьми, такъ какъ старшіе больше были заняты хозяйствомъ, чѣмъ моимъ воспитаніемъ.

Итакъ я начала изучать пѣсни (сперва безъ всякой задуманной цѣли) съ 1860 годовъ. Особенно памятенъ былъ для меня 1861 годъ, когда мать уѣзжала на все лѣто по дѣламъ въ Петербургъ, и мнѣ была предоставлена полная свобода. Я тогда съ крестьянами отправлялась съ ранней зары до поздней ночи въ поле, на сѣнокосы, гдѣ изъ подражанія принимала участіе во всѣхъ работахъ, хотя старшіе смотрѣли на мои трудовые забавы, какъ на неумѣстную шалость. За это лѣто я такъ успѣла привязаться къ дворовымъ, что плакала отъ души, когда узнала, что по манифесту всѣ уйдутъ отъ насъ.

*) За послѣднія 10—15 лѣтъ грамотные умники слово «Россуху» начали писать «Разсуха».

Даже и теперь приятно вспомнить, какъ послѣ знойнаго дня, по заходѣ солнца, всѣ мы толпой, при дружномъ хоровомъ пѣніи, возвращались домой.

Ни пятилѣтнее пребываніе въ Институтѣ, ни прожитыя съ тѣхъ порь 30 лѣть жизни не изгладили въ памяти тѣхъ мотивовъ и пѣсень, которыя я распѣвала, возвращаясь со жнива, будучи десятилѣтней девочкой.

Послѣ такой привольной жизни въ Росухѣ среди природы, я не могла выкинуться съ тѣсными стѣнами Института (куда меня вскорѣ отвезли) и въ концѣ концовъ заболѣла, какъ находили доктора, тоской по родинѣ. По выходѣ изъ Института, къ величайшему моему сожалѣнію, я не нашла уже ни одной своей прежней подруги, всѣ онѣ къ этому времени отошли отъ насъ; кто отправился «на Донъ у заработка», кто умеръ, кто замужъ вышла.

Затѣмъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывши уже замужемъ, я по временамъ тоже иногда вспоминала старину и составляла хоровое пѣніе въ праздничныя сумерки. Тогда я тоже не имѣла опредѣленной цѣли, не знала, что эти пѣсни комунибудь нужны, а потому и не записывала ихъ, а только заучивала наизусть.

Въ 1897 году я рѣшила припомнить и записать все, что имѣлось въ памяти и затѣмъ уже приступила къ систематическому собиранию мѣстныхъ пѣсень по деревнямъ и селамъ.

Если мнѣ удастся, то я постараюсь положить на музыку литвино-белорусскіе мотивы съ аккомпанементомъ фортепіано.

Судить о томъ, насколько эти мотивы покажутся мелодичными, я не берусь потому что могу быть въ этомъ случаѣ пристрастнымъ судьей, но все-таки пытаю надежду, что и въ нихъ найдутъ своеобразную мелодію и выраженіе простого, безъискусственного чувства.

Географическое положеніе мѣстности.

Самое высокое мѣсто во всей Черниговской губерніи, въ видѣ плоской возвышенности, поднимается у села Рахманова, Стародубскаго уѣзда; выше уровня моря на 109 саженей (764 фут.) *).

Возвышеніе это незамѣтно для простого глаза, но продолженіе этой возвышенности, идущей къ ѿверу черезъ Мгинскій уѣздъ, представляетъ совершенно иную поверхность: тамъ почти непрерывно тянутся рвы и холмы, затрудняющіе пути сообщенія и понадающіеся настолько часто, что на семиверстномъ разстояніи напр. отъ села Колодезекъ до села Росухи, по проселочной дорогѣ, встрѣчается шесть подъемовъ и пять сиусковъ, довольно крутыхъ и небезопасныхъ.

Отъ границы Стародубскаго уѣзда ко Мгину начинается, такъ называемое «Полѣсье», которое идетъ къ востоку до рѣчки Дубны и къ западу къ рѣчкѣ Унечи, гдѣ станція полѣской желѣзной дороги того же названія. Къ ѿверу лѣтъ тянется ко Мгину и Суражу.

Полѣсье не состоитъ изъ сплошной лѣсной площади: на всѣмъ этомъ пространствѣ, между лѣсами, на полянкахъ и перелѣскахъ разбросаны сёла и деревни. Одно изъ этихъ селъ лежитъ къ югу отъ станціи желѣзной дороги на полѣской лѣсной окраинѣ главнаго водораздѣльного кряжа въ губерніи и выдѣляется своеобразной красотою окрестностей. Это есть село Росуха, на истокѣ рѣчки Росухи, притокѣ Вабли и Судости.

Здѣсь нѣть ширы и глади степной, негдѣ разгуляться взору, но зато на каждомъ шагу разнообразие: лѣса, горки, лужки, неожиданные обрывы—все это чередуется между собою, и каждое мѣстечко манить къ себѣ на отдыхъ.

*) Описаніе Черниговской губерніи составлено членомъ Императ. Географ. общ. А. А. Русовымъ.

Рѣчка Росуха протекаетъ луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шипы, покрытые лиственными лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весеннаго таянія сиѣговъ потоки воды, стремящіеся съ хребтовъ къ рѣчкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ нынѣ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени появляются новые овраги вслѣдствіе неосторожнаго погребенія лѣсовъ, за что иногда сами истребители—владѣльцы теряютъ наказаніе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неизвестною¹⁾.

На днѣ овраговъ и въ лѣтие мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и кринички, просачивающіяся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошеніемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющій рѣчку Росуху ключевою водою.

Какъ лѣсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обусловливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весенне утренники нерѣдко истребляютъ цвѣты яблонь и всходы овощей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь нѣсколько позднѣе, замерзшая земля нагревается медленнѣе и ставить земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три позднѣе, чѣмъ въ сосѣдніхъ уѣздахъ.

Все это вмѣстѣ взятое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣрого глинистой почвы,—здѣсь ются носёлокъ за посёлкомъ. Иапр. на протяженіи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-ть водяныхъ мельницъ и до 10-ти сель: Водника, Росуха, Амелькинъ Хуторъ, Лупеки, Труханово, Бородинка, Бороздино, Гарцевъ, Колодезки и др. Шесть мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самими примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скучный мѣстный урожай и никакого торговаго значенія не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщеній далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предпріимчивости этого непечатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытиемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ пріобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то евреи лѣсопромышленники сумѣли увеличить свои капиталы скромомъ лѣса на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скучна на материальное продовольствіе, даже рыбы въ рѣкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озеркахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченіемъ внизъ не только рыбу, но и мости съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и черезъ мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на кориѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжаль ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «шороху нема», «ружжа нема, ди и некали», говорить полѣсюкъ, «пойдзинь за дичьчу балавацца, близъ хлѣба будзить зімаваць, а дичьчу ни нажился», да къ тому же «сласная губа—двару нагуба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадается рѣдко; только ореховъ да жолудей вволю.

¹⁾ Примѣченіе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокій ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласти земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненяко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣльцы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрепило убогий людь къ сѣренькой землицѣ, питающей его вироголоды?

Просто по нраву пришла ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любить свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ мошка свой листокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, известный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтить вамъ: «Іаста шведъ ишаша, тутъ валявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной стороны имѣеть кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвеснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прѣпастъ» кладовъ, такъ что однажды, говорять, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому иѣкоторые изъ мужиковъ нерѣдко имѣли стальныя остроконечныя палки — «шины», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время, зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Нокойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣевичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, беззолезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ рассказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣдѣйший псаломщикъ, которого постоянно встрѣчали на городкѣ съ шипомъ въ рукахъ, однажды въ попыхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грѣши и примутъ ли ихъ гдѣнибудь. По разсказамъ приказчика, это были «грѣши ни наськия, а чужеземныя». И затѣмъ названного псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулы.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непремѣнно на чью нибудь голову и что избранику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ выроетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дастся вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачомъ. На вопросы о причинахъ слѣзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ иѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у полянки подъ дубомъ зарыть казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожая сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зары и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрытъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ иѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣевича Силевича, открыла, что ей опять снится два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку подъ березою еще лежитъ кладъ и что, если ее Богъ подниметъ со страдной постели, то эту берёзу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грѣзами Марыи Черняковой,—это доказало скоропѣшное превращеніе вороженія и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спустя некоторое время слухъ о томъ, что племянникъ вороженія Логвинъ Кобановъ мѣнялъ въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и привѣжало и о чёмъ то Логвила распрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончились. Вскорѣ вороженіе заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужилка, на праудай вѣкъ праживѣши, да назадъ на вернисься».

Однако это не помѣщало вороженію выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертью же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколь въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ описанного дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напрягши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, что случилось, остальная десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышанъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, пахать руками, но ничего не нашли, кроме какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ — виновникъ драмы между Марьей и ворожеей — больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха извѣстно по лѣтописи съ 1160 года. «Ко Изѧславу пріодоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоевавъ иде къ Вщижю»¹⁾, слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени засѣвался человѣческими костями и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ убѣжищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обрада крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми лѣсами и полянами, политыми кровью предковъ, владѣть уже войсковой обозный Стародубскаго полка (въ 1690 году²⁾) Прокофій Силенко — Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій изволилъ: «въ росускомъ лѣсѣ на мѣсту стараниемъ и працею его же расчищенномъ, ведле хутора его найдуючомся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребено уфондовати и млинъ на ней построить».

Народное преданіе о кладахъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Ни ведь ишишоу» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованье ему Скоропадскимъ али Бѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подъ часть нашествія непріятеля шведа въ Стародубъ».

И дѣйствительно Силенко Силевичъ, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ черезъ осемдѣсять лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, много-кратно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и цорубанъ и при разлитіи крови своей крайне быть скалечень».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла посѣдная кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры изъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

¹⁾ Опис. архиеп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.

²⁾ Описаніе Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тыхъ старымъ Прокофиемъ Силенко Силевичъ «респектомъ колькинадцатилѣтнихъ и сельниныхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устный разсказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвій Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича былъ несовершеннолѣтній, старшіе браты успѣли промотать всѣ отцовскія деревни¹⁾), затѣмъ продали и послѣднюю Росуху иѣкоему Журавкѣ. Провѣдавши, что браты рѣшили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвій Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подъ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кончившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а оставшихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глупый, дѣльный малый, Завадовскій отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну Миряй и, давъ ей въ приданое Жигню, посыпалъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали законы объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далѣко, а до Бога wysoko, а потому Завадовскій предпочелъ насилие. Насколько въ тѣ времена было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій мѣстный разсказъ: въ Новозыбковскомъ уѣзда сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню. Обиженный рѣшился отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до Петра съ челобитной предъ лицомъ самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ столицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Обидчикъ сжегъ ее, мѣсто, где была деревня, распахалъ и засѣялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ лицепрѣязни, нбо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежить, что деревни вовсе не оказалось въ натурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи по причинѣ своего малоумія.

Литвины и ихъ одѣжда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именно: Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянского, по типу населенія составляютъ какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по характеру, по наружному виду и одѣждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ Великоросса. Но нарѣчу же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Бѣлоруссіи.

Литвины, какъ называютъ его сосѣди, съ виду неповоротливъ, движенія его медлительны, ходить «якъ пень тирѣзъ калоду», не предпримчивъ, безпечень, но при нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только минуетъ крайняя нужда, всегда предпочетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполняетъ недобросовѣстно, «абы якъ, цянъ-лягъ». На поденщикѣ невозможенъ безъ строгаго присмотра «рѣбе и паглидае, якъ воль изъ-подъ ярма; цюкне разоу²⁾ паудзіятка, да барджея (скорѣй) люльку у зубы».

Будучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность и подчасъ любить «падибринъ (сташить) идзе што плохо ляжицъ».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

¹⁾ Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Найтоповичи утверждены за Силенкомъ Мазепою въ 1696 г., Кривошеи и Пльбовъ въ 1704 г.

²⁾ Разоу, гдѣ встрѣтится съ ударениемъ на *у* признается какъ краткое *в*.

всегда и вездѣ носить онь свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не вѣ талю, на манер древниго фериза и «подиризывающага» (опоясывается) поясомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покороче чекменя, вѣ талю, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадается вѣ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Само-дѣльная поярковая шляпа, безъ полей, называется «магерка», а съ полями «бриль» и употребляется во всѣ времена года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя матеріей. Удивительно, что иногда вѣ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить вѣ церкви иѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ вѣ свои новыя, какъ свѣтлѣ, бѣловыѣланнныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ вѣ талю и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстянными латками, вершка вѣ два вѣ формѣ червонаго туга. Болѣе же пожилыя шьются себѣ кожухи не вѣ талю и съ «ковнеримы» (воротникомъ). Паневы, т. е. плахты—по-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только допашиваютъ старухи.

Сверхъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «саянъ» или «сноднѣца». Шерсть на сайны женщины сами придугутъ, ткуть, весной валять на валюшиѣ при мельницѣ и затѣмъ отдаютъ «мипльнику» еврю, который поселяется специально съ этой цѣлю вѣ одной изъ окружныхъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые сайны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда вѣ зеленый цвѣтъ; тогда наливаются по всей матеріи вѣ безпорядкѣ клочки красной шерсти, вѣ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподница».

Сверхъ сайна и фартуха всѣ обязательно «подиризывающага» шерстяннымъ поясомъ или, вѣрѣнѣ, шарфомъ, не взирая ни на какую жару. Кромѣ того надѣваютъ еще поверхъ рубахи преимущественно чернаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщинѣ быть съ непокрытой головой вѣ присутствіи мужчинъ, а вѣ особенности «при куму» крѣпко «сордоми» (т. е. очень стыдно¹⁾). А потому голову она тщательно одѣваетъ вѣ повойникъ или чепчикъ изъ ситцы или шерстиной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Вѣ иѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлиномъ», т. е. на затылкѣ оставляется висячимъ уголь платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками», т. е. дѣлаютъ изъ платка на темени узель съ стоячими кончиками вѣ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускѣ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверхъ повязки «обшинающага» еще другими небольшими платочками, а вѣ праздничные дни «затыкающа краѣски» (цвѣты) на голову за узель платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ краями, бусами.

За посѣдіе 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстянныхъ тканей деревня запестрѣла всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Вѣ замѣнѣ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ перѣдко надѣваютъ уже сайнъ изъ кретону «бурдяного цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Вѣ мужской одеждѣ, паобороть, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «ирауда пиджакъ аккуратный и менѣе сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ даносишъ,—на анучи парвешъ, а съ пиджака анучи вузки будуцъ».

Къ этому можно добавить, что шаповали (шерстобиты) теперь поневолѣ должны скратить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступая дорогу картузу.

¹⁾ Остатокъ татарицы.

Въ прежніе годы.

Какъ ни бѣденъ въ данное время народъ нашей окраины, но въ прежніе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежніе годы мы подразумѣваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ разсказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадавау». Доходило до того, что весной люди ёли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ линъ, скобили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тесто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ёли и «зѣ гладу ни памиради».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвеевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Ивана Богослова, по обѣту, завѣщанному праѣдомъ, кормилъ иппицехъ и всѣхъ, кто явился въ этотъ день на незатѣливый обѣдъ: 8-го мая съ раннаго утра на травѣ большого цапскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвицы, и Лунечане и Труханиновы и жители ироичихъ окружныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ мlinu, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудовать» старому Прокону Силенку—Силевичу въ настоящее время, варили въ зазанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, заправленную въ постный день элеемъ, а въ скоромный—саломъ».

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытыца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, вѣдрами, на коромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытыца.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько заѣсковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существование. Каждый старался противиться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстваго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраивая нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черный и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытыцы были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбицу. Продолжались они до смерти Герасима Матвеевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ колопотанихъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ приготовлять, что она годилась лишь на обмѣшну скоту; такъ какъ ее мололи подсушенню въ овинѣ, то оболочка зерна перемывалась въ порошокъ и дѣлала муку жосткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ёдятъ въ крайней нуждѣ. Ца вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпить въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтять: «зѣ тыхъ поръ мы иярестали галадаць якъ начали болѣй занимаца сѣубой бульбы¹⁾), при йой и хлѣба меній сходзя и съѣть чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

¹⁾ Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на засѣянную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и яна на укусъ;ничаво, йета справа смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохѣ и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ея посѣви.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечтешь... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы теперь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѣкали, у каго». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышленъ», лежалъ на боку, голодаль и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣриль въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой разсказъ:

Йшоу сабѣ праходжай. Только приходзье йонъ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жонкой усё бѣгающъ зъ хаты, да у погребъ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзень вамъ.

— Здарвеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасиба чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погреби работа, што усё туды бѣганицѣ?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Съ проходжай на лауцы и бача, што кисель станць на сталѣ, а малако у погреби, а яны зачерепающъ киселя, наложуць у ротъ, да самы зъ ложкай и бягучъ у погребѣ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайцы, людзи добрые, за вашу ласку я ужо накажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзяць,—кажа проходжай.

А нѣ, мы и сами умѣймъ кисель ёсць, на што нась вучиць!

Насилу жонка согласилася послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жъ такъ дзѣлайця: принясице зъ погреба малака у хату, налица у миску и кислю туды наложця, да такъ и ёшця.

Падумали, падумали мужыкъ изъ жонкой, да-й—кажуць:

А ужо жъ и прауда, што такъ луччай будзье.

Тады ужо, якъ паѣли кисель, дыкъ спасиблаки, спасиблаки проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзень устая праходжай ранинка, паглядзѣў у вакно, а мужыкъ зъ жонкой зноў штось начали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужыкъ узлѣзъ на павѣць, да аттуль и скача у штани. Ни палау у калоши, да міма, тады изноу узлѣзъ на крышу,—скакнуу, адна нога папала у калошу, а другая міма калоши пришлась.

— Што-й йета вы робиць, пытае чужій чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачыши, што штаны надѣянемъ.

— Ни такъ жа ліхъ надѣвающъ, давайць, я вамъ пакажу.

— Во-о-о! Закрычала жонка, ци мы ужо дурній попа, што и штаноў надѣць няумѣмъ. Нехай Богъ крыя, яще и йетаму дзѣлу треба выучицца.

Рассказъ оканчивается тѣмъ, что проходжай открываетъ имъ секретъ надѣванья нанталонъ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ польесцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мяста; ни фабрікъ, ни заводовъ къ благу не было, а вдаль на заработки не пускалисі. «Да лімъ и я чутна былъ, ідзѣ тамъ у якой старанѣ зарабляюць грозды».—Кто же могъ имъ объ этомъ разсказать и посовѣтовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Поддѣновка, Казенка (Мглинского уѣзда), тамъ и дажа и паноу рѣдка у вѣчи бачили, — только и наѣждали што валасные за падаціями, во и ѿсѣ!

Это не то, что теперь: заберуть молодца въ рекуры; черезъ пять лѣтъ онъ придется назадъ и разскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возьмутъ бывало человѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачутъ, а разскажовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсьѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растеть. Въ городъ полѣсюкъ ъздить рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радь бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самаму голадъ на гразій у томъ гаду, а то вясной хощи кладзи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ манеромъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, идсконней и лину, спряденныхыхъ и сотканныхъ бабами, лапоть свой, лучина для осѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на боломолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распытались, куды и якъ йега людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживетъ, не видя города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, но все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ иѣсколько разъ въ годъ ъздить на лошади «каривашникъ» и кричитъ:

Дѣвки, бабки, неспите тряпки, корявки.

Вотъ и началась мѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя очи и кости и яйце, щетину, вощницу и линяное сѣмя, а взамѣнъ получаютъ сережки, перстни, кораллы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. и.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но иѣть, его донимаетъ одно горе: кромѣ хлѣба еще крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперь по 32 коп.

И такъ, значить въ городъ ъздили только за солью и за дѣтремъ, котораго къ стыду своему сами не умѣли приготовлять, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсѣ дегтяры изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 кон. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; иерѣдко бывало онъ ъсть хлѣбъ исполамъ съ мякиной, но красть не пойдеть».

Затѣмъ дальше, да дальше, стала призадумываться, откуда достать на соль и на дѣготь. Глянетъ направо, стоять густой строевой лѣсъ пана Силевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширяя, Долинскаго и т. д.-и т. д.

Лѣсничихъ въ старые годы не было, вотъ и стали мужички промышлять: набрить возъ дровъ, повезеть за 35 верстъ въ городъ и есть конѣекъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узналь, что въ городѣ все можно сбыть и началь мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берѣсту и прочій сырой матеріаль. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водники, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными изѣбліями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣсного матерыала.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злодій ¹⁾ на злодзії сядзинъ и злодзіемъ паганія».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

¹⁾ Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—послѣдній всегда краль овецъ и будеть красть; воровство же полѣца имѣтъ свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не краль», а все, что имѣть начало можетъ имѣть и конецъ¹⁾.

О нарѣчіи и пѣніи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи слышится въ разговорной рѣчи двойкое произношеніе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсьѣ, тянувшемся къ Суражу, говорить на белорусскомъ нарѣчіи, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смягченіемъ *đ* въ *ձ* и *t* въ *ւ*. Напр. «хазлини кладзье пичаць, а злодзій глядзиць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣсъ и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубѣ, Погарѣ, Мглинѣ, Почепѣ и Новозыбковѣ, нарѣчіе остается тоже самое, только съ тою разницей, что *đ* и *t* не смягчаются. Напр. «хазлини кладе пичатъ, а злодій глядитъ, аткуль пачать». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двойкому говору: полѣскія съ смягченіемъ *đ* и *t* и подгородныя безъ смягченія *đ* и *t*.

Каково бы ни было экономическое положеніе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ насущный, онъ всегда найдетъ время для пѣсенъ и поеть, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужчики поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отѣываніемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсень не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большую частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскія пѣсни идутъ въ ходъ непремѣнно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднія лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пынъ, што пачнѣ пѣсни пѣць, якъ бы кто наднесъ чвертку, другую, можа бѣ табы и запѣту, да я изъ мѣладу на йета ня вотъ то ци крахала ворона у гдру лягучй, а назадъ ужо и ни начынаць. Йета усё пусциць, намъ нѣкали гаянца за пѣснямъ»

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзіи съ большой симпатіей. «У пѣсняхъ уся прауда», говорятъ они.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли они когданибудь, отвѣчали:

Якъ остануся я сама сабѣ у диарѣ, да якъ ушибѣ мянѣ ахота, дыкъ я уси пѣсни наперенѣю, такъ яны адна за другой и лѣзуць у галаву, а дали, якъ узойдзье на вумъ уся майя горыкай жыстачка, да бездолья, дыкъ я усё пию и плачу..., да ахоты таки наплачуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, миѣ отвѣчали молчаниемъ или говорили:

Цаперь ни придумаю, уси пѣсни павыши зъ галавы.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—надъ гаямъ зияненькимъ.	Скажы миѣ гаечыкъ,
Брала удоука ленъ бяленькій	Хто у насъ у сялѣ
Ина брала—выбирала,	Раній усихъ устае?
У гая пытала:	Пазаренши устае

¹⁾ Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Ширасевъ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣцы преснокойно пользовались окружившими ихъ лѣсами и издревле конечно занимались выѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ яле пабуджае,
Ни лята свякруха,
(д. Водника, Мглин. Уезд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

Пабуджають удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жё нидастатки.

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стыняется и если заѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность излить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя непозволительнымъ, боится, что ее осудить и скажутъ: «во узду мала баба дзявочый вечарь, дзѣла на робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и осторегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сябѣ». При собираніи материала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрењія, просьбою, приходилось пускать въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвуныя заявляетъ, что она «знала багата пѣсянь», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Сиой весеннию.«Цяперъ лихъ ни пляющъ». Ну какую хочешь. «Ни придумаю, позабывала, даuno пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, краль, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявила коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заробить за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая силится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходить одно сплошное выкрикиваніе.

С в а т ь б а .

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана хрясциеля», 30-го празднують трехъ святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «кала дварѣ». Только бабы соблюдаются эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтра нильзя жлукциць, нильзя праць билля (бѣлья) нильзя прясць.

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало нового года съ крещенiemъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а обѣ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которые сопровождаются свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить старого холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служить обузой мужу, а представляеть изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько

возможно дѣло сватовства дочери, чтобы невѣста успѣла отработать «матцы и батцы» за то, «что яйе узрасыли и выгадавали».

Впрочемъ сердобольныя матки, помимо материальныхъ причинъ, неподѣльно горюютъ при выдачѣ дочерей и, вытирая скатившуюся слезу, говорятъ:

«Што жь дѣлаць, дачка ни бацькова карысць, яжъ яйе гадавала и кукдбила (лелѣла), а прышло уремъя и треба отдаць у чужія людзи, хоць бы жъ яна япце гадоющкъ пакрасавалась у дѣўкахъ». Крестьяне относить сватыву къ числу разорительныхъ случаевъ въ хозяйствѣ и съ прискорбiemъ сѣтуютъ что «сяголѣта яму крѣпка мѣтарно (мотарно, трудно) пришлось: гречачка памѣрзла, тамъ пашли сухмени,—канапелька ни узышила, а тутъ яще падасиѣла и жаницьба сына, усё адно ка'днаму пашло на вубытки, давялось трохи и на каунерь прихвациць у купца».

Не удивительно, что въ этомъ случаѣ «на каунерь» попадаетъ. Вѣдь на сватьбѣ выпивается не менѣе трехъ ведерь горѣлки. А въ прежніе годы при дешевой водкѣ вольного откупа расходовали до семи ведерь. Кроме того, къ этому дню уже прописается на зарѣзъ какой нибудь подсвинокъ или бычекъ «сеголѣтокъ».

«Вясельля каштавата, говорять они. А жд-жъ и безъ йетаго нильзя абайцица; што треба, то треба, свацьба сарочку знайдзье. А тутъ яще пакуль пана уяднамъ, дыкъ чубъ мѣкарь будзье».

Трудность эта еще болѣе увеличивается, если за родителями брачящихся числится «ракающина». Это ничто иное, какъ ссылка хлѣба въ пользу священника съ каждого двора по нѣсколько фунтовъ. Роковщина опредѣляется на сельскомъ сходѣ, но большая часть прихожанъ не взноситъ и затягиваетъ ее лѣтъ на десять, а когда приходится дѣло до женитьбы и вопроса о цѣнѣ за вѣничаніе, то священникъ объявляетъ: «прежде всего привези раковщину». Когда приходить «ядлаць пана», «батюшка привѣтствується іхъ, какъ гостей, садить на почетное мѣсто, подносить «по чарцы гарѣлкі», затѣмъ начинаются безконечные толки, сначала очень миролюбиваго характера, а подъ конецъ разговоры становятся крупнѣй, затѣваетсяссора и пререканія. Не сойдется въ первый разъ—черезъ день, два опять являются.

«Нуци, дыкъ якъ вы, бацюшка? ци ня можна за три съ палцинай цирявинцаў? А ракающыны ужо бацюшка на пытайця цяперь, абъ калядахъ раждзяственскіхъ усю заразъ атдадзімъ.»

Интересы крестьянъ и священника вѣчно сталкиваются, а потому между прихожанами и настыремъ всегда обостренныя отношенія. Онъ и кланяется и улыбается батюшкѣ и каменъ за назухой держить. Оттого являются подобныя пословицы: «зъ вялікімъ брюхомъ — на папоу дворъ», папоускіе карманы, завидуючія папоускія «вочы» и т. п. Но въ этомъ случаѣ и священника нильзя безусловно обвинять: вѣдь онъ получаетъ всего 120 руб. годового оклада (у насъ въ Мглинскомъ уѣздѣ). Какой чиновникъ въ состояніи прожить съ семьей на эту сумму? Священника многіе клеймять корыстолюбемъ, но и его доля не завидна: вѣдь приходъ ему дается на такихъ же условіяхъ, какъ въ старину давались города въ кормленіе.

С в а т а н ь н ё.

Сваты являются въ домъ невѣсты всегда съ хлѣбомъ или пяткоцѣчной французской булкой, съ поклонами и привѣтствіями. «Дабры дзень вамъ, штобъ здарвінкы былі, съ ауторкомъ (вторникомъ) васъ поздравляемъ. «Благодаримъ пакорна, праходзіца далій, просімъ пакорна садица».

Если въ числѣ сватовъ находится какой нибудь балагуръ, то непремѣнно начнеть такъ: «Хадзили мы, брадзили па вашаму лѣсу, напали на слѣдъ пушнаго звѣря, гнались за куницай», у сяло увагнали и слѣдъ пацяряли. Стали шукаць, ажъ слѣдъ пашоу къ вашой хадзі. Распыталісь у людзей, ажъ то быу ни пушній звѣрь, то ни куница, а красная дзявица».

Если же у сватовъ не быть умѣнья и охоты къ лишнимъ разговорамъ, то говорятъ просто: «во вами хлѣбъ соль, у васъ товарь, у насъ купецъ, будзимъ сваты. Нашъ парень зминый, у яго и дворъ свой, и гародыку зъ поудзисцны йосць» и т. д. Но родители описанію сватовъ не всегда вѣрять, а потому хлѣбъ оставляютъ пока у себя и отвѣчаютъ: «Мы распытаемся, падумаемъ». Затѣмъ ждутъ въ взглѣды въ дворъ молодого и если не понравится обстановка жениха, то вместо отказа отсылаютъ хлѣбъ обратно. Согласія невѣсты обязательно спрашиваютъ, но ни одна девка не даетъ утвердительного отвѣта, а говоритъ: «Якъ хдчицы». Это и значить, что она согласна выйти замужъ. Тогда оставляютъ привезенный хлѣбъ, посыпаютъ за водкой, угощаютъ сватовъ и сообща назначаютъ день, когда «играць зарѣчаны».

З а р ў ч а н ы .

Подъ вечеръ назначенаго дня приѣжасть женихъ съ дружкомъ и молодыми парнями; привозить они съ собою музыку и горѣлку. Вотъ все приѣзжіе и званные гости усѣлись за столъ. «Малада съ таварышками» въ отсутствіи. Затѣмъ отворяется дверь, входитъ одна изъ подругъ невѣсты и низко всѣмъ кланяется. «Нѣ, нѣ, харошъ таваръ, да ии нашъ». Входитъ такимъ образомъ другая, третья съ поклономъ... на конецъ и молодая въ сопровожденіи подругъ. Послѣ ея поклона раздастся крикъ: «Йета наша, наша, миласци просимъ». Невѣста подходитъ къ жениху и завязываетъ ему свой подарокъ—ленту въ воротъ рубашки.

Затѣмъ она подноситъ девкамъ горѣлку, и тѣ начинаютъ пѣть, обращаясь къ сватамъ и приѣзжимъ:

Мы думали—яны сміялися,
Ажъ яны змаулялися
Мы думали—ваду инил
Ажъ яны—гарэлачу.

(с. Ресуха, Мглин. у. со словъ 18 л. девицы)

Ци я у цябѣ, мой татухна ии гарюю,
Што ты мѧне выдаёшь маладю
Прадай, прадай, татусичка
Зилиненкій садъ,
Да-жъ-сиравъ жа ты мой родиненкій
Увесъ панарадъ:
Саянъ зилинны—мушкаваны

(д. Водники, Мглинск. у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

Чырвяціи¹⁾ паясочки и—зъ маҳрамы,
Казловыя чырвички зъ гапликами²⁾
Лукирачка, дзицѣ дарагоя
Шанадзѣца табѣ жицьцё—нилюбдя,—
Саянъ зилинны пыламъ прынадуць,
У чырвяцовыхъ паясахъ маҳры атпадуць.

Касацинкій силизенечка,
Ци быу жа ты да на Дунайочку,
Ци бачиу ты свайю вутачку?
Кали-жъ и мнѣ было яйе бачыць,
Тольки-жъ я—да на Дунайочку,
А вутачка дагадалася,
У густый чэреть захавалася,
Травинко да ии шамиула,
Крылушки да ии стрипнула.

(с. Семешково, Стародубскаго у. с. с. 35-л. женщ.).

(См. Шейнъ т. I. ч. 1, стр. 252 № 276, т. I. ч. 2 стр. 408 № 10).

¹⁾ красный—(чирвоный).

²⁾ съ крючками.

На гаро хвійлачки зацвітали
Усю гару высокау усцилали;
Праснлася дзѣвачка—
Нусци мяне, татухна,
На тую гару,
Я сабѣ за бѣла цмина

(с. Бородинка, Мглинск. у. с. с. 78-лѣт. женщины).

Хадзила Варачка па-садочку,
А за йой Иваничка на слядочку.
Ни ступай ты, Иваничка,
Да на мой сайнъ.
Я у Бога спротачка
А ты—сабѣ пань.

(с. Росуха Мглинского у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

См. Шейнъ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Варьянть той же пѣсни,—записанъ со словъ 78-лѣт. женщины въ с. Бородинкѣ,
Мглинск. у.

Хадзила дзѣвачка па садочку,
За йой Иваничка па слядочку.
Жди, пажди, Варачка,
Ужо-жъ ты мал!
Жна ему отказалася
Ни ирауда тваи,
Богава—судэрэва
Бацькова слуга,
Я у свѣщи спротачка,
А ты сабѣ пань,
Шукай сабѣ паніячки
Такія якъ самъ,
Выѣздзи Украниу
Увесы бѣлыі свѣты,
Ни знайшоу такія,
Якъ ты макоу цвѣты.
Красная дзѣвачка
Сѣніячки мила,
Якъ галубачка гулѣ
Вѣничкамъ махне,

(с. Гаряны, Мглинского уѣзда, со словъ 20-лѣт. дѣвицы).

У гардзи ни дубъ, ни бярёза
Чырвоная рожа (роза).
Надъ рожае дзѣфука сядзѣла,
Зъ рожай гаманила (разговаривала),
Рожа, мал рожа,
Схарани мнене Божа!

(с. Гаряны, Мглинского у., со сл. 20-лѣт. дѣвицы).

Да фадзъ ты, мой татухна,
У гарадочыкъ,
Кули ты мнѣ, татухна,
Салавѣкъ.

Вяночыкъ саюѣ,
Съ хрещатаго барвиначка
Хрэщицъ (крестикъ) нарнджу,
Да-я свайму Аыдрэнчку
У падаракъ пашлю.

Шукай сабѣ паніячки,
Якій ты и самъ.
Выѣздзи ѹ я, Варачка,
Усі дароги и царьская гарады,
Ни знайшоу паніячки
Такія — якъ ты.

(с. Росуха Мглинского у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

См. Шейнъ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Цижаленъка уздыхне.
Зачуу, пачуу
Яе татухна,
У слѣдъ ступае,
У яйе пытая:
Чаго, дзѣвачка, плачышъ,
Ци жаль табѣ мнѣ стардга,
Ци надворъяйка майго?
Ци жаль жа мнѣ стағаси твайе
Ни надворъяйка твайго,
Жаль жи мнѣ русыя касы.
Да дзявоцкія красы
Дзѣвачки пдуць, вяночки уюць,
Я свой—раззываю
На крѣасы, (по цвѣточку) па василѣчку
Я свой раскидаю.
Дзѣвачки идуць — пѣснянки пѣюць,
Мнѣ ни прымаюць
Мнѣ прауды ни скажуць.

Надъ сакаліяна крылца,
Надъ павіяна
Будзя мнѣ татухна шукаци,
Вяликаго пиряйма даваці,
Пиряйма ни бярыця
И мнѣ ни кажыця.

Прыкуй яго, татухна,
Къ караваці
И оніз будзя рәнинъка
Щабтаци

Будзя мяне, маладую,
Пабуджаци.
У мяне, мой татухна,
Ня свой бацька,
И онъ мяне ранинъка
Ни пабудзя.
Поспъ у мяне нявѣстачка
Маладая

Яна у мяне ранинъка
Ни уставала.
Ня слухайца, сусѣдочки,
Свѣкра майяго.
Да я мяту хату, сѣни
Съ свѣткамы,
Да я бягу па вадзіцу
Зъ заряйцай.

(д. Бородинка, со сл. 78-лѣтн. женщ.).

Наканунѣ вѣнца.

a) Въ домѣ жениха.

Наканунѣ вѣнца вечеромъ въ домѣ жениха собираются приглашенные «сусѣди», свашки и дружкі — «каравай чапаци» (вѣшать) Въ сумерки зажигается передъ образомъ лампадка и восковая свѣча, накрывается бѣлой скатертю столъ и на немъ ставится верчъ и каравай. Это пищеничные хлѣбы, окрашенные красной краской и утыканые обвитыми цвѣтной бумагой — палочками, на верху которыхъ насажены тоже изъ тѣста разные пѣтушки, орлы и проч. Верчъ стоить уже убранный, готовый, а для каравая всѣ эти палки съ фантастическими птицами покупаются отдельно, и въ этотъ вечеръ эти принадлежности вѣшаются и прикрѣпляются на каравай, сопровождая все это выпивкой и пѣснями. Предъ началомъ всѣ присутствующіе молятся предъ образами, бьютъ земные поклоны и затѣмъ садятся за столъ. Дружкі, какъ главный церемонимейстеръ, привѣстствуетъ и возглашаетъ:

Баслави ацецъ, — маці
Свайму дзицыци
Каравай чапаци.

«Нехай Богъ баславля», получается отвѣтъ и свашки (молодыя замужнія женщины) начинаютъ пѣть:

Караваю мой муливаній (разрисованный) Ци малая баженяточки?
Да хто-жъ цябъ муливаў, Муливали мяне здрячки
Ци баги цябъ муливали, Да Расускія дзѣвачки.
(Заучено много еще въ 60-хъ годахъ въ с. Росухѣ на свадьбахъ).

Матачка Данилку (имя жениха) радзила, У цябъ коничакъ ия свой,
Мѣсяцамъ обгардзила, Ночачка цёмная,
Звездою поднірязала, Дарожка ия торная,
Дарожку указала. Дружина ия вѣрная.
Бѣзъ, мой сыночекъ, ия стой,
(Заучено много въ 60-хъ годахъ въ с. Разсухѣ на свадьбахъ).

Што — у садзи, да на вишаньни Сабрауся Данилка
Извиуся рабчыкъ Съ свайю раднёю,
У залѣтый клубочыкъ, Зъ бѣлашою сястрою,
Извиуся у садзи, да на вишаньни, На коня хоча сѣсци
Хдча паліцѣці Да пажхаци къ цвесцю
Изъ бора у добрау Абабрѣ ѿбѣзі
Выбрау сабѣ сдсну Красную, да харошаю,
Тонкую да високую, Харошаю, да пригожаю
Кудрявую, кучарявую. Маладую да Адарачку (имя невѣсты Дарья).
(д. Лупеки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины).

Ходзя маци да па вулицы
Сусѣдачакъ прося—
Сусѣдачки майѣ,
Хадзица вы ка мнѣ,
Къ майму дзицаци
Караваю чапаци,
У майго сыночка
Самъ Богъ каравай мѣся,
Прячистая свѣця,
Ангели да ваду нѣсѧць,

Миколая просью—
Миколай чудотвѣрицъ,
Хадзи къ намъ на пдмачь.
Да никто-жъ таго ни зная,
Што ў нашамъ караваи
Съ сями кароу масла
Да яйецъ паутораста,
Да съ трёхъ крыницъ вада,
Да съ сями лавакъ мука.

(с. Росухи, Мглинского уѣзда, 66-лѣтней женщины).

Наканунѣ вѣница.

б) Въ домъ невѣсты.

Дзявічки (дѣвички—дѣвичникъ).

Въ этотъ самыи вечеръ, когда у жениха «чапають каравай»— у невѣсты «гуляють дзявички». Предъ сумерками невѣста съ подневѣстницей (подружка) ходить со двора во дворъ и сколько бы въ избѣ ни было народу, каждому отвѣшиваетъ низкіе поклоны. Подросткамъ и молодежи кланяется въ поясъ, тихо и скромно приговаривая: прошу миласци ка мнѣ на дзявички. «И получивъ отвѣтъ: «нехай Гасподзь памагая», она повторяетъ еще два раза свой поклонъ въ видѣ благодарности за пожеланія. Старшимъ себя — дѣлаетъ три земныхъ поклона. «Богу святому кланяйся дзицѣтка, «отвѣчаютъ ей ласково», дай же Божа табѣ счасця—й—долю и усяго, чаго ты сабѣ атъ Бога просишъ». Однако, несмотря на обиліе поклоновъ, которыхъ приходится въ этотъ день отмѣрять не менѣе полутораста, на дѣвички приходить только дѣвки, родичи и кое кто изъ завѣдомо приглашенныхъ родителями гостей.

На «дзявичкахъ» старшіе «залазывають за столъ на бясѣду», ихъ «частують гарэлкой», подаютъ закуску. Дѣвокъ съ невѣстой отводятъ въ другую хату, а если нѣтъ таковой, то къ сосѣду. Туда имъ посыпается закуски и немногіо водки. «Дзѣўки и пьють па багату гарэлки, яны саромяющца и только пригубують хоць йншай гарэлка працуна, якъ старцу гриуна.

На дѣвичкахъ не полагается ни музыки, ни танцевъ. Подруги, какъ бы прощаюсь, проводятъ послѣдній вечеръ съ невѣстой и время отъ времени ноютъ пѣсни «на жалостный голось» (минорный тонъ).

Куковала зязюличка у садочку,	Якъ мнѣ свекру наравицъ?
Прыхилишы галовачку кы листочку;	Зайшоу, принюо Данилачка.
За лисцяйкамъ галдовачки ни видаці	Ня журися, дзяучонячка,
За нташкамъ галасѣчка ни слыхаци;	Йосць у мяне тры чалядачки:
Заплакала Адаракча у святлицы	На крюку тры нагаячки,
Прыхилишы галовочку кы скамыцы,	Адна будзя рана набуджаци,
Яна плакауши гаварыла—	А другая дзѣло работадци,
Якъ мнѣ у чужія людзи ициць?	А трэцця—свекру наравици.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 50-лѣтн. женщины).

А чья-жъ йета рута-мята падъ гардю
Зараасла, забуяла либядоу?
Да чаго ты, Мархвачка, такъ, сядзишъ,
Да чаго ты рутачки ия пдлишъ?

Цяперь мнѣ, дзѣвачки, ни да руты,
Бяре мяне дзяцінка у свайе руки
У чужую старану на вѣки.

(с. Росухи, Мглинского уѣзда, со сл. 47-лѣтн. женщины).

Татухна мой рднинъкій,
Выйдзи за вароты,
Приляжъ на дарози,
Ци шумиць лѣсь-дуброва,
Ци стогня дорога,
Ци свищуць нагайки,
Ци ъдзуць баюки,

Ци пяоць свашки пѣсни,
Да ци ѹосць прамижъ ихъ,
Мой разлушкичакъ,
Разлучну майю касу,
Разабрау па валасу,
Пусциу на шауковамъ паясу.

(с. Бородинка, Стародубскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. женщины).

Ци я цябѣ, мой баюшка,
Ни вѣрнїца была,
Ци ня вѣрна служила.
Изъ цѣрему да—й—ни выходзила,
Тольки-жъ была вѣшила
Изъ цѣрёма да на ганачки (на крылечко) Павѣсила, да—й у цѣрёми,
Да—й глянула я на красачки,
Ажъ майе краски—йграюць,
А мое живаточки виинуць.

Хоць играйця краски, ни играйця,
Миѣ у бацьки ня жыци.
И вяночкоу ня віци.
Адзинъ была звилѣ
И таго ни энасіла,
У цѣрёми да за дзвёрами
На залатомъ гваздочку
На шауковомъ шнурочку.

(Въ с. Семешковѣ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины).
Въ Росухѣ къ этой пѣснѣ прибавляють еще три строчки.

Куды татухна идзѣ
Галоўкаю чыркайицца, (касаться)
Слёзкамы абливацца.
(Варянтъ у Шейна стр. 455, т. 1, ч. II).

Какими только ласковыми названіями ни обзываютъ собравшіяся здѣсь сверстницы въ пѣсняхъ свою зарученную подругу дѣтства: она у нихъ на прощаныи «вишанька» и «сѣрая зязюличка» и «блѣлая блѣяничка» и «красная суравѣжачка».
Сѣрая мая зязюличка,
Бѣрамъ ляцишъ,
Чаму ни кукуйшъ?
Красная мая дзячуночка,
Бѣчаръ—сидзішъ

Чаму пѣснъ ни пѣшъ?
Сѣла ты, да павѣшай усихъ
Галдовачку сыхиліла
Да паніжы усихъ.

(Записано въ хут. Александровкѣ, Мгинскаго уѣзда, на дѣвичкахъ).

Бѣлая ты блѣяничка,
Красная суравѣжачка
Ци байсься ты марозу?
Я марозу ни баюся,
Атъ марозу схаранюся,
Гольляйкомъ абрааджуся,

Лісцяйкамъ напрянүся (накроюсь)
Красная да ты дзѣвачка,
Ци байсься ты свёкра?
А я свекра ни баюся
Я—яму пакарюся.

(Записано тамъ же на дѣвичкахъ).

Зяленая наша вишанька
Туды сюды нахилилася
Тиріль тынъ, да на вулачку.

Ни сама-жъ я нахилилася,
Нахилили мяне буйные вѣтры
Да дробные дажджы.

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кленъ—липа ци ня дзеряуцо,
Смародыня ци ин ѹагада,
(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кулиначка ци ня дѣвачка
Яе каса ци ня косачка?

А казала калина: цвесь ня буду,
Зяленаго лисцяйка ни пущу,
Краснай ягадки ни ураджу.
Якъ прышла пара—зацвила,
Зялённыя лісцяйки пусціла

Ни праудзивая Татяпачка
Казала: замужъ ни пайду,
Маладога Міколки ни люблю.
Якъ прышла пара—замужъ пашла,
Маладога дзяцинку спалюбила.

(д. Жуково, Мглинскаго уѣзда, 18-лѣтн. дѣвицы).

Татачка мой радуюсінъкій,
Бачыла я сонъ дзиунюсінъкій:
Што—й надъ нашымъ надъ дварочкиамъ
Наляцѣла стада галубочкоу,

А мижъ галубочкоу адзинъ сакалочыкъ.
Дзевачка мая, я твой сонъ разгадаю:
Галубочки—йета байрачки,
Ясный сакалочыкъ—маладый дзяцинка.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, 26-лѣтн. женщины).

Ишла Проничка, кругъ стала,
Сыпала руту—мяту зъ рукава.
Рута мая дробна, зняная,
Съ кимъ мнѣ цябе падбираць?
Праси, дзевачка, татухну,

Зимляныя рутачки сабираць.
Ня буду я, татухна прахали,
Ня умѣу йоаъ минѣ кахаци,
Ни у свайомъ дварѣ дзиржаци.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 30-лѣтн. женщины, въ 1892 г.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, № 24.

Маладая да Мархвутачка,
Пірыядэи сѣни
Да падай татухне вадзіцы,

Твая вадзіца салдка,
Саладжеўій мёду и винѣ,
Што—й заручённая падалà.

(с. Росьха, со словъ 17-ти лѣтн. дѣв. въ 1860 году).

Дзевачки, голубачки, попытайца у майой донички,
Чаго яна такъ плача, да чаго жъ йой жаль,
Ци свойой русай кдсачки ци дзявоччыя крёсочки (красоты)?
Ни жаль жа мнѣ ни дзявоччыя красы, ни русай касы,
Минулася бацькава раскдоша-сама бачу,
Ни разъ, ни два па раскдошы той заплачу.

(с. Хоробичи, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтней женщины, въ 1896 г.).

Если родителей невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ еще и слѣдующія пѣсни:

Сѣнички моіе ни мяцённыя,
Падружки майе зазванныя
Да ня частаванныя,

Устань, мая мамачка,
Пачастуй падружачакъ.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтн. женщины, въ 1897 г.).

Адаркина мамачка пирядъ Богамъ стала,
Наукресть руки склада
Да сілнинка (спльно) Бога прдся:
Исці Божа зъ неба да дому
Паглядѣци да на свайю дзицяю,
Ци харашо яна уряджана,
На піокуци ци пасажжана,
Уряджана якъ лябедачка
Насажжана якъ сиротачка.
Устань, устань, мой татачка,

Дай мнѣ парадачку (совѣть)
Якъ у сѣти жыци.
Радъ бы я устаси
Парарадачку даци,
Сырая зямелька дзвери замяла,
Вакошки засыпала
Дубовыя дошки (доски)
Стиснули ножки,
Ни магу—й устаси
Я къ свайму дзицяци.

Утромъ передъ вѣнчаньемъ женихъ съ дружкѣмъ, боярами и своими гостями
ѣдетъ поѣздомъ въ домъ невѣсты. При выѣзда изъ отцовскаго дома, во дворѣ поютъ
слѣдующія иѣсни:

На неби здричка свитѣе,
Иванька коника сѣдлѣе,
У яго мамухна пытѣе:—
На што коника сѣдланшъ,

Куда ты, сыночекъ падзиншъ?
Наѣду, мамухна, наѣду
У тую дорогу часную
На тую Лукирку красную.

(Въ д. Водвінкѣ, Мглинскаго уѣзда, отъ 40-лѣтн. женщины).

А у нядзѣлю рано
Цонь къ абѣдні звоня,
Іваничка па двару ходзье,
Съ татухнамъ гавбрай:
Татухна мой да ты родненській,
Параць и мнѣ ты парадачку

Ни малую, ни вялікую.
Ци къ абядні мнѣ йцицы,
Ци баляръ сабираці?—
Зъ Вѣгамъ, сынку, зъ Вѣгамъ
Намалиў бы ся Богу,
Зъ балярамы у дарогу.

(отъ той же).

Сакольку да на колику,
Іваничка да на каніку,
Саколику, да на выляци,
Дзяніначка, да на выѣздні,

Памажи-жъ яму, Божа,
У иуций у дарози,
У вялікамъ забози.

(Заучено въ 1859 году на свадьбахъ мною).

Въ дорогѣ продолжаютъ пѣть:

Жаркая соняняйка (солнце),
Каласдмъ надъ лясомъ,
Ня куй, дзянінка,
Сталяндга нахѣ,
Надкуй, Иванечка,

Варандго коня.
Сталяній вѣжычакъ
На сталѣ ляжыцы.
Вараной кѣничакъ
У дарози бяжыцы.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣт. женщ.).

Падзініт барамы барамы,
Боръ будзы шумѣць,
Падкодуки звінѣць,
Зацуюць людзи,
Дзивица будуць.
Зачуя щещухна
Гатаўдца будзье.
Зачуя Ганніачка,

Прибирацца будзье.
Іванъ ёдзье—
Шоле стдгне!
Ёдзье хлошчычакъ
На свой дарь.
А яго жъ то даўчъ
Дарагій товаръ,
Буилёныі, зълюбленій.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, с. 501, № 24, стр. 12.)

Подѣѣзжая къ двору невѣсты, поютъ:

Ой ёхали барамы,
Цѣмными лясами,
Шили ваду съ кривичаньки,
Стой-пастой, мой кавичанька,
Ни мая дружиначка,
Ни мая вярненськая,
Пріѣхау Андрэйка къ вардамъ.
Яго коничакъ падъ злдтамъ.
Павіное пяро на коню лягло

На ягд галовачки,
На ряменнай зброячки,
Вышла щещухна витачи—
Йонъ назадъ камѣмъ стунаци:
Стой, пастой, мой кавичанька!
Стой, пастой, мой вардненський.
Ни мая дружыначка,
Ни мая вярненськая.

Затѣмъ повторяется пѣсня сначала съ измѣненіемъ «вышелъ свѣкарька витати», затѣмъ вышелъ брахнейка. Когда наконецъ дѣло доходитъ до невѣсты, то оканчивается такъ:

Вышла Адарка витати,

Во жъ мая дружиначка!

Йоинъ уперідъ канемъ ступаці:

Вотъ мая вярнѣнкай,

Стой, пастой, мой канічанька!

Во мая радзиначка,

Стой, пастой, мой вароненъкай,

Во мая радиенкай.

Въ день свадьбы утромъ невѣста снова съ подневѣстницей обходить все село и кланяется троекратно каждому, промовляя: «Прашу миласци на вясельля». Затѣмъ вскорѣ въ село вѣзжаютъ женихъ съ дружками, свацками и своими гостями, которые всѣ вмѣстѣ называются поѣзжанами. Чѣмъ богаче свадьба, тѣмъ больше поѣздъ. Когда уже всѣ собрались въ хатѣ, туда вводятъ торжественно «молодую» при слѣдующей пѣснѣ:

Ступіла Дунячка на парогъ

Прячистая святая,

Сустрѣчу яле Гасподъ—Богъ.

Доля яле щасливая,

Доля айе щасливая,

Добрая гадзіначка

Добрая гадзіначка,

Су сёю радзіначка!

Богъ яле сустрікае

Передъ тѣмъ какъ отправиться къ вѣнцу, дружкѣ ставить всѣхъ въ хатѣ въ рядъ: молодую съ молодымъ, затѣмъ разныхъ братенниковъ (двоюродныя братья), золовокъ, свояченицу и проч., приказываетъ всѣмъ взяться за руки, самъ протягиваетъ руку невѣстѣ, заводить ихъ въ этомъ порядкѣ за столъ и садить такъ, чтобы невѣста пошла въ конецъ стола. Тутъ повторяется остатокъ древняго обычая купли невѣсты. Мязеный братъ продаетъ косу сестры понѣренному жениху—дружкѣ, который подносить брату чарку горѣлки на деревянной тарелочкѣ и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ не береть, отказывается, говорить, что коса сестры «дараджѣй стоиць»; его уговариваютъ и послѣ торговъ набавляютъ еще нѣсколько копѣекъ, но вся сумма ограничивается по большей части штакомъ или гривенникомъ. Когда коса продана, невѣсту окружаютъ подружки. Подневѣстница расплетаетъ косу, прочія «жѣласна паюць». Молодая, разставаясь съ своей «дзявицкай жысці», тихо роняетъ слезу за слезой, опустивъ голову.

Ни братъ касу трѣпля,

Хоць ни солята,

Ни братъ расплитая,

Дыкъ на толѣта (въ этотъ годъ)

Чужа—чужаница,

Абъ такой парэ якъ йета.

Красная дзявица

Йета табѣ, Просичка за тойе,

Па валасу разбирая,

Што цляла косачки у тройе.

Па слезцы раняя,

Плесць было косы,

Русаю косачку братъ прадау,

У чатыре ряды,

Идзѣ-жъ ты уплѣтки падзѣвау?

Жыць было съ татухнай

На стадѣ паклау,

Да чатыри гады.

Мѣншай сястрицы падавау,

Запляла ты косачки рядамы,

На жъ табѣ, сястрица.

Пріѣхау Иванъ да зъ дружкамы (bis)

Сястрицы уилѣтки.

Расплѣту косачки съ шнуркамы.

Судзи, Божа, табѣ то,

Вѣзжая въ церковь дружки просятъ у «радзіцялѣў» невѣсты подорожную и вручаютъ имъ флишку съ горѣлкой и чарку. Обычай таковъ: всякий, кто встрѣтится съ весельнымъ поѣздомъ, имѣть право требовать «падарожнай» т. е. по чарцы гарэлки». Отказа въ этомъ случаѣ не полагается. По пути къ церкви иоютъ:

Ой иоия, иоия Гардзю,
Звіничай дѣтачакъ у надзелѣ.

Ой иоия, иоия,
Бацька нашъ,

Звичай дзѣтачакъ
У дбѣрый часъ.
А кали на будзиншъ вянчаци,
Будуць твайи кудзярьки тряпѣцци,
Якъ лютый мардзъ на дварѣ,

Такъ твайе кудзярьки на галавѣ.
А мы ёдзимъ къ пану,
Вяземъ грдзій капу,
А кали зъ яго мала,
Штобъ яго разарвала.

Бдучи назадъ изъ церкви поють:

Съ падъ вянца Ганначку, съ падвянца
Зламила зъ бярёзы верхауца ¹⁾,
Стой, мая бярёза, бизъ вирха,
Бизъ шырокаго лисцейка,
Живи, мая мамухна, бизъ мянѣ,
Бизъ майе русыя косачки

Бизъ дзявоцкія крдсочки.
Ой радъ радзинёкъ Хвёдарка
Што—й—у божамъ дамку пабываў,
На бѣламъ рушничку настаяу,
Зъ правыя ручачки персцинъ здѣшъ
Да на свайю Дунячку поглядзѣшъ.

(с. Росуха, заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году).

Подъѣзжая ко двору поють:

Западлі, матка, свѣтчику,
Выйдзи на сустрѣчку,
Ци пазнаешъ, маци,

Ты свайго дзицяцю,
Да ужо-жъ твайо дзиця
Звѣнчана ёдзя.

(с. Росуха, заучено на свадьбахъ въ 1859 году).

А мы были, у Бога
У Духа Святаго
Да мы бачыли (bis)
Два вянцы на станицы,

Трецій на галоватцы,
На русай кдсочки,
На шауковой сцежакки.

(с. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины).

При появленіи на порогѣ молодой, ее встрѣчаютъ пѣніемъ:

Ой тучка, ваша (тучка) Дунячка
На небу ишла тучамы,
Изъ неба сыйшла дажджамы,

Ша ряцѣ ишла вутачкай,
У сѣни выйшла паваю,
За стадомъ сѣла паннаю.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

По пріѣздѣ изъ церкви жениха,—невѣсту и поѣзжай садзять за столъ. Затѣмъ матерь вносить на «вечкѣ» ²⁾ подарки — рукодѣлія невѣсты: маленькие платочки изъ льняного холста, кусочки для рукавовъ, рушники.

При этомъ поютъ приличная случаю пѣсни:

Што—й у вардзіячкахъ рѣчачка,
Кала тыя рѣчачки—сцежакка,
Ой тамъ Дунячка хадзила,
Топкія подарачки бялила,
Годзы ³⁾ табѣ, дзѣвачка,
Подаркау бялици,

Ужо твайе падарки бялёнкы,
А ужо твайе баяры близеніка,
Ужо твайе баяры у пдли,
А хоць у ндли, ни у поли,
Да нехай будуць здаровы,
Ше—й майе подарки ни гатовы.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, отъ 16-лѣтн. женщ.).

¹⁾ верхушка. ²⁾ крышка отъ дежки. ³⁾ Полно.

При появлениі матери съ подарками начинаютъ пѣть:

Паузе, паузе да мурашачка
Нясе, нясе да падарачки,
Падарки бялёнки
Атъ слёзакъ макреньки,
А казали—Ганначка ни пряха,
А казали—Ганначка ни ткаха,
Яна-жъ рана уставала,
Яна тдненъка пряла,
Часценъка ѿсе ткала.

Бѣленко бялила,
Усімъ сваймъ баярамъ дзялїла,
Жоднаму¹⁾ дзвеярю па рушничку,
Жоднай залоўци па нямёццы²⁾,
Была скрыня³⁾ поўна,
Цяперь палавина,
Мацерь атабрала,
Баярь даравала.

(с. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

Въ это время подносять гостямъ по старшинству, съ поклономъ, чарку горѣлки и подарокъ, о крестной матери непремѣнно чоботы или башмаки съ слѣдующими словами:
«Штобъ ни пагиѣуны были да заудзяшни⁴⁾» принѣли.

Гулі, гули пчолы
Кѣ вулью принадаючи,
Плакала Марьячка,
Кѣ кублу⁵⁾ прилигаючи,
Ой кубле, мой кубле

Да што—й у цабѣ бубня?
Зиму пряла, вясну ткала,
Лѣцячка бѣлила,
За адзинъ часъ раздзялила.

Кромѣ знанихъ гостей, дивица вясельля идетъ все село, старый и малый, подъ окнами, во дворѣ, въ сѣняхъ, въ хатѣ, на полатяхъ и даже на пѣчи забираются посторонніе зрители (которымъ впрочемъ не полагается никакого угощенія).

Дружкѣ и хозяева то и дѣло снуютъ по хатѣ съ угощеніемъ: въ правой руцѣ бутылка съ водкой, въ лѣвой прикрытая холстомъ деревянная тарелочка съ полной чарочкой, которую безпрестанно подносятъ къ гостямъ, «частующъ усихъ».

Поють, шумятъ, говорятъ,—кто во что гортձдъ; настоящая ярмарка. Молодецъ подъ музыку танцуєтъ гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ подъ повѣтю⁶⁾, не смотря на зимнее время, а подчасъ и морозы.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, сопровождающійся тоже большою выпивкою. Послѣ обѣда женихъ и преимущественно молодежь запрягаютъ своихъ коней и переѣжаютъ на заранѣе приготовленную для нихъ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ.

Туда забираютъ музыку, привезенную женихомъ водку, сало, колбасы и пр. Это и называется: «свашки гуляють».

Што—й цеща зяця
На вячёру звала,
Да сахорный кусокъ
На блюда клала.
Прилицѣу сахоръ
Разсыпау сахоръ

Крылцамы, нёрцамы¹⁾
На столику разнасиу,
Якъ пріѣхау зяць,
Нечымъ частаваць,
Маладую Лукирку
Да—й треба атдаць.

(д. Лунеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 34-лѣтн. женщ. въ 1894 году).

Когда сваши нагуляются, передъ концомъ пира начинаютъ напоминать молодому, что пораѣхать во дворъ къ тестю за невѣстою, которая уже соскучилась «по свайомъ дзяцпни».

¹⁾ Каждому. ²⁾ Головное бѣлое покрывало. ³⁾ Сувдукъ. ⁴⁾ Съ благодарностью. ⁵⁾ Дежка съ ушками и крышкой для бѣлья. ⁶⁾ Четыре столба и сверху крыша.

На руци ¹⁾ мяди жоутый цвѣть,
Чаго цябѣ Андреичка досюль иѣть,
Цябѣ Ховрачка даўно ждзець,
Изъ застольляйка вонъ нийдзець,
Писала бѣ письмо—ни ўмѣю,
Паслала-бѣ пасла—ни смѣю.
Сама бѣ я пашла—баюся,
Шѣ чыстаго поля вярнуся,
У чыстамъ поли старожа,
Тая старожа спаймая,
На русай касѣ угадая,
Игета кѣсачка расплящёная,
Игета дѣвчачка обвѣнчаная.—

У панядѣблакъ рана
Да синя моря йграла
Соньицка купалась,
Адаражка умывалась,
Бялила забыла,
На камени цалажила,
Каму ѿхаць па бялила?
Дружкѣвъ конь ия кованъ,
Яго вазокъ ии мулёванъ,
Каму ѿхаць па бялила?
Данилкинъ конь да подкованъ
И вазокъ яго памулёванъ,
Яму ѿхаць па бялила,
Яму ѿхаць па бялиячка.

Межлу тѣмъ, въ домѣ невѣсты подъ вечеръ начинаютъ дарить молодую. Всѣ сидять чинно за столомъ.

Поднимается дружокъ и выкрикиваетъ по очереди имена родичей и гостей.: Йосць туть, йосьць Домна Постулавна хрестная мачи? Чимъ вы нашаго маладога князя и маладую княгиню падаруїце? Ци валомъ, ци канёмъ, ци битымъ чирвоцамъ?

Люди болѣе близкіе дарятъ живностію на новое хозяйство, какъ напр. овечку, телушку—другими годкомъ, иоросеночки-годовичка.

Проче, въ особенности дѣвки, дарятъ кусочки льнянаго холста, рушники, а большинство на туже тарелку, на которой подносятъ горѣлку, кладеть какую-нибудь мелкую монету и выпиваетъ подносимую чарочку.

А иной шутникъ закричитъ:

Дарю маладого князя и маладую княгиню падаркамъ: тымъ канёмъ, и то падагонишъ усимвъ сяломъ, и при этомъ выпускаетъ изъ рукъ воробья.

Тутъ же «дѣвушки дражнюць» маладого въ припѣвахъ:

У нашего маладого
Да усё ни людное,
Шубка сабача,
Шапка циличча,
Чабицки парасяччи:

Шапка ряуне,
Шубка бряхне,
Чабицки писнущъ,
Дружкѣ черци стиснущъ.

(Заучено мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ въ 1859 году).

Да куда ты, Дарьячка, глядѣла,
Да како ты сабѣ вѣглѣдѣла?
Йонъ гарбать, грыбать, ни пригожъ

Савиня вочачки, чаилинъ носъ,
Куды цябѣ, дзиивачка, чортъ панесъ.

(Заучено мною въ с. Росухѣ на свадьбахъ въ 1859 г.).

Дружкѣ сначала гулять съ свашками, а затѣмъ приходить въ хату, гдѣ дарятъ молодую.

Дѣвки въ припѣвахъ «дражнюць дружка».

А казали сваты багаты,
Ажъ яны убоги,
Ихъ кони бизноги,

Сами пышкомъ ишли,
Жаниха у мяшку нясли (bis)

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣти. женщины, въ 1890 г.)

¹⁾ На рутѣ.

Дружкò каравай дзёля,
За йимъ да жана хдзя,
Семяро дзётакъ за сабою вёдзя,
(с. Пилипча, Городнянского уезда, со словъ 27-лѣтн. женщ., въ 1897 году).

Идзы, дружкò, у хату
Нага на пардзи,
Рука на палицы,
Шукал паляницы.
(Отъ той же 60-л. женщ. въ д. Яблонкѣ).

Дзёуки дружка били,
Хахоль абарвали,

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 30-лѣтн. женщ.).

«Дражиющ» также поднявѣстницу и поджанишника:

Надпивѣстница псица,
Сядиць якъ лисица,

(Заучено мною въ 1854 г. на свадьбѣ въ Рассухѣ).

Поджанишничакъ маладый
Пагнаў кацять да вады,
Каторая ия йдзе,

За хвость падвядзье,
Каторая пабяжыць,
Ионъ тую прыдзяржыць.

Остальное время молодая проводить среди своихъ «ставаришиакъ». Ихъ всѣхъ сажаютъ за отдельный столъ или отводятъ въ другую хату. Молодой и дружкò эти часы остаются «у сватакъ» на хватери.

У молодой поются прощальная пѣсни предъ разлукою съ подругами:

Кацилисн игрушки зъ вярхушки,
Пакидающъ Марьячку падружки —
Дружачка наша, Марьячка

Икъ намъ съ табою растринца ¹⁾,
Да якъ мѣсячку зъ зарёю,
Такъ намъ, Маѣячка, съ тобою.

(Заучено мною въ с. Росухѣ въ 1858 году).

Щабитала чачотатка надъ кусцикамъ сидзючи—
Божа мой міластныи, ідзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Ідзѣ жъ майо цёнлай?
Ни на кусцику расіцы,
Ни падъ кусцикамъ травицы,
Божа мой міласныи,
Ідзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Ідзѣ жъ майо цёнлай?
Шлакала Гарпиначка,
За столикамъ сидзючи,
Божа мой міласныи,
Ідзѣ-жъ мал краса дзѣлася,
Ідзѣ-жъ мая дзявоцкая,
Ни на галавѣ вяночка,
Ни на ручации пирсцянечка,
Ідзѣ-жъ мал краса дзѣлася,
Ідзѣ-жъ мая дзявоцкая?

(с. Лунеки, Стародубского уезда, отъ 38-лѣтн. жен., въ 1896 году).

1) Разстаться.

Вячерьяй, Даръячка, вячерьяй
У свайго роднаго бацюшки.
У лютаго свекра сядуць вечеряць,
А цябъ маладъ
Пашлюць на ваду,
Тамъ вдвы глыбокія, горы высокія.
Вадзицы принясешь

Кожнаму паднясешь,
И стардму и малдму,
И Иванцы маладдму,
Збярешъ ложачки,
Сатрэшъ крошачки,
Возьмутъ цябъ слёзачки.

(с. Човпня, Стародубскаго у., отъ 50-лѣтн. женщины).

Уси вѣтчики зъ вѣзера плывуць,
Ой рана, рана плывуць.
Адна вѣтчика заставалася,
Ой рана, рана заставалася.
На како юна спадзивалася?
Ой рана, рана спадзивалася
На таго силязеньку, на касатаго,
Ой рана, рана, на касатаго,—
Силязеничка, ни пакинъ мнѣ.
Уси дзѣвачки зъ застольляйка идуць,

Ой рана, рана зъ застольляйка идуць,
Адна дзѣвачка засталася,
Ой рана, рана, засталася.
На како яна спадзивалася?
Ой рана рана спадзивалася
На таго дзяцинку, на маладдга—
Ой рана, рана на маладдга,—
Ты, дзяциначка, ни пакинъ мнѣ.
Ой рана, рана ни пакинъ мнѣ.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 38-лѣт. жен., въ 1895 г.).

Падягла юра пшавица па пяску,
Павиуся хмѣль по ляску.
Признайся, дзѣвачка, хто табѣ миль будзі,
Хто у цябѣ милюсенькій?
Миль жа мнѣ, дзѣвички,
Мой родныій бацюшка.
Ни прауда, дзѣвачка,
Ни прауда, душачка,
Ни праудачку кажышъ
Ни вѣрия слоуцо.
Миль жа мнѣ, дзѣвачки,

Да мой родныій брахнейка,
Ни прауда, дзѣвачка,
Ни прауда душачка
Ни прауду кажышъ.
Миль жа мнѣ, дзѣвачки,
Маладый Андреячка.
— Прауду, дзѣвачка,
Прауду, душачка,
Праудачку кажышъ,
Вѣрия слоува.

(с. Новоселки, Стародубскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвки, въ 1897 г.).

Якъ табѣ, мѣсячку,
И зъ зарей разайцица?
— А я найду па заблоччу,
Съ туманамъ абнимуся,
Даждыкамъ абаллюся,
И за гарою разайдуся.

Якъ табѣ, дзѣвачка,
Якъ табѣ, красная,
Съ падружкамы разайцица?
А я пайду па застольляйку
Слёзкамы аболлюся,
Зъ дзѣвачкамы разайдуся.

(с. Новоселки, отъ той же).

Но вотъ солнце уже закатилось, огни давно зажжены. Послѣдніе часы подъ батьковымъ кровомъ пдутъ для молодой быстро. Прощальный вечеръ съ подругами близится къ концу.

Слышится издали топотъ коней, скрипъ саней или колесъ:ѣдутъ поѣздане забирать молодую. Развеселья, подпившія свашки поютъ пѣсни:

Атдайца намъ дзѣку,
Атдайца й пасцельку,

Навалочки у кружки,
Дзярёги ¹⁾ у ряды.

¹⁾ покрывало, замѣняющее одѣяло.

А мы Марьиццы рады,
Атдайца намъ рядно,
Яна у мамачки ѳдна,
Штобъ ноги ни тарчали

Сабаки ни гирчали,
Людзи ни варчали,
Трясца маццы у пятки,
Што-й некому падмесецъ хатки.

(д. Яблонка, Мглин. уѣзда, отъ 65-лѣт. женщ., въ 1890 году).

Ня дзвиницесть, прыданки,
Што каротки падарки,

Ляны ни урадзили,
Падарки укараціли.

(Заучено мною въ 1859 г. на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Заслышивши скринь воротъ и пѣсни, дѣвки за столомъ въ свою очередь поютъ:

Пріѣхала Литва,
Будзя у насъ битвѣ,

Будзимъ ваеваці,
Ховрачку ни атдаваци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., со сл. 35-лѣт. жен., въ 1891 г.).

Если Литва, въ лицѣ свашекъ мирнаго характера, то она вѣжливенько приглашаетъ дѣвокъ удалиться:

Дѣвачки панянки,
Уважъця намъ лаўки.

Дѣвки отиѣчаютъ:

А вы, свашки гаспада,
Пожалуйца вы сюдѣ.

Если жъ свашки съ задоромъ, то поютъ:

Дѣвочки зъ застолъя,
Якъ сୁчки съ паднолья.

На это дѣвки, не вставая изъ-за стола, отвѣчаютъ:

Торна сцѣжка, торна
Атъ стала да прыячку

Свашки утаптали
Памылі хлебали ¹⁾.

(д. Лупеки, Старод. у., отъ той же).

Между тѣмъ, по обѣ стороны молодой сидятъ ея родичи, и потому дружко покупаетъ мѣсто возлѣ нея для молодого. Съ него запрашиваются 100 рублей и вскорѣ переходятъ на копѣйки съ придачей чарочки на традиціонной тарелочкѣ. Тогда дѣвки встаютъ изъ-за стола, и дружко въ награду за уступку молодой, раздастъ имъ каждой по ленточкѣ, между тѣмъ, какъ они поютъ:

Ци я у цабѣ, мамачка, ня дзицятка,
Што ты мянѣ у йету ночь
Атсылаишъ прочь,
Свѣчачки у руки ни дайешъ

И правадничка у слѣдъ ия шлеши.
Вотъ табѣ свѣчачка—мѣсячка,
Вотъ табѣ правадникъ Хведарка.

(Отъ той же д. Лупеки).

¹⁾ Хлебали.

Дѣвки уходять изъ хаты, а сваши поютъ:

Ужо кони запрѣжаны,
Ужо вазы завернуты,

Насцелька наслана,
За мной маладой прислана.

(Отъ той же д. Луцеки).

Шаўковая нитачка къ сцѣни льне,
Просичка татухи чаломъ бѣ.
Добрѣ ночь, татачка, добрѣ ночь,
Нашто атдаў дочку ни на ночь,

Ии на адну почку—на увесь вѣкъ?
Ни адну цібѣ маладу,
А усихъ дзѣвачакъ, што у раду.

(Отъ той же д. Луцеки).

Выгрибай, матка, жарь, жарь,
Кали табѣ дачкѣ жаль, жаль,

Закидай матка дровы,
Аставайшесь здаровы.

(Заучено на свадьбахъ мною въ 1858 году).

Маладую уже одѣваютъ въ путь, дружко «падпирязывая яйе поясамъ». Родители берутъ образа, при пѣніи:

Ии стой, татачка, у парози,
Ужо твая гоццейка у дордзи,
Приступись къ столику близинька,

Пакланюсь я табѣ нѣзинька,
Коскамы зямельку усцялю,
Слѣзкамы пожачки абалю.

Слѣдуетъ благословеніе и неминуемый плачъ. Молодые уходить съ образами въ рукахъ, за ними побѣжжане съ пѣснями.

Азирина, маци,
Ци уся симъя у хаци,

Вяліка щарбина,
Нема симъяніна.

Въ это время на возъ кладутъ перину, подушки, садить на нихъ молодыхъ, даютъ имъ въ руки хлѣбъ-соль, образа, а на голову набрасываютъ бѣлую скатерть.

Поѣздъ двинется съ пѣснями, музыка и «подорожная» здѣсь же въ запасѣ, на случай кто встрѣтится и потребуетъ свадебнаго угощенія.

Но въ этомъ поѣздѣ такой обычай не всегда выполняется; встрѣчающійся прежде всего смотритъ, въ какомъ состояніи дружки. «Кали дружки пьяны, лучшей ни чапай (не трогай) ихъ, ни дадуць канали гарэлки, усю самы парапсивали у дарози, и аттаго што пьянаму законъ ия писанъ, а то яще икай у хмелю, чаго доброго выла-пца, вѣдама, что у твярѣзаго на вумѣ—у пьянаго на языцѣ.

Въ поѣздѣ поютъ:

Та-ра-рай, калески, та-ра-рай,
Павязли Тацинку съ пекла ў рай:

Тамъ живуць людзи чужыя.
Тамъ ядуць хлѣбы вушныи ¹⁾

(Заучено на свадьбахъ въ 1866 году).

Въ этомъ припѣвѣ слышна насышка: хоронъ моль рай, гдѣ ѡдѣять хлѣбъ подобнаго качества.

Вообще при этомъ поѣздѣ всѣ припѣвы щуточные, такъ какъ побѣжжане «навеселѣ». Иногда подразниваютъ молодую такимъ образомъ:

Стукнули, грюкнули на дварѣ,
Подзвись, мамухна, ци ни памянѣ.
Гатуй, мамухна, кубло мнѣ.

Їдзь, мая дачушка, безъ кубла.
Чаму ты мычачки на скубла.

(Заучено мною въ 1858 г. на свадьб. въ с. Росухѣ).

¹⁾ Съ примѣсью макины, макухи и проч.

Пастойца, кони,
У чистамъ пдли,
Пастойца!
Забыла маци
Нярыну даци

Пастойца!
Ни такъ забыла,
Якъ ни зрабила,
Пастойца!

(Заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году въ с. Ресухѣ).

У пдли, у пдли лащинка,
Нема у Лукирки пасцилки,
У поли, у ноли калюжки,

Нема у дэвшвачки дзярюжки,
Йосць идэй иавяриуцца,
Да нечымъ напрянуцца.

(д. Яблонка, Мглинского уѣзда, со сл. 60-лѣтия стар. въ 1891 году).

Ни ляжаць было на печки,
Ня дрѣгаць было нагамы,
А шавалиць мычку руками ¹⁾,

Я былѣ адиу надѣла,
Рыбыты ирыши хвалили
Да тую мычку спалили.

(Отъ той же, въ д. Яблонкѣ въ 1891 году).

А мы ёдзимъ борамъ,
Жоўтыми лискамы,
Цемнымы лискамы,
Мѣсяцъ дарожку асвиціў,—
Брацецъ сястрицу правадзиў—

Ёдзь, мал сястрица, здарова,
Вяліка тваля дардга,
Тваля дарожка широка
Атъ бацьки—матки далеко.

(Отъ той же, въ 1896 году).

Подъѣзжя ко двору свекра ноютъ:

Атчыни, мамачка, бацькоу дворъ,
Пріѣхау къ табѣ сынъ на дворъ,
Да ни съ сяниною капою,

Да зъ маладою жаною,
Съ твойой вѣрнай слугою.

(Заучено мною на свадьб. въ с. Ресухѣ въ 1861 г.).

Выйдзі, мамухна, палядзи ²⁾
Да што мы табѣ привязли.
Привязли мы табѣ
Скрыню—пярину

Й маладую княгиню.
Вотъ табѣ, мамачка, служачка,
А мнѣ маладцу—дружачка.

(Заучено мною тамъ же въ 1861 году).

Свекоръ и свекруха съ хлѣбомъ выходить встрѣчать новобрачныхъ къ самому возу. Тѣ съ своей стороны также подаютъ имъ хлѣбъ и, слѣзши съ телѣги—«кулемъ» въ ноги съ поклономъ—сынъ матери, невѣстка свекру.

Затѣмъ имъ подносятъ по рюмкѣ водки, которую пригубивши каждый выпиваетъ черезъ свое плечо и голову назадъ. Дѣлается это для того, чтобы все худое осталось позади.

Мать жениха ведеть ихъ прямо въ клѣть (холодный амбаръ), не смотря ни на какие морозы. Вотъ почему перины и разныя дерюги считаются самыми важными и необходимыми придаными.

Бояре же входятъ въ хату, и начинается «тульня», музыка, пѣсни, танцы. У каждого изъ взрослыхъ членовъ семьи въ рукахъ пляшка съ горѣлкой, и гостей не перестаютъ «бносить круговой чаркой» и поютъ пѣсни.

¹⁾ Прясть ленъ. ²⁾ погляди.

Выхвалялся калина
Сваймъ лугамъ широкимъ:
Нихто мяне ня выламая
У кусцику зялёнамъ.
Абабрауся марозъ—
Ня выхваляйся калина,
Я цібѣ выламаю,
Изъ луга широкаго,
Изъ кусцика зялёного.

Выхвалялась Марынка—
Нихто мяне не высватая
У бацюшки у багатаго.
Абабрауся Иваничка—
Ни хвалися Марынка,
Я цябѣ высватаю
У бацюшки, у багатаго,
Изъ рода вяликаго.

Если молодая до замужества не потеряла своей невинности, то сваши торжественно садятъ ее на хлѣбную дежку, зашпетаютъ косы, надѣваютъ новойникъ, повязываютъ голову платкомъ и вводятъ въ хату съ припѣвомъ.

А спасиба, свацьцайка, за дачку,
Што вадзъу дачку у хвартучку

За шаўковымы шнуркамы,
За залатымы замкамы.

Этотъ безцеремонный варварскій обычай существуетъ и понынѣ. Кромѣ того сваши неминуемо срамятъ молодую, не сохранившую своего дѣствства, разными припѣвами; напримѣръ:

Падъ ёлкай спала,
Ня дзѣукай устала,
Зъ гары скапилася,
На сукъ прабилася.
Ня жджы, свекарька, калины
Гатуй кабана на ксциины ¹⁾.
Ня цвила калина абъ Пятрѣ,
Зацвила калина абъ Раждвѣ ²⁾,
Падъ той калини
Варачка сядзѣла,
Ножкамы калини задзѣла,

Ручкамы ягадки щипала;
У галоуки клала бѣлы цвѣть,
А у ножки клала чырвоный.
А на ліе калинка канднула,
На Варачку ўся радзинка глынула,
А учора была, якъ рожа цвила,
А синини ⁴⁾ стала якъ рыба звяла,
Якаво табѣ, Варачка, цяперя,
Што чужая радзина абсѣла,
Зъ лѣваго боку байры,
Съ праваго боку Андрэйка.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, ст. 29, № 33, съ 10 строчки).

Припѣвъ на эту тему масса, но всѣ они настолько не цензурины, что трезвый не рѣшается даже ихъ повторить и отыкается о нихъ такъ:

Л сваши вярзуць што пашапо.

Затѣмъ къ полуночи или предъ разсвѣтомъ (смотря по разстоянію пути) прѣѣзжа-

ють «приданы» т. е. присланные гости изъ дома невѣсты.

Они привозятъ съ собою «скрыню», т. е. сундукъ съ приданымъ.

Въ дорогѣ приданы поютъ:

Свѣця мѣсяцъ надъ зарёю
Раннимъ рано, ранюсинка,
Брацецъ ёдзя за сястрою
Раннимъ рана, ранюсинка,
Пастой, сястра,
Ключи звяззла

Ранымъ рано, ранюсинка.
А я у цябѣ, брахнійка ³⁾
Ня клюшица,
Йосць у цябѣ
Жана у дварѣ
Вярній мяшѣ.

Передъ воротами поютъ:

Мы свата ни знали,
Намъ людзі сказали,

У воротахъ ялина ⁴⁾,
Сяредъ двара чырвона калина,

¹⁾ крестьбины, крестини. ²⁾ Рожество. ³⁾ братецъ. ⁴⁾ ёлка.

Падъ той, падъ калинчакай,
Маладая княгиня,
Пусци сваццяйка у хату

Выйдэн, Дарьачка, къ намъ у дворъ
Сабрауси сюды увесь твой родъ,
Вынаси калинчаку,
Висяли радзинчаку.
Вынаси чырванѣйшую
Висяли раднѣйшую.
Чыя жъ йета да баюрия,

Хоць за печкаю пасядзѣць
Да на нашу Варечку
Паглядзѣць.

На двару хадзила?
Андрэйкава Дарьячка
На двару хадзила,
Сукнамы чырвонымы
Увесь дворъ урядзила.
Выйдзи, выйдзи, Дарьячка
Княгиня! ..

Тогда уже роль свашекъ оканчивается, всѣ гости молодого расходятся по домамъ и начинаютъ «туляцъ придани». Гульня и выпивка продолжаются всю ночь до разсвѣта.

Если плохое угощеніе, то придани поютъ:

У нашего свата
Вярбовая хата,

Усе зъ вярбы, зъ бярёзы,
Придани цвярёзы.

Если много водки и мало закуски, поютъ:

Сватъ добрый—свацца скундя,
Гарэлки багато, закуски нимаешъ¹⁾
или:

Усяго багата,
Куряцины, гусяцины
Жаренныя парабяцины.

У нашаго свата

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со сл. 23-лѣтн. женщ.).

На ряцѣ вѣтка крѣча
Марыкина маци плача,
Кахала, лялѣйла
Да нѣкаго пабуджаци (будить)
Нѣкаго насылаци.

На ряцѣ вѣтка сакоча,
Андрэйкина маци хахдча,
Ни кахала, ни кукдбила
Йосць кагд насылаци,
Йосць каго пабуджаци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 35-лѣтн. женщ. въ 1899 г.).

Марыячка у баюшки
Нѣжная была,
Ня фла хлѣба, а усё пираги
Ня пила вадѣ, а усё мялы.

У лютаго свекра
Зъ лёдамъ вадѣ напѣцца,
Пушнога хлѣба набѣцца,
Да на вѣничку выспицца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, отъ 58-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Передъ выѣздомъ домой придани поютъ:

Прыданячки да дамду ёдуць,
Таццяночку тутъ пакидаюць,
Грышачцы да прикаѣзуюць:
Ня би яйе да дубцомъ,

Пакардай добраымъ слаўцомъ
Да ня би яйе дубинаю,
Штобъ была гаспадыняю.

(Отъ той же въ д. Яблонкѣ въ 1899 г.).

На другой день молодая развѣшиваетъ свои рушники на иконы, подноситъ свечки, кланяясь въ ноги, подарокъ и мететь хату, какъ бы въ знакъ того, что она уже съ этого дня становится соучастницей и помощницей въ хозяйствѣ.

«Бесельля» продолжается и на другой день. Какъ женаче! Иниши сутки «треба пахмѣлицца, а то на живацѣ ня здрава».

Поэтому, чтобы была занавеска для вышивки, придумали еще и несколько обрядовъ; такъ гоняютъ молодыхъ къ водѣ, дѣлать коровай. Они сами сознаютъ, что всѣ эти «бабскія прихамети¹⁾ выдуманы для прикликіи²⁾, чтобы гарэлку піць». Но тѣмъ не менѣе утромъ сзываютъ опять всѣхъ бояръ, т.-е. свободныхъ званныхъ гостей.

Вотъ къ колодцу двинется цѣлая процесія съ пѣніемъ: впереди молодая съ ведрами на плечахъ, за ними дружко съ высокимъ шестомъ, обмотаннымъ краснымъ поясомъ (вместо флага) поютъ:

Што—й у винамъ³⁾ у калодязю
Лукирачка да вадѣ брала,
У свой край заглядала:
Ци ия идзе да мой татухна,

Ци ни вязе миѣ падарачка
Салодкаго да наприничка?
Ни рада жъ я да падарачку,
А рада жъ я свайму татачку.

(Заучено мною въ 1861 г., на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Въ колодѣ дружко набираетъ ведра воды, молодые наклоняются передъ нимъ, а онъ выливаетъ воду черезъ ихъ головы.

Кромѣ того: къ количеству выпитой на свадьбѣ водки прибавляется еще угоженіе на банкетахъ: на слѣдующій день идутъ съ «верчамъ къ хрѣстинамъ башцы и мацицы», на 3-й день зазываютъ къ себѣ дружко и затѣмъ по очереди все свашики. Здѣсь уже свести итоги выпитому трудно. Наконецъ уже и сами начинаютъ сознавать, что пора кончить. Это видно изъ припѣва:

А да дому сваццѣ да дому,
Да пачли кони салому,

Саломки жменька—канѣйка,
Лусяный сианокъ—питачокъ.

(Заучено въ 1861 г. мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Послѣдніе годы эти обряды и банкеты начинаютъ сокращаться, и крестьянинъ съ сожалѣніемъ говорить: минаница ужо прежнее, цианеръ у иныхъ и да вады ни ганиющъ маладыхъ и уся гульня «абыдзень»⁴⁾ канчаница, а усе аттаго што вышли юта винанолья и гарэлка уздаражала».

К С Ц И Н Ы.

(Крестины).

Въ наше еще недавнее время, когда въ деревенской глухи о медицинскомъ пособіи и помину не было, среди крестьянъ большимъ почетомъ пользовалась «бабуля», т.-е. повивальная бабка.

Это не та баба шепотуха отъ Св. Духа, которая «съ тыхъ поръ варажыць стала, якъ хлѣба ни стала», иѣть это человѣкъ всѣми уважаемый, единственный, на все село, живущій «съ достаткомъ у свайомъ дабрѣ», своимъ хозяйствомъ и готовый помогать болѣющимъ безкорыстно, чѣмъ можетъ.

Разбудите ее ночью, въ проливной дождѣ, вынугу, мятель—отказать въ этомъ случаѣ она считаетъ для себя тяжкимъ грѣхомъ.

Платы ей за это «ни ѹкай ия треба» потому что браць гроши за пдмачь чаловѣку—грѣхъ». Просить ее и не для однихъ специально родовъ, но «завѣѣ усякій, каму приключица якѣя лиха».

Нельзя утверждать, чтобы подобная бабки были безусловно чужды суевѣрю и иѣкоторыхъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ служили да и теперь еще служить беспомощному крестьянину большимъ утѣшениемъ и приносятъ въ иныхъ случаяхъ пользу уже потому, что это иѣкотораго рода массажистки, исполняющія свою

¹⁾ предразсудки. ²⁾ предлоги. ³⁾ винный—возлѣ винокурни. ⁴⁾ въ одинъ день. Срв. «сѣднѣка»—церковь, построенная въ одинъ день.

обязанность съ глубокою вѣрою въ успѣхъ. Начинаетъ она свое врачеваніе большею частью «наша¹⁾ серда», положивши прежде всего три земныхъ поклона. «Богъ съ пломачу и бабка зъ руками» говорить онѣ сами про себя, растирая въ башѣ горячимъ вѣникомъ больную спину, напр., снизу вверхъ, приговаривая: «во якъ штобъ худая круа расходзилась и надымалась зъ долу у гору».

Правда, она въ это время хотя и шепчетъ что-то про себя, но это ничего больше, какъ молитвы: Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю, Отче нашъ, Царю небесный и т. д.

Посмотрите на ея добродушное лицо, когда она, послѣ сеанса, съ веселой улыбкой, какъ гипнотизируя, заключаетъ, «ну скажи здорово, зъ гуся водѣ, съ Таньки худабѣ, да ни кряктаць²⁾ у мнѣ болѣшъ, а то часамъ и поддамъ, я баба сядитая». Какъ ни возмутителенъ обычный способъ вылизыванія языкомъ соринки изъ глаза» но обстановка и нужда въ неотложной помощи нѣсколько смягчаютъ вину невѣжественного оператора.

Заведутся ли жаркой порой у скотины черви,—есть у бабки въ лѣсу травка, изъ которой она выжимаетъ сокъ, можетъ болѣное мѣсто, и скотина выздоравливаетъ.

Относительно вспомоществованія при неправильныхъ родахъ можно судить по рассказамъ самой повитухи. «Охъ! настраждалася Кулина Артюшиха за первымъ хлончикомъ, йонъ у яѣ ручкай иноѣ, ну кажинный разъ ужо и направляєшь ручаку, къ адной старонцы, пакуль дзиця на мѣсци стапя. Крѣпка трудзилась бѣднинькай, а усё-жъ слава Богу къ вечару Господь аслабаниу, Царица нябесная...

Отношеніе между бабкою и ея пациентами самыя пріязненные, дружескія на всю жизнь. «Перябабиушы сабѣ унука або унучку»—бабка не покидаетъ родильницу и время отъ времени приноситъ ей на «исправку» какія нибудь вѣсныя кушанья.

Въ день крестинъ приносить 3—4 лепешки хлѣба, булку и горшокъ каши.

Когда кумовья привезли уже отъ креста ребенка, и званые гости собрались въ хату, «парадиха» подносить бабкѣ подарокъ и, кланяясь въ ноги, говорить:

«Прасцица мнѣ, бабусичка, ия гнѣвайцѧ на мнѣ, спасиба вамъ за вашу працу, што ни пагребавали³⁾ мною. «Бабка въ это время набираетъ въ ротъ водки и брызгаетъ на нее, «штобъ суроцы на брали» (т. е. отъ дурного глаза и языка).

Изъ пѣсенъ, которыхъ поютъ на «ксинахъ», видно, что бабка пользуется болѣшимъ почетомъ и вниманіемъ, чѣмъ кумовья.

То—ий на стукъ стучыць,	А другую—хрящѣнную,
То—ий на грюкъ грючиць	А Кирилячка да бабусю прося—
По сѣнячкамъ, да па новинькимъ,	Дамъ табѣ мая Иваница.
То Кирилка ідзець да бабусички.	Чвертояку проса,
А бабусичка дагадала	Дзяржы маго хрисциначу
Паскарюсинку убиралася	За бѣлыя ручаки,
У адномъ чубаци,	Ни задавай йой, бабусичка,
Да—ий бізъ пояса,	Виликія мѣчачки,
У рукахъ нясець да нилёначки.	Дамъ табѣ я чвертаку грачки,
Идучи, яна Богу молница:	Падзяржы Хрисциначу
Аирастай, Божа, да двухъ душачакъ	Падъ бѣлыя плечки.
Первуя—нараждѣнную,	

(д. Водника, Мглинского уѣзда, со словъ 65-лѣтн. женщины, въ 1897 году).

Слѣдующую пѣсню можно считать за милую шутку, что для такой дорогой госги припасенъ одинъ воробей на угощеніе.

Якъ пайду я на гумѣнца ⁴⁾	Для бабусички свайой.
Улаулю я вирябайку;	Раскладу я вирябайку,
Я згатую ⁵⁾ яго	На дѣянданца страу ⁶⁾ .

¹⁾ но тощахъ. ²⁾ кряхтели. ³⁾ пренебрегли. ⁴⁾ гумно или сарай, гдѣ складываютъ не молотую рожь. ⁵⁾ приготовлю. ⁶⁾ строва—кушанье, блюдо.

Бжъ, мая бабуся, ни заласуйся
И у дворъ ни запасуйся

И у рукаву ни кладзи
И дзицямъ ни няси.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Литаву вирибей,
Да па макаукамъ,
Увесь макъ пазыбау¹⁾
Увесь чырвоный пазыбау,
Пасадзю Гринячка
Бабусичку на купѣ,

Увесь парядачакъ дәу,
Пи, мая Иванаўна,
Вино зилиндя
Сягдлѣта у мянѣ,
А на лѣта у цябѣ.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Запряжыця, запряжыця
Да двананцаць валду,
Атвязиця, атвязиця
Да бабусичку дамду.
Пышки прышла, да ня пышки найду.
Валы найдуць—уинайицца,
Нехай же наша бабуся нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Каня варапода
Атвязиця, атвязиця

Кұма маладдга.
Конь ия-йдзе, конь иржѣ,—уинайицца.
Нехай нашъ кумочекъ нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Кабылу гнядую,
Атвязиця, атвязиця
Куму маладую,
Кабыла ия-йдэць, усе брикайицца
Нехай наша кумачка нагуляйицца.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, отъ 60 лѣтн. женщины, въ 1899 году).
(См. Шнейъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 27, № 18).

Тхай кумъ сы кумдю
Сы кумниаго двара,
Залатая карета

Сиребрѣная дуга.
А ты кумъ ни ляжы,
Падвяжи кумъ гужы¹⁾.

(Въ 1859 г. заучено со словъ 18-лѣтн. дѣвочки)!

Ни насмѣю у бабусички папытаци,
Ци тутъ будзя начавацци,
Ци да дему паѣдзя?
Кали будзишь начавацци,

Вялю пасцылячу слаци,
Вялю бѣленъкаю,
Вялю таненъкаю.

(д. Водвінка, Мглинского уѣзда, отъ 65-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Ой дымна, дымна у садзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ,
У нашаго Иванички
Да троя вардѣтъ на дворѣ:
У первыя вардцячки
Да саколь вылятаву.
Ой дымна, дымна у садзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.
У другія вароцячки
Иваничка выѣжджау.
Ой дымна, дымна...
А у трецьція вардцячки
Да чалдакча бяжыць.
Ой дымна, дымна..
Вярнись, вярнись, дзиціннічка,
Ты назадъ.

Ой дымна, дымна...
Твой жана табѣ сына радзила.
Ой дымна, дымна...
— Я для сына у дворъ ни вярнуся
Сынъ у мянѣ—хазянъ у дварѣ.
Ой дымна, дымна...
Вярнись, вярнись,
Дзициннічка, ты назадъ
Ой дымна, дымна...
Твой жана табѣ дачкѣ ғадзила.
Ой дымна, дымна...
Я для дачкѣ у дворъ вярнуся
Дачкѣ у мянѣ—госцейка у дварѣ.
Ой дымна, дымна у садзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.

(д. Бородинка, Мглинского уѣзда, со словъ 78-лѣтн. стар., въ 1897 году).

¹⁾ sic, и ц вм. д с.

Што—й у нашего Мишачки
 Да рубленая ¹⁾ кльцъ
 Пазавѣшана каурѣмы
 Да да самыя зямли,
 Што—й у той-же да кльцячки
 Цясовая караватачка
 Пазавѣшана каурѣмы
 Да да самыя зямли.
 Што—й на той же караватацы
 Пухавая да пасцѣлечка
 Пазавѣшана каурѣмы,
 Да да самыя зямли.
 Што—й на той же пасцѣляцы

Тамъ ляжицъ парадзильница
 Пазавѣшана каурѣмы
 Да да самыя земли.
 Што—й для ²⁾ тыя парадзильницы
 Да сядзѣла да бабусинка
 Пазавѣшана каурѣмы
 Да да самыя зямли.
 Ни цуская йена Мишачку
 Да свайой Шатрудуны.
 Якъ выйдзя йой три нядзѣли,
 Сама сядзя падь кудзелю ³⁾,
 А кали йой шесць нядзѣль выйдзя,
 Тады йяна и сама прыдзя.

(Отъ той же, въ 1897 году).

Што—й у нашаго Иванички
 Внаградъ зяденый на дварѣ,
 У нашаго у Микалаевича
 Да вино на сталѣ,
 Зилиндя насталѣ,
 Сабрау йонъ пиръ бясѣду
 Да ня людзямъ, сабѣ,

Пасадзиу бабусичку на купѣ,
 Старёньюку на купѣ—
 Гуляй, гуляй, бабусинка,
 Ты сягодня у менѣ,—
 Будзимъ ишицъ,
 Будзимъ гуляцъ у мянѣ,
 А на лѣта бабусичка у цябѣ.

На маслянцы.

Въ концѣ Рождественскаго мясоѣда на всеядной недѣлѣ, кто не вышелъ замужъ, того «дражнющій» пѣсней:

Кала тыну хмѣль навивайцица,
 Пванъ свайой дачкдой набивайцица—
 Вазьми, Ярохъ, майю дачкѣ Марынчаку,
 Дамъ табѣ вѣна
 Дзвѣ каны сѣна,

Люльку—й—чубукъ
 И пѣцера сабакъ,
 Рѣшата бобу зѣ дачкдю
 И Богъ съ табою.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 30 лѣтн. дѣвицы, записано въ 1896 г.).
 См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. I, стр. 549, № 688.

Брязнули ложки у века ⁴⁾
 Пашли наши дѣтуки у лѣта,
 Маслинка, бѣла вѣтка ⁵⁾,
 Казала вясна: «буду да ня хутка,

Маслинка, пализұха,
 Працягиня ⁶⁾, маслинка,
 Хаць да Духа.

(Отъ той же въ 1896 г.).

На маслянку подпившія бабы ходятъ привязывать колодки тѣмъ, кто не успѣлъ, въ этотъ мясоѣдъ выйти замужъ или жениться. Виновный долженъ откупаться или горѣлкой или деньгами.

¹⁾ Во многихъ пѣсняхъ упоминается рубленая хата, рубленая кльцъ. Можетъ быть въ эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда большую частью жили въ шалашахъ и плотничное искусство только начиналось. ²⁾ Возлѣ. ³⁾ Сидеть прасть. ⁴⁾ Крышка отъ дежки.

⁵⁾ Утка. ⁶⁾ Продлнися, протянися.

Здѣсь масляницу проводятъ болѣе скромно, чѣмъ въ сѣверной Россіи: зимой крестьянскія клячи по случаю плохихъ кормовъ бываютъ подъ чась такъ занужены, что катанье никому и на умъ не йдетъ.

Одни только зятья съ жонками обязательно на этой педѣлѣ ёдутъ въ гости «къ сцю» (т. е. тестю).

На видъ отношенія между маткой и дочкой кажутся равнодушными, но на дѣлѣ они питаются другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Особенно если дочь выдана замужъ, тогда ея привязанность къ родителямъ удвоивается: она положительно мечтаетъ о свиданіи съ родителями и ждется не дождется «маслянки».

Вотъ потянулись «съ паниядѣлка» по проселкамъ саночки одноконные съ привязанной сзади синичкой, въ видѣ рѣшоточки. Это ёдутъ съ своими мужьями «наши дачушачки у свой родный дворъ, до свайгѣ рѣднаго татухны».

Даuno я, даuno у татухны была	А я-жъ тыя дарожачки пратапчѣ,
И сцѣжакчи и дарожачки	Чырвону калину наламаю,
Мурамъ зарасли	Я й у свайгѣ татуячки набываю.
Калиною чырвонюю,	

(д. Жигалки, Стародуб. уѣзд., отъ 17 лѣти. дѣвшушки въ 1898 г.).

Дачка матку прасила—
Матачка майя, я нѣга твайя
Ни—давай ты мянѣ
Далёка ать сябѣ,
Аддай миѣ у свайомъ сялѣ,
Близка дли сябѣ.
Тирязъ три двары шырокія,
Тирязъ три сады зилянныя.
Будуць мянѣ биць—ты пачуйишъ,
Ты, майя мамачка,
Мянѣ парятуйишъ,
Аддала ты мянѣ
Далёка ать сябѣ
Тирязъ три лясы—усё цѣмныя,

Тирязъ три гары—усё крутыя,
Тирязъ три ряки—усё глыбокія.
Будуць мянѣ биць—ни пачуйишъ
И ты, майя мамачка, ни парятуйишъ,
А я кѣ табѣ, мамачка, ни прыду,
Тирязъ лѣсъ буду йцыць, заблужуся,
Па ряцѣ буду ильсць—затаилюсь,
На гару буду йцыць—ни узыду,
Я кѣ табѣ, майя матусичка, ни прыду.
Дзицѣтка май! тирязъ лѣсъ будзинь ициць,
Правадничка вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка миѣ прыди,
На гару будзинь ициць—
Цопочыкъ вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка миѣ прыди.

(Отъ той же, въ 1898 г.).

Хотя маслянка и названа «пализухой», но на самомъ дѣлѣ въ эти дни у крестьянъ большое сухоѣденіе: бабы жалуются, что нечѣмъ «стравы заправлять», саломъ—грѣхъ, молока и масла не имѣется, потому что захудалыя коровѣнки еще не отелились. Одно только и берегутъ они къ маслянкѣ— это собранный лѣтомъ сухой соленый творогъ, который, разбалтывая,—кладутъ въ борщъ, въ жидкую кашу, въ бульбу и во всѣ прочія кушанья. У кого нѣть этого творога, тѣ заправляютъ алѣемъ, т. е. коноплянымъ масломъ. Но у большинства нѣть уже къ маслянкой ни того, ни другого, а потому варятъ «ницимницу», которая на взглядъ нашего крестьянина вовсе не недостатокъ. Онъ єсть ее приговаривая, «и за то спасибо Богу, абы хлѣбъ бы, а якъ хлѣбушка нема, во издѣліе горя».

Изъ боязни остаться къ веснѣ безъ хлѣба, они съ осени продаются, какъ излишнюю роскошь, и продукты, могутшіе служить приправой къ кушанью, и взамѣнъ ихъ покупаютъ себѣ желаннаго хлѣбца. Безъ него только ему жизнь страшна.

Выбѣть ли конопляное масло,—на домашній расходъ оставлять весьма ничтожное количество; соберетъ ли баба грибовъ, фунтика три масла коровыяго,—«якая жъ зъ яго наѣдка; скарбѣ треба прадаць, да хлѣбушка куниць, йонъ зъ вояни дзяшеуны». Зиму и осень наливъ полѣсюкъ питается еще сравнительно сносно, но весной и лѣтомъ очень скучно, оттого и выходитъ: «якая ёда, такая и работа».

Посмотрѣши на него, идеть онъ, какъ «пень черезъ колоду». Найдется ли на

подёнщину—«паглядал якъ воль изъ надъ дуги», да и «у свайомъ дварѣ робя спак-
вала¹), дѣла ни вдукъ, у лѣсь на уцяке»; а между тѣмъ «туды никъ, сюды никъ и
дзень ни вяликъ».

М а р тъ.

«Якъ нѣбудзь скаратали зиму—вясна на дварѣ, стала на трохи и соняяйка
пригрываць».

Воть и великий посты. Еженедѣльно народъ валитъ въ церковь, чтобы на первыхъ недѣляхъ поста «атгавицца, пакуль ни распусцила».

Въ перемежку съ оттенелью, въ Мартѣ мѣсяцѣ бываютъ еще морозы, которые такъ сильно скрѣпляютъ снѣгъ, что по поверхности высокихъ сугробовъ можно не только ходить безъ лыжъ, но и ъздить на лошадяхъ. Это называется «серёнъ». По серёну скѣшать перевозить изъ лѣсу бревна и проч. материалъ, на прямикъ, безъ всякихъ дорогъ. Во время серёновъ течеть кленовикъ, т. е. сладкій сокъ изъ кленовыхъ деревьевъ, а немного позднѣе «берёзовикъ». Въ это время селяне подъ березами и кленами разставляютъ чистенькия корытыца, а березы и клены просверливаютъ, вставляютъ туда пучекъ соломы, по которой и сбѣгааетъ сокъ въ корытцо капля за каплей. Затѣмъ, когда корытыца наполняются, березовикъ посыпать ведрами въ погреба, выливаютъ въ припасенную заранѣе бочку,—заравляютъ, и чрезъ нѣсколько времени получается квасъ—великое подспорье весной, когда уже капуста и прочее варево сѣдено.

1 Марта—Евдокія; празднують, не прядутъ.

9-го Марта.—«Сѣраки» т. е. сорокъ мучениковъ. Прилетаютъ жаворонки съ теплыхъ странъ. Крестьяне некутъ сорокъ гадуніекъ изъ разнаго тѣста, сами ъдятъ и скоту даютъ: «такъ гадіца²), говорять они; 17-го празднують Алексія человѣка Божія—«Щука ледъ разбивая».

25-го Марта «благавѣщенія, балшыи и радасныи празникъ, птица гнѣзда ия ўїе».

Весь посты грѣхъ неѣть. Только 25-го Марта священникъ разрѣшає водить хороводы и неѣть.

Въ селахъ и на поляхъ еще кое-гдѣ бѣлѣется снѣгъ, а въ Ресухѣ на Ласой Горѣ, въ березничку уже сухо. Тамъ между поблекшіей прошлогодней травкой, кое гдѣ выглядываютъ молодые зеленые листочки и тутъ же подъ кустомъ орѣшиника, начинаетъ пробиваться подснежникъ.

Рада молодежь, что почувствовала подъ ногами притрѣтую солнцемъ земельку вместо «абрыдлаго снѣгу».

Баслави, Божа,

Пѣсни зачынаці,

Вясну—красну гукаці.

Вясна красна,

Што ты намъ вынясла

Вынясла карабѣнъ яйецъ

Дробиымъ дѣтачкамъ на забаву

И рыбятачкамъ на пацѣху.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1895 г.).

Само собою разумѣется, что выбравшиесь изъ душной хаты на зеленѣющую горку, молодежи хочется рѣзвиться и двигаться, а потому всѣ весеннія пѣсни сопровождаются хороводами, танцами и играми.

— «Ну-ци, тайячки¹), у луку гуляцъ», кричитъ которая набудь изъ нихъ.

И номѣстивъ въ кругъ двухъ, трехъ подростковъ, начинаютъ водить хороводъ и неѣть.

Лука майя, лука майя,

Лука зилиная,

Траука шаўкавая,

Што й на той жа на луцѣ

¹) Не торопясь. ²) Слѣдуетъ. ³) Отъ слова та тая.

Казакъ коней пасъ,
Па кладаццы, па вярбовай
Дзѣука вадѣ нясѣ.
Лука, майя лука,
Лука зиляная,
Кладачка вярбавая.
Гнись, ни уламись,
Дзѣука, дзявица,
Дай Паню вады напицца.
Лука майя, лука,

Лука зиляная.
Ня буду пайиць,
У мяне маци не радная
Будзье мяне биць
Колкаю шупишынаю ²⁾,
Стрыкучаю да краливаю,
Вялици поуны ведры браць,
Ни вяляць атливаць
Лука майя, лука,
Лука зиляная.

(Со словъ 26 лѣт. женщ. въ с. Веркивки въ 1895 г.).

Послѣ каждого припѣва «Лука майя, лука», нѣкоторыя здоровыя дѣвки берутъ на руки стоящихъ въ кругу подростковъ, и поднимаютъ ихъ выше головы: «штобъ довигъ лѣнь раздѣлу».

«Вясняныя пѣсни» здѣшней мѣстности, какъ и всѣ прочія, очень живучи: изъ года въ годъ поетъ молодежь на Благовѣщеніе все одно и тоже и, какъ видно, поютъ это не одно столѣtie, потому что въ одной ихъ хороводныхъ пѣсенъ упоминается языческій богъ Лада, переименованный въ Лядъ.

При этой пѣснѣ играющія раздѣляются на двѣ партіи и каждая поетъ отдельно, взявшись за руки, стоя другъ противъ друга;

- 1-я партія: А мы ляда прятали, прятали,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣть.
2-я партія: А мы проса сѣяли, сѣяли
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣть.
1-я партія: Мы коній успусцимъ, успусцимъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣть.
2-я партія: А мы коній забярдомъ, забярдомъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣть.
1-я партія: А мы коній выкупимъ, выкупимъ
Зяленая наша йелочка, жоутый цвѣть.
2-я партія: А что дасьцы выкупу, выкупу,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣть.
1-я партія: А сто рублей выкупу, выкупу
Зяленая наша йелочка...
2-я партія: Мы сто рублей ня вѣзьмимъ, ня вѣзьмимъ
Зяленая наша йелачка...
1-я партія: Мы дзѣвачку прыгадзимъ, прыгадзимъ
Зяленая наша йелачка...
2-я партія: Мы павяначку нрададзимъ, прададзимъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣть.

Въ это время 1-я партія старается пробѣжать между рукъ 2-й партіи и не быть пойманной, пойманная остаются, какъ выкупъ и т. д.

(с. Росухи, Мглин. уѣзда со словъ 17 лѣт. дѣв. въ 1898 г.).

Одинъ изъ парней ходить въ срединѣ хоровода, всѣ поютъ:

Йета поля жоутая—на што мнѣ,
Я паѣду да милыя да сваіе,
Йета поля зеляная—йета майо.

1) Шиповникъ.

Затѣмъ парень береть за руку дѣвку, которую «аблюбуя» выводить въ средину хоровода съ пѣсней:

Майя милѣнка, харашѣнка,
Бѣла, красна и румяна,
Яле личанка муливана,

Я буду зѣ милюю
Медъ—вино пиць
И поля дзялиць.

Такъ продолжается, пока каждый не подберетъ себѣ пары по симпатіи.

(с. Росуха, въ 1898 г. отъ той-же).

А у пиряпѣлочки да старѣнкій мужъ,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка,
Што—й у пиряпѣлки да галоука балиць.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка.
Што—й у пиряпѣлки да дѣвочки маленьки,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка,
А у пиряпѣлочки да ручки балиць
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,

Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка,
А у пиряпѣлочки да грудка балиць,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка,
А у пиряпѣлочки да хлѣбца нема.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка,
А у пиряпѣлочки, да падошауки балиць,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѣлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялічка.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 25 лѣт. женщины въ 1897 г.).

Я па горачки хаджу,
Я калінажку ламлю,
Ой люлѣ, люлешачки,
Я калинажку ламлю,
Калинажки на ламлю,
Да—й вяночыкъ сауїл,
Свайму мѣламу пашлю.
Ой люли, люлѣшачки,
Свайму мѣламу пашлю.
Угадай, мой мѣлинкій,
Кольки у вянкѣ вѣстачкъ,
Стольки у мянѣ думачакъ.
Ой люлѣ, люлешачки,

Стольки у мянѣ думачакъ.
Ни журыся, майя мила,
Цябѣ ни забуду.
Ой люлѣ, люлешачки,
Цябѣ ни забуду.
Вѣлы сняжки разойдуцца,
Быстры рѣчки разальлюцца,
Ой люли, люлешачки,
Быстры рѣчки разальлюцца,
Самъ къ табѣ прибуду,
Па вяликаму распуту
Ой люли, люлѣшачки,
Па великаму распуту.

(с. Гирцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1898 г.).

Подростки большею частью тутъ же на бугрѣ «играють у вѣшта нѣбудзъ», какъ напр., «у хрѣна». Это дѣлается такъ: всѣ садятся на землю другъ другу «въ пастаньна»¹⁾ или «на улоньня»²⁾, образуя такимъ образомъ длинный рядъ; одинъ изъ играющихъ ходить вдоль и кладеть каждому на голову руку, припѣвая:

Ой, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Охъ и кто цябѣ расциу
И кто цябѣ паливау?

Хрѣнъ поеть хоромъ:

Садзну мянѣ Селиванъ,
Пазивау мянѣ Иванъ,
Селиванава жана
При гардзи была,
Пирисаджавала, пиряважавала.

¹⁾ Пригалъ. ²⁾ На колѣни.

1-й играющий: Ты расци, расци мой хрѣнъ
Жъ жардэйну у дружки ³⁾
Съ калоду у тоушки ⁴⁾

2-й играющий: Стукн—грюкай..

Хрѣнъ: Хто тамъ.

1-й играющий: Самъ панъ дварянинъ.

Хрѣнъ: За чымъ?

2-й играющий: Шани лижала,

Хрѣнъ бажала

Хрѣнъ: Ирви, да корня ни прырви.

И панъ тянеть за руки первого сидящаго, затѣмъ второго и т. д.

(д. Бородинки, Мглинского уѣзда со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Игра «у гусей».

Всѣ бѣгаютъ между кустами, загѣмъ одинъ изъ играющихъ сзыаетъ:

Гуси лебядзи дамду.

Зачымъ?

Воукъ за гарой,

За якой?

За камяной.

Всѣ садятся подъ одинъ кустъ, мать тоже садится въ сторонѣ и засыпаетъ.
Волкъ подкрадывается и крадеть одного. Проснувшись, мать плачетъ:

Дѣйтки майе,

Галубъятки майе,

На штожъ я васъ кармила,

На, штожъ я васъ пайила,

Вдукъ пришду,

Дзиця украй,

А я малада ня чула,

На припячку заснула.

(с. Росуха, Мглинского уѣзда, со словъ 14 лѣт. хлоща, въ 1895 г.).

M. Косичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣч. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ прекрасный трудъ, какъ наиболѣе полную монографію о Бѣлорусахъ, Черниговской губ. Ред.

³⁾ Въ длину. ⁴⁾ Въ толщину.

Колядки и щедровки, записанныя въ Волынскомъ Польсии.

Колядки настоящаго собранія записаны мной въ Житомирскомъ, Овручскомъ, Новоградволынскомъ, Луцкомъ и Ровенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи. Первоначально я предполагалъ снабдить мое собраніе Колядокъ примѣчаніями, но онѣ настолько расплылись, что пришлось отказаться отъ этой мысли, дабы собраніе не оказалось слишкомъ громоздкимъ для періодического изданія, гдѣ я имѣлъ въ виду его напечатать. Поэтому пока ограничиваюсь изданіемъ самихъ текстовъ.

1. Рожденія Христа. Три царя.

3

Добрый вэчуръ, пане хазяйну,
До тэбэ!
Богъ тэбэ даривъ, будэ й синъ божий
У тэбэ!
Застэлай столы тэсовые
Обрусомъ,—
Будэ у тэбэ панна Мария
Зъ Исусомъ.
Нэ поспела панна Мария
Зъ вечора,
Заспевали всі янголи
На нэбе;
Райские пташки по пудъ нэбесами
Лэтали,
Тамъ настире божого сына
Питали.
На Ердані тихая вода
Стояла,
Тамъ панна Мария своего сына
Купала,
Ой окупавши въ тонкэ ясэльцэ
Вложила,
Двойчи и тройчи
Колихнула:
«Ой, ну люлю, мой синочокъ
Оданий!»
На сходь сонца да зъехало
Три кроле,

B

А на Йірдані тихая вода
Играла,
А на той воді золота кладка
Лежала,
А на туй кладци божая мати
Ходила,
Вона ходячи собе синочки
Вродила.
А уродивши въ тихамъ Ирдані
Скупала,
Ой искупавши въ тонки обруси
Повила,

Ой уповивши тай у ясолки
Вложила,
Ой а вложивши на заходъ сонца
Хитнула,
Ой тэпэрь собе радочка (?)
Постали,
Собе синочки той зъ избесей
Достали.
Ой наехало то три кролёве
На свой двэрь.
Стали судити, стали думати
Й гадати,
Що цёму дзецку за подарунокъ
Давати.
Першый дарунокъ—миромъ кадиламъ
Мировавъ,
Другий дарунокъ—золотимъ крижикомъ
Крижовавъ.
Трэтай дарунокъ—золоту гвозду
Въ ручки давъ.
А тэе дзецко золотую гвозду
Пустило,
А тая гвозда по всёмъ світі
Світила,
Сімъ нарождэнемъ миръ хрэтынскій
Звэслала.
(Бѣльская Воля, Луцкаго уѣзда).

В.

Ой на Ордані тиха вода стояла,
Тамъ Божа мати свого сына купала,
Ой искупавши, да въ ясэлки вложила,
Ой изрѣдъ святому приехало три царе,
Ой одинъ царь своимъ миромъ мировавъ,
Ой другой царь счасте делю дарувавъ,
А трэтій жэ царь кветочкою звэлічавъ.
Сэжъ из кветочки, сэ святое рожэство.
По всёмъ свetu вэслости рознэсло.

(Жубровичи, Овр. уѣзда).

2. Рожденіе Христа. Иродъ. Три царя.

А.

Новое лето начинаецца,
Новый царь царомъ називаецца,
Ибо се царь народивса,
Багатому засмутивсо
Паночокъ,
Панота місячная зора

Да панна сина породила,
Породила, осветила.
И волю його учнила.
Муспла сина сповити,
Нэприсномъ кажэ пилиновати
Судіталі своёго
Знали Бога нашого
У нэбі.
Якъ Иродъ Христа вартуе,
Казавъ його шукати
По всемъ свети питати
Для зрады.
Круштаса всэ наше крушили,
Смутится превражне буръяни,
А мы все съ цёго вэслымса,
Рожэству Христу поклонимса,
Ціе сватка сватковати
Прэдвачному даровати
На веки.
Селецъ (Овр. уѣзда).

Б.

Прэдвічны съ прэдвіку родивса,
Сходіщэ зэмлю просвітивса.
Судітеля своёго знайта
Бога нашего Ісуса,
Новэ літо зачинае, царя узнавае,
Узнай Бога храмина,
Вэслыса дружина христова.
Носітэ беріть чистую панину,
Сустрачай бистрэнну странину,
Бой у сімъ разі погинэмъ.
Росю покинэмъ на вэки.
Тэмнота місячная біла,
Дэ діва сина породила
Шэй слугою путь світила
Його волю волити мусіла,
А звіда понудила царя
Бигущого вэртэені сказала
Ангэль речи скажуе.
Що всэ Иродъ готуе
Для Христа
Пэрэстань старчэ старчовати,
Привікай Христа колихати
Бо вся Бога народивъ багати.
Я Иродъ съ того засмутивса,
Що зъ діви Христось народивса,
Казавъ його шукати по всіхъ земляхъ
Шукати для зрады.
Настире гъ окну приходять,
Рожэство ко Христу доносять

Жэловатся нэможно що ходили нэцуложно
Въ дорогу.
А ми все тому вэсэлімса
Рожество Христу поклонимся
Що насъ Господь заховавъ
Свойімъ царствомъ даровавъ на віки
Бѣльская Воля (Луцкаго уѣзда).

3. Рожденіе Христа. Иродъ. Три царя.

A.

Шо то за придвина въ світі новина,
Шо вродила Ева бэзъ мужа сина.
Вона його ѿй вродила
Рай у той чась увиділа,
Чистая панна!
А Езусъ старенійскій надъ гробкомъ стойть.
А пана Езуса пилоноки строить,
А Мария сповивала,
Дай до сэрца пригортала
Сусэ синэ муй!
Нэбеские хори въ избі загралі,
Ой тамъ новодворце въ жлобе лежали.
Витай цару світъ Троінський
Поздровъ миру христіянску
Поздровъ миру нась,
Ижэ ужэ три кролёве
Гъ рождэніому идутъ.
Норождэніи матки плачутъ ридаютъ,
Шэрэдъ ихъ очима дэтки платають,
Ой дитина моя мила
Шо ти злого учинила,
Пэчалэ моя!

M. Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

B.

Шо то за придвина въ світі новина
Шо породила діва бэзъ мужа сина,
Дівка сина породила
Свое дівство побридила,
Чистая дева!
Ой, сину жъ муй сину, ти цвітэ райский
Потешь вэсь миръ христіянсійский
Потіха моя!
Ангельски труби гарно загралі,
Всякіе бидла та тамъ поклякалі,
Ой, якъ собралися йо три царе,
Христу нарождэніому дафонки нэсли;
До ихъ Иродъ вибігаеть,

Ихъ речей да ишаетъ
«Куда ви йдэте?»
— А що вамъ до того, куда ми йдэмо?
Христу нарождэніому дары нэсемо,
«Просю васъ потрудітса,
Шэй од мэнэ поклонітса,
А Господь високи всэ тэ зазнае,
Що на гэтоты світі та Сусъ Христось е.

Казавъ Иродъ діти тити,
Кровь нэвінныхъ проливати
Христа шукати.

Я ихъ руяды матки плачутъ ридають,
Шэрэдъ ихъ очима дэтки платають:
«Ой дитина моя мила,
Шо ти злого учинила»,
Пэчалэ моя!»
Я господь високи всэ тэ зазнававъ
Тымъ малэнкімъ діткамъ винца даровавъ,
Кожде себе світло мало
Навеки аминь.
Я нэчиста Юда смолу варила,
Да свойі очи наготовила,
Вона въ смолі потопала,
Нигдэ свігла нэвіндала
Навікі вікомъ!

Бѣльская-Воля (Луцкаго уѣзда).

4. Рожденіе Христа. Три царя.

Щэ вчора, да вчора эъ вэчора
Да стала у насъ да новая новина,
Божая маті Суса Христа роділа,
Ой уродівши дай въ Ордані скупала,
Я скупавши въ шовковые сповила
Ой а сповивши, да въ корабель вложила,
Да эъ корабля дай на Дунай пустила.
Тымъ дитяткомъ засіяло три зоре,
Шэрэдъ белымъ светомъ приехало три царе,—
Ой сходъ сонца приехало три царе,—
Однін божімъ миромъ мированъ,
Ой а другій Сусомъ Христомъ называвъ,
Ой а трэтій царь кветочкою венчавъ,
То эъ кветочка, то святое рожество
По всёму світу, по всёму миру радостно.

Сущаны (Овр. уѣзда).

Рожденіе Христа.

Я съ першаго нарождэнія зъ Божого сина
Я щожъ йдаго народила діва Мария.
Надодивса Исусъ Христось изъ деви изъ пани

Я анголи нэ всі знал христовои тайни.
Якъ узнало два анголи стало въ алтари,
Малэ дитя нарождэнэ воздухомъ накрили,
Якъ узнали всі анголи божий гласъ,
Да понесли малэ дитя ажъ на нэбэса:
«Ой ви нэбэса растворитса
Всі святые архангели поклонестеса.
Архангэлы Гавріилы рики розливали,
На Рожество Христовэ сади зацвітали;
Ой зацвіли усі сади щэй рузне квэти,
Показало рузнэ дрэво поусёму свэти.

Въльская Воля (Луцкаго уѣзда).

6. Рожденіе и нареченіе Христа.
(Щедровка).

Божая мати сина мала,
И у купелі укупала, (2)
На пристолі положила, (2)
Въ шовковину плююила,
Усё світло засвѣтила,
Царски врата отчинила (2),
Всі святій побуджала,
Уставайтэ инголята,
Мойму сину имѧ дайтэ.

Осова (Луцкаго).

7. Рожденіе и нареченіе Христа.
(Щедровка).

Я въ Русалімі рано задзвоили,
Щодрый вэчоръ, добрый вэчоръ,
Добрымъ людимъ на здоровъя!
Я дева и Мария породила сина,
Стали гадати, що за имѧ дати.
Дали йому присвятого Илля,
А дева Мария дай нэ злубила.
У рай Божий нэ вступила.

Осова (Луцкаго уѣзда).

8. На дворѣ господаря святые варять рыбку на родины Божей матери. Она выбираетъ имѧ сыну.

Панъ господару дворъ городжани
У тэбэ
Богъ тэбэ кличэ на порадочокъ
До сэбэ.
Дворъ горожэний белымъ залезомъ
У тэбэ,

Въ твойму дворе все горать огне,
Радуйса!
Да зрадуюца да все святые
Рожествомъ,
Всё варать рыбку все осётринку,
Радуйса!

Божай матери да на родинку;
Да зрадуюца все святые
Рожествомъ.

Божая мати сина вродила,
Послала посли по всему святу,
Радуйса!

Радуйса зэмлэ, синъ жэ то божий
Бродився.

Шобъ збиралиса попи—ладики
Радуйса,

Шобъ збиралиса, стали гадати,
Стали гадати—якэ мня дати.

Радуйса!
Ой дали имѧ святого Илля,
Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то божий

Бродився;

Божая мати нэ возлюбила,
Радуйса!

Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то Божий
Бродивса!

Ой дали имѧ святого Петра,
Радуйса!

Божая мати нэ возлюбила,
Радуйса, зэмлэ, синъ же то божий

Бродивса!

Зъ біое ложэ нэ вистунила
Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то божий

Бродивса!

Попамъ—ладикамъ нэ заплатила,
Радуйса!

Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то Божий
Бродивса!

Дали имѧ Иисуса Христа
Радуйса!

Божая мати дай возлюбила,
Зъ біое ложэ дай виступила

Попамъ—ладикамъ дай заплатила
Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то божий

Бродивса!

Олевскъ (Овр. уѣзда).

9. У господыни на дворѣ три кухарки варятъ рыбку на родины Божьей матери.

Я въ господині на йїї дворі,
На йіє дворэ горать три огне,
Коля того й огню три кухарочки,

Три кухарочки—всі три панночки,
Все три панночки рибку варили,
Рибку варили до присвятій діви,
До присвятій деви дай на родини.
Присвята діва сина родила,
И збирайтэся усі святій:
Будэмъ гадати якъ имъя дати,
Дали йому мя святого Павла,
Пресвята діва такъ нэ злобила,
«Я такъ нэ люблю, я такъ нэ хочу,
Шобъ моего сына святимъ Павломъ звали». **Избирайтэся усі святій**
Будэмъ гадати, якъ имъя дати,
Дали йому мя святого Петра,
Присвята діва такъ нэ злобила;
«Я такъ нэ люблю, я такъ нэ хочу,
Шобъ моего сына святимъ Петромъ звали!

Избирайтэся усі святій,
Будэмъ гадати якъ имъя дати,
Дали йому мя Иисуса Христа,
Пресвята діва такъ излюбила:
«Ой я такъ хочу, ой я такъ люблю,
Шобъ моего сына Сусомъ Христомъ звали». **Ой а жицова Христа мучила**
Всякэ дэрэво за ніхті гнала,
Чирвива ива за ніхті пошла.
Дэ кривца канэ, тамъ морэ станэ.
По тому морі купався самъ Господь,
Ой нэ самъ Господь съ Петромъ и съ Павломъ,
Ой купалися сиричалися,
Ой самъ Господь кажэ, що земля бульша,
А Петро кажэ, що нэбо бульшэ
«Ой Петре—Павлэ супэречнику,
Ти спэрчаешь ти самъ нэ знаешъ,
Ой земля бульша—гори й долини,
Гори й долини—усяки могили».

Костополь (Ров. уѣзда).

10. Жиды Христа мучили

A.

Ой якъ жэ было изъ прэжда віеку,
Жиды Христа мучили:
Повэли Христа по пужарніци:
Дэ кровка канэ—тамъ цэрква станэ,
А въ той цэрковце чогирэ попи,
Чотирэ попи,—четирэ дяки,
Читаютъ книги да усэ исалтице.

Бѣлка (Жит. уѣзда).

B.

Ой нэ гневайса, панъ—господару,
Ой дэнъ добрый!
Що я до тэбэ дай нэ въ пору йду:
Идуть до тэбэ все колядники,
Всё колядники дай у рокъ гости,
Да будутъ тебе колядовать,
Заколядуемъ славному нану,
Славному пану—панъ господару:
«Ой рада рада—людэй громада
Ой радили вони исъ прэждэ веку,
Шо та жицова Христа мучила,
Тэ ярнэ дэрэво у нъюти вбивала,
Чорнэ чёрнило тай заливала.
Ой дэ кровъ канэ, тамъ рэчка станэ,
А въ туй рэчэнце святыне купались,
Святыне купались дай спроводились.
Ой Петро кажэ, що земля бульшэ,
А Павло кажэ, що нэбо бульшэ.
Чомъ земля бульша—гори й долини,
А въ сёму слови будьмо здорови,
Будьмо здорови—ти славний панэ,
Ти славний панэ, панъ господару.

Выры (Ров. уѣзда).

11. На дворѣ господаря упала звѣзда Изъ нея криница; въ криницѣ Божья матерь Христа купаетъ.

Пані господару, на твойму дворе,
На твойму дворе зорница виала,
Зорница виала, крэница стала,
Тамъ Божа мати Хрэста купала,
Прийшло до ее три жицовичи;
«Божая мати дэ Храсті дела?»
— «Вкинула Хрэста въ густые леса».
Пошла жицова лесу рубати,
Лесу рубати, Хрэста шукати,
Лесь изрубала, Хрэста нэ найшла,
Хрэста нэ найшла, до дому прийшла.
«Божая мати, дэ Храсті дела?»
— «Кинула Христа въ животне иески».
Пашла жицова пэску засипати,
Пэску засипати, Хрэста шукати,
Пэсокъ засипала, Хрэста нэ найшла,
Хрэста нэ найшла, до дому прийшла.
«Божая мати дэ Храсті дела?»
— «Кинула Хрэста во синее морэ»
Пошла жицова мора зливати,
Мора зливати, Хрэста шукати,
Море излила, Хрэста нэ найшла,
Хрэста нэ найшла, до дому прийшла.

«Вожая мати дэ Хрэста дела⁹»
 — «Кинула Христа дай пудь нэбэса»
 Йому нэбэса растворилиса,
 Усе сватие уклонилиса.

Жубровичи (Овр. уезды).

12. Христосъ купается въ Дунатѣ, разлившемся изъ серебра, капающаго съ чудеснаго дерева.

А въ полі, въ полі древо стояло,
 Вѣйса, розвѣйса дрэво стояло!
 А съ того дрэва голле до зэмлѣ,
 А съ того дрэва срѣбло капало,
 А съ того срѣбла Дунай розливса,
 А въ томъ Дунаю Господь купавса,
 Господь купавса съ Пѣтромъ змовлявса,
 Ой то нѣ Пѣтро, то самъ Господь Богъ,
 Пойшовъ Господь дай пудь нэбэса,
 Тне нэбэса растворилиса,
 Ой вси святіе уклонилиса.

Олевскъ (Овр. уезды).

13. Божья мать ищетъ сына.

Ишла Божка мати сына шукати,
 Святій вѣчоръ!
 Зустречает вона да три святнички:
 «Три святнички, синки мое,
 Чи нѣ бачили ви сына моего;
 Сина моего, бога ващего?»

Осова (Луцкаго уѣзда).

14. Святые ищутъ крестъ.

За святліцами, за капліцами,
 Ой тамъ святые воду святили,
 Воду святили, хрѣста внустили,
 Ой, пошли-жъ вони, да шукаючи,
 Да шукаючи, да пытаючи,
 Зустрелі вони кгречную панну,
 Кгречную панну, на мня NN:
 «Кгречная панна, на мня NN,
 Чи нѣ знайшла ти хрѣста святого?
 Будемъ за тѣбѣ Бога прохати,
 Бога прохати—три службы мати:
 Ой одна служба — на святѣ роздво,
 А друга служба — дай на Василя,

А третя служба—дай на святій дэнъ,
 Дай на святій дэнъ, дай на вѣликденъ.
 А за сімъ словомъ будь же здорова,
 Будь же здорова, кгречная панна,
 Кгречная панна, наниа NN»

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

15. Золотой крестъ «вырынаетъ».

Щедровка.

У кринице, въ каменице,
 Щодрий вѣчоръ, добрий вѣчоръ,
 Добрымъ людимъ на вѣсъ вѣчоры!
 Золотий Хрѣстъ виринае,
 Нихто жъ його нѣ зридае,
 Изридала красна панна,
 Взяла його пудь ручаньки,
 Да повѣла до церковки.
 Въ туй цековци поши дики,
 Да все звони зазвонілі,
 Да все свечи запалили,
 Да все попи зачитали,
 Да все лячки зачитали,

Сущаны (Овр. уѣзда).

16. Построеніе церкви.

A.

Ой тамъ на море, дай на камені,
 Ой грай морѣ!
 Ой грай морѣ, радуйса зэмлѣ!
 Ой тамъ муляри церкву муревали,
 Церкву мулёвали съ трома вэрхами,
 Съ трома вэрхами—съ трома окнами;
 Однѣ окненца—яснѣ сонца,
 Другѣ окненца—яснѣ місяцу,
 Третѣ окненца—Сусь Христосъ лэтевъ,
 Сусь Христосъ лэтевъ, на престолу севъ,
 На престолу севъ—слёзаньку розливъ,
 Я съ тое слёзи розливъ Дунай,
 Я въ томъ Дунаю самъ Господь купався,
 Самъ Господь купався изъ Сусомъ Христомъ,
 Изъ Сусомъ Христомъ—святимъ рожествомъ.
 Господь каже, шо нэбо малэнъкэ,
 Сусь Христосъ каже, шо земля больша:
 Тимъ нэбо малэнъкэ, шо скроль виднэнъкэ,
 Тимъ, земля больша, шо гори й долини.
 Иоклпчмо Иллю, зміраймо зэмлю,
 Ой приишовъ Илля—змеряна земля.

Межень (Овр. уѣзда).

Б.

Ой въ леску, въ леску волохи гудуть
Святай вэчоръ!

Волохи гудуть, церкву будуют.
Будовали цэркву съ трома вэрхами,
Съ трома вэрхами, штирма окнами:
Въ одиѣ оконьцѣ блеснуло соныцѣ,
Въ другѣ оконьцѣ соловѣйко влѣтевъ,
Соловѣйко влѣтевъ, на пристоле севъ,
Пустили слѣзочку дай по риночку,
Съ тое слѣзочки побегъ ровчачокъ,
Съ того ровчачка стала риечочка,
Я у той риечоупе човничокъ пливѣ,
Я въ томъ човничку NN седитъ,
NN седитъ, стружечки струже,
Пустили стрижечку дай на риночку,
Да вѣбѣвъ качочку чорнобровочку.

Татарновичи (Овр. уѣзда).

В.

Я въ лесі, въ лесі голуби гудуть,
Голуби гудуть, цэрковь будуют,
Избудовали съ трома вэрхами,
Съ трома вэрхами, съ четырьма окнами,
Въ одномъ окэнцѣ друбѣнь дощичокъ,
Въ другому окэнцѣ сонѣйка сле,
Въ третѣмъ окэнци вилѣтівъ соколь,
Вилѣтівъ соколь, на скамле принашъ,
На скаме припавъ, шлѣзки понускавъ,
Ой съ тихъ слѣзочокъ стала рѣченька,
Я во той рѣченици корабѣль пливѣ,
А въ томъ корабле красний пантъ сэйтъ,
Красний пантъ сэйтъ, стружэнъки струже,
Стружэнъки струже да усе малюе,
Да усе мамое, до коруля шлѣ,
«Ой коруле, коруле, скуй же мнѣ мача
«Скуй же мнѣ мача съ правого плеча
«Конемъ побѣжу, мѣчомъ иносачу»...

Собицчинъ (Овр. уѣзда).

Г.

Ой лесомъ, лесомъ людѣ гомонять,
Людѣ гомонять, цэркву будуют,
Цэрквь будуют да на три вэрхи,
Да на три вэрхи, да на три окне!
Въ одиѣ оконьцѣ—яснѣе соныцѣ,
А въ другѣ оконьцѣ ясній месяцъ,
А въ третѣ оконьцѣ ясній соколь влѣтевъ,

Ясній соколь влѣтевъ, па скамниці севъ,
На скамниці севъ, крилѣчка поспускавъ,
Съ тихъ крилочокъ риечка тѣча,
На той рѣкоцѣ човничокъ пливѣ,
Стружечки струже да всѣ мовляе,
А котори правле, то сѣбе бэрѣ,
А котори кривие, то слугамъ дае.

Сущаны (Овр. уѣзда).

17. Построеніе церкви.

А въ бору, бору волоки повью,
Волоки повью, цэркву збудую,
Цэркву збудую съ трома окнами,
Съ трома окнами, съ трома вэрхами,
А в туй цэрковці четырѣ цони,
Чотирѣ цони наўчони дяки,
Правлять службоныку за того молодца,
За того молодца пана NN.

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

18. Построеніе церкви.

А.

Чэрэзъ полэ, чэрэзъ широкэе,
Ой чэрэзъ морэ, чэрэзъ глибокэе,
Ой тамъ походила присвятая Мария,
Зустринае ее дай три жидовина:
«Ой чи ви жидове, ой чи ви нанове?»
«Чи ви сами ти, шо Хреста мучили?».
— «Ой ми нэ жидове, ой ми нэ панове
«Ой ми сами тийі, шо Хреста мучили».
Тамъ на горѣ стояло дэрэво,
Я съ дого дэрэва крижа виробляли,
Присвятый Марій цэркву становили,
Ись трома гробами, ись трома двэрами:
У пэршому гробі то самъ Господь лежить,
У другому гробі Сусъ Христосъ лежить
Я у третѣму гробі—Присвята Мария,
Присвята Мария цэркву становила.
Надъ Господомъ Богомъ то свечи палаютъ,
Я надъ Сусомъ Христомъ то книги читають,
А надъ Марию рожа зацвітае,
Я съ пудъ тайі рожи пташки вилѣтаютъ.
Лэтітэ пташечки по пудъ нэбесами,
Ой а ви нэбеса ростворитэса,
А ви всі святайі уклонитэса.
Стыдошъ (Ров. уѣзда).

В.

Ой вийшла вдова съ пудъ монастира.
 Ой виділа вона дрэву дрэвию,
 Я съ того дрэва цэркву будують,
 Я въ той церковици пристоли стоять,
 Надъ пристолами три гроби лэжить.
 Въ одномъ гробові Сусь Христосъ лэжитъ,
 Въ другомъ гробові діва Мария,
 Въ трэтімъ гробові Іванъ Хрестителъ.
 Надъ Сусомъ Христомъ книги читають,
 Надъ Христитилемъ свічи палають,
 Надъ Марию рожа зацвіла,
 Я съ тойі рожи вилетівъ атапокъ.
 Палетівъ жэ оиъ ажъ подъ нэбеса,
 Йому нэбеса ростворилиса,
 Святу Рожэству поклонилиса.

Деражня (Ров. уѣзда).

В.

Вишила Мария на высоку гору,
 На высоку гору.
 Да зобачила зэленэ дрэво,
 Зэленэ дрэво!
 Я съ таво дрэва крижи робляно,
 Я съ туйхъ крижинкувъ цэрковку становляно,
 Цэрковку становляно,
 Я въ той цэрковици три порубоинки
 Три порубоинки,
 Во одной парубі Сусь Христосъ ляжитъ,
 Въ другой парубі Мария ляжитъ,
 Въ трэтей парубе Василе ляжитъ,
 Василе ляжитъ.
 Надъ Сусомъ Христомъ книги читають,
 Книги читають,
 Надъ Василеемъ свечи палають,
 Свечи палають,
 Надъ Марию рожа зацвіела,
 Рожа зацвіела!
 Я съ тоейі рожи вилятівъ пташокъ,
 Вилятівъ пташокъ.
 Да палетівъ по підъ нэбеса.
 Ви нэбеса ростворітэса,
 Ростворітэса,
 Сусу Христу поклонетэса
 Поклонетэса.
 Любиковичи (Ров. уѣзда).

19. Построеніе церкви.

Щедровка.

Сиша раба зозулэйко,
 Щодрый вэчиръ, любрый вэчиръ,
 Добримъ людямъ на здоровля!
 Усі луги облэтала
 Я въ одному нэ бувала,
 Я въ тэмъ лузі тэшлі тэшуть,
 Тэшлі тэшуть, цэркву ставлять,
 Ись трома окнами, ись трома дверами.
 А въ тэмъ окні ясни місяць,
 Ясень місяць—самъ господарь,
 Въ другамъ окне яснэ сонцэ,
 Яснэ сонцэ, його жона,
 Въ трэтёмъ окні ясни зэркэ,
 Ясни зэркэ—його детки.
 Костополь (Ров. уѣзда).

20. Хата на морѣ (середъ села).

А.

(Щедровка.)

Ой на морі на спнёму,
 Стоіть хата на східъ сонца
 А въ туй хатце три оконце
 Едно оконцэ—яснэ сонцэ,
 Другэ оконцэ—ясний місяць
 Трэте оконцэ—ясни зорки
 Яснэ сонцэ господиня
 Ясний місяць—панъ господарь
 Ясни зорки—то піхъ дэтки.
 Добра тая господиня,
 Шо ранэнъко затопила (2),
 Варэнничківъ наварила (2),
 Шо друшэчківъ покормила,
 Свойхъ дэтокъ покормила (2),
 Конецъ стола посадила,

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Щедруха.)

Сэрэдъ сэла стоіть хатка,
 А въ той хатци три оконца,
 Щодрый вэчоръ и т. д.
 Еднэ оконцэ—яснэ сонцэ,
 Другэ оконцэ—ясень місяць,
 Трэте оконцэ—ясни зорки,
 Яснэ сонцэ—господиня,
 Ясний місяць—панъ господарь,

Ясни зорки то дэтойки.
 Да була господиня,
 Що ранэйко затонила,
 Ва ё эннайкувъ наварила,
 Щодрушэчкувъ подарила,
 Янин місяць—пань господаръ,
 Сидить собе конець стола,
 На юмъ шапка суболёва,
 Я поясекъ позлочаний,
 На пояску калиточка,
 Въ калиточки сто чэрвінцовъ,
 Сіму тому по чэрвінню,
 А намъ дайтэ по палінці,
 Сіму тому по шэляжку,
 А намъ дайтэ по пирожку,
 Або дайтэ хліба лусту,
 Шобъ вамъ були воли тлусты,
 Я ни воли то корови,
 Шоби були всі здорови.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

21. Господарь въ хатѣ.

А.

(Щодруха).

Щодрий вэчоръ, добрий вэчоръ
 Добримъ людямъ на вэсь вэчоръ!
 Ластивонька прилетала
 У оконца щэбетала
 А я знаю, а я віда,
 Що господарь есть у дома (2),
 Сэдить жэ вунь конець стола (2),
 Иістъ кутіцу пшэнничную,
 Нъе водицу крэнничную,
 Иістъ кутіцу пойідае,
 Сніцию поливае (2),
 Густимъ мэдомъ покидае.

Бѣльская Воля (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Коляда).

Вдома, вдома панъ господару?
 Ой я знаю, що винъ вдома,
 Ой йістъ кутю пшэнничную,
 Сэдить собе въ конець стола,
 Ой йістъ кутю пшэнничную,
 Густимъ мэдомъ поливае,
 Господа Бога споминае,
 На юмъ шуба соболёва,

На туй шубі чинкотора,
 На чинкоторці калиточка,
 Въ калиточу сто чирвонихъ,
 Сёму дому по чирвоному,
 Ой, намъ деокамъ по шиляжэчку,
 По шиляжэчку, по пирожэчку.

Деражня (Ров. уѣзда).

В.

(Щедровка).

Щодрий вэчоръ, добрий вэчоръ,
 Добримъ людямъ на вэсь вэчоръ;
 «Чи вдома вдома панъ-господаръ?»
 «Дэжъ вунь сэйтт?»—«Конці стола».
 «На юму шуба—шуба лёгкінка,
 «А въ туй шубоньці сімъ сіляжэчковъ,
 «А намъ дядюю по пирожэчку,
 «Якъ не дастэ пирога,
 «Озыму вола за рога.
 «Да виведу на морюогъ (мурава).
 «Скрутую юму правий рюогъ».

Любиковичи (Ров. уѣзда).

Г.

(Щедровка).

Щодри вэчуръ, добри вэчуръ.
 Добримъ людямъ на здоровъ!
 Вдома вдома панъ господарь?
 А я знаю, що вунь робить,
 Сэдить жэ вунь конець стола,
 А на юму шуба люба.
 А въ той шубе калиточка,
 А въ той калиточці сімъ сіражэчкувъ
 А намъ дядьку по пирожэчку.

Селенъ (Овр. уѣзда).

Д.

(Щедровка).

Щодрий вэчоръ, добрий вэчоръ,
 А я знаю, що панъ вдома,
 Сэдить собе конець стола,
 А на юму шуба люба.
 На той шубэ ціндокора,
 Въ ціндокори сімъ шэляжэчковъ,
 Сёму тому по шэляжэчку,
 А намъ дядько по пирожэчку.

Эмпльчикъ (Нов. В. уѣзда).

Е.

(Коляда).

Сядить господаръ конці стола,
На йимъ шапка соболёва,
А поясокъ позлоцяний,
Йість кустицю пшаничную,
Сеткомъ мэлкомъ поливае.

Годомпчи (Луцкаго уѣзда).

22. На листѣ три письма—солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

Ой у лесі на сітнічку

Щодрий в ечоръ, добрий в ечоръ!
Добримъ людямъ на здоровье,
Ой тамъ порось пуховъ лістокъ,
На тумъ лісту три письмочки,
Однѣ письмо—ясэнъ месяцъ,
Другѣ письмо—ясэнъ сонцѣ,
Третє письмо—дробни зорки,—
Яс нъ месецъ—пань господарь,
Ясна сонцѣ—його жона,
Дробни зорки—йогодэтки.

Любиковичи (Ров. уѣзда).

23. Солнце, мѣсяцъ и дождь выхваляются.

У Ильвові въ п ершому домі,
Славенъ есі
Господи Бож  дай на н ебесі!
Шіло да ело тамъ трохъ братіковъ,
Шіло да ело, вихвалилиса,
Соняйко каж : «н ема надъ м н ,

«Вохъ якъ я зойду, то я освечу
«Ц еркви, косц ели, въ ц ерквахъ пристолі».

А м есяцъ каж : «н ема надъ м н ,
«Охъ, якъ я зойду т мное ночи
«Вохъ якъ я зойду, то я освечу,
«То я освечу гори й долини,
«Возрадуєца гость у дорозе
«Гость у дорозе, зверь у дуброве».

Я дощникъ каж : «н ема надъ м н ,
«Вохъ якъ я пройду три рази въ маю,
«Возрадуєца жито и пшеница
«Жито й пшеница, всяка пашница».

Норинскъ (Овручскаго уѣзда).

24. Мѣсяцъ, солнце и дождь въ гостяхъ у господаря.

А.

Ой добрий в ечоръ, пань господару,
Я спишь та л жишь, господъ съ тобою
Ставай зъ постелі, очинай дв ри,
Очинай дв ри вс  дубовий!,
Застелай столи вс  т совинї,
Наливай кубки вс  золотиї,
Клади колачи зъ яромъ пшеници,
Приди до т б  у рікъ три гости,
Індна гостя—ясэнъ місяцу,
Другамъ гостя—ясн  соняйко,
Третя гостя—др б нъ дощнику,
«Ясн  місяцу, чимъ ти похвалися?»
— «Я тимъ похвалюсь: якъ я изйду
Якъ я изйду т мнойі ночи,
То зрадуєца в есь зверь у лесі,
В есь зверь у лесі, гість при дорозі.»
«Ясна соняйко, чимъ ти похвалися?»
— «Я тимъ похвалюсь, якъ я изйду,
Якъ я изйду у н еделю рано,
Возрадуєца в есь миръ хр ещений
В есь миръ хр ещений дітки мал н ки»,
«Др б нъ дощнику чимъ похвалиш?»
— «Я тимъ похвалюсь: якъ я изйду,
Якъ я изйду три рази въ майї,
То зрадиця жито и пшеница,
Жито и пшеница, - всяка пашница».

Костополь (Ров. уѣзда).

Б.

Ой п день добрий пань—господар ,
Святій в ечоръ!
Ставай съ постелі, застилай столи,
Застилай столи вс  яворови,
А настульнички да ус  шовкови,
Клади пироги вс  пшеничине,
Бо прийдуть до в ась у руинъ гости
Дай у руинъ гости—самъ Господъ зъ н ба
Ой н  самъ Господъ съ трома сватими,
Одинъ сватэцъ—праведн  сонц ,
А другий сватэцъ—ясэнъ месяцъ,
А третій сватэцъ—др б нъ дощичокъ.
Ой щой замовивъ да п ерший сватэцъ,
Дай п ерший сватэцъ—ясэнъ месяцу:
«Т е я мовлю, коли я зайду,
Охъ и я зайду т мное ночи,
Т мное ночи дай у пувночи,
То я зосвѣту гори й долини,
Гори й долини, хазайськи ниви».

Ой щэй замовивъ я другий сватэцъ,
Я другий сватэцъ—яснæе сонцæ.
«Тæе я мовлю, коли я зойду,
Охъ я зойду у нæделю рано,
Въ нæделю рано, хочъ о повранку,
То зрадуюца клязе да пани,
Князе да пани, вэсь миръ краэствые,
До цэркви йдучи, Бога просячи,
А съ цэркви йдучи, Бога хвалячи»,
Ой щой замовивъ да трэтій святэцъ,
Дай трэтій святэцъ—дробэнъ дощичокъ;
«Тæе я мовлю, коли я пойду,
Охъ и я пойду въ Мае месяци,
Ой то замае жито пшэнцица,
Жито пшэнцица—всяка пашница».
А за сімъ словомъ будь жэ здорови,
Будь жэ здорови панъ—господарэ.

Нэмовичи (Ров. уѣзда).

25. Господарь прославился встрѣчей съ мѣсяцемъ, солнцемъ и дождемъ.

Ой славенъ, славенъ, панъ—господару!
Святій вэчоръ!
Ой, чимъ жэ винъ да прославивсе?.
Я прославивса рано въ нæделю,
Рано въ нæделю до цэркви йдучи,
До цэркви йдучи, свэчи нæсучи,
Свэчи нæсучи, бога просячи.
Изострівъ жэ вонъ да три янголі:
Ой одинъ янголь—ясенъ месяцу,
А другій анголь—яснæе сонцæ,
А третій ангель—дробэнъ дощичку.
«Чимъ похваливса, ясній месяцу?
Чимъ похваливса, яснæе сонцæ?
Чимъ похваливса, дробэнъ дощичку?»
— А якъ я зайду рано въ нæделю,
То зрадуеща вэсь миръ християнскій,
До цэркви йдучи, Бога просячи.
«Чимъ похваливса, ясній месяцу?»—
— Ой якъ я зойду тэмное ночэ
Тэмное почі, хочъ о повночи
Чимъ похваливса, дробній дощичку?
— А, якъ я зайду трэйко у Маю,
То зрадуеща жито пашница,
Жито пашница—всяка пашница,
А взрадовавшица да вгору пойдэ
Пуйдэ у гору квітоватисе,
У гору стэбло, а въ колось ядро,
Придэ господарь радоватисе.
А за сімъ словомъ будь жэ живъ здоровъ,
Нэ самъ зъ собою, съ своїй женою,

Из деточками, зъ суседонькамы
Зъ суседонькамы, зъ добрими людьми.

Жубровичи (Овручского уѣзда).

26. Мѣсяцъ, солнце и дождь изъ криницы.

Я въ господара яворъ на дворе,
На тому яворе свеча паала,
Я съ тэйі свечи искорка впала,
Съ тэйі искоркі криниця стала,
Съ тэйі криниці три особи вийшли.
Іідна особа—яснæйкэй місяцъ,
Друга особа—яснæйкэ сонцæ,
Третя особа—дрібнæйкій дощікъ.
«Ой ти, місяцю, на що жъ ти здобенъ?»
— «Ой якъ я зайду тэмное ночи
То я звæслю гостя въ дорозе».
«Ой ти, сонцико, на що жъ ти здобно?».
— «Ой якъ я зайду въ нæделю рано,
То я звæслю всі христіяне.»
«Ой, ти, дощичку, на що жъ ти здобенъ!»
— «Ой якъ я зайду три рази въ Маі
То я звæслю гори й долини.
Гори й долини, жито й пшаницио,
Жито й пшаницио—усяку пашницио,
Будэмъ жати жито й пшаницио
Ставлять копочки я въ три радочки,
Ой дай жэ намъ, Божэ, іэй хлібъ спожити
Цій хлібъ спожити—сіни жэнити,
Сіни жэнити, дочки oddati.
Наженэмъ товару повну обару,
Товаръ илодися, пчолы садися,
Солодки мэдні той до кануну,
Ярий воски Богу на хвалу.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

27. У господара въ гостяхъ Богъ и свя- тые, но нѣтъ Ильи.

A.

Панъ господару, вставай съ постелі
Ой дай Божэ!
Вставай съ постеле, очиняй двэрп,
Очиняй двэрп застілай столи,
Застілай столи, кладі пироги,
Бо йдэ до тэбэ zo трое гостей,
Зо трое гостей: самъ Богъ изъ нэба,
Самъ Богъ изъ нэба зъ усіма сятыми,
Зъ усіма сятыми и приятельми.
Посажау сятымъ по за столэйко,

По за столэйко и ослонэйко,
А самъ севъ господь ва вкрайъ покутя:
«Одлічимося, обрахуймося,
Чи сияе всі, чи всі наше?»
«Ой только нэма сятого Илля,
«Ой пошлемъ посла сятого Петра».
— Ой только Петро за воротэчка,
Ажъ идэ Илля съ чистого поля
Заросившико, замочившико
«Ой дэти була сияя Илья?»
— «По полю ходивъ—житэчко родивъ,
По острувахъ ходивъ—ичолоники садивъ,
По хлэвамъ ходивъ—товару плодивъ
По хатахъ ходивъ—сэмью здоровивъ».

Сущаны (Овр. уѣзда).

Б.

Панъ господару ой очинисе,
Ой очинисе, іэ боронисе,
Бо йдуть до тэбэ любне гости,
Любие гости—самъ Богъ изъ нэба,
Самъ Богъ изъ нэба зо всіма сватими.
Ой и сівъ Господь у конецъ стола,
иого сватие по за столечкумъ,
По за столечкомъ, по ослонечкомъ,
Ахъ и пье Господь съ кубочка вино,
Його сватие мэдокъ солодокъ,
Ой анголята горку горілку.
«Обрадимося й обрахуймося,
Ой, чи все наши, чи все сватпе?»
— «Нэмае сватца, сватого Илле»
«Пошлемо посла сватого Петра?»
«Кого послати Илли шукати»
Ой вийшовъ Петро за ворутэчка,
Ажъ идэ Илля, щэй съ того поля
Заросившико, замочившико
«Ой сватий Илля дэ въ Бога була?»
— «По полю ходивъ, житэчко родивъ,
По бору ходивъ,—ичолоники садивъ
По хлэву ходивъ—худобу плодивъ,
Но хатахъ ходивъ—сэмью здоровивъ».
А за симъ словомъ и т. д.

Жубровичи (Овр. уѣзда).

28. На дворѣ престоль, за нимъ святые;
нѣть Ильи.

На його дворі то яворъ стойть, радуйса
Радуйса, зэмлэ, синъ же то божий народивса!
Я пудъ яворомъ той камэнъ лэжитъ,

Я на камэнни то иристоль стойть,
За тымъ пристоломъ, то усэ сватий.
Усе сватие всэ апостоли,
Ой личилиса, раховалиса,
Нэдоличилиса сватого Илле.
Кого послати Илле шукати?
Петра послали Илле шукати,
Сонцэ исходитъ, Илля приходитъ.
«Ай дэживъ ти бувавъ тай святый Илля?»
— «Ой бувавъ жэ я въ вашего пана
Я въ його полю житэчво родивъ».

Вельская—Воля (Луцкаго уѣзда).

29. На дворѣ огни, у огней святые, но нѣть
Петра.

Ой дэнь добрий пань-господару
Ой дэнь добрий!
На твойму дворе всё горать огне,
Каля тихъ огнювъ та все сватие,
Ой но нэмае святого Петра.
«Ай пошли пошли святого Иллю».
Ои вийшовъ Илля за ворутэчка,
Яжъ идэ Петро съ чистого поля,
Дай заросинай, заколосинай
«Ай Петро Петро дэживъ ти пробувавъ?»
— «По полю ходивъ—житэчко родивъ,
Пань-господара щастемъ надэливъ,
Пострувкахъ ходивъ ичолоники садивъ,
Пань-господара щастемъ наделивъ».

Выры (Ров. уѣзда).

30. Мѣсяцъ зоветъ звѣзды искать Бога.

Хоіть похоіть месяцъ по избу
Клічэ, поклічэ зорокъ зъ собою.
«Ой хоеть зорки, хоеть зо мною,
Хоеть зо мною Бога шукати
«Бога шукати дай у сей хаті,
«Да найдимъ Бога дай у сей хаті,
«Дай у сей хаті дай на покуті,
«За столомъ сэйтъ три кубки дэржить,
«Въ одному кубку солодокъ мэдокъ,
«Солодокъ мэдокъ для його дэтокъ,
«Въ другому кубку зэленэ вино,
«Зэленэ вино для жони його,
«Въ другому кубку кудравэ цило,
«Кудравэ цило, лядъ господара,
«Лядъ господара,—ой якъ то було,
«Ой якъ то було за спровадэне,
«Ой жидовэ Христа мучилі,

«Христа мучилі въ осови спички,
 «Въ осови спички забивши ручки,
 «А шибшиною пудэрэзалі,
 «Нэрловий вэнокъ на головку склалі;
 «Я съ того вэнка канула кравка,
 «Да кравка канэ, озэро станэ,
 «А у томъ озэрі Христосъ купавса,
 «Христосъ купавса, вой то иэ Христосъ,
 «То иэ Христосъ то божая маті
 «То божая маті по бэрэжку хойтъ,
 «По бэрэжку хойтъ бәрій рушникъ носіть,
 «Бәрій рушникъ носіть, Господа просить,
 «Ой винось Божэ да мого сина,
 «Да мого сина зо съ того краю,
 «Зо съ того краю да зза Дунаю,
 «Да за сімъ словомъ да бувай здоровъ,
 «А сіе сятка да сяткуй здоровъ».

Собичинъ (Овр. уѣзда).

31. Богъ зоветъ господаря и даетъ дары.

Панъ господаръ Бугъ тәбэ зовэ,
 Будгъ тәбэ зовэ, дарь тебе дае,—
 Въ твое станоице парують коне,
 Парують кони на три борони,
 Я вороние той на чотирэ;
 Панъ господаръ, Будгъ тәбэ зовэ,
 Будгъ тәбэ зовэ, дарь тәбэ дае,—
 Въ твойой обори парують воли,
 Парують воли лой на три плуги,
 А молодие той на чотирэ;
 Панъ-господаръ Бугъ тәбэ зовэ,
 Бугъ тәбэ зовэ, дарь тәбэ дае:—
 Въ твойихъ клунёнькахъ тай кладутъ стожки,
 Тай кладутъ стожки, тай на три рожки,
 А пишеничине тай на чотирэ;
 Панъ-господаръ, Будгъ тәбэ зовэ:
 Бугъ тәбэ зовэ дарь тебе дае:
 Ой у нашего панъ-господара
 Той у пасеци ичолки загули,
 Пчолки загули, заговорили,
 Заговорили, пана просили:
 Пусти насть, панэ, въ тәмни леса,
 Въ тәмни леса дай на вэрэса,
 Пи пиэсэмъ тебе тай лазбэнь мэду».

Выры (Ров. уѣзда).

32. Богъ ходитъ въ клунѣ господаря.

(Щедруха).

Зажжу свічу восковую,
 Щодрний вечеръ и т. д.

Пойду въ клуню у новую,
 Я въ той кауні шожиточокъ,
 А въ обори приблюдоочекъ,
 Я въ туй клуни самъ Буэгъ ходить,
 Самъ Буэгъ ходить—жито родить,
 Шобъ тэлухни тэлилиса,
 Шобъ козухни козилиса (2),
 Шобъ авәчки котилиса.

Бѣльская-Воля (Луцкаго уѣзда).

33. Богъ ореть плугомъ, Пречистая обѣдъ носить.

A.

Въ чистимъ полі самъ Буигъ ходить,
 Пречистая маті обѣдъ носіть,
 Обѣдъ носіть, Бога просить:
 «Зароді, Божэ, жито пшэніцу,
 «Жито пшэніцу—всяку, пашніцу,
 «Колосістую, ядрністую:
 «Съ колосочки житэчка бочка,
 «Съ колосніци бочка пшэніци».

Любиковичи (Ров. уѣзда).

B.

Ой самъ Господъ плужкомъ орэ,
 А пречиста обѣдъ иэсэ,
 Ой идуши споткнуласа,
 А тамъ далай схилиласа:
 «Оритэ, синки, край долинки,
 Край долини жито родить,
 А тымъ доломъ лучай плодить,
 Ой, на колось колосистэ,
 А на ядро ядренистэ».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда)

B.

(Щодруха).

Щодрый вэчоръ, добрий вэчоръ!
 Въ полі, въ полі, плужокъ ходить,
 За тымъ плужкомъ самъ Богъ ходить,
 А пречистая йісти носить,
 Бога просить, орай синку,
 Въ край долинки
 Съ колосэнию, бочка ячмэню,
 Съ п(к)олосніци бочка пшениці».
 (Ізъ церк. лѣт. с. Столпина, Ров. уѣзда).

34. НН ореть плугомъ, приходитъ ЗЗ.

A.

Ой въ лесе въ лесе плывъ лэбэдэнъко,
Ой дай Божэ!

Ой тамъ орэ НН нивку,
Прийшовъ до його батэнъко його;
«Ой ори, синку, усюю нивку,
Будомъ сеяті жито—пшаніцу
Будомъ найматі жэнце молоди,
Будомъ нажинати густие снонки,
Будомъ накладать частие копки»
Ходіть НН но мэжъ кошками,
Якъ ясэнъ месяцъ по мэжъ зорками,
Дэ волувъ ступа, тамъ жита кона,
Дэ волувъ рожокъ, тамъ жита стожокъ.

Сущаны (Овр. уѣздъ).

B.

По пудъ лесомъ, лесомъ широкимъ,
Ой, тамъ Шэтрухно пэрэлінку орэ,
Прийшовъ до його батэнъко його:
«Ой ори, синку, всю пэрэлінку,
«Будомъ сеяті жито пшаніцу,
«Будомъ нажинати частие снонки,
«Частие снонки—густие кошки,
«Ясэнъ месяцъ по мэзъ зоркими,
«То такъ Шэтрухно по мэжъ кошками».

Собичинъ (Овр. уѣздъ).

B.

За лісомъ, лісомъ широкэ поле,
А на томъ полі староста ора,
Прийшовъ до його батэнъко його:
«Ой ори, синку, дай усю нивку,
«Насеемо два лани жита.
«Два лани жита, трэйті ишенице
«Трэтій пшаници, якъ чаровнице,
«Будэмо жати жэнце, наймати,
«Будэмо возити на сине морэ,
«Класти стожки на штирэ рожки,
«Я сивимт соколомъ завэршимо,
«А соколь сядить да въ морэ глэдить,
«Цо сине морэ розливаецца,
«Цука рибонька викидаецца,
«Кобъ ся рибонька на тарелочку
«Божий матери на вачэрочку;
«Божая мати сина вродила,

Сина вродила нэй охристила,
«Нэй охристила, нэ надарила.
«Послали послы по всіму свэту
Шобъ збиралисе и пони дъяки
И попи-дяки проевищеники,
Стали цитати стали гадати,
Як' сём' дигати за ймэнно дати,
Дали йіму ймя святого Илли,
Божая мати нэ возлюбила,
Нэ возлюбила не надарила
Зъ бэлое ложэ нэ виступала,
Послали и т. д.
Дали йіму ймя святого Шэтра,
Божая мати нэ возлюбила и т. д.
Дали йіму ймя Иисуса Христа,
Божая мати сэе злюбила,
Зъ бэлое ложэ дай виступила,
Дай виступила дай надарила.

Жубровичи (Овр. уѣздъ).

35. Соколь на вершинѣ стога жита.

Ой Божэ, Божэ, насеймо жита,
Жита пшаници, всякое пшаници,
Назбираемъ жэнцўовъ, семсотъ молодцўвъ,
Наставляемъ копокъ, якъ на нэбі зорокъ,
Поставимъ стожка, дай надъ рэкою,
Дай надъ рэкою, надъ глибокую,
Чимъ його завэрши? сивимъ соколомъ,—
«Соколе, соколе, ты сядиши високо
«Ти седишъ, високо, ты бачишъ далёко».

Петраши (Овр. уѣздъ).

36. Василева мать щедруетъ.

(Щодруха).

A

Василева мати цошла щодрувати,
На повэе літо роди Божэ жито,
Жито й пшаници—всяку пшаници
Зъ колосочка—жита мірочка,
А зъ споночки—жита бочка,
Въ діжэці схід—а на стоги спиръ
А намъ винеси цирігъ.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

(Щедровка).

Б.

Василёва мати пошла щодровати,
Шісти носить—Бога просить:
«Роди, Божэ, жито й пшеницу,
«На новэе лето роди, Божэ, жито».
Бѣлка (Жит. уѣзда).

**37. Хозяинъ на току пшеницу вѣть.
„З вѣселімъ!“.**

Щедровка.

Ой ситничку на рокітничку
Щодрий вѣчоръ, дай добрий вѣчоръ!
Ті дома дома панъ господарь?
— Нѣма вдома, десь у току пшаниченки вее,
Ті дома, дома да його доня?
— Нема вдома десь у светлоици хусты качае
Ті дома, дома да його жона?
«Нема дома, десь у светлоици пирожечки інчэ.
Ой ходімъ до його, звѣселімъ ми його
Ті нѣ дастъ вонъ памъ по гарну пшаніці?
Ой ходімъ до ее, звѣселімъ ми ее,
Ті нѣ дастъ вона намъ дай по хусточкі?
Ой ходімъ до ее, звѣселімъ ми ее,
Ті нѣ дастъ вона вамъ по пирожечку.

Славечна (Овр. уѣздъ).

**38. Господарь подъ грушей, господина
въ коморѣ червонцы считаетъ.**

Ой, въ полі въ полі груша стояла
Даемо!
Дай жэ вамъ Божэ счасте здоровье
Вашому дому!
Шудъ тэю грушой бѣлая ложа,
А на той ложі лэжитъ панъ гожий.
«Ой, пане, пане, дэжь ваша пані?»
— «Десь у коморци лічить чэрвонцы».
«Ходемо, братце, пудвэслемо
То жъ йому.
Дай жэ вамъ Божэ счасте здоровье
Вашому дому!
«Чи нѣ дастъ намъ хочъ по единому,
Хочъ по единому по чирвоному.»
«Ой, панэ, панэ, дэ ваши дочки?»
— «Десь у светлоици хусты качаютъ»
«Ходемо, братце, пудвэслемо,
Чи нѣ дастъ намъ, хочъ по единенки,
Хочъ по единенки по шовковэньки».
Чи вдома дома панови сини?

«Десь у стаенци коні сэдлаютъ»,
Ходемо, братце, пудвэслемо
Чи нѣ дастъ намъ, хочъ по единому,
Хочъ по единому по вороному».

Сущаны (Овр. уѣзда).

39. На дворѣ радость.

А.

(Щедруха).

Пойди, господару, на гумно
Чи вжэ козки покозилися?
Щодрий вѣчоръ, святій вѣчоръ
Добрімъ людямъ на вэсь вѣчоръ!
Чи вжэ козки покозилися?
Овѣчата покотилися?
Щодрий вѣчоръ и т. д.
Ой ща козки нѣ возилися
Овѣчата не котилися
Щодрий вѣчоръ и т. д.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Щедровка).

Иди дядьку на обору,
Тамъ корови потэлились (2),
А всэ бички породились,
Нэ такъ бички якъ корови,
Шобъ ви були всі здорови.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

40. Пчолы.

А.

За лесомъ лесомъ оболоче,
Святій вѣчоръ, оболоче!
Ой тамъ лѣтаютъ яри пчолайте
Святій вѣчоръ, яри пчолайте,
Итаютъ вони пчульное мати и д.
«Пчульная матка, куда намъ іті»
Чи въ щэрэ борэ, чи въ густы лісэ»,
— «Нэ йдітэ витэ въ щирые боры,
Но йдітэ витэ въ густіе лісэ,
Носітэ витэ солотти мэдэ».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

Б.

Ой шумить гудэ, дубровою ѹдэ,
Яра пчолонъка дитонъки вэдэ,
«Сядзайтэ дэтки по повичэнъкахъ,
А я старэнъка на стари конъце,
Носітэ, дэтки, солодки мэдки,
А я, старэнъка, щэй найсолудчи,
Тай насолудчи, воскомъ жовтэйши,
Ой да будэмо сити ситити,
Сити ситити сини жэнити,
Свэчки саукати, дочки 'ддавати».

Выри (Ров. уѣзда).

В.

Ой шумить гудэ, дубровою ѹдэ,—
Пчоляна матка дитонъки вэдэ;
«Ой сядьмо, дїтки, дай порадимось,
«У чий ми островъ дай потягнэмся,
«Потягнэмся у NN островъ,
«NN островъ тонки високи,
«Тонки високи,—въ бурти глибоки,
«Вудэмъ сэдіти, мэди робити,
«Мэди густие, воски жовтие,
«Богу на хвалу, людямъ на славу».

Андреевичи (Нов. Вол. уѣзда).

42. Красной паниѣ три подарка изъ ко-
ры оббитой райскими пташками.

А.

Красная панна по саду ходила
Гэй, рожество!
По саду ходила, садъ садила,
Садъ садила, садъ поливала
«Роди Божэ вишні чэрэшні
Вишні чэрэшні, гэй рожество».
Я туй бэрэзі кору золотую,
Якъ иа злитіли райские иташки,
Тую кору обдзугали,
И дэ взялася красная панна,
Тую кору скоро позбирала,
Позбирала въ хвартушокъ узяла,
Ой занісла да до злотнічка,
Излий мині три четырн цэрспі,
Купивъ батько дорогую шубу,
Ой я, мати, сукню дорогую,
Дорогую шубу эт милимъ стать на шлюбу,
Я, братіочекъ, коня вороного,
Я, сестріца, шовковы платочокъ
Шовковый платочокъ руки изъязати,
Руки изъязати, правдоныки казати.

Костополь (Ров. уѣзда).

41. Красной паниѣ перстень изъ золотой
коры березы.

Ой надъ рэкою, надъ глибокою,
Ой тамъ стояла тонка бэрэза,
Тонка бэрэза зъ вэрху кудрава,
На той бэрэзе золота кора,
Золота кора друблна роса,
Пойди NN, позбирай росу,
Позбирай росу у золоту мису,
Ой, да понеси до ковальчика,
До ковальчика, до кохаччика.
«Муй ковальчику, муй кохаччику:
«Ой изкуй минѣ золотий пэрстэнъ,
«Приехало до мэнэ трое сватонки,
«Едине стали за воротами,
«Другие стали пудъ сенъми зъ кэнъми,
«Третіе сели въ хаті за столомъ,
«За воротами павэнь вэноччикъ,
«Пудъ сенъми съ кунъми золотий пэрстэнъ,
«Въ хати за столомъ сама молода,
«Сама молода, такъ якъ ягода».

Жубровичи (Овр. уѣзда).

Б.

Красная панна по саду ходила,
Радуйса!
Радуйса, зэмлэ, синъ божий народивса!
По саду ходила, садъ садовила,
Садъ садовила щей вишні чэрэшні,
Ой наленулі морские птахи,
Взялі кору дай пооббивалі,
Ой ионэслі дай до золотара;
«Вой ти, золотарчикъ, вой ти славий пан-
чикъ,
Вой скуй же да три подарунки:
Едэнъ подарунокъ то золотий кубокъ,
Другій подарунокъ то шовкувъ рушничокъ,
Третій подарунокъ то золотий пэрстэнъ;
Золотий пэрстинъ—зъ милимъ мэнится,
Да шовкувъ рушничокъ на шлюбі стояти,
А золотий кубокъ гостэй частовати».

Городецъ (Луцкаго уѣзда).

В.

Красная панна по саду ходила,

Радуйся!

Радуйся, зэмлэ, синь божий народився!

Садъ садила—вишні и чэрэшні,
А на туй бэрэзі золота кора,
Ой дэ узяліся райские пташки,
Золотую кору дай ощикотали,
Дай ощикотали, дай оцэбэтали,
Ой дэ узяліся красная панна,
Золотую кору въ хвартухъ позбирава,
Да понесла до пана злотнічка,
Ой, пані злотнічку, позлоть мі пэръечко.

Стыдны (Ров. уездъ).

Г.

Гэй рожэство!

Красная панна садъ садила,

Гэй рожэство!

Садъ садила, да й Бога просила:
«Зароди Божэ вишні чэрэшні»:
Якъ заснула красная панна,
Налетелі да райские пташки,
Кору побивалі, голле поламалі,
«Кори иэ вбивайтэ, голля иэ ламайтэ.
Прокинулась красная панна,
Кору позбирава въ хусти новъязала,
Да понесла до трехъ злотничковъ,
Искуйте мне пэрвой вэнокъ,
Пэрвой вэнокъ срібний пэрстэнъ.

Осова (Луцкаго).

**43. Красной паннѣ перстень и поясь изъ
„Святой руски“ конопельки.**

Щедровка.

Я въ городи канопелька,
Щедрий вэчоръ добрий вэчоръ
Добримъ людямъ на здоровье!
На туй конопельці свята руска,
Дэ взяліся райские пташки,
Тую руску рострэпали,
Якъ взялася красна панна,
Тую руску позбирава,
Тай въ хвартушокъ позбирава,
Да понесла, до злотничка:
«Ой злотничку злотничэнку,

Зроби міні золотъ пэрстінь,
Золотъ пэрстінь на ручечку,
Поясочокъ на нэдільку,
А вэночекъ на таночокъ».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

**44. Три подарка изъ золота, оббитаго
пташками съ золотыхъ воротъ.**

Я въ поля, въ поля думъ при дорозе,

Радуйса,
Да радуйса, зэмлэ, вэсэлниса нэбэса,
Синь Божий народивса!

Я въ тому дому, та нови ворота,
Нови ворота изъ самого злата,
На тихъ воротахъ пташки иочовали,
Пташки иочовали, злого по'бивали,
Злого по'бивали, золотару дали:
«Ой ти, золотару, та иань господару,
Купи жъ мини да три гостинчики,
Одинъ гостинчикъ, охъ то павэн вэнчикъ,
Другій гостинчикъ крамна суконька,
Трэйтій гостинчикъ золотий нэрстэнъ,
Крамна суконька следъ замэтае,
Золотий нэрстэнъ—ручэнъка сле,
Павэн вэнчикъ головку клонить,
Я въ сёму слови будьтэ здорови,
А сіе святка святкуйтэ здорови,
Ми твого двора иэ минаемъ,
Святимъ рожэствомъ ззвэличаемъ,
Ми съ твого двора, а щастя на двуръ,
Я щастя на двуръ, зъ двора на твуй думъ».

Выри (Ров. уѣзда).

**45. На вербѣ золотая кора. Изъ нея по-
дары красной паннѣ.**

А.

(Щедруха).

Сэрэдь сэла стойте вэвба,
На туй вэрбі золота кора,
На туй корі друбна роса,
Тая роса тай опала,
Прийшла панна, позбирава,
Прийшла панна, позбирава,
У рушничокъ завъязала,
У рушничокъ завъязала,
До злотничка одослала,
«Ой злотничку рэмэсничку,
Позлоть мэні золотъ пэрстинъ,

Золотъ пэрстинъ до шлюбику,
Я поясокъ до шлюбику».

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

Б.

(Коляда).

Въ моего батька пэрэдъ ворітми,
Стойте вэрба й у золоті,
Тамъ дівчена ходила,
Да росицу тэрусела,
Да въ фартушокъ позбирала,
Да злотнічкамъ одослала,
«Ой злотнички, рэмиснички,
Скуйтэ міні престінь золотъ,
Ноясочокъ на станочокъ,
А перъечко на віночокъ».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

**46. Подъ золотой вербой хлопцы радят-
ся идти по дѣвку.**

Ой пудъ вэрбою, пудъ золотою,
Хлопцы стояли раду радили.
«Ой ходемо мэ до пана NN,
А въ пана NN хороша дівка,
Хороша дівка, молода NN.»

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

47. Чудесное дерево.

Ой въ поле въ поле крутая гора,
Алелуй, алелуй крутая гора!
А по той горе шовкова трава,
Алелуй, алелуй шовкова трава.
А въ той траве дрэво стояло,
Я съ того дрэва голля до зэмле,
Я съ того дрэва срібло каннуло,
Я съ того дрэва крижа робилі,
Понесамъ Христа по пудъ нэбеса,
Тое нэбеса роствориліса,
Все христіянэ звэсліліса.

Сущавы (Овр. уѣзда).

48. На дворѣ дубъ, на дубѣ три користи.

На твойму дворе дубъ гилленистий,
А въ тому дубі той три користи,

Йидная користь у корэнъ дуба,
Другая користь посэрэдъ дуба,
Третяя користь у вэрсе дуба,
У корэнъ дуба сивие бобри,
Посэрэдъ дуба ярне пчоли,
У вэрсе дуба ясии соколи,
Хто бобри побъе, то шуба будэ,
Пчоли поглядить, той мэду будэ.
Соколи побъе,—славенъ панъ будэ.
Ой, той славенъ панъ дай ославивса,
Белльмъ залезомъ дай огородивса,
Я кэля його той вуйська много,
Тай вуйська много просяця його,
«Пусти нась чанэ у чужу зэмлю,
У чужу зэмлю у Турэшчину,
Ми жъ того Турка извоюемо,
Дай стрелоньками зревэряемо.
Да насэмо два лани жита,
Два лани жита—третій ишәници,
Накладэмъ копокъ—на нэбі зорокъ,
Покладэмъ стоги въ четырэ роги,
Яснимъ соколомъ дай завэршимо.
Ой сокуиль сэдитъ, на мора глэдить,
Виглэдівъ себе бъелу рибоныку:
«Съ тэбэ рибоныки лусконьку зняти,
Зъ мэнэ сокола перъечко драти,
Да поварать нась въ медянихъ горшкухъ,
Да покладутъ нась да по полумискахъ,
Да понесуть нась по свэтличенькахъ,
Да будэ есті тай той славенъ панъ,
Дай той славенъ панъ, панъ NN»

Я въ сёму слови будымо здорови и т. д.

Выры (Ров. уѣзда).

49. Соколъ и рыба. I.

A.

Ой надъ водою надъ глибокою,
Яворъ стоявъ тонки, високи,
Тонки, високи, изъ вэрху кудрави,
На тимъ яворе сивъ соколь сэдить,
Сивъ соколь сэдить, дай въ воду глэдить,
Дай въ воду глэдить, зъ рыбкой говорить:
«Ой, рыбко, рыбко, як ты високо,
«Якъ ты високо, а я глибоко,
«Съ твойхъ косточекъ зробимъ лучэчикъ,
«Зъ моего перъечка зробимъ стрэлочку,
«Дай попустимо вишэ Дунаю,
«Вишэ Дунаю славному пану.
«А тэй намъ панъ слично заплатить,
«Слично заплатить, сто рублювъ втратить».

Искорость (Овр. уѣзда).

Б.

Ой надъ водою, надъ глибокою,
 Ой дай-Боже!

Яворъ стоявъ тонки, високи,
Тонки, високи, звэрху кудрави,
На томъ яворе сивъ орэль сэдить,
Сивъ орэль сэдить дай у воду глэдить,
Дай у воду глэдить, зъ рибкою говорить,
«Ой рибко, рибко посватаймося,
«Посватаймося, и обратаймося,
«Съ твойіхъ косточокъ зробимъ стрілочокъ,
«Ой да пустимо по надъ Дунаймъ,
«Ой да пустимо красному пану».

Ушомирь (Жит. уѣзда).

50. Соколь и рыба II.

Ой, надъ водою, надъ глибокою,
Тамъ стоявъ яворъ тонко, високо,
Тонко, високо, зъ вэрху кудраво,
Я въ тихъ кудрахъ сівоколъ сэйтъ,
Сівоколъ сэйтъ да въ воду гляйтъ,
Да въ воду гляйтъ да рибу бачить:
«Ой рибо, рибо, якъ ти глибоко,
«Ой якъ ти глибоко, а я високо,
«Ой рибо, рибо, будъмо¹ дного пана,
«Одного пана заслужимъ коня,
«Заслужимъ коня воронѣнъкого,
«Воронѣнъкого, молодѣнъкого».
Я погнавъ коня, тай догнавъ цара,
Привѣязавъ цара вище стрэмъяна,
Ой а царь каже «отпусті мнене»
—«Нэ'дпистю тэбэ, хочъ затну тэбэ»...

Собичинъ (Овр. уѣзда).

51. Соколы сваты.

По надъ моремъ, по надъ глубокимъ,
 Грай, коню!
Грай, коничэнъко, нудъ ианичэнъкомъ НН!
Да стойте яворъ тонки, високи,
На томъ яворѣ два соколонъки,
Ой, вишовъ НН на ставъ стрэляти,
Вишовъ до його батэнъко його:
Нэ стрэляй, синку, цю яворнику,
Я будэшъ молодъ по девку ехать,
Помостивъ мости съ друбоное трости,
Погатимо гатки зъ рути та зъ мятки,
Поставиши слупи всэ золотие,
Повѣшаешь сукне всэ дорогие,

Якъ будэшъ, молодъ, зъ дівкою ехать,
Засяючи слупи всэ золотие,
Засяючи сукни всэ дорогие,
Запахнуть гатки зъ рути та мятки»

Седецъ (Овр. уѣзда).

52. Змѣй сватъ.

Чэрэвъ Сущани бити гостінэцъ,
На томъ гостінце били камэнъ лэжить,
На томъ камэне ютий змэй сэдить,
Кэле того змэя красний паничокъ,
На того змэя дай помэрое,
А змэя до його дай промовляе:
«Ой нэ стрэшь, нэ стрэль, красний паничу,
А тобіе буду вэлкой пригоде,
Ой якъ ти будэшъ да жэнитіо,
Помостю мости зъ друбоное трости,
Погатю гати зъ зэлэное мяти,
Поставлю сноши всэ золотие,
Повѣшаю кудра всэ шовковые,
Ой якъ ти будэшъ дівніку вээтэ,
Забрачать мости зъ друбоное трости,
Запахнуть гати зъ зэлэное мяти,
Засяючи слупи всэ золотие,
Замаючи кудра всэ шовковые».

Сущаны (Овр. уѣзда).

53. Вепрь сватъ.

А.

Ой, рано, рано кури заніели
 Святій вэчоръ!
Ой ищэ раней панъ жэніхно вставъ,
Панъ жэніхно, вставъ служки побужаавъ:
«Ой вставайтэ, слуги верные,
Да запрагайтэ коні вороные,
Да поедэмо въ чистое поле,
Въ чистое поле на поліване,
Да забъемо дикого вэпра,
Дикого вэпра—лютого звэра».
Молодъ жэніхно лукъ натягае,
Лукъ натягае, вэпра стрэляе:
«Нэ стрэляй мнэ муй славцій панэ,
Ой, якъ ти будэшъ молодъ жэніца,
Ой, то я буду вэлкой пригоді:
Помостю мости всэ каліною,
Поволоку леса всэ волокою,
Простолю поля всэ кужелями,
Шобъ ехавъ мостомъ дай нэ струсівса,

Шобъ ехавъ лесомъ дай нэ вросівса,
Шобъ ехавъ полемъ дай нэ вшилівса,
А за сімъ словомъ и т. д.

Смородскъ (Пинского уѣзда, Минской губ.).

А матюнка скажэ: «то мой синъ едэ»,
«То мой синъ едэ, собі жону вэээ,
«Ой собе за жону, а себе за слугу».

Стыдинь (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, рано кури нопъели,
Ой, ище раней панъ жэніхъ уставъ,
Панъ жэніхъ уставъ, звонкомъ зазвонивъ,
Звонкомъ зазвонивъ, брати побудивъ:
«Вставайтэ, братя, нэ доспайцэ,
«Да поедемо въ чистэе поле,
«Въ чистэе поле на полёване,
«На дикого вэпра, на лютого звэра».
— «Славний жэнішокъ, нэ стрэляй мэнэ,
«Буду я тобіэ у вэлкую пригоде,
«Ой, як ты будашъ молодъ жэнінтся,
«Пороблю мости съ жовтое кости,
«Поставлю брами всэ малёвани,
«Обвэду леси паволокою,
«Ой якъ ты будашъ до девки ехать,
«Забразчать мости съ жовтое кости,
«Засяютъ брами всэ малёвани,
«Зашумлять леси паволоцкие»...

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

55. Утка—сватаетъ.

Зажурилосо крутая гора,
Святый вэчоръ!
Шо нэ зродила шоукова трава,
Дай изродило зеленэ впно,
Я налэтели руськие иташки,
Дай подзубали зеленэ вино,
Красний паничкъ дай на ихъ злобить,
Дай хочэжъ вонъ ихъ дай усехъ забити
Пэрэдъ имъ ютка пэрэлатае,
Пэрэлатае, пэрэнадае:
«Нэ стрэляй мэнэ, красний паничу,
«Я тебе стану у три пригоде,
«Якъ ехатимашъ зза гуиръ по девку,
«Помостю мости съ тонкої трости,
«Поставлю пале всэ золотие,
«Повешаю корогви всэ шовковие,
«Якъ ехатимашъ зза гуиръ зъ девкою,
«Забразчать мости съ тонкої трости,
Засяютъ пале всэ золотие,
Замають корогви всэ шовковие».

Жубровичи (Овр. уѣзда)

54. Туръ сватъ.

Летять ластовоныки пудлэтаютъ.
Радуйса!

Радуйса, зэмлэ, синъ Божий народивсэ!
Красного панича прэбуджаютъ.
«Во вжэ твоє слуги давно повставали,
«Давно повставали, коне поседдали,
«Коне поседдали, хорти поличали (2)
«Хорти поличали дай дэсь поехали,
«У чистэе полэ дай на полюваня,
«Дай на полюване, дай на погуляне».
Ой ставъ паничъ лучокъ набивати,
Ставъ до його туръ промовляти:
«Нэ стрэляй мэнэ, красенъ паничу,
То я тобэ стану въ вэлкой вигоде,
Въ вэлкой вигоде за чотири годи,
Ой застэлю полэ чэячугами
Да покладу мости да всі золотий,
Чэрэзъ тийі мости будашъ панну вэзтэ,
Чэпчурт будэ полэ чэрвонети,
Золотий мости да будуть дзвэнети,
А почують людэ, скажутъ: «князъ едэ»,

56. Мужа громада. Утка сватаетъ.

А.

Ой, на юлиці на широкой,
Ой, стояла мужа громада,
Мужа громада, хлонцовъ другая,
Радили раду дай нэ до ладу,
«А Іідэнъ пришовъ, всю раду найшовъ,
«Ай скуймо, братце, золотий човэнъ,
«Золотий човэнъ срибнэ вэсэлдэ,
«Срибнэ вэсэлдэ, якъ яснэ сонцэ,
«Да, всадемъ туди красного пана,
«Да пустемъ його на тихий Дунай,
«На тихий Дунай стрэлочокъ рэзать,
«Стрэлочокъ рэзать, въ пучокъ ввязать,
«Да въ пучокъ въязать, на Дунай пускатъ,
«Котора права, то въ човэнъ класти,
«Котора крива, на Дунай пускатъ»,
Пэрэдъ йимъ ютка пэрэлатае,
Пэрэлатае, пэрэнадае,
«Нэ стрэляй на мэнэ, красный паничу,

«Красний паничу, пане NN,
 «Я тебе стану въ вэлікай пригоді,
 «Якъ будэшъ ехать въ свати до девки,
 «Помошу мости съ тонкої трости,
 «Постэлю дороги всэ папэрови,
 «Да побью палі всэ золотие,
 «Повешу кудра всэ шовковие,
 «Посвечу свэчи всэ восковие,
 «Якъ будэшъ ехать зъ своєй женою,
 «Забразчать мости зъ тонкої трости,
 «Засяютъ палі всэ золотие,
 «Зашумлять дороги всэ папэрови,
 «Замають кудра всэ шовковие,
 «Загорать свэчи всэ восковие,
 «То люди скажуть, чий то синъ едэ,
 «Чий то синъ, едэ царувну вэзэ,
 «Я батько скажэ: то муй синъ едэ,
 «То мой синъ едэ, царувну вэзэ,
 «Тожь иэ царувна, иэ королювна,
 «Батькова дочка такъ якъ паничка».

Эмильчинъ (Нов.-Вол. уѣзда).

Б.

Ой на улиці, на Широчині,
 Ой да стояла мужа громада,
 Мужа громада, молодцовъ друга,
 Радили раду, иэ найшли ладу,
 Я хлопецъ прийшовъ да всей ладъ знайшовъ:
 «Искуюмо, браттэ, золотий човэнъ,
 «Золотий човэнъ, срібнэ вэсэлцэ,
 «Срібнэ вэсэлцэ, якъ яснэ соньцэ,
 «Да пустемъ його на тихий Дунай,
 «Стрэлокъ рэзати, въ Дунай пускати,
 «Котора права, то въ човэнъ класти,
 «Котора крива на Дунай пускати».
 Пэрэдъ йімъ ютка пэрэлаета,
 Пэрэлаета пэрэпадае:
 —«Нэ літай, утко, застрэлю хутко».
 «Нэ стрэлай мэнэ, мой мілій панэ,
 «Я тебе стану въ вэлікай пригодэ,
 «Ой якъ ти будэшъ молодъ женица
 «Помостю мости съ тонкої трости,
 «Постэлю дороги всэ папэрови,
 «Я побью палі всэ золотие,
 «Повешу кудра всэ шовковие,
 «А будэшъ эхать съ красною павной,
 «Забразчать мости съ тонкої трости,
 «Зашумлять дороги всэ папэрови,
 «Засяютъ палі всэ золотие,
 «Замають кудра всэ шовковие».

Сербы (Новогрвал. уѣзда).

В.

Ой на юлоныці Дунай широкий
 Стояла рада мужня громада,
 Радили раду иэвэличкую:
 «Ой скуюмо, браты, золотий човэнъ,
 «Золотий човэнъ, срібнэ вэсэлцэ,
 «Да всадимъ туда красного пана,
 «Да пустимъ його на тихий Дунай,
 «На тихий Дунай стрэлокъ рэзати,
 «Стрэлокъ рэзати шэй вибирати,
 «Котора права — то въ човэнъ класти,
 «Котора крива на Дунай пускати,—
 Пэрэдъ йімъ ютка пэрэлатае,
 Пэрэлатае, пэрэпадае,
 «Красенъ паничу, иэ стрэлай мэнэ,
 «Я тебе станэ въ вэлікай пригоде,
 «Якъ будэшъ піхать до дівки въ годі,
 «Помошу мости съ тонкої трости и т. д.

Андреевичи (Нов.-Вол. уѣзда).

57. Молодецъ въ членокѣ.

Ой рано, на дворе хмарно,
 Съ тэй хмаройки дрібень дошъ идэ,
 Съ того дощыку річэйка тэчэ,
 По тий ричэйці човничокъ иливэ,
 На тымъ човнику молодчикъ сидить,
 Стружэ стрілойки, шлэ до дівойки,
 Котора правая до дівойти шлэ,
 Котора кривая, на Дунай мічэ,

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

58. Павинъ вѣнокъ I.

А.

Ой, подъ вэрбою, подъ зеленою,
 Тамъ пава ходить, перъечко родить,
 А за павою красная павна,
 Красная павна да павна NN,
 Перъечко бэрэ, въ рукавэць кладэ,
 Зъ рукавця бэрэ да вэночекъ вье,
 Звила вэночекъ да пошла въ таночекъ,
 Ой дэ взяліся буйне віетри,
 Як павенунули, венка зневули,
 Ой, пошла вона лужкомъ бэрэжкомъ,
 Зострэла вона три риболовце,
 Три риболовце, три козачэнки,
 Хай вони всі молодме:
 «Чи иэ знайшли, ви, павенъ вэночекъ,

«Ой, якъ изнайши, то признайтесь,
За то вамъ будэ вэліка плата,
«Вэліка плата—горэлки кварты,
«Едному будэ золотий пэрстэнъ,
«Другому будэ шовкова хустка.
«Трэтёму буду сама молода,
«Сама молода такъ якъ ягода»...

Эмильчинъ (Нов. В. уѣзда).

Да споймаетэ мне павэнъ вэнокъ,
Я жъ вамъ молода дарма нэ схочу,
Дарма нэ схочу, дорого заплачу:
Одному будэ павэнъ вэночекъ,
Другому будэ срибляний пэрстэнъ,
Трэтёму буду сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода».

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, въ саду стэжечка лэжить,
По той стэжэцци иавонька ходить,
Павонька ходить пэрэйко родить,
За его ходить, кречная панна,
Кречная панна, панна НН,
Цэръечко бэрэ, въ рукавцы кладэ,
Зо рукавца бэрэ, на скамью кладэ,
Съ скамье бэрэ да въ вэночекъ вье.
Звила вэночекъ, пошла въ таночекъ,
Ой пошла вона лужкомъ—бэрэжкомъ,
Лужкомъ—бэрэжкомъ—жовтимъ бэрэжкомъ,
Зострила вона три рибаченьки:
«Три рибаченьки—три козачэнки,
Милые мое три рибачэнки,
Закиньтэ мне зъ шоуку неводокъ,
Витягнетъ мне сей павэнъ вэнокъ,
Ой то прэед мой братко зъ войска,
Привезэ мне три гостинчики,
Три гостинчики—три користоньки,
Едному будэ боброва шуба,
Другому будэ золотий пэрстэнъ,
Трэтёму будэ сама молода,
Сама молода такъ якъ ягода,
А за симъ словомъ и т. д.

Олевскъ (Овр. уѣзда).

В.

Хоила пава кэле Дуная,
Л за павою кгречная панна,
Вона ходила, ширъя збирала,
Ширъя збирала, на скамью клала,
А съ скамии брала, вэночекъ плила,
Звиши виночекъ, пошла въ таночекъ,
Зострила вона три рибачэнка,
Три рибачэнка, три козачэнка:
«Ой·ви рибаки, ой·ви козаки,
Ой, закиньтэ ви свуй шовковъ нэводъ,
Да нэ ловитэ да щуку ліна,

Г.

Ходила иава коло поплава,
Ой дай Божэ!
А за павою красная панна,
Пэрье збирала, на скамью клала,
Я зъ скамье брала, вэночекъ віла,
Звиши вэночекъ, пошла въ таночекъ,
Ой пошла вона крутимъ бэрэжкомъ,
Да стрела вона три риболовце,
«Три риболовце, мое миленькэ,
Закинеть ви шовковий нэводъ,
Да спойметъ ви павенъ вэночекъ,
Самому старшому павэнъ вэночекъ,
Сэрэдульшому золотъ персничокъ,
Самому мэньшему сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода».

Сущаны (Овр. уѣзда).

Д.

Ой въ ліску, въ ліску, на жовтимъ пэску,
Павою ходить, піръечко родить,
Піръечко бэрэ, въ хвартушокъ кладэ,
Съ хвартушка бэрэ віночка вивье,
Звила віночокъ, пошла въ таночекъ.
Ой дэ взелэся буйнийі вітра,
Дай повинули той павэнъ вінокъ.
Якъ пушла вона граемъ Дунаймъ,
Стрітила вона два рибачэйка:
«Два рибачэйки, два молодчэйки,
Ой ви ти мойі два молодчэйки,
Чи нэ бачили твой наизънъ вэнокъ?»
Ой, одэнъ кажэ, що я нэ бачивъ,
А другой кажэ, що я зобачивъ:
По полю ходить, тай жито родить»

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

59. Павинъ вѣнокъ II.

(Щадруха).

Ой у ліску, у ліску на жоутимъ пёску,
Тамъ пава ходить, шръечко губить,
За ею ходить пань N. N,
Шръечко дэрэ, у рукавэць кладэ,
Зъ рукауца бэрэ, у вэночкъ въе.
Пришла до ее мамонька ее.
«Иди, донэнъку, у часъ до домоньку!»
— Пожди мамонька — вэночка довью,
Вэночка довью, до дому пойду.
Пришла до ее сестронька ее

Пришовъ до ее братичокъ ее....

Деражня (Ров. уѣзда).

60. Дѣвка тановъ водитъ.

А у Сущанахъ дай на риночку,
Играло!
Играли елі тамъ порожэнъки
Звенелі!
Тамъ красна панина та нэ завэла
Игралювъ!
Играли елі, по золотому платілі!
Прийшовъ до ее батэнько ее;
«Ходімъ, донэнъко, да вэчэряті»
«Трэба, батэнько, танцу довэсти».
Танцу довэла, вэчэрать нэйшла,
Ай у Сущанахъ дай на риночку
Тамъ красна нэ завэла
Игралювъ!
Прийшла до ее матюка ее:
«Покинь, донэнъко, танцу, водити
Ходімъ, дэню, дай вэчэряті.
Пожді мамко—танца довэду,
Танца довэла, вэчэрать изйшла,
Прийшовъ до ее милэнъкій ее:
«Покинь милэнъкія танца водити
«Пожди милэнъкій танца доведу».
Танца довэла вэчэрать нэйшила».

Сущаны (Овр. уезда).

61. Панна вино ссерегла.

13

Ой, чэрэзъ иолэ стәжка ләжала,
Кто ее вточтавъ?—Красная пани,
Красная пани вино стэрәгla.

Вино стэрэгла, хусточку шила,
Хусточку шила тай задромиула,
Ой дэ взялись райские пташки,
Якъ сел-впали, вино склювали,
Якъ ирокинулася красная панна.
«Ви райские пташки ви нэ линитэ,
«Ви нэ линетэ, вина нэ пьетэ,
«Намъ цого вина багацко трэба,
«Ищэ два брати тай нэ жонати,
«А старша сэстра щэ замужъ нэ йшила,
«Я молодэнка вжэ готовэнька».

Сербы (Новогр.-Вол. уездъ).

Б

Зажуриласа крутая гора

Святий вічоръ'

Шо и э зродала шовковка трава,
Ой но зродила зэлэн вино,
Хто надъ тимъ виномъ сторожемъ будэ?
Хто тэе вино стэрэгти будэ?
Ижъ визваласа славная панна,
Славная панна, панна NN:
«Я того вина стэрэгти буду».
Стэрэгла вона и хустинкушила,
Хустинушила, дай задрэмнула.
Якъ наглэнүли райские иташки,
Кубын побили, вина поили:
«И шуги шуги кубки и э битэ,
Кубки и э битэ, вино и э питэ,
Тэлэрь миэ вина бағацько трёба,
Тэнэрь муй батько зъ Луцька прийдэ,
Привээ вуинь миэ три гостинички,
Три гостинички три парадоньки,
И одэнь гостиничикъ той павэнъ вэнчикъ
Другий гостиничикъ—золотий перстэнъ,
Трэтай гостиничикъ—красна суконька,
Золотий перстэнъ на руце сяе,
Крамна суконька слеть замтаяе.»

Выры (Ровенского уезда).

62. Панна стережет золотую кору.

Стоять бэрэза тонка высока,
Радуйса, зэмлэ, Богъ тэбэ врдють!..
Тонка высока звэрху кудрава,
А на той бэрэзі ой золота кора,
До тое бэрэзи втонтана стэжэчка,
Хтожь тае втонтавь?—Красная панина,
Красная панина кори стэрэгла,
Кори стэрэгла дай задэрмала.

Приехали до ее трое сватовъ,
Одни стали по пудъ садами,
Другие стали пудъ воротами,
Третіе стали пудъ стѣнми зъ коньми,
Що по пудъ садами платочекъ дала,
Пудъ воротами пэрсника дала,
Пудъ стѣнми зъ коньми сама молода,
Сама молода отъ якъ ягода.

Сущаны (Овр. уѣзда).

63. Панна пшеницу жала.

A.

Ой, чэрэзъ полэ стажка ләжала,
Тамъ красна панина пшенициу жала,
Пшенициу жала, шовкомъ въязала,
Приишовъ до ее батэнъко ее,
«Ой кидай, дою, пшаници жати,
Иди до дому гостэй приимати,
Ехали до тэбэ любие госте,
Едине стали въ хаті за столомъ,
Другие стали въ сіняхъ за двэрми,
Третіе стали съ куньми пудъ сенъми,
Въ хаті за столомъ хусточки дали,
Въ сіняхъ за двэрми почастовали,
Съ коньми пудъ сенъми подзэнъковали».

Сербы (Нов. Вол. уѣзда).

B.

Красная панина пшанициу жала,
Святій вэчоръ, пшанициу жала!
Пшанициу жала, три ръеди клала,
Приишовъ до ейі татойко ейі:
«Годі, доиэйко, пшаници жати,
Ходи до дому гостэй шановати,
А ті намъ гости три рибачэйка,
Три рибачэйка всэ молодые:
Красная панина що ти намъ мінішть?»
— «Одному міню хустку шовкову,
Другому міню престінь золотій,
Трэтому міню сама молода,
Сама молода ой такъ якъ ягода,
А мое личко ой такъ якъ яблечко».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

64. Панна пшеницу жала. II.

A.

Ой за горами пшениция яра,
Пшииниция яра повилягала,
Тамъ красна панина пшеници жала,
Ой жала жала, крэпко заснула,
Пришло до ее сімсotъ паничэвъ,
Сімсotъ паничэвъ, усі гарни хлонци,
«Красная панина міжъ тэбэ возьмемъ»,
— «Нэ берить мэнэ у чистому полі,
Да берить мэнэ въ моего батэнъка:
Въ моего батэнъка три сторіжэйка,
Підна сторожа—батько у стола,
Друга сторожа—батько въ порозі.
Третя сторожа—сестра въ порозі».

Костополь (Ров. уѣзда).

B.

Ой, во лузе во лузе при дорозэ,
Ой дай Божэ!
Тамъ красна панина пшанічку жала,
Пшанічку жала, во три радки клала,
Пришло до ее сімсotъ молодцовъ,
Сімсotъ малодцовъ усехъ Сущаньцовъ.
«Красная панина, мы возьмомъ тэбэ».
— «Нэ береть мэнэ въ чистому поле,
Да возьметъ мэнэ въ батька за столомъ,
Въ моего батэнъка да три вартонька:
Одна вартонька батько за столомъ,
Друга вартонька маті въ порозе,
Третя вартонька братічокъ на дворе,
Батько за столомъ кубки сповиле,
Маті въ порога хустоньки крае,
Братічокъ на дворе коніка сэдлае».

Сущаны (Овр. уѣзда).

65. Панна траву жала.

(Щедровка).

Жала НН шовкову травицию
По зари!
Гой по зари дай місяцу нэ віднэнъко!
Травицию жала пэрстінь заубила,
Ой шла жи вона до домоньку,
Зостріла вона три косарикэ:
«Ви косарикэ ви маладэнъкэ
Викосьтэ мэні шовкову траву,
Травицию скосітэ пэрстінь найдіте,

Едному будэ шовкова трава,
Другому будэ золоти пэрстинь,
Трэтёму буду сама молода,
Сама молода такъ якъ ягода».

Владимирець (Луцкаго уѣзда).

66. Красная панна перевозъ держитъ.

A.

Ай, вода, вода, вѣлика вода
Святій вѣчоръ!
Вѣлика вода бэрэги рвала,
Красная панна пэрэвузъ мала,
Красная панна, панна NN,
Пришло до ее сімсость козакувъ,
Сімсость козаковъ, двісти молодцовъ,
«Красная панна, пэрэвэзи нась»
— «Не пэрэвэзу, нэ маю часу,
А муй батенько зъ вуйська прийхавъ,
Да привѣтъ мине золотий гостинецъ,
Золотий гостинецъ пэрловий вэнэцъ:
Пэрловий вэнэцъ—на головку клоненецъ,
Золотий пэрстинь той на рученьку,
А поясочекъ на нэділэньку».

Владимирець (Луцкаго уѣзда).

B.

Ой, у Киеві на пэрэвозі,
Тамъ красна панна пэрэвозъ держала,
Пришло до ее сімсость молодцовъ,
Красная панна пэрэвэзи нась,
Нэ пэрэвэзу—нэмаю часу,
Нэ часиночки, нэ годиночки,
Тэнэръ муй братко зъ вуйська прэехавъ,
Привузъ онъ мэне три гостиничка,
Пэрший гостинецъ кунная шуба,
Други гостиничка пэрлови віенокъ,
Трэтій гостиничка золоти пэрстникъ,
Я въ тэе вбралась и въ цэркву пошла,
Кунная шуба сліедъ заміетае,
Золотий пэрстникъ бэзъ сопча сяе,
Пэрловий віенчикъ головку клонитъ.
А за цімъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, красная панна.

Искорость (Овр. уѣзда).

B.

Ой у Киеві на пэрэвозі,
Ой дай, Божэ!
Ой тамъ NN пэрэвозъ держала,
Пэрэвузъ держала—пэрэвозила,
Пришли до ее три коляднички:
«Красная панна пэрэвэзи нась».
— «Нэмаю часу до пэрэвозу,
«Бо вжежъ муй батько зъ войны приехавъ,
Да привѣтъ мине три гостінчики:
Одинъ гостінчикъ павэнъ вэночокъ,
Другій гостінчикъ—золотий пэрсникъ,
Трэтій гостінчикъ—дорога сукенъка,
Павэнъ вэночокъ—головку клонитъ,
Золотий пэрсничокъ на ручце сяе,
Дорога сукенъка слёзами тае».

Сущаны (Овр. уѣзда).

67. Панна пошла по воду, встрѣтила короля.

Я въ нэділю рано пораненько,
Радуйса,
Радуйса, зэмлэ, синъ Божий
Народивса!
То красная панна вбирала головку,
Вбирала головку дай шла по водоньку,
Схилила головку чэрцать водоньку,
А вэночокъ испавъ дай на Дунай поплавъ,
Ходить красна панна по надъ бэрэжчкомъ,
Зострэтае ее король молоденький:
«Чого красна панна да такъ сильно пла-
чэшъ,
Што вэночокъ испавъ да на Дунай поплавъ,
Нэ плачь красна панна нэ плаче, нэ жу-
риса,
Я того вэночка шаблёю приплавлю,
А красную панну тай за сэбэ возьму».

Владимирець (Луцкаго уѣзда).

68. Панна пошла по воду, встрѣтила огулея.

Я у нэдімо рано, рано пораненько
Радуйса,
Радуйса, зэмлэ, синъ жэ то Божий
Вродивса!
Ранэсенько встала головоньку вбрала,
Вбрала головоньку, пошла по водоньку,

Зобачила вона на морі йогулия:
«Пливи,—огулэнъко, гъ сёму бэрэжэнъку,
То я тэбэ вбэрү, якъ самая знаю,
Принесла пиръечко зъ далэкого краю,
Я твойі крилэчка пэрлами обтину,
Я твойі нижечки шовкомъ обовью,
Я твою головку злотомъ обовью,
Будэшь хвалици пирэдъ панами,
Пирэдъ панами, пирэдъ королими:
«Такъ мэнэ вбрала красная паниа,
У мойі крилэчка пэрлами втикала,
Она мойі нэжэнъки шовкомъ обвила,
Она мою головку злотомъ облила.

Костополь (Ров. уѣзда).

69. Панна пошла по воду: встрѣтила ангела.

Ой, сэло, сэло, чомъ нэ вэсэло?
— «Ой якъ жэ мине вэсэлому буть?
Шо все девочки замужъ пошли,
Тилько я одна да засталаси,
Хиба молода сэло звэсэлю?»
Вэдэрцэ, взяла по воду пошла,
Збачила янголя съ того бэрэга:
«Пливи, янголю, молодъ за мною,
«Я тэбэ, янголю, гарнэнъко вбэрү,
«На твою голивку жэмчижну складу,
«Твое крилэчка злотомъ оболлю,
«Тэбэ, янголю, назадъ одошилю,
«Пишись, янголю, царомъ-королёмъ,
«Царомъ-королёмъ отецкимъ синомъ».

Андреевичи (Нов. Вол. уѣзда).

70. Соколь на соснѣ видить, какъ красная панна въ челнокѣ хустки шьетъ.

Ой, сосна, сосна, високо зросла,
Святій вэчорь!
Ой на тий сосні сивъ сокіль сэдитъ,
Сивъ сокіль сэдитъ, далэко глэдить:
На синімъ морі човничоюкъ плавле,
А въ тимъ човничку красная паниа.
Красная паниа, паниа НН,
Вишила вона да три хустонъки,
Една хустонъка зъ самого шовку,
Друга хустонъка зъ самое белі,
Трэтия хустонъка той зъ заполоти,
Ой що изъ шовка, то то батэнъку,
Ой що изъ белі, то то матэрі,
Ой що зъ заполоти то то милому,

Нэма кому дати—та милому знати,
Послала батька—батько старэнъкий,
Послала матку—матка старэнъка,
— Чи соромъ чи два—понесу сама».

Осова (Луцкаго уѣзда).

71. Дѣвшка шьетъ три рубашки.

Ой на горонце въ новой светлонце
Дѣвшко!
Ой дѣвшко пані, говори зъ нами,
Сэрдэнъко!
Ой шила девушка три кошулэнки,
Ой одну шила тай дле батэнъка,
Ой, другую шила та дле матонки,
А трэтия шила сама для сэбэ,
Ой, що для батэнъка,—то чорнимъ шовкомъ,
Ой що для матонки,—то чирвонимъ шовкомъ,
А сама для сэбэ —то срібломъ и злотомъ.

Селенъ (Овр. уѣзда).

72. «Я до тэбэ сама прибуду». I.

Коляда.

Ой, пудъ вэрбами, ой нудъ вэрбами
Святій вэчорь!
Ой тамъ ходила статэчна жона,
Статэчна жона, НН мати,
Зостріла жъ вона три риболовці:
Три риболовці всі три молоды,
«Чи нэ бачили сина моего?»
Ой идэнъ какжэ, що я нэ бачивъ,
А другій какжэ, що я нэ видивъ,
А трэтий какжэ, що я зобачивъ:
«При крулю служить, на кові піздить,
Листонъки нишэ, до паненки шлэ,
А вона йому дай одписуе:
«Ой нэ шли, нэ знебувайся,
«Бо я до тэбэ самая буду,
«Ой чэрэзъ лісь той лисонъкою,
«А чэрэзъ полэ той кунэнъкою,
«А чэрэзъ воду той утюнкою,
«Я чэрэзъ сэло той хмаронъкою,
«Ой на твуй жэ двуръ дрібнимъ дощиковъ,
Въ твое оконце ясиэнъкоэ сонцэ,
Ой за твуй жэ стиль той нэ васницею,
Сяду коля тэбэ молодэнъкою.

Годомичи (Луцкаго уѣзда).

73. «Я до тэбэ сама прибуду». II. «Куну въ дэрэвіе, панину въ тэрэмне,
 (Щедровка). «Ой тобі, братэ, куна въ дэрэві,
 «А міні, братэ, панина въ тэрэмі».

Ой, мижъ дубъемъ мижъ берэзьемъ,
 Ой, тамъ ходить стадо куйэй,
 Межъ тими кунымп ходить молодъ NN,
 Коня мае оседлае,
 До дівчини поезджае,
 А дівчина наказуе,
 Біли листи написуе:
 «Нэ йідь, иэ пробивайса,
 Я до тэбэ сама буду,
 Чэрэзъ полэ кунонькою,
 Чэрэзъ лэси пчлонькою,
 А на твуй двуръ яснимъ сонцэмъ,
 А до хати господинькою,
 До обори заводинькою,
 А до клюни эзъ мэтёлкою,
 До комори—эзъ клоичками».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

Норникъ (Овр. уѣзда).

B.

Ой рано, рано кури запъели,
 А щэ ранее NN уставъ,
 NN уставъ, по дворе походивъ,
 По дворе походивъ, лучкомъ подзвонивъ,
 Лучкомъ подзвонивъ, брате побудивъ:
 «Вставаймо, братки, едъмо на лови,
 «Едъмо на лови въ зэлэни дуброви,
 «Тамъ ми застrellимъ куну въ дэрэві,
 «То вамъ будэ кунъ на дэрэві,
 «А міне будэ панина въ тэрэмі».

Эмильчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

74. Молодецъ ёдетъ «на залеты».

B.

Цудъ сінцами пундъ повэми,
 Стоять коні вороний:
 «А чийжъ то коничэй?»
 — Молодчика молодого.
 «А кудэ жъ вінъ дай поїдэ?»
 — До дівчини на залеты,
 Тамъ дівчина листи пишэ:
 — «Прийдь, прийдь, май жэнешэ,
 Прийдь прийдь—сама буду,
 Скину хвартухъ—напину буду,
 А въ поеска зроблю двэри,
 Сама сяду на напэри».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

Ой, рано, рано кури запъели,
 А щэ ранэшэ NN устанъ,
 NN уставъ, на пэрпла ставъ,
 На пэрила ставъ въ звонокъ зазвонивъ,
 Въ звонокъ зазвонивъ, братя побудивъ,
 «Братя, вставайтэ, коні сідлайтэ,
 Да поедэмо въ чистэе полэ,
 Въ чистэе полэ на полюваня,
 Да застrellимъ кунку въ дэрэві,
 Кунку въ дэрэві—циану въ тэрэмі,
 Ой тебе, братокъ, кунка на шубу,
 А міні, братокъ, панина до шлюбу».

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

75. Куна въ деревѣ, панна въ теремѣ.

A.

Ой рано, рано кури запіели,
 А ицэ ранэшэ NN уставъ!
 И по сэняхъ походивъ, звонкомъ позвонивъ,
 Звонкомъ позвонивъ, братовъ побудивъ:
 «Вставайтэ, братя, коні сідлайтэ,
 «Да поедэмо на полёване,
 «На полёване, на ногуляне,
 «Йідэмо полэ, йідэмо другэ,
 «Да зобачили куна въ дэрэві,

Ой рано півні запіли,
 Ой щэй раній молодчикъ уставъ,
 Звонкомъ подзвонивъ, братэ побудивъ:
 «Ставайтэ братте, підэмъ на войну,
 — Да звоюемо жовту пташечку,
 Жовту пташечку, міні дівочку».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

76. «Звоюемъ жовту пташечку».

77. Загадки.

А.

Ой, середъ села стояла яблонь
Чэрвона!
Чэрвона яблонь чэрвонихъ яблокъ
Зроділа! *)
Тудою бэжить красная панна,
За ёю бэжить красный наничикъ:
«Загадаю тебе три загадочки,
«Якъ одгадаешь—моя будэшъ,
«А що горить бэзъ поламъя?..
А що бэжить бэзъ прогондніку
«А що твіте бэзъ сінёго цвету?
— «Камэнъ горить бэзъ поломэнія,
«Л вода бэжить бэзъ прогононьку,
«Напороть твіте бэзъ сінёго цвету».

Петраши (Овр. уѣзда).

Б.

Чэрэзъ морэ, чэрэзъ синее
Чирвона!
Чирвона яблонь чирвонихъ яблокъ
Зроділа!
Загадаю три загадочки,
Якъ одгадаешь, то моя будэшъ,
Пожди, нэйди, красная панна,
«Панороть цвітэ бэзъ сінёго цвіту,
Маковка звинить бэзъ буйного віетру,
Камэнъ горить бэзъ поломайка.»
Обозаваса слишний паничу,
Якъ одгадаю, я тэбэ маю.
А за цімъ словомъ бувай ты здоровъ.

Норинскъ (Овр. уѣзда).

78. Красная панна розу щипала.

А.

Ой, у городі на частоколі,
Каліна!
Каліна моя ти чирвоная
Ягодо!
Тамъ зацветала чирвона рожа,
Вишла вибэгла красная пане,
Красная пані, пані девоњка,
Взяла той цвэтокъ тай изорвала,

*) Пріпѣў повторяется послѣ каждого стиха. А щэ надкращей у батька дочка,

Свойму личэнъку дай прировняла:
Ой дай Богъ вжэ мие такэ личэнъко,
Тобъ я нэ пошла за сэляніна
Ой тобъ я пошла за двораніна:
У двораніна всэ жито жнэца,
Всэ жито жнэца, въ копп кладэца,
А вунъ конікомъ дай поезджае,
Стремъяному ножокъ дай нэ спускае.

Смородскъ (Пинскаго уѣзда, Минской губерніи).

Б.

Ой, на городі, дай пудъ кlestкою
Каліна!
Каліна моя ти чорвоная
Ягодо!
Да якъ виравала изъ рожи кветку,
Да прировняла свойму личэнъку:
«Колібъ мое такэ личэнъко,
«Колібъ я нэ шла за двораніна,
«Дворанінъ съ коня да нэ зліае,
«Шапки чэрвонки да нэ скидае,
«Шабельки зъбоку да нэ виймае,
«Бувай здорова, красная панна».

Собичинъ (Овр. уѣзда).

Б.

Ой у садочку й у вишнёвому
Зэлено!
Зэлено вино нано въ неделю
Сажено!
Тамъ красна панна рожу щипала,
Рожу щипала къ личэнъку ровняла,
«Колібъ я така якъ цяе рожа,
Тоби я пошла за крулявича,
За крулявичемъ тамъ добрэ житі,
Тамъ добрэ житі, въ ложу сэдэти,
Въ ложу сэдэти, мэдъ вино питі,
Мэдъ вино питі, гронік лічні».

Сущаны (Овр. уѣзда).

79. Дѣвица «якъ зоря».

А.

А во лузіе, во лузіе красна калина,
Святій вечеръ!

На кросліе сядить, хустинку шиє,
Хустину шиє шовкомъ галтуе,
И ошивши хустину, пошла до церкви,
Пошла до церкви ясною зорю,
Пришла до церкви красною паниною,
Пошла у сене—сене засыпли,
Сене засыпли—цани вставали,
Цани вставали, шапки знимали,
Шапки знимали пудъ пашки клали,
Пудъ пашки клали, йіе питали,
«Чи ти царувна, чи королювна?»
—«Я нѣ царувна, нѣ королювна».

Татарновичи (Овр. уѣзда).

Б.

Ой, лесомъ соненъко грае,
Тамъ славній женихъ коня сѣдлае,
Коня седлае, въ скрипочку грае,
Пришовъ до його батенько його:
«Синку НН, кто тѣбѣ навчилъ?»
—«Мэнѣ любило да три дэвоныки:
«Одна любила—коня укупила,
«Друга любила—сѣдло купила,
«Третя любила—за мэнѣ поила»,
А за сімъ словомъ будь же ты здоровъ.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

Б.

(Щедруха).

Ой, рано, рано кури заніли
Святій вѣчоръ кури запіли!
Ой щѣ ранішай НН встала,
NN встала, три свічи ссукала,
При йіднуй свічи косу чисала,
При другуй свічи суконьку брала,
При третюй свічи до церковни йшла,
Пришла у церковну дай уклинула,
Озириулися всі иопи—дяки,
Чи то иопуївна, чи королівна,
Я ни попівна ни королівна,
Царова дочка отъ якъ паниочка.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

80. Молодца любять три дѣвушки.

А.

Ой, за горою, ой за крутою,
Ой дай Божо!
Ой, тамъ Иванъ коника пасә,
Коника пасә, въ скрипочку грае,
Въ скрипочку грае, песні спевае,
Пришовъ до його батенько його,
Интаеця його батенько його:
«Кто тѣбіе, синку, коника купивъ?»
«Скрипочку купивъ, пѣсенокъ навчивъ?»
—«Любило мэнѣ три девчоньки,
«Една любила—коня купила,
«Друга любила—скрипочку купила,
«Третя любила—пѣсень навчила»,
А за цімъ словомъ и т. д.

Эмильчинъ (Нов. В. уѣзда).

81. Малодецъ хвалится чудеснымъ конемъ.

Ой рано півні заніли,
А щѣй найраній молодчикъ уставъ,
Молодчикъ уставъ, три свічи ссукавъ,
При едині свічи той умивався,
При другуй свічи той утирався,
При третюй свічи той коня вбиравъ,
Хвалівся конемъ пэрдъ королемъ;
«Такого й коня нѣма въ короля,
А въ мого коня золота грэва,
Золота грэва пэрсті покрила».

Городокъ (Луцкаго уѣзда).

82. Никто коня не поймаетъ, I.

А.

По мэзъ горами, но мэзъ городами,
Радуйса, зэмлэ, Синъ же то Божий
Народивси!
Тамъ стояло стадо воронэе,
Съ тимъ стадочкомъ коникъ вороненъкий,
Нихто того коня пѣспоймае,
Нѣспоймае а иэоседлае,
Обозвавса красний наипичикъ,
Испоймаю тай осідлаю,
Дай иоэду до царувни въ госте,
Тамъ царувна листоньки читае,
Листоньки иишэ дитину колишэ.

Мжанъ (Овр. уѣзда).

Б.

Пудъ Кіёвомъ подъ городочкомъ,
Щодрий вэчоръ, тай добрый вэчоръ!
Чэрэзъ полэ тамъ ходіло вороне стадо,
А за тимъ стадомъ вороній коникъ,
Я на тимъ конику молоди паничу,
Нехтохъ йіго нэспоймае, нэсделае,
Дэй узавса молоди наничу,
Споймавъ його й оседлавъ його,
Чэрэзъ полэ полянкою,
Чэрэзъ полэ муравкою,
Я за цімъ словомъ бувай здоровъ.

Норинскъ (Овр. уѣзда).

83. Никто коня не поймаеть, II.

(Щедруха.)

Ой, на морі на муравці,
Стойть коникъ нэ сідлани
Світии вэчоръ, добрий вэчоръ!
Добримъ людямъ на весь вэчоръ!
Ой хто його осідлае,
Ой хто його онұздае,
Св. в. и т. д.
Осідлае НН,
Онұздае НН,
Св. т. и т. д.
Куди йідәшъ, мой синейку,
Во славенъ городъ по дівойку,
Ой привезу подолянику,
Татойкові постіль слати,
Татойкові постіллянку,
Я матухві хустопранку,
Я матюхні хустопранку,
Я братику ошиванку,
Я братику ошиванку,
Я сестриці заплітанку,
Я сестриці заплітанку,
Я самъ себе закоханку.

Боровичи (Луцкаго уѣзда).

84. У панича конь и хортъ.

Ой, у городі, и въ частоколі
Зэлено!
Зэлено вино въ нэділю рано
Сажжено!
Ой тамъ стояла ложа заслана,
На туй жэ ложи красний паничикъ,
Паничикъ лэжитъ—коника дэржитъ,

Дэржить коника въ правон ручэныци,
Дэржить тхортника на ланцузочку,
Пустивъ коника во чистое поле,
Пустивъ тхортника въ тэмные леси,
Конечокъ бэжитъ, стадечко жэнэ,
Тхортчикъ бэжитъ, утюнку нэсэ,
Мине стадочко дай на вихвалу,
Мине утюнка дай на снедане.

Мженъ (Овр. уѣзда)

85. Н съ конемъ говорить.

А.

Ой пишия, горда по місту ходить,
По місту ходить и коня водить,
И коня водить, зъ конэмъ говорить:
«Ой, коню, коню, запродамъ тэбэ,
Запродамъ тэбэ за снуипъ пшенице,
За спуипъ пшенице, за два ярице».
— «Ой, панэ, панэ, нэ продай мэнэ,
Нэ продай мэнэ, нэ мәний мэнэ,
Спомэні собе, якъ було тебе,
Якъ ми бували мижъ татарами,
Якъ ми втэкали, нась доганияли,
То були таки, шой повгэкали,
А були й таки, шой погниули,
А я якъ скочивъ-тай пэрэскочивъ,
Ни пана своего дай нэ замочивъ,
Ни пана своего, ни жупанъ його,
Ни сәдәләчка зәләненъкого,
Ни стралокъ пучокъ, ни билихъ ручокъ»..

Выри (Ров. уѣзда).

Б.

Ой, славенъ жәніхъ по мъесту ходивъ,
По мъесту ходивъ, со конэмъ говоривъ:
«Ой, коню, коню, запродамъ тэбэ
Запродамъ тэбэ за бочку мәду,
За бочку мәду, за дрјгу вина,
За другу вина, за третю пива».
— «Славни жәнішә, нэ продай мэнэ,
Нэ продай мэнэ, спомэні тәе,
Якъ ми втэкали—нась наганияли,
Нась наганияли турки—татары,
Ой, а я скочивъ—Горны пэрэскочивъ,
Горны нэрэскочивъ, сәдла нэ вмочивъ,
Ни сәдәләчка, ни стримәнечка.
Хваливса конэмъ пэрэлъ королэмъ,
Шо нэма коня дай у короля.

Ой якъ у мэнэ, славного жэниха,
Хваліса мечамъ пэрэдь паничэмъ,
Шо нэма меча дай у панича,
Ой якъ у мэнэ славного жэниха,
А за сімъ словомъ будь жэ ти здоровъ,
Будь жэ ти здоровъ, славни жэнишэ.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

86. Поединокъ съ турецкимъ царемъ.

Ой, горди шиненъ, красний паничу
 Ой дай, Божэ!
Ой зибравъ войсько, ажъ зэмле тяжко,
Да ставъ обозомъ въ чистому полѣ,
Раскинувъ намэтъ да вэсь шовковий,
Огородився белымъ залезомъ,
Да пишё листи къ Турецкомъ цару,
«Ой, цару, цару, цару Турецкий,
«Або зо мнои бийсь, або дочь оддай».
Ой той йому царь зъ орди однисавъ
— «Бится нэ пойду и дочки нэ замъ».
Якъ пустивъ стрэлу къ Турецкомъ цару,
Вибинвъ ворота цару зъ города,
Да взявъ царуовну нэ сватаную,
А той йому царь три гостинци давъ,
Давъ йому леса нэсходимаго,
Давъ йому поля нэзмераного,
Давъ йому гроша нэзлічаного,
А за цімъ словомъ бувай же здоровъ,
Ой, бувай здоровъ, красэшъ паничу,
А ціе сватка сватку же зборовъ,
Другихъ у Бога дожидай же здоровъ,
Нэ самъ зъ собою—зъ отцемъ, зъ маткою,
Изъ милимъ родомъ, изъ сватимъ Богомъ,
Красэнъ паничу, ти нась нэ бари,
Ти нась не бари, ти нась нэ дари,
И довшэ забаришъ, большэ задариншъ
Викинь шостачокъ Богу на значокъ,
Намъ твоё дари нэ въ скарбі класти,
Обѣцалися на церкву дати,
На свату цэркву на фундоване,
На новой майстажъ на мулёване,
Викинь копэйку намъ на горелку,
Жартуй, нэ жартуй, но горелку мандруй,
Жарты нэ жарты, хочай повкварти,
Нашои берэзи гурка заплата,
Гурка заплата горелки кварта,
А мухониши, хочь штири гроши.

Искорость (Овр. уѣзда).

87. Молодецъ ка войнѣ не слушаетъ
совѣтовъ отца. Царь выдаетъ за него
дочь.

А.

Ой, рано, рано, всімъ загадано,
Всімъ загадано да на войночку,
Ой обозвавса NN батько,
«Ой иди, синку, дай на войночку,
Напэрэдъ війска нэ вириваіся,
А назадъ війска нэ зоставайся:
Напэрэдъ війска—то кулі въ очи,
А назадъ війска то палки въ плэчи»,
Ой, а синъ батька да на послухавъ,
Напэрэдъ війска конемъ вийіхавъ,
Напэрэдъ війска коникомъ грае,
Коникомъ грае. турки рубае.
Ой обозвався да турецкій царь,
Ой, щожъ то за панъ, що турки рубае,
Дарую йому коня вороного».
А вінъ на сэе да на ноглянэ,
Да на ноглянэ бо свое мае,
Винэсли йому пувмису грошэй,
А вінъ на сэе дай на ноглянэ,
Вивэли йому красную папну
Винъ пану взявъ таб подзеньковавъ.

Костополь (Ров. уѣзда).

Б.

Я въ нэдилэнъку поранэсэнъко,
Да загадано дай на войночку,
Ой бувъ въ батэнъка одинъ синочокъ,
Одинъ синочокъ, одинъ NN
Охъ вунъ його дай выражаетъ,
Дай выражаетъ дай научаетъ,
Ой будь синонъку, дай розумнэнъкий,
Попэрэдъ вуйська нэ вимикайся,
А назадъ воуйська нэ зоставайся,
Понэрэдъ вуйська огонь у вочи,
А назадъ вуйська куля у плэчи,
Ой синъ батэнъка лай нэ послухавъ,
Попэрэдъ вуйська съ конемъ нехавъ,
Съ конемъ играе, вуйсько рубае,
Да прирубавса Цару-городу,
А той йому царь да добрэ сприявлъ,
Давъ йому срэбра нэ важаного,
Давъ йому злota нэличаного.
А за сімъ словомъ будь ти здорови,
Будь ти здорови, славенъ женишэ,
Славенъ женишэ на имя NN.

Нѣмовичи (Ров. уѣзда).

B.

Я въ нэдэлэвьку, иоранэсэньку,
Сватій вечоръ!
Я загадують на громадоньку:
«Въ кого сини е, випроваджайтэ,
Я въ кого нэмае, нэхай наймае»
Въ нашого NN одни синочокъ,
Одинъ синочокъ дай той NN,
Ой едь синонъку дай на войнонъку,
Напэрэдъ вуйська нэ вимикайса,
А назадъ войська нэ зоставайса»,
Пэрэдъ королэмъ инграе конэмъ,
Пэрэдъ паничэмъ махае мачэмъ,
Король питае чий цэ синъ грае,
«Ой колибъ я знавъ, чий цэ синъ игравъ,
Тобъ я йіму давъ пувъ королевства,
Королёвночку, щэй свою дочку».
Винэсли йіму миску чирвонцовъ,
А вонъ на тэе нэ подививсе,
Нэ подививсе, нэ уклонивсе,
Вивэли йіму вороного коня,
А вуонъ на тэе нэ подививсе,
Нэ подививсе, нэ уклонивсе,
Вивэли йіму красную паниу,
А вонъ на тэе дай подививсе,
Дай подививсе, дай уклонивсе,
Шапочку изнуу дай подяковавъ.
Нашой бэрэзі туркая доля,
Гуркая доля—квартга горилки,
А колядничкамъ хочь ковбасъ миску,
Дайтэ до бога понесу,
Якъ богъ нэ приймэ назадъ принесу.

Олевскъ (Овр. уѣзда).

**88. Молодецъ на войнѣ не слушаетъ
совѣтовъ матери, царь выдаетъ за
него дочь.**

A.

Ой, за горою за каменою,
Шэлчэ говорить мужъ изъ женою,
Шэнчэ говорить у слухъ вэ мовитъ,
Ой тамъ стояла мужа громада,
Мужа громада, добрая рада,
Ой радять раду нэвэллику;
Въ кого сини е, до войська ити,
Въ кого нэмае, нэхай наймае,
А у вдовоньки только одни синъ,
Дай тому кажутъ до войська ити.
Иого матуся випроважала.
Випроважала, дай научала.

«Иди, синонъку, дай въ дорожэнъку,
Попэрэдъ войська нэ вимикайса,
А назадъ войська нэ оставайся».
Я вонъ матэри да нэ послухавъ,
Пэрэдъ королэмъ да грае конэмъ,
Король иштае, «чий сэ синъ грае?
«Ой кобъ я знавъ, чий цэ синъ гравъ,
Подаровавъ бы пувъ королевства,
Пувъ королевства, повтори войська,
И свою дочку королевночку...
Королевночку отъ якъ панночку.

Жубровичи (Овр. уѣзда).

B.

Ой у нэделю шэй ранэсэйко
Святнй вэчоръ!
Задумали всемъ аа войнойку,
Въ нашей мамуні едэнъ синочокъ
Едэнъ синочокъ, тай той войночокъ,
Ой мати сина випроважала,
Випроважала дай научала;
Ой едь, синойку, дай на войнойку
Попэрэдъ вуйська нэ вимикайса,
А назадъ вуйська нэ оставайса,
Посэрэдъ вуйська то сватя-брата».
А синъ мамуні дай нэ послухавъ,
По пэрэдъ вуйска конникомъ погравъ,
А царь питае, чий то синъ грае:
«Кобъ я його знавъ тобъ царпвиу давъ».

**89. Молодецъ выбываетъ ворота Царь-
города.**

Ой дими, дими по надъ лугами,
Да нэ есть дими, то всэ порохи.
Въ нэдельку рано, всемъ загадано,
Всемъ загадано до войска ити,
Молодому NN всэй пэрэдъ вэсти,
Иого мотюнка випроваджае,
Випроваджае дай научае:
«Попэрэдъ войська нэ виривайся»
«А назадъ войська нэ зоставайся»
А вунъ матэри да нэ послухавъ,
У пэрэдъ вуйська всэ конэмъ грае,
А назадъ войська то всэ звэртае,
Хвалица лучкомъ пэрэдъ турочкомъ,
Хвалица конэмъ пэрэдъ королэмъ,
Вибивъ ворота у Царгорода,
Вишло до него три царевича,
Винэсли йому шулмиски грошэй,
А вунъ гропи взявлъ, нэ подяковавъ,

Ю пэрэдъ войська всэ конэмъ грае,
А назадъ вуйська да всэ звэртае,
Хвалица лучкомъ пэрэдъ турочкомъ,
Хвалица конэмъ пэрэдъ королэмъ.
Вибивъ ворота изъ Царгорода,
Вишло до його три царевича,
Вивэли йому коня награді,
А вунъ на тэе борзо нэ зглядавъ,
Борзо нэ зглядавъ шапочки нэ знивъ,
Шапочки нэ знивъ, нэ поклонився,
Нэ поклонився, нэ покорився,
А вунъ матюнки да нэ послухавъ,
У пэрэдъ вуйська всэ конэмъ грае,
А назадъ вуйська всэ завретае,
Вибивъ ворота у Царгорода,
Вишло до його три царевича
Вивэли йому красную панину,
Вунъ панину взывъ, шапочку изнивъ,
И поклонився и покоривса.

Эмильчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

90. Молодецъ не слушаетъ совѣтовъ матери. Турецкій царь «въ пригодѣ».

Я въ нэдилнэйку, дай поранэнъко,
Позадавали усемъ на войноньку,
Хто сини мае, то вираджае,
А кто нэмае то той наймае,
А у вдовоньки одинъ синочокъ,
Одинъ синочокъ дай одиночокъ,
А вона його дай вираджае,
Да вираджае дай научае:
«Ой будь синонъку дай разумнэйкий,
Дай разумнэйкий дай спокойнэйкий,
Напэрэдъ вуйська нэ вимикаса,
А назадъ вуйська нэ зоставайса»,
А вунъ матюнки дай нэ послухавъ,
Напэрэдъ вуйська конэмъ поэхавъ,
Напэрэдъ вуйська конэмъ играе,
А назадъ вуйська вуйська рубае,
Напэрэдъ вуйська огнэмъ у вочи,
А назадъ вуйська кулэю въ плэчи,
Дорубавса вўнинъ Цара-города,
«Йой, цару, цару, ссечу зрубаю,
«Ой, панэ, панэ, нэ рубай мэнэ,
Стану я тебе въ две вигодоньки,
Покладу мости съ тонкое трости,
Поставъю брами пэчатовани,
То якъ ты будэшъ молодъ ехати,
Забразчать мости съ тонкое трости,
Й отчинятса брами пэчатовани».

Выры (Ков. уѣзда).

91. Соколь на золотыхъ воротахъ видитъ какъ сынъ NN суды судить.
(Коляда).

А.

Я въ лузі, въ лузі двуръ при дорозі,
Двуръ при дорозі—нови ворота,
Нови ворота зъ щирого злата,
На тихъ воротахъ золота маковка,
На туй маковці ясэнъ соколэцъ,
Вишла вибегла NN мати,
NN мати NN шукати.—
«Соколэ, соколэ, високо сэдитъ,
Високо сэдишъ, далэко глэдитъ,
Ой, чи нэ бачить мого синонька,
Мого синонька сина NN?»
«Ой, я нэ бачивъ, по самъ тамъ бувъ,
Ой, я твуй синъ при крулю служитъ,
При крулю служитъ, судоньки судить,
Судоньки судить, радоньки радить,
За ради бэрэ, въ шкатулку кладэ,
Въ шкатулку вниймае, майстрі наймае,
Майстрі наймае цэркву будуе.

Владимирецъ (Луцкаго уѣзда).

Б.

Ой, въ полі, въ полі стоять ворота,
Стоять ворота зъ самого злата,
На тихъ воротахъ сивъ соколь сэдить,
Сивъ соколь сэдить да въ воду глэдить,
«Ой, рибо, рибо, якъ ты глибоко»
Пришла до його статэтна жона,
Статэтна жона N. N пані
«Чи бачивъ ти мого синочка?»
— «Я вашъ синочокъ при цару служить,
«При цару служить, судоньки судить
«Судоньки судить, гадки гадае,
«Я за судоньки по сто золотихъ,
«Я за гадоньки но сто чирвонихъ,
«Вунъ гроши бэрэ въ кипиеню кладе,
«Въ кипиеню кладэ майстрэ наймае,
«Майстрэ наймае, цэркву будуе,
«Будуе церкву съ трома вэрхами,
«Съ трома вэрхами, съ тромя окнами,
«Еднэ окэнцэ, то яснэ сонцэ,
«Другэ окэнцэ—то яснэ сонцэ,
«Трэте окэнцэ—друбэнъ дощичокъ,
«Ой, шо ты мовишъ, яснэ сонечко?»
«Я тэе мовью; то якъ изийду,
«То якъ изийду въ нэдельку рано,
«Возрадуеща вэсъ миръ краѣтънъкій,

«Весь миръ хрэстяинский, до церкви йдучи
 «До церкви йдучи свечи нэсучи?»
 «Ой що ти мовить, ясень месяцу?»
 «Я тэе мовью, якъ я изойду
 «Що я изойду въ ночи—пувночи,
 «Возрадуеця весь зверъ у лесі,
 «Весь зверъ у лесі, гость у дорожі:»
 «Ой що ти мовишъ, дрибэнъ дощыку.»
 «Я тэе мовью, що я изойду,
 «Що я изойду три рази маю,
 «Возрадуеця жито й ішеница,
 «Жито ішеница—всяка пашница,
 «Возрадуеця и въ гору пойдэ,
 «Квитоватимэ й наливатимэ,
 «Прииде хазяйн радоватся будэ,
 «Прииде лето той зжинать будэ».

Эмильчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

92. Соколь на золотыхъ воротахъ
видить что сынъ NN суды судить
 (Щодруха)

Зийшовъ місяць на небеси,
 Щодрий вачоръ, святій вечоръ!
 Светивъ жэ вунгъ нэбо и зэмлю,
 Нэбо и зэмлю, двуръ при дорозі
 Двуръ при дорозі, нови воротэчка,
 На тихъ воротэчкахъ сокиль сэдить,
 Сокиль сэдить ги уздэ чко въе,
 Чорнимъ шовкомъ нэрэвивае,
 Срібломъ—золотомъ пэрэкладае,
 Ажъ тамъ вийшла пишная жона,
 Пишная жона NN мати:
 «Чи нэ бачили мого сына,
 Мого сына щэй NN»
 инденъ кажэ: «я нэ бачивъ»,
 Другий кажэ «а я бачивъ»
 Пэрэдъ королёмъ. пэрэдъ сисаромъ,
 Суди судить, раду радить,
 Судъ пэрэсудить чэляді бъели,
 Чзляді бъели журитисе,
 NN... жонитисе.

Деражня (Ров. уѣзда).

93. На рогу звѣря красный паничикъ
 выхваляется.

Шуми, нэ шуми да, С м о р о д и н о,
 Ой, мине да нэ шумети?
 Шо по мне бэжить дивнэе зверре,
 Чъ звере по дэвять рожковъ,

А на дэсятомъ свэтюлка стойть,
 А въ той свэтюлці всё столі стоять,
 По-за стулечку всё пана сядать,
 Пэрэдъ панами красний паничикъ,
 Красний паничикъ вихвалияэца,
 Вихвалияца, вивахуеца:
 «Ой убивъ жэ я да дэвэть лисовъ,
 Да дэвэть лисовъ дэсяту кунку,
 Дэсяту кунку матэр на шубку»
 Иого милая пагніваласо,
 Нагніваласо, росердиласо:
 «Ой нэ гнэвайсе, ты, моя мила,
 Ой, бо ты мэнэ, дай нэ родила,
 Мэнэ матюнка дай уродила,
 Дай уродила, вигодовала,
 Тэмної ночи нэ досипала
 А за сымъ и т. д.

Жубровичи (Овр. уѣзда).

II. 94. Теща узнаетъ по рубашкѣ «якъ
день».

Дай, на юлонци дай на широкуй
 Ой дэнь добрий!
 Ой, тамъ стояла да рада мужуивъ,
 Дай рада мужуивъ, гарнихъ малодцуувъ,
 А по мижъ ліими тай куйнь вороний,
 Да нихтожъ коня да нэ споймае,
 Да нэ споймае нэ осэдлае,
 Яжъ по визавася тай той славэнъ панъ,
 Да той славэнъ панъ, панъ NN:
 «Ой и я його дай испоймаю,
 «Дай испоймаю, дай осідлаю,
 «Дай до тэцциныки въ гости поеду:
 Ой тэща кажэ, шо сокуиль лэтитъ,
 Приезджае вунъ пудъ ворутэчка,
 Яжъ по виходитъ його тещэчка:
 «Ой тэщо, тэщо, почумъ познада?»
 — «Познада тэбэ по кушулэныі.»
 На йомъ кошуля, якъ день бэлэнъка,
 Якъ дэнь бэлэнъка, якъ листовэнъка,
 Я на ковнэрце сиви голубце,
 Я на пазушкахъ райские пташки,
 Сиви голубце політать хочуть,
 Райские пташки щэбэтать хочуть.
 А въ сему слови будъмо здорови,
 А сіе сватка, сваткуй здорови,
 Ти славный панэ, панъ господару».

Выры, (Ровенского уѣзда).

95. Нѣтъ брата дѣвушки.

Дѣсь ти, роженъко, една въ городі,
Ой, рожэ.
Чэрвоная дай хороша!
«Я нѣ едная я нѣ самая,
Колько кветочокъ всѣ коло мэнэ,
Только нѣмае кращэ того барвенку»
Дѣсь ти, девчино, една въ матюнки,
Колько дівочокъ всї коло мэнэ,
Только нѣмае служжайки мого,
Служжайки мого брата родного.

Селець (Овр. уѣздъ).

96. Орель и воронъ.

(Коляда).

Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
Въ орла питае:
«Ой, ты орлику родний братику
Зъ мое стороны
Ой, чи журица отэцъ батэнъко
Тэпэръ по мине?»
— «Ой, журица щэй пѣчалица
Горко ридае,
Ой, дѣсь мого сина сокола
Зъ войська нѣмае»,
Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
Въ орла питае:
«Ой ты орлику родний братику
Зъ мое стороны
— Чи нѣ журица отэцъ матюнка
Тэпэръ по мине?»
— «Ой, журица щэй пѣчалица,
Горко ридае
Ой, дѣсь мого сина сокола,
Зъ войська нѣмае».
Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
Орла питае,
«Ой, ты орлику родний братику
Зъ мое стороны,
Чи нѣ журица да мой братэнъко
Тэпэръ по мине?»
— «Ой, журица щэй пѣчалица
Горко ридае,
Дѣсь мого брата сокола
Зъ войська нѣмае».
Лэтить воронъ изъ чужихъ сторонъ
Орла питае:
«Ой, ты орлику родний братику
Зъ мое стороны».
Ой, чи нѣ журица моя сестрица
Тэпэръ по мине?»

Ой, журцица и т. д.
Лэтить воронъ зъ чужихъ сторонъ
Орла питае,
«Ой, ты орлику родний братику,
Зъ мое стороны,
Чи нѣ журица вся родина
Тэпэръ по мине?»
Ой журцица и т. д.
Эмильчинъ (Нов. Вол. уѣзда).

97. Молитва Маріи дѣвы.

Коляда.

«Радуйко Маріе—небесъка царица,
Радуйко брадовэна (?) просветнися зорнице (2)
Алэлуйя, алэлуйя слава тэбэ Боже.
Помилуй насть, владичица, Мария госпожэ»,
— «Помилую, пожалую за ваши молитви
Пэрэстанътэ християни по світі гришити»
«Я ми станомъ пэрэстаномъ нѣ будэмъ гре-
шити,
Якъ ми станомъ пэрэстаномъ божи пісни
піти,
Зонди зойди панно зъ високаго даху,
Нѣ задавай христіянамъ вэлику застраху
Зойди зонди, панэ, панэ, осіянъски (?)
Нѣ дай нѣ дай погинуты душамъ христі-
янскімъ.

Сущаны (Овр. уѣздъ).

98. Коляска бѣжитъ.

Коляда.

Да бѣжитъ, да дрижитъ да колясонъка,
Да ў тий колясонъци, красний панъ сэ-
дить,
Хустинко мае, на мэнданъ махае,
Дэ нѣ взялася красная панна:
«Ти, NN сэрцэ, свойімъ духомъ дишашь,
«Ти коня сѣдаешь до другихъ да маешь».
Костополь (Ров. уѣздъ).

99. «Чэдрикъ—бэдрикъ».

(Щедровка)

Чэдрикъ, бэдрикъ,
Дайтэ варэнникъ,
Грудку каши,
Конэнъ ковбаси.
Селець (Овр. уѣздъ).

100. Укравъ жита корецъ.

А.

Ой видить Богъ, видить Творэцъ,
Укравъ шэвчикъ жита корецъ,
На коленца впадае,
Жита корецъ пудимае.
Полезъ шэвчикъ по драбинѣ,
Удавъ шэвчикъ по мижъ свини,
Качаені, валяеци, за ютнину валяеци,
Коли бъ шэвцю да нэ шило,
Було бъ його задушило,
Коли бъ шэвцю нэ трэпачка,
Пропавъ бы шэвчикъ якъ собачка.

Искорость (Овр. уѣздъ).

Б.

(Коляда).

Види Божэ, види творэцъ,
Да укравъ мужикъ жита корецъ,
На коленца упалае,
Жита корецъ поднимае,
Прийшовъ чоловекъ до жонки,
Цошэй мэшки въ штирэ полки,
Жонка тому вэсэлица,
Будэ жито и пшэчица.

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

101. «Въ печи пироги».

Коляда.

У пэче пироги седелі,
Туди мое очэнки гладелі,
По единому витягавъ,
По другому поедавъ,

Набилі!

Полезъ я на гору по сало,
Охъ и сала нэ достау,
Изъ драбники дай упавъ,
Забивсе!

Прэдвечний сиудъ света
Родивсе!
Злезъ на хлевъ, а хлевъ
Уваливсе!

Покиль сохи порубавъ,
А ключища повэшавъ,
Дай хлевъ ставъ!
Олевскъ (Овр. уѣздъ).

102. Пошли три бабы колядовать.

Коляда.

Пошли три баби колядовать,
Святый вэчоръ!
Одна просить другая носить,
Святый вэчоръ!
Трэтия здоровша собаки дгонить,
Святый вэчоръ!
Шоби нэ ѹили хліба исъ торби,
Святый вэчоръ!

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

103. «Колдуй, баранэ».

Коляда.

«Колядуй, баранэ», — нэ вмэю, панэ,
Святый вэчоръ!
«Утэкай баранэ», — кудого, панэ?
Святый вэчоръ!
«Круэль окно, баранэ», — коли роги, панэ,
Святый вэчоръ!
«Позбивай, баранэ» — «коли роги, панэ»
Святый вэчоръ!

Олевскъ (Овр. уѣздъ).

Записаль *H. Коробка*.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Критика и библіографія.

F. Hirth, Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk - Völker, I Die Ahnen-tafel Attila's nach Iohannes von Thurócz (Ізвѣстія Імператорской Академіи Наукъ, т. XIII, № 2, 1900, сентябрь, стр. 221—261).

Въ библіографическомъ обзорѣ гунского вопроса «Хунъ-ну и Гуны», помѣщенному въ III—IV выпускахъ «Живой Старины» за 1900 г., мы уже говорили о статьѣ нѣмецкаго синолога проф. Хирта «Ueber Wolga—Hunnen und Hiung—nu» (см. стр. 560—1 IV-го выпуска и стр. 72—73 отдѣльного оттиска). Болѣе подробный разборъ этой статьи сдѣланъ нами-же въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, т. XIII, вып. I, стр. 068—073. Почти одновременно съ отпечатаніемъ этого библіографического обзора, въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ появилось новое изслѣдованіе того-же ученаго подъ вышеприведеннымъ заглавиемъ. Разысканіе о родословной Аттилы у венгерскаго писателя XV-го вѣка Ioanna Turoczkаго представляеть, судя по заглавию, первое изъ изслѣдований на болѣе широкую тему о «дополнительныхъ свѣдѣніяхъ къ исторіи тюркскихъ народностей по китайскимъ источникамъ», которой почтенный синолог занимался уже раньше и которая несомнѣнно стоитъ въ связи съ однимъ изъ величайшихъ научныхъ открытий конца XIX-го вѣка—съ открытиемъ Орхонскихъ памятниковъ.

Начиная изслѣдованіе обѣй исторіи тюрковъ съ гунского вопроса, проф. Хиртъ признаетъ какъ-бы не нуждающимся въ доказательствѣ тюркское происхожденіе Хунъ-ну. На первыхъ-же строкахъ онъ прямо называетъ Хунъ-ну предками позднѣйшихъ Ту-гю и Уйгуроў. Указывая на то, что синологъ Шоттъ (Ueber das Altaische oder Finnoisch-Tatarische Sprachengeschlecht), выставившій объяснить хунъ-ну'скія слова, привелъ ихъ незначительное количество и, къ тому-же, изъ болѣе позднихъ источниковъ, нашъ изслѣдователь устанавливаетъ два необходимыхъ условія при чтеніи китайскихъ транскрипцій: 1) слоги должны произноситься такъ, какъ они произносились, когда записывались (а не такъ, какъ произносятся теперь) и 2) необходимо принимать въ соображеніе всевозможные звуковые переходы при транскрибираніи иностранныхъ словъ на китайскій языкъ. Отчасти основываясь на извѣстіяхъ китайскихъ лѣтописей, проф. Хиртъ изъ всѣхъ позднѣйшихъ тюркскихъ языковъ считаетъ наиболѣе близкимъ къ хунъ-ну'скому—уйгурскому, что впрочемъ было уже высказано имъ ранѣе (см. Ueber Wolga—Hunnen und Hiung-nu, прим. на стр. 269). Въ случаѣ если какое-нибудь хунъ-ну'ское слово отсутствуетъ въ уйгурскомъ языке, авторъ предлагаетъ искать его въ одномъ изъ родственныхъ уйгурскому современныхъ тюркскихъ діалектовъ. Основываясь на вышеприведенныхъ условіяхъ, проф. Хиртъ объясняетъ имя основателя хунъ-ну'скаго государства Мао-тунъ (Мао-дунь) изъ тюркскаго Baktur (Бактуръ, Багадуръ), такъ какъ транскрибираніе тюркскаго bак китайскимъ ша о доказывается однимъ мѣстомъ въ Орхонскихъ надписяхъ, а tунъ-tur, такъ какъ конечныя китайскія n, l и t замѣ-

няютъ, опять-таки по закону транскрипціи, тюркское *r*). Въ концѣ статьи приложенъ подробный экскурсъ объ этой транскрипціи). Если тожество этихъ двухъ словъ несомнѣнно, то несомнѣнно и достоинство методы.

Затѣмъ авторъ переходить къ родословной Аттилы, находящейся въ *Chronica Hungarorum* Иоанна Тураца и состоящей изъ 37 именъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ о достовѣрности источниковъ этого писателя — тутъ же съ первыхъ шаговъ мы и наталкиваемся на существенное препятствіе. Проф. Хиртъ указываетъ на то, что вопросъ объ источникахъ, которыми пользовался Иоаннъ Турацъ, остается совершенно невыясненнымъ, самъ-же онъ рѣшать его не берется, такъ какъ не считаетъ себя специалистомъ по венгерской историографіи. Кромѣ того онъ даже сознается въ сомнѣніяхъ, которая сначала возбуждала въ немъ эта таблица во-первыхъ благодаря тому, что въ числѣ предковъ Аттилы названы Ної и другія библейскія личности, а во-вторыхъ потому, что имена являются сильно искаженными (онъ особенно указываетъ на аллитерацию). Такимъ образомъ несомнѣнна, по нашему мнѣнію, тѣснѣйшая связь между вопросомъ объ источникахъ Иоанна Тураца и вопросомъ о достовѣрности генеалогической таблицы (ср. Записки Восточного Огдѣленія Археол. Общ. т. XIII, вып. I, стр. XXI). Проф. Хиртъ сильно подкрѣпилъ-бы свою гипотезу, если бы включилъ въ свою статью, хотя бы посвѣтовавшись предварительно со специалистомъ по венгерской историографіи, нѣсколько соображеній объ этой связи. Родословная Аттилы является въ этомъ сочиненіи предшествующей родословной Алмуса, котораго венгерскій писатель считаетъ потомкомъ Аттилы. Проф. Хиртъ указываетъ на то, что число именъ слишкомъ мало для заполненія хронологического промежутка отъ V до X вѣка. Такимъ образомъ, эта часть родословной, не говоря уже о вполнѣ основательныхъ сомнѣніяхъ относительно происхожденія мадьярскихъ князей отъ гунской династіи, — недостовѣрна или, по крайней мѣрѣ, подозрительна.

Изъ 37 именъ родословной Аттилы нужно прежде всего отбросить 6 библейскихъ именъ. Такимъ образомъ остается 31 имя. Основываясь на томъ соображеніи, что Аттила вѣль свой родъ отъ хунъ-ну́скихъ правителей (III в. до Р. Х.—I в. по Р. Х.) проф. Хиртъ думаетъ найти сходныя имена въ таблицахъ правителей Хунъ-ну, приводимыхъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Для этого онъ высчитываетъ приблизительно время жизни каждого изъ правителей по тому-же пріему, который былъ примѣненъ имъ въ статьѣ «Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu» и равѣ г. Аристовъ (см. «Живая Старина», 1896, III—IV, стр. 293). Сравнивая таблицы, нашъ авторъ находитъ, что *Mao-tun* соответствуетъ *Beztur*'у, что можетъ, по его мнѣнію, служить несомнѣннымъ подтвержденiemъ гипотезы, такъ какъ *Beztur* венгерской хроники есть видоизмѣненое тюркское *Baktur*. Кромѣ того онъ находитъ сходство въ четырехъ другихъ именахъ. *Lau-Schaug*, въ переводѣ съ китайского «почтенный», по мнѣнию автора и В. В. Радлова, есть китайскій переводъ уйгурского *шöпingi*, *mingi*, что вполнѣ отвѣчаетъ соотвѣтствующему имени въ венгерской хроникѣ — *Mike*. Отожествленію слѣдующихъ двухъ именъ авторъ предполагаетъ догадку, что эта родословная заимствована изъ гунской или мадьярской героической лѣсни, а потому и считаетъ начальное *M* введеннымъ для аллитерации. Это имя *Miske* онъ считаетъ тожественнымъ *I-tschi-schö* въ таблицахъ хунъ-ну́скихъ правителей. Затѣмъ пропуская нѣсколько несходныхъ именъ, проф. Хиртъ переходитъ къ шестому поколѣнію. *Kulche* венгерской хроники онъ считаетъ видоизмѣненiemъ *Kulki* (смѣщеніе *ch* и *k* часто встречается въ текстѣ хроники), а китайское *Ni-Pi-ki* — транскрипція. Наконецъ относительно имени *Lepechte* нашъ авторъ предполагаетъ нѣкоторую порчу у венгерскаго писателя и, послѣ нѣкоторыхъ соображеній, восстановления первоначальную форму *Elecente* и *Üliventure*, сближаетъ ее съ китайскимъ *Hü-lü-k'ian-k'ü*. Впрочемъ, проф. Хиртъ не придаетъ этому сближенію большого значенія и считаетъ вполнѣ достаточнымъ для доказательства имена *Beztur*, *Mike* и *Kulche*. Въ заключеніе авторъ считаетъ возможнымъ установить фактъ, что гунскіе цари происходили отъ хунъ-ну́скихъ шань-юевъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, новое изслѣдованіе почтенаго синолога. Касаясь въ статьѣ «Хунъ-ну и Гуниы» теоріи турчизма Гунновъ, мы писали: «Ея сторонники исходятъ изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они

основываютъ свои выводы не столько на отдельныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу исторического хода событий и группировкѣ племенъ. Такая точка зрѣнія имѣеть многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движение впередъ» (см. стр. 71 отд. стт. и стр. 559 вып. IV 1900 г. «Живой Старинѣ»). Въ настоящей работѣ проф. Хиртъ, выказывая обычную большую эрудицію и знакомство съ литературой, въ *приемахъ* изслѣдованія является представителемъ прежнихъ работъ. Во всякомъ случаѣ его гипотеза представляетъ интересъ и желательно разсмотрѣніе специалистами очень важного въ данномъ случаѣ вопроса объ источникахъ Иоана Турова.

K. Иностранцевъ.

Македонія. Этнографія и статистика отъ Васила Кѣнчовъ. Съ картин. издава бѣлгарското книжово дружество въ Софія. Софія. 1900. VI+241 стр. 8°.

Эта книга принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу наиболѣе крупныхъ и видныхъ явленій обширной литературы по «македонскому вопросу» послѣднеаго времени. И по повѣркѣ свѣдѣній, собранныхъ долголѣтнимъ самостоятельнымъ трудомъ, и по подробности ихъ она вполнѣ заслуживаетъ сдѣлаться однимъ изъ главнѣйшихъ пособій слависта вообще, и настольною книгою для всякаго, кто пожелалъ бы получить отчетливое и болѣе или менѣе вѣрное понятіе о разнообразномъ населеніи этой несчастной страны.

Какъ показываетъ заглавіе, труда г. Кѣнчева состоять изъ двухъ частей: этнографіи и статистики.

Первый отдѣль начинается съ «Общихъ замѣчаній о разселеніи народовъ по Балканскому полуострову», представляющихъ сжатый и очень умѣло составленный сводъ общепрѣвѣтныхъ данныхъ по этому вопросу. Затѣмъ слѣдуютъ этнографическія описанія 17 народностей, населяющихъ Македонію въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) болгари, 2) болгары-магометане, 3) турки, 4) турки-христіане, 5) греки, 6) греки-магометане, 7) албанцы, 8) влахи, 9) евреи, 10) цыгане, 11) черкесы, 12) ногры, 13) армяне, 14) грузины, 15) русскіе, 16) западно-европеиць и 17) сербы.

Каждое изъ этихъ описаній ведется приблизительно по одному плану: послѣ краткихъ историческихъ справокъ о времени поселенія каждой народности въ предѣлахъ Македоніи и о главныхъ моментахъ ея жизни и передвиженій, авторъ подробно опредѣляетъ этнографическія границы, сообщаетъ различныя племенные названія каждой народности, описываетъ физический и духовный типъ и, въ заключеніе, выискиваетъ политическое и культурное ея значеніе въ современной жизни страны.

И въ томъ и другомъ отношеніи, г. Кончевъ ставитъ на первое мѣсто болгарь, въ которыхъ онъ видитъ «главный туземный элементъ Македоніи. До половины нынѣшняго столѣтія болгари занимали первое мѣсто только по количеству, какъ это и изображаютъ старые изслѣдователи Балканского полуострова. Нынѣ болгари занимаютъ первое мѣсто въ странѣ и по значенію, такъ какъ они уже давно составляютъ сознательную массу съ определеннымъ национальнымъ направлениемъ».

Напротивъ, турки, главенствующіе въ Македоніи политически, какъ культурная сила, занимаютъ въ ней послѣднее мѣсто. «Въ будущемъ ихъ политическое значеніе будетъ постоянно уменьшаться, во-первыхъ, потому, что занимаемый ими районъ постоянно съуживается, во-вторыхъ, потому, что болгари, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, въ которыхъ они поставлены, дѣлаютъ культурные успѣхи». Вслѣдствіе этого, въ случаѣ, если-бы Македонія сдѣлалась самостоятельной, турки, не будучи привязаны къ землѣ, которую они населяютъ, выселились бы, вѣроятно, въ Турцію.

Не представляютъ серьезной опасности для болгарскаго движенія въ Македоніи, по мнѣнію автора, и греки, которые живутъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ (около Эгейскаго моря), где они обитали и въ средніе вѣка. Новыя завоеванія греческій элементъ сдѣлалъ только въ Гревеницѣ и Населницѣ. Послѣ послѣдней русско-турецкой войны грекизмъ потерялъ значительную долю своего прежніаго влиянія вслѣдствіе энергичной церковно-училищной дѣятельности болгара, потери поддержки со сте-

роны влашского населения, материального обединения греческой церкви, экономического падения греческих общин Сера, Солуя и Костура и, наконец, греческого поражения въ послѣдней греко-турецкой войнѣ. Изъ такого паденія греческаго престижа на Балканскомъ полуостровѣ, авторъ заключаетъ, что и «въ будущемъ греки будутъ имѣть въ Македоніи только второстепенное политическое и культурное значеніе».

Албанцы представляютъ опасность для македонскихъ славянъ только какъ грубая физическая сила, которую турецкая власть пользуется для ослабленія болгарского населения. «Албанцы—бичъ для болгарскихъ земель до Битоля и Скопья. Постоянны разбои и грабежи разрушили благосостояніе во всей области Шара. Однако, какъ политический факторъ, албанское населеніе не имѣетъ значенія. Безъ национальной литературы, безъ национальной вѣры, албанцы не представляютъ политической единицы. Если бы какой-нибудь другой народъ получилъ главенство въ странѣ, албанскій элементъ служилъ бы ему также, какъ онъ служилъ цѣлые вѣка римлянамъ, болгарамъ и сербамъ, если только будетъ оставлено въ неприкосновенности его внутреннее самоуправление».

Какъ только этнографическій элементъ, имѣетъ значеніе въ Македоніи и влахи. Играя роль соціально-политического фактора имъ мѣшаютъ разбросанный характеръ ихъ поселеній, ассимиляція съ другими народами и эмиграція въ Румынію, Болгарію, Сербію и Грецію. «Большая часть тѣхъ, которые сохранили свой языкъ и которые могутъ его сохранить въ будущемъ, сильно преданы греческой церкви и съ гордостью называются себя греками. Национальная партия еще слаба, несмотря на серьезную поддержку, которую она получаетъ отъ Румыніи и отъ мѣстныхъ турецкихъ властей».

Евреи, переселившися въ Европейскую Турцию изъ Испаніи (послѣ 1492 г.), и составляющіе въ настоящее время громадное большинство жителей Солуя, играютъ роль только какъ экономической факторъ: въ ихъ рукахъ находится почти вся вицѣния торговля края. Сравнительно небольшая часть евреевъ живетъ также въ Битолѣ и Сѣрѣ.

Цыгане, черкесы, негры, армяне, грузины и западно-европейцы разныхъ націй живутъ разсѣянно по всей странѣ, не играя почти никакого значенія въ духовной и политической жизни страны.

Русскіе живутъ на Аоніи, составляя половину всего его монашескаго населения. Въ недалекомъ будущемъ, по мнѣнію автора, Аонъ обрушить совсѣмъ, «такъ какъ число греческихъ монаховъ постоянно уменьшается, а русскихъ увеличивается».

На послѣднее мѣсто, какъ это ни странно покажется на первый взглядъ, авторомъ поставлены сербы. Сербскій народъ, по его мнѣнію, «господствовалъ численно только въ коренныхъ сербскихъ областяхъ. Завоеванныя же земли на востокъ отъ Болгарской Моравы и на югъ отъ Шара и Зеты остались населенными болгарами, албанцами и греками». Были, конечно, и сербскіе переселенцы, но отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, если не считать ряда церквей и монастырей, построенныхъ и обновленныхъ сербскими владѣтелями. Всѣдѣствие своей малочисленности, сербскій элементъ, по мнѣнію автора, не можетъ надѣяться ни на какіе успѣхи въ странѣ и въ будущемъ.

Таково политическое и культурное значеніе македонскихъ народностей. До извѣстной степени, этому распределенію отвѣчаетъ и статистическое, которое наглядно выражается въ слѣдующей таблицѣ:

	Христіане.	Магометане.	Всѣхъ.
Болгары	1,032,533	148,803	1,181,336
Турки.	4,240	494,964	499,204
Греки	—	—	—
Албанцы. . . .	214,329	14,373	228,702
Влахи	9,510	119,201	128,711
Евреи	67,840	—	67,840
Цыгане	19,500	35,057	54,537
Русскіе	4,000	—	4,000
Черкесы. . . .	—	2,837	2,837
Сербы.	400	300	700
Армяне	300	—	300

	Христіане.	Магометане.	Всѣхъ.
Негры	—	200	200
Грузины	60	—	60
Разные западно-европейцы . . .	8,810	200	9,010
Всѣхъ . . .	1,370,949	819,235	2,258,224

Таковы только общіе итоги населенія Македоніи. Кроме нихъ, авторъ приводить въ своей книгѣ и полную статистику этого населенія по 47 казамъ Македоніи и по всѣмъ ея населеннымъ пунктамъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти данные могутъ претендовать только на приблизительную точность, такъ какъ турецкія метрическія книги (т. н. «нофузъ-тефтери»), служащи въ Турціи почти единственными источниками о населеніи, отмѣ чаютъ только мужчинъ, и то далеко не всегда, вслѣдствіе множества злоупотребленій, которыхъ допускаются при ихъ регистраціи, какъ со стороны населения, такъ и самихъ чиновниковъ. Поэтому, въ основу своего исчисленія автору пришлось помѣстить число домовъ, причемъ для турецкаго дома онъ полагаетъ среднимъ числомъ 5 душъ, для болгарскаго 5—6 душъ въ городахъ и 6—7 въ деревняхъ, для цыганъ—5½—6 и т. д. Нечего и говорить, что при такомъ приемѣ исчислениія таблицы автора могутъ имѣть только крайне условное значеніе.

Что касается до приложенныхъ къ книгѣ 11 картъ, то онѣ составляютъ цѣлый историческій атласъ Македоніи, достойно заключаемый оригиналной картой самого г. Кънчева, несомнѣнно лучшей изъ всѣхъ существующихъ.

I. Ильинскій.

Болгарія и болгары И. Овсянаго, дѣйствительнаго члена Имп. Русс. Геогр. Общ. Съ картою Балканскаго полуострова. Спб. 1900 г. 8° 365 стр.

Сербія и сербы И. Овсянаго, дѣйствительнаго члена Имп. Русс. Геогр. Общ. Съ картою Сербіи. Спб. 1898 8° 821 стр.

Хорваты. Съ приложеніемъ карты Хорватіи, Славоніи и Далмаціи. Очеркъ А. Л. Липовскаго. Спб. 1900. 8° 158 стр.

Чехія и чехи. Очеркъ съ картою и рисунками. Составилъ В. И. М. М. 1901. 16° 74 стр. (Почтулярно-научная библіотека А. Ю. Машуковой № 1).

Русская литература, необыкновенно богатая научно-популярными сочиненіями о разныхъ дикихъ народахъ въ родѣ папуасовъ и африканскихъ чернокожихъ, поражаетъ своимъ убожествомъ по части всего, что касается исторіи, быта и нравовъ нашихъ зарубежныхъ соплеменниковъ: мы не имѣмъ до сихъ поръ не только такой книги, которая бы въ сжатой и общедоступной формѣ сообщала свѣдѣнія о славянахъ, какъ однѣмъ этнографическомъ цѣломъ,—т. е. всеславянской популярной энциклопедіи, по до послѣдняго времени не знали сколько-нибудь обстоятельныхъ очерковъ жизни отдельныхъ славянскихъ народовъ. Мы не будемъ говорить о вредѣ такого положенія дѣла для правильного развитія русскаго национальнаго самосознанія: обѣ этомъ въ послѣднее время писано достаточно *). Мы замѣтимъ только, что и съ точки зрѣнія общеобразовательной игнорированіе популяризацией славяновѣдѣніе представляетъ явление очень прискорбное. Въ самомъ дѣлѣ, если «образовательнымъ» можно назвать все, что такъ или иначе расширяетъ наше теоретическое или философское міросозерцаніе, то славистика представляетъ для такого міровозрѣнія богатѣйший матеріалъ. Нужно-ли дать понятіе читателю о разныхъ поучительныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ сталактитовыхъ пещеръ, исчезающихъ рѣкъ или гигантскихъ гороговъ, или перенести читателя въ эпоху патріархальныхъ родовыхъ или территориальныхъ союзовъ вродѣ сербской задруги или русскаго міра, или дать ему почувствовать всю красоту истинно национальнаго

*). См. истор. К. Я. Гrotta. Объ изученіи славянства. Спб. 1901 г. и Р-ца «Славяновѣдѣніе и его пропаганда въ русскомъ обществѣ». (Ж. М. Н. Пр., 1901 г., № 3).

эпоса, подобного сербскому, или нарисовать картину геройской борьбы цѣлаго народа за свою политическую и духовную эманципацію отъ иноземныхъ поработителей (какъ гуситское движение), или дать образцы истинно гражданской доблести и мужества (вспомнивъ исторію новѣйшаго славянскаго возрожденія),—всего этого славянская географія, этнографія и исторія даетъ великолѣпнѣйшіе иллюстраціи. Въ этомъ отношеніи, они служатъ настоящими золотыми розыгрышами, въ которыхъ нужно только умѣть выдѣлять золото отъ песку и гравія...

Было бы ошибочно, однако, полагать, что это выдѣление есть легкое занятие. Какъ истинные поэты и ученые—поэты и ученые милостью Божію, такъ и для того, чтобы быть хорошимъ популяризаторомъ, не достаточно только знать хорошо предметъ, о которомъ говорить, но необходимо имѣть чутъе того, что въ данную минуту можетъ быть болѣе всего интересно и полезно для публики, а также умѣнье облечь идеи въ наглядную художественную форму. И для успѣха популяризаціи послѣдніе два дара даже важнѣе глубокой учености.

Если читатель приложитъ теперь эту точку зрѣнія къ указаннымъ въ заглавіи книгамъ, то врядъ-ли онъ придется къ иному впечатлѣнію, чѣмъ къ отрицательному.

Обѣ книги ген. Овсянаго написаны по одному плану и представляютъ настоящія маленькая энциклопедія болгаровѣдѣнія и сербонѣдѣнія. Тутъ читатель найдетъ и географический обзоръ болгарской и сербской страны, и историческій очеркъ, и обширные отдѣлы «статистики и этнографіи», въ которыхъ авторъ даетъ обстоятельный свѣдѣнія о царствующемъ домѣ Болгаріи и Сербіи, ихъ государственномъ устройствѣ, территории и народонаселеніи, промышленности, торговля, путяхъ сообщенія, финансахъ, церкви, образованности, деньгахъ и т. д. Особые отдѣлы, кроме того, посвящены «литературѣ, наукѣ и искусству» и «вооруженнымъ силамъ». Наконецъ, въ приложеніяхъ авторъ помѣстилъ краткіе очерки зарубежныхъ, съ точки зрѣнія описываемыхъ имъ государствъ, славянскихъ земель: Македоніи, Черногоріи, Босніи и Герцеговины, австро-венгерской Сербіи.

Но чѣмъ богаче содержаніе обоихъ почтенныхъ трудовъ ген. Овсянаго, тѣмъ печальнѣе сознаніе, что оно останется вѣроятно мертвымъ капиталомъ въ умственной жизни русского общества. Въ самомъ дѣлѣ, какъ труды комилятивные, книги г. Овсянаго врядъ-ли будутъ полезны специалистамъ-славистамъ, которые, конечно, при изслѣдованіи извѣстнаго вопроса, будутъ искать помощи не у ген. Овсянаго, а у его источниковъ. Но и въ широкой публикѣ, можно сказать съ увѣренностью, онѣ не найдутъ себѣ распространенія: этому помѣшаетъ пхъ крайне неудобоусваемая форма. Что, напр., обыкновенный читатель можетъ вынести изъ географического очерка Болгаріи или Сербіи, представляющаго голый, составленный по Каричу и Иречку, перечень горъ, рѣкъ и озеръ, иногда настолько незначительныхъ, что о ихъ существованіи могъ бы смѣло не знать даже любой образованный болгаринъ или сербъ? Книга гораздо скорѣе достигла бы своей цѣли, если бы авторъ взамѣнъ этого перечня подробно описалъ ландшафтъ двухъ-трехъ наиболѣе типичныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи мѣстностей, отнеся въ мелкій шрифтъ весь баластъ, имѣющій только справочное значеніе. Нѣсколько болѣе благопріятное впечатлѣніе производить очеркъ исторіи Болгаріи и Сербіи,—особенно въ новѣйшій періодъ ихъ исторіи: эта часть книги изложена и подробно и даже живо. Нельзя сказать того же про блѣдный и чисто схематичный очеркъ древнѣйшей исторіи обѣихъ славянскихъ странъ, въ которомъ даже о такой крупной исторической фигурѣ, какъ Стефанъ Душанпъ, посвящена съ небольшимъ 1 страница, а Ioanu Асѣнию II всего иѣсколько строкъ! То же слѣдуетъ сказать и обѣ отдѣлы «литературы», представляющемъ почти простой перечень авторовъ, безъ біографій и безъ выдержекъ изъ сочиненій, столь важныхъ и полезныхъ для «реальнаго» ознакомленія читателя съ предметомъ. Наконецъ, что касается до «статистики и этнографіи» и «вооруженныхъ силъ» Болгаріи и Сербіи, то эти отдѣлы для обыкновенного читателя, за исключениемъ пемногихъ страницъ, могутъ имѣть только календарное значеніе.

Если, такимъ образомъ, обѣ книги ген. Овсянаго неудовлетворительны, какъ популярныя сочиненія, то это обстоятельство, однако, отнюдь не лишаетъ ихъ значенія какъ справочныхъ пособій. Начинающій славистъ, желающій получить

общее понятие об изучаемыхъ имъ странахъ и народахъ, публицистъ, желающій освѣжить свои свѣдѣнія о политическомъ, культурномъ и экономическомъ состояніи южнославянскихъ государствъ, путешественникъ, желающій ориентироваться въ совершенно незнакомой и чуждой ему странѣ,—всѣ они найдутъ въ книгахъ ген. Овсянаго не мало поучительныхъ материаловъ, и съ этой точки зрѣнія появление обоихъ трудовъ ген. Овсянаго нельзя не привѣтствовать.

О книгѣ А. Л. Линовскаго «хорваты» мы уже высказали свое мнѣніе въ другомъ мѣстѣ *).

Что касается до книжки г. В. М. «Чехія и чехи», то о ней мы упоминаемъ только для полноты. Она предназначена «для юношества и взрослыхъ людей, не получившихъ среднеобразовательной подготовки». Мы сомнѣваемся, однако, чтобы даже такой читатель могъ получить сколько нибудь точное понятие о жизни чешскаго народа изъ книжки, въ которой вѣтъ ни слова о зеркальѣ его духовной жизни-литературѣ, въ которой Гусу посвящено буквально пять словъ, и въ которой сообщаются «цѣнныя» свѣдѣнія вродѣ слѣд.: «мелкой птицы въ Чехіи потребляется огромное количество, потому ее выкармливаютъ тамъ очень много»,—и нѣтъ ни слова о такихъ крупныхъ факторахъ духовной жизни чеховъ, какъ университетъ и академія наукъ!

Г. Ильинскій.

Beiträge zur Ethnographie der hannoverschen Elbslaven. Mitgetheilt von A. Vieth, mit Einleitung und Zusätzen von H. Zimmer, V. Jagić und A. Leskien. (Archiv für sl. Ph. B. XXII. 1900 г., S. 107—143).

Одной изъ характерныхъ чертъ современной этнографіи, какъ известно, является стремленіе къ изученію быта и міровоззрѣнія известнаго народа не только на основаніи современныхъ источниковъ, но въ особенности по тѣмъ даннымъ, которыми сохранились въ болѣе раннихъ но времени этнографическихъ описаніяхъ. Такое стремленіе виолѣ понятно для каждого, кто, зная, какимъ быстрымъ метаморфозамъ подвергаются обыкновенно явленія народной материальной, общественной и духовной культуры, старается найти исходную точку ихъ эволюціи въ показаніяхъ болѣе или менѣе старинныхъ ихъ очевидцевъ. Вотъ почему современный этнографъ особенно жадно прислушивается къ такимъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ нерѣдко и находилъ настоящія для себя откровенія.

Если такое значеніе имѣютъ старинныя этнографическія свидѣтельства для народа, живущего въ богато развитымъ и разработаннымъ фольклоромъ, то тѣмъ не менее они для народовъ вымершихъ, для которыхъ они являются не только важнейшимъ корректиромъ при изученіи ихъ быта, но и часто почти единственнымъ источникомъ для этого изученія. Подобного рода документъ для истории правовъ и быта полабскихъ славянъ принесъ недавно послѣдній томъ Архива Ягича. Исторія его слѣдующая. Однѣ изъ учениковъ известнаго немецкаго профессора Г. Циммера, г. А. Фитъ, работая въ

* Славянскій вѣкъ 1900, № 78, стр. 36—37. (См. еще рецензій Ястребова въ Ж. М. Пр. 1900 и Рѣшетара Arb. f. H Phil 1891 IV).

На частныхъ жалобы на бѣдность Р. литературы по части славяновѣдѣнія можно возразить, что русская литература вообще богато называться не можетъ, по сравненію съ древними греческою и римскою или съ новыми Французскою, Пѣменкою и Англійскою. Причины этой бѣдности очевидны, если вспомнить новѣйшіе факты русской государственной и общественной исторіи (едва прошло сорокъ лѣтъ освобожденію крестьянъ), русскую цензуру и скучный бюджетъ на народное образование, недостатокъ училищъ и неугодомный судъ преобразованія системъ и плановъ преподаванія, особенно начиная съ 1849 г. И при всемъ томъ, если-бы была составлена полная библиографія по русскому славяновѣдѣнія хотя-бы съ нач. XIX в. до настоящаго времени, то мы бы увидѣли, что эти плачи и сожалѣнія о незаботливости нашей на счетъ западныхъ, сѣв. и южн., Славянъ, значительно преувеличены: нельзя же ожидать и требовать, чтобы русская литератураничѣмъ инымъ, кроме западнаго славянства не занималась. Русская литература и русское общество наиболѣе усердно конечно изучать Россію, но Россія въ Славянствѣ кажется занимаетъ не послѣднее мѣсто и немалую его часть.

Ред.

Копенгагенъ надъ исторіей одного цоморского рода, случайно натолкнулся на документъ, представляющій древнѣшее свидѣтельство объ обычаяхъ, нравахъ и языкахъ полабскихъ славянъ Люнебурга. Рукопись находилась прежде во владѣніи Мих. Рехея (Richey), преподавателя истории и греческаго языка въ гамбургской гимназіи, жившаго между 1678 и 1761 г.г., и состоять изъ трехъ частей: первая представляетъ описаніе народныхъ «сuevfrныхъ» нравовъ и обычаевъ полабскихъ славянъ, включенное въ отчетъ о генеральной визитациі церкви Даниенбергскаго княжества въ авг. 1671 г. («Wendischer Aberglaube augemercket bey der General Kirchen Visitation des Fürstenthums Dannenberg im Monath Aug. Ann. 1671»); вторая—нѣкоторыя дополненія къ предыдущей части («Verzeichniss einiger Posten des Aberglaubischen Werens der Lande auch vieler Städteleute») и третья—систематический словарь и сборникъ фразъ полабского языка. Вторая изъ этихъ частей написана другой рукой и другими чернилами.

Догадываясь о важномъ значеніи, которое можетъ имѣть этотъ памятникъ для этнографіи полабскихъ славянъ, г. Фитъ переслалъ его своему учителю проф. Циммеру, который, въ свою очередь, препроводилъ его ак. Ягичу вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ не только описалъ ея вицѣній видъ и составъ, но и доказать, что не всѣ ея части являются совершенно неизвѣстными наукѣ. Такъ, главы I и II первой части и ч. III были напечатаны въ нѣм. провинциальныхъ изданіяхъ. Hamburgrische vermischtte Bibliothek u. Neues Vaterländisches Archiv; были извѣстны наукѣ въ маленькихъ отрывкахъ и другія главы, за исключеніемъ главы V (Von Bauerrecht), VI (Von Züchtmestern), VII (Von Hochzeiten), VIII (Von Schwangern, Bademüttern und Kranken) и X (Von der Wendes Leben insgemein). Кое-что новое представляетъ и словарь, такъ какъ нѣкоторыя немногія слова и фразы его были выпущены въ извѣстныхъ изданіяхъ Домейера и Шеффингера.

Отношеніе обоихъ послѣднихъ изданій къ нашему памятнику особенно наглядно выяснилъ ак. Ягичъ, который, нанесивъ въ свое мѣсто журналѣ текстъ памятника цѣлкомъ, присоединилъ къ словарю всѣ варианты Домейера (по перепечаткѣ Пфуля въ Casopis'н луж. мат. 1864 г., тетрадь I) и Пфеффингера (напеч. въ книгѣ Эккарда «Historia studii etymologici» Наптоугеae MDCCXI). Изъ этого сравненія явствуетъ, что въ то время, какъ Домейеръ несомнѣнно занимствовалъ свои материалы изъ Копенгагенскаго текста, измѣнивъ его предметный распорядокъ алфавитнымъ, Пфеффингерь пользовался какою-то третьею, еще не открытою рукописью, которая послужила источникомъ и для Копенгагенскаго словаря. Удачныя конъктуры къ нѣкоторымъ темнымъ словамъ послѣдняго предложилъ въ заключеніе той же статьи А. Лескинъ.

Г. Ильинскій.

Общій имущественный законникъ для княжества Черногорскаго (по второму изданію 1898 г.). Переводъ М. П. Кусакова, подъ редакціею В. Д. Спасовича. Приложение къ «Вѣстнику Права», стр. 239.

Появленіе черногорскаго гражданскаго законника въ русскомъ переводе нельзя не признать свое времененнымъ въ настоящее время, когда интересъ къ обычному праву въ русской юридической наукѣ пробудился съ особенной силой. Обширная литература о русскомъ крестьянскомъ обычномъ правѣ доказываетъ, что труды русскихъ ученыхъ не остались совершенно безплодными, и въ настоящее время мы довольно точно знаемъ, въ чёмъ, по крайней мѣрѣ, состоитъ его сущность. Тѣмъ поучительнѣе сравнивать нормы русского обычного права съ черногорскимъ, которое удостоилось юридической санкціи въ исключительноширокомъ размѣрѣ. Какъ гзвѣстно, составленіе черногорскаго гражданскаго законника было поручено еще имп. Александромъ II профессору Одесскаго университета, знаменигому изслѣдователю южнославянской здруги, К. Богишичу. Выработанный изслѣднимъ проектъ «Законника», послѣ тщательного и продолжительного обсужденія цѣлымъ рядомъ, нарочно приглашенныхъ, специалистовъ, былъ окончательно утвержденъ кн. Николаемъ въ Цетинѣ 25 марта 1888 г. Черезъ десять лѣтъ, вслѣдствіе накопившихся за это время спорныхъ толкованій разныхъ статей этого уложенія,

«Законникъ» быль пересмотрѣнъ вновь и въ этомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ изданъ вторично 14 января 1898 г. Въ основѣ русскаго перевода, за точность котораго ручается авторитетное имя его редактора, и лежитъ именно это второе изданіе.

Г. Ильинскій.

Historya porównawcza praw słowiańskich. Główne kierunki rozwoju nauki jej istotne zadanie napisał Oswald Balzer. Lwów 1900. 8°. 64 str. (Studyja nad historyą prawa polskiego. tom I, zesz. 5).

Настоящая книжка представляетъ не что иное, какъ лекцію, прочитанную въ сокращенномъ видѣ при открытии третьяго съѣзда польскихъ историковъ въ Краковѣ 4 юля 1900 г. Кромѣ краткаго абриса исторического развитія науки славянскаго права, она содержитъ въ себѣ очень живое изложеніе задачъ этой науки, которая, несмотря на свое столѣтнее прошлое, гораздо болѣе богата надеждами, чѣмъ дѣйствительными открытиями. Ровно сто лѣть тому назадъ (въ 1800—1801) вышла замѣчательная книга Чацкаго «O litewskich i polskich prawach, ich duchu, zrõdlach i zwiãzku i o rzeczach, zawartych w pierwszym statucie dla Litwy» которая впервые не только въ польской, но и вообще въ славянской литературѣ сознательно высказана мысль о наукѣ права, какъ обѣ особой научной дисциплинѣ и представляла первую попытку ея практическаго осуществленія. Эта трудъ, впрочемъ, не былъ лишенъ и неизбѣжныхъ для того времени круинъ недостатковъ, какъ-то: комментаторскаго способа изложеній, антикварного характера содержанія и, въ особенности, предвзятой тенденціи объясненія польского права изъ норманно-скандинацкаго. Реакціей противъ такой теоріи явилась книга Раковецкаго «Prawda Russka» (въ 1820 г.), еще не оконченная, по мнѣнію автора, какъ слѣдуетъ. Полемизируя здѣсь съ аналогичнымъ взглядомъ Шлецера на происхожденіе русскаго права, этотъ польскій ученый впервые развилъ здѣсь два главныхъ положенія исторической школы: 1) о самобытномъ органическомъ происхожденіи права и 2) о недостаткахъ прежняго механическаго способа сравненія. Немаловажной заслугой Раковецкаго была попытка систематическаго изложенія основъ древнерусскаго права, чѣмъ польскій ученый на шесть лѣть опередилъ Эверса и его знаменитый трудъ «Das älteste Recht der Russen» (1826). Наконецъ, тотъ же Раковецкій впервые привлекъ къ изслѣдованию данныхъ и другихъ славянскихъ законодательствъ. Духовнымъ ученикомъ Раковецкаго былъ Мацѣевскій, который, въ своей «Исторіи славянскихъ законодательствъ» (1-ое изд. въ 1832—1835 гг., 2-ое 1856—1858), старался доказать любимую идею своего образца—о самобытномъ происхожденіи славянскихъ законодательствъ. Онъ потерпѣлъ, однако, въ этомъ полную неудачу, отчасти, вслѣдствіе преждевременности такой работы вообще, отчасти вслѣдствіе несовершенства метода своего изслѣдованія, въ которомъ онъ позднее смыкался съ ранимъ и индивидуальное—съ общимъ. Главнымъ же недостаткомъ его монументальнаго труда былъ романтическій, ведущій свое начало еще отъ Гердера взглядъ на славянскую культуру, какъ патріархально-идиллическую. Вслѣдствіе такой тенденціозности, трудъ Мацѣевскаго имѣлъ, въ сущности, только отрицательный результатъ, и это обстоятельство предопредѣлило дальнѣйшій ходъ развитія нашей науки: съ одной стороны, онъ предостерегъ послѣдующихъ изслѣдователей отъ слишкомъ посѣщеныхъ обобщеній въ области сравнительныхъ изслѣдованій, съ другой стороны, указывалъ на необходимость специального изслѣдованія исторіи каждого славянскаго права въ отдѣльности. Перечисленіемъ главнейшихъ представителей этого направленія и оканчивается историческая часть этюда г. Вальцера.

«Какъ ни мало пользы» оказалось это новое «специальное» направление науки славянскаго права, оно, по мнѣнію польскаго ученаго, нуждается въ постоянномъ корректировѣ со стороны науки сравнительной исторіи славянскаго права. Только такая наука могла бы восполнить пробѣлы относительно праславянской эпохи исторіи слав. права, служившей исходной точкой развитія этого права на почвѣ отдѣльной

жизни славянскихъ народовъ; только такая наука можетъ охранить изслѣдователя отъ односторонности въ объясненіи правовыхъ институтовъ извѣстнаго народа, неизбѣжной при искусственномъ ограничениіи его отъ семьи его ближайшихъ соплеменниковъ; наконецъ только такая наука можетъ объяснить множество странныхъ обычаевъ и учрежденій, на первый взглядъ не имѣющихъ между собою ничего общаго, но на самомъ дѣлѣ органически связанныхъ другъ съ другомъ.

Г. Ильинскій.

Starověké zpravy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. Descriptio Europeae regionum quae ad orientem Europeae regionum spectant veterum scriptorum locis illustrata. Přispěvkem k poznání nejstarších dějin slovanských podává Dr. L. Niederle. V Praze 1899 8°. 125 str. (Rozpravy České Akad., B. VIII, č. I, č. 1).

Новый трудъ неутомимаго чешскаго ученаго является естественнымъ дополненіемъ къ извѣстному труду того же ученаго «*Lidstvo v době praehistoricé»* (V. Praze), недавно сдѣлавшемуся извѣстнымъ читателямъ и въ русскомъ переводѣ. Если въ послѣднемъ сочиненіи проф. Нидерле излагаетъ древнѣйшую культурную исторію славянъ на широкомъ фонѣ доисторической археологии Европы, то въ первомъ онъ идетъ къ той же цѣли посредствомъ анализа тѣхъ скучныхъ извѣстій, которыми сохранили намъ о территоріи восточной Европы древнегреческіе и римскіе географы и историки. Само собой разумѣется, что при крайней спутанности этихъ извѣстій съ одной стороны, и совершенной недостаточности ихъ съ другой *), ни читатели, ни тѣмъ болѣе самъ авторъ, не могутъ ожидать отъ такой книги какихъ-нибудь новыхъ открытій. Зато тѣмъ не замѣнимѣе трудъ г. Нидерле какъ сжатый, отчетливый и критически пропрѣренный по первоисточникамъ сводъ всего того, что сдѣлано въ обширной литературѣ по этому предмету.

Книга раздѣлена на «введеніе» и четыре главы, изъ которыхъ первая трактуетъ о положеніи и характерѣ края вообще, вторая—о его морскихъ берегахъ, рекахъ и озерахъ, третья—о горахъ и четвертая—о древнихъ поселеніяхъ и колоніяхъ въ предѣлахъ современной Россіи.

Въ «введеніи» (стр. 5—20) авторъ послѣ опредѣленія границъ славянской прародины, которую вмѣстѣ съ Шафарикомъ видѣть въ территоріи между верховьями Оки, Вислы, Карпатами и Чернымъ моремъ, выясняетъ различныя значенія древнихъ географическихъ названій этой страны: Скиои и Сарматіи, перечисляетъ главнѣйшихъ классическихъ географовъ и историковъ, сообщившихъ о ней извѣстія, и въ заключеніе, приводить длинный списокъ своихъ инособій.

Первая глава, какъ мы сказали, посвящена изложенію взглядовъ древнихъ народовъ на мѣстоположеніе и природу края вообще. О первомъ они имѣли самыя смутныя представлениія, такъ какъ исходной точкой при его опредѣленіи служило обыкновенно устье Днѣпра, черезъ которое Эратогенѣ проводилъ главный меридіанъ, а также одну изъ параллелей. Попытку разграничитъ территоріи современной Россіи на градусы и минуты сдѣлалъ, какъ извѣстно, впервые Итолемей; но это математическое опредѣленіе мѣстоположенія страны не оказалось вліянія на прогрессъ тогдашнаго землевѣдѣнія, если не считать скучныхъ извѣстій римскихъ картъ и итinerаріевъ. Болѣе согласнымъ съ дѣйствительностью, чѣмъ эти представлениія древнихъ о вѣнчайшей и внутренней конфигураціи страны, были представлениія обѣ общемъ характерѣ страны, которую Геродотъ раздѣлялъ на двѣ части: южную, степную, прорѣзанную большими реками, и сѣверную, лѣсистую и озерную. Довольно точны были его сиѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ страны.

*) Какъ известно, они касаются только побережья морей т. е., только самыхъ отдаленныхъ окраинъ праславянской территории.

Изъ морей, омывающихъ въ настоящее время территорію Россіи, древніе греки и римляне имѣли болѣе или менѣе вѣрныя понятія только о двухъ: Балтійскомъ и Черномъ. Существование Сѣвернаго Ледовитаго Океана они только подозрѣвали, но не на основаніи какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ, но на основанії болѣе или менѣе фантастическихъ комбинацій. Каспійское морѣ древніе географы смысливали съ Дономъ, изображая его въ видѣ пролива, соединявшаго «Сѣверное» морѣ съ Чернымъ. Основаніемъ такого мнѣнія г. Нидерле видѣть въ показаніяхъ тѣхъ купцовъ, которые «плывя вверхъ по Дону и Волгѣ, уже въ то время перетаскивали свои лодки черезъ волоки». Существование такого способа переправы доказывается и положительно, напр. свидѣтельствомъ Тимея, по которому изъ рѣки Танаиса (Дона) можно было перейти въ какую-то другую рѣку, вливавшуюся въ «Сѣверное» морѣ.

Въ частности, классическіе народы имѣли болѣе подробныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, чѣмъ о Балтійскомъ. Но и о первомъ, несмотря на многочисленныя колоніи на его Сѣверномъ берегу, древніе греки имѣли довольно превратное понятіе, какъ это видно изъ того, что Азовское морѣ многие изъ нихъ считали озеромъ, соединеннымъ съ Чернымъ моремъ Дономъ... Что касается Балтійскаго моря, то г. Нидерле, вопреки мнѣнію Мюлленгофа, не сомнѣвается, что оно было названо Птолемеемъ и Маркіаномъ Гераклеотскимъ венедскими потому, что въ большей или меньшей его близости жили славяне (венеды). Впрочемъ, г. Нидерле не отрицаєтъ возможности и толкованія «венедскаго моря», какъ литво-славянскаго!! Точно также расходится съ Мюлленгофомъ г. Нидерле и по вопросу о локализаціи «загадочныхъ» острововъ Абала, Балтіи и побережья Ментопомона и Бауинопіи: въ то время, какъ первый старался пріурочить ихъ къ берегамъ Сѣвернаго моря, послѣдній рѣшительно помѣщаетъ ихъ въ морѣ Балтійскомъ; Абаль и Балтію чешскій ученый склоненъ считать не одной и той же мѣстностью, но двумя разными, причемъ въ Абаль онъ готовъ видѣть полуостровъ Самбію, и въ Балтіи—можетъ быть—Скандинавскій полуостровъ. Ментопомонъ, по мнѣнію г. Нидерле, есть испорченное «Veneton» или «Venton cognomine» и тождественно съ Птолемеевымъ οὐενεδίχος κόλπος. Только географическое значеніе названія Вапнішъ и авторъ отказывается объяснить, считая неудовлетворительнымъ Шафариковское объясненіе, какъ Vannum.

Переходя къ обозрѣнію рѣчной сѣти восточной Европы, поскольку она была извѣсна древнему миру, авторъ обращаетъ вниманіе на то любопытное обстоятельство, что греческіе и римскіе географы никогда не упоминаютъ о Днѣпровскихъ порогахъ. Причина этого странного обстоятельства заключается, по его мнѣнію, или въ томъ, что пороги не составляли особенно крупныхъ препятствій для плаванія при тогдашнемъ полноводіи Днѣпра, или въ томъ, что греческимъ купцамъ въ ихъ пути къ янтарноснымъ берегамъ Балтики не было нужды подыматься вверхъ по Днѣпру, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была болѣе близкая дорога черезъ Бугъ или Днѣстръ къ Сану.

Анализъ извѣстій классическихъ народовъ о рѣкахъ Восточной Европы г. Нидерле начинается Дунаемъ, который лишь въ своемъ верхнемъ теченіи носилъ название Danicuſ, низовье же его удерживало впродолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ классическое название «Истра». Для славянскихъ древностей особенно важное значеніе имѣеть рѣка Тирасть (теперешний Днѣстеръ), который, по мнѣнію г. Нидерле, служилъ главной торговой дорогой, соединившей Понти съ Балтійскимъ моремъ. Геродотъ имѣлъ обѣ этой рѣкъ довольно смутное представленіе, какъ это видно изъ того, что ея источникомъ онъ считаетъ какое-то большое озеро (Шолесскія болота?) на границѣ скійской и неврской земли. На противѣ, весьма точно опѣ онисьвается Гипанисъ, теперешнее название которого—Бугъ—появляется впервые лишь въ VI ст. Есть много данныхъ полагать, что и современный Днѣпро былъ извѣстенъ древнимъ грекамъ только въ своемъ нижнемъ и среднемъ теченіи, верхнюю же его часть они видѣли въ Березинѣ или Припяти. Г. Нидерле не считаетъ невозможнымъ объяснить древнегреческое название этой рѣки Восубѣнусъ изъ славянск. Березина или Берестина, нѣкоторымъ подтвержденіемъ чего, по его мнѣнію, можетъ служить название лежащаго въ устьѣ Днѣпра островка

Березань, который можно отожествить съ островомъ Борисоеномъ у Штолемея и въ христоматии Страбона. Еще неопределеннѣе были представлениа древнихъ о верховьяхъ Днѣпра, которые одни помѣщали на Кавказѣ, другіе—въ Рифейскихъ горахъ, третьи на сѣверо-западѣ къ Дунаю. Впервые болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о теченіи этой рѣки были сообщены Штолемеемъ. Наконецъ, что касается Волги, то г. Нидерле, вмѣстѣ съ Мюлленгофомъ, отожествляетъ геродотовское ея название "Оарос съ Рѣ Штолемея.—Изъ рѣкъ Балтийской системы наиболѣе была известна древнимъ Висла, которая считалась въ древности западной границей Сарматіи и Германіи и которая, какъ центръ (въ своемъ устьѣ) интарныхъ находокъ, служила постояннымъ магнитомъ для финикійскихъ, греческихъ и римскихъ торговцевъ. Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству послѣднимъ остались совершенно незнакомыми и верховья этой рѣки, и всѣ ея притоки. Совершенно фантастическими даже въ сравненіи съ этими туманными представлениами являются свѣдѣнія древнихъ о рѣкѣ Эриданѣ, вопросъ о локализациіи которой г. Нидерле считаетъ пока неразрѣшимымъ, склоняясь, впрочемъ, къ отожествленію ея съ Вислой.

Хотя древніе и знали о равнинномъ характерѣ Сарматіи, тѣмъ не менѣе они оставили цѣлый рядъ извѣстій о ея горахъ. Для славянскихъ древностей особенно важное значеніе имѣютъ извѣстія о Карнатахъ, о которыхъ упоминаетъ еще Цезарь какъ о восточномъ продолженіи герцинскаго лѣса, самое же названіе которыхъ приводить впервые Штолемей. Какъ и большинство другихъ изслѣдователей, г. Нидерле считаетъ Карпаты границей древняго славянства, но (въ противоположность, напр., Мюлленгофу) небезусловной: по его мнѣнію, славяне еще до Р. Хр. нерѣдко переходили южные склоны Карнатскихъ горъ. Внутри Сарматіи древніе географы упоминаютъ о повинскихъ, амадокскихъ, будинскихъ, аланскихъ и венедскихъ горахъ. Подъ первыми, можетъ быть, скрываются нынѣшнія авратынскія горы, подъ вторыми—лѣсистая возвышенность между Вильной и Минскомъ подъ третьими—центральная русская возвышенность, подъ четвертыми—«валдайскія горы». Что касается до венедскихъ горъ, то г. Нидерле не колеблется отожествить ихъ съ Карпатами. На крайнемъ сѣверѣ или востокѣ Европы древніе помѣщали Ринейскія или Гиперборейскія горы, въ которыхъ авторъ склоненъ видѣть скорѣе всего Ураль.

Послѣдняя глава посвящена попыткѣ географической локализаціи нѣкоторыхъ городовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ и Штолемеемъ внутри Сарматіи.

Г. Пльянскій.

О Т Д ЪЛ Ъ IV.

С М Ъ В Ъ.

Народный говорь на моей родинѣ.

(Въ сель Воскресенскомъ, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда).

Въ общемъ говорь на моей родинѣ не представляетъ особенной разности отъ говора московскаго. Но въ немъ можно замѣтить нѣкоторыя слова, вкравшіяся изъ говоровъ другихъ мѣстностей. Эти слова, мню замѣченныя, слѣдующія:

Особенности въ глаголахъ ханть (не одобрять), бантъ (говорить), хвастать,—въ окончаніяхъ:—балуя (балуеть), сижуя (сидя), вѣя (вѣеть), ходя (ходитъ) и т. п.

Въ нарѣчіяхъ: коли, кали, кадысь (когда), надысь (на дніяхъ), вѣты (на ту цору), добрѣ, вѣстима, знама, таперя, подпослѣдѣ, дѣволя (довольно, вдоволь), сбрѣхъ (испѣшило), ужотка, зря (напрасно), иарокомъ (нарочно), бывалоча—(въ былое время), гоже (хорошо).

Въ мѣстоимѣніяхъ: эитотъ (тотъ), эфтотъ (этотъ), цей (чей), цево, цаму, цѣмъ, що (что), о цомъ; каждый (каждыи); аны (оны), въ существ., прилагательныхъ и союзахъ: махонькай и махынькый (маленький), касатикъ (голубчикъ); ка бытъ (если бы), хаша (хотя).

Мнѣ кажется, что самое мѣстоположеніе села Воскресенского опредѣляетъ и самый характеръ выговора. На обыкновенный московскій говорь вліяетъ сильно рязанскій, онъ по преимуществу отражается на произнесеніи глаголовъ. Д.

П р и м ъ т ы.

Встрѣть (sic) ночи нечускаться въ путь, т. е. неѣздить въ 12-мъ часу, а непремѣнно дожидаться 1-го часа—это предвищаетъ нетолько неблагополучіе, но даже несчастіе. Подтверждено длиннымъ разсказомъ изъ собственной жизни. (Увязла на мосту лошадь).

Если змѣя дорогу проползть или заяцъ перебѣжть дорогу—предвищаетъ неблагополучіе въ пути.

Наблюдалась надъ крестьянами, что они не переходятъ дорогу отѣзжающему отъ дома, а ждутъ, когда уѣдетъ, или обходить за телѣгу.

Локоть чешется—на новомъ мѣстѣ спать.

Конецъ носа чешется—о покойникѣ слышать.

Правый глазъ къ хорошему, а лѣвый—плакать. А я за собой замѣчаль наоборотъ.

Поджилки чешатся—въ дорогѣ быть.
Лобъ чешется—спѣсивому кланяться.
Лицо или щеки чешатся—къ слезамъ.
Грудь чешется—къ горю.

Ладонь правая чешется—деньги получать, лѣвая—деньги отдавать. Бровь чешется—спѣсивому кланяться.

Рубашку наничкой надѣть—богому быть.

Правой ногой встанешь съ постели—хорошо день проведешь, лѣвой—какіянибудь неприятности будуть.

Разобьется чтонибудь—къ благополучію, особенно въ именины, въ свадьбу. На этомъ основаніи, я знаю въ Торжкѣ, на свадьбахъ, цѣлые столы съ посудой послѣ ужина возьметъ ктонибудь опрокинетъ, всѣ гости ха-ха-ха, захлопають въ ладони.

Полѣно упадеть, когда дрова несешь—къ гостю.

Когда изъ печки уголь выскочить горячій—сердитый гость будетъ.

Стаканъ, рюмка неполнные для когонибудь—ему неподобно жить, бѣдно.

Черный платокъ остался въ домѣ—къ покойнику (индивидуальный случай, т. е. рассказывающій сдѣлалъ такое заключеніе изъ одного случая).

Ножикъ, вилка упадеть—къ гостю: первый къ мужчинѣ, вторая—къ дамѣ.

Послѣ выноса покойника изъ дома (sic) опрокидываются столы, чтобы не было другого покойника. (Въ Осташковѣ, Тверской губ.).

Въ Калязинѣ крышечки отъ гроба не вносятъ и на дворь, а ставятъ у воротъ стойкомъ; обыкновенно же не вносятъ въ домѣ, а ставятъ въ сѣняхъ, а при выносе въ церкви на паперти.

Мелодыхъ благословляютъ передъ свадьбой на овчинномъ тулуни—чтобы хорошо жили. (Мещовскѣ).

Послѣ вѣнца на мелодыхъ бросаютъ хлѣбъ (зерна ржи)—чтобы богато жить.

Къ вѣнчанію фхать если по дождю и снѣгу—къ благополучію. На войну идутъ солдаты—та же примѣта.

Когда мелодыхъ везутъ въ церковь—дуга лопнетъ, оглобля вывернется—считается къ неблагополучію.

Въ домѣ птица прилетѣть—нехорошо.

Грачи гнѣзда навьютъ около дома—къ пожару. Самъ замѣчалъ, эта искона бѣсть примѣта; раньше не зналъ, хотя говорили; изъ опыта узналъ. Подтверждено рассказами.

Сорока прилетѣть—вѣсти.

Если шапку или что запачкаетъ ворона или птица—къ неблагополучію.

Кто уѣдетъ сейчасъ—нельзя месть комнаты, значить вынести его.

У жениха или у невѣсты свѣчка погаснетъ—худой признакъ: раньше умреть, также кольцо упадетъ.

Нехорошо потерять обручальное кольцо.

Кто впередъ на подножки станетъ, женихъ или невѣста, тотъ будетъ управлять другимъ.

Собака воетъ вверхъ мордой—къ пожару, внизъ—къ покойнику.

Кошка умывается—гостей замываетъ. (Гладить себя лапкой).

Самоваръ шумить, какъ воетъ—выживаетъ изъ дома воинъ.

Мышь скребется, напримѣръ, изъ кухни къ намъ—насъ выживаютъ; если еще отъ насъ—ничего.

Мыши поютъ—очень нехорошо, къ несчастью. Это ужъ вѣрная примѣта. Подтверждено рассказомъ.

Три свѣчки на столѣ—къ покойнику.

Записано отъ М. Г. Садикова и его жены Варвары Павловны. (Уроженцы Тверской губ.).

Когда попа встрѣтять—узелки завязываютъ, чтобы не оправдалась примѣта¹).

Когда къ вѣнчанію идуть, чтобы женихъ за скобу брался—никто не отворялъ. Ужъ это всеобщая примѣта. (Хмѣлемъ осыпаютъ предъ вѣницомъ).

Подушку хорошо уронить или платокъ въ спальнѣ, чтобы жена подняла. (Будеть покоряться мужу).

На ночь комнату не выметать—посѣщеніе за трапезу, ангель Вожій.

Появленіе таракановъ въ домѣ черныхъ—хорошо, къ благополучію, мелкихъ нехорошо. Тараканы выносятъ изъ дома (въ извѣстномъ мѣстѣ)—сгорѣль заводъ.

Двери скрипятъ—не къ добру: погибнуть кто нибудь. Вотъ Н. Н. помереть было...

Каша выходитъ изъ горшка воинъ: если воинъ въ комнату —выживаетъ, убытокъ будеть, взадъ, въ печку —прибыль въ домѣ.

Хлѣбы когда печень, выплылокъ будеть къ дому—хорошо, къ прибыли, изъ дому—убытокъ.

Куры ноютъ пѣтухомъ—скверно, къ несчастью.

Обручальное кольцо потеряетъ—въ супружествѣ потеря.

Въ деревнѣ свата сажаютъ подъ приводиной, чтобы дѣло состоялось, а на которой скамейкѣ сидитъ, ножки завязываютъ, чтобы связать дѣло²). Иласатыми платками, чтобы непокрываться, когда сватать будуть чтобы много дорогъ не было, много канители, съ цвѣточками—веселѣе, скорѣе дѣло будеть.

Отъ зубной боли всегда нужно обувать лѣвую ногу прежде.

Если судороги въ ногѣ, мизинецъ подержать рукой, пока жила установится.

Чтобы не бояться покойника—изъ гавана ниточку выдернуть; никогда не будеть бояться.

Свадьбу везутъ—вездѣ затворяютъ ворота по деревнамъ по обряду: когда уѣзжаютъ, все затворяютъ, а какъ подѣѣжаютъ—съ честью отворяютъ.

Воскъ при крещеніи бросаютъ въ купель: если воскъ будеть плавать—дитя будеть жить, потонетъ—не будеть.

Свѣчи мѣряютъ послѣ свадьбы чья короче, тотъ скорѣе умретъ. Господь награждаетъ.

Къ вѣнцу бхать—сыпать песокъ въ башмаки и обувь жениха, булавки кресты-на-крестъ затыкаютъ, никакая порча, ни вражда въ жизни не прикоснется.

Подкову находять—къ богатству.

1892 года, 10 декабря.

Отъ боровской жительницы

Сообщ. В. И. Чернышевъ.

Примѣты, предсказанія погоды Литовцами, Поневѣжскаго уѣзда.

1. Передъ дождемъ болить мозоли на ногахъ. (Бонифаций Якубовскій, мыза Подзинки, Клаванскаго прихода. 1 марта 1901).

2. Если у когонибудь переломана нога или рука, то передъ дурной погодой боль отымается. (Бон. Як. 1 марта 1901).

3. Передъ дождемъ чешется въ ухѣ. (Бон. Як. 1 марта 1901).

4. Если черезъ деревню проходитъ много евреевъ, будетъ дурная погода. (Эльжбета Петрушайтись, дер. Гайляны, Йоганишкельскаго прихода, 4-го января 1901).

1. Antgraužai ant koju, skauda pries lietu.

2. Kad kas turi sulaužytą koją arba ranką, tai prieš kokių orus skausmas visuomet atsiliepia.

3. Ausyse nesti pries lietu.

4. Kad per sodžiu, pereina daug žydu, tai bus biauri orai.

¹) и ²) Для значенія *наузы*. Ред.

5. Передъ наступлениемъ дурной погоды сются мертвцы. (Бон. Як. 4 марта 1901).
6. Передъ дождемъ бурчить въ желудкѣ у собакъ. (Бон. Як. 1 марта 1901).
7. Если собака траву ёсть, будетъ дурная погода, дождь. (Магдалена Баюрасъ, дер. Валдайки, Йоганишкельского прихода. 5 декабря 1897).
8. Если кошка, смотрить въ окно, будетъ дурная погода. (Эльжб. Петр. 4 января).
9. Когда гонять скотъ домой, если первой идеть белая или бурая, будетъ ясная погода; если черная, будетъ дождь. (Каролина Пежелисъ изъ мѣст. Йоганишкель 5 мая 1889).
10. Если послѣ заката солнца курицы не скоро уснаиваютъся (собираются наnochlegъ), быть дождю. (Бон. Як. 1 марта 1901).
11. Ласточки передъ дождемъ летаютъ низко надъ землею, передъ ясною погодою высоко поднимаются. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).
12. Если пѣтухи иоутъ—не въ обычное время, послѣ обѣда, въ началѣ вечера,—будетъ дождь. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).
13. Если зимою вороны по землѣ ходятъ и воробы «пиво варятъ» (собравшись кучей беспокойно чиркаютъ), указание, что будетъ оттепель. (Магд. Баі. 5 декабря 1897).
14. Если вороны сидятся на верхушкахъ деревьевъ, это показываетъ, что будетъ морозъ. (Магд. Баі. 5 декабря 1897).
15. Если гуси оправляясь машутъ крыльями повернувшись къ сѣверу, будетъ морозъ; если—къ югу, то оттепель. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).
16. Если пѣтухъ стоять на одной ногѣ, будетъ морозъ. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).
17. Если гусакъ стоять на одной ногѣ, будетъ морозъ. (Магд. Баюрасъ 5 декабря 1897).
18. Если лѣтнимъ вечеромъ жабы въ большомъ числѣ вылѣзаютъ изъ своихъ норъ,—будетъ дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).
19. Если паутина стелется по землѣ, особенно осенью, то долго будетъ ясная погода. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).
20. Передъ дождемъ пчелы очень злы. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).
5. Numireliai sapnojasi prieš oro atmainą.
6. Prieš lietumi šuninius pilvas gurguliuoja.
7. Kaip šuo žolę eda, tai bus biauri orai.
8. Kaip kate pro langą žiuri, tai bus prasti orai.
9. Kaip karves pargiuva vakare namon, tai jeigu pirma eina balta arba žala, tai bus giedra, jeigu juoda, tai bus lietus.
10. Kad po nusileidimo saules vištos greitai nesutupia, tai bus lietus.
11. Kreg ždele prieš lietumi skraido pagal žemę, prieš giedra ankštyn kyla.
12. Gaidžiai kaip giesta nepaprastame laike, po pietų, pavakaryje, tai prieš lietu.
13. Kada varnos žiemą vaikščioja po žeme ir žvirbliai alu daro, tai rodo ant atadrėgio.
14. Kada varnos sutupia ant medžių, viršuniu, tai roda, kad bus šaltis.
15. Kad žasis plustenasi i žiemius atsigrežusios, tai bus šaltis; jeigu i pietus, tai atadrekis.
16. Kad gaidys ant vienos kojos stovi, tai šals.
17. Kad žasinas ant vienos kojos stovi, tai šals.
18. Kad vasara piktavarles vakarais būriais išlenda iš savo urvu, tai bus lietus.
19. Kada voratinklis ant žemės klojas, urač rndeni, tai bus ilgai giedra.
20. Prieš lietu, bites labai piktos.

21. Если подъ поломъ квакаютъ жабы, будеть перемѣна погоды; указаніе, что будеть дождь или снѣгъ. (Бон. Якуб. 1 марта 1901 года).

22. Если комары цѣлыми роями летаютъ, будеть ясная погода. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

23. Если въ тихій вечеръ летаютъ и жужжать навозные жуки, будеть дождь. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

24. Если колокольный церковный звонъ очень далеко слышень — быть дождю или снѣгу. (Бон. Якуб. 1 марта 1901).

25. Если дымъ изъ трубъ поднимается вверхъ, будеть ясная погода, если надаеть (опускается) книзу, будеть дождь. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

26. Если молоко, когда доять коровъ, пѣнится,—будеть дождь. (Бон. Як. 1 марта 1901).

27. Если у горящей лучини уголь загибается книзу, будеть оттепель, если загибается кверху, будеть морозъ. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

28. Передъ дождемъ сало (солонины) повышеннное въ амбарѣ или подъ другой кровлей течеть. (Магд. Баюр. 5 декабря 1897).

29. Соль передъ дождемъ отсверѣваетъ (сырѣеть). (Бон. Як. 1 марта 1901).

30. Передъ дождемъ въ бочкѣ съ кислой капустой жидкость поднимается кверху (Бон. Як. 1 марта 1901).

31. Передъ морозомъ вода въ колодцахъ и рѣкахъ поднимается вверхъ; а передъ оттепелью опускается внизъ. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

32. Если во время дождя при паденіи капли, падая въ воду, образуютъ пузыри, будеть еще долго падать дождь. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

33. Радуга показываетъ, что скоро дождь перестанетъ падать. (Эльжб. Петр. 4 января 1901).

21. Po grindoms kada piktavarles kvakši, tai prieš oro atmaino: rodo ant sniego arba lietaus.

22. Kada uodai laksto spiečiais, tai ant giedros.

23. Kada vakaras tykus ir šudvabalai lakstydam i bimbia, tai ant lietaus.

24. Prieš lietu arba sniegą bažnyčios varpai labai toli girdžiasi.

25. Kada dumai iš kaminu aukštyn kyla, tai prieš giedra, kada žemyn krenta, tai prieš lietu.

26. Pienas milžant putoja prieš lietu.

27. Kad balane (šakalys) dega ir anglys žemyn lenkiasi, tai ant atadregio; kada aukštyn riečiasi, tai ant šalčio.

28. Prieš lietu, kletyje arba teip kur pastoguje pakabinti lašiniai labai varva.

29. Druska dregsta prieš lietu.

30. Užraugtu kopustu skystimas kyla aukštyn kubile prieš lietu.

31. Prieš šalti, kyla vanduo upėse ir sulnyse, o prieš atadregi leidžiasi žemyn.

32. Jeigut lietui lijant, lietaus lašai atsimušdami ī vandenį, kaip ī burbulus išeina, tai rodo ant ilgo lietaus.

33. Laumes juosto rodo, juog greitai nustos lijas.

I. I. Пешкевич.

Ковенск. г. Мѣст. Йогуншиколе (Почт. ст. Посьоль).

Замѣтки о Македоніи.

По поводу статьи г. Драганова.

(Изв. Сиб. Слав. благотвор. Общ. 1888).

Отъ Редактора. Въ бумагахъ моихъ уже давно находится статья г. Офейкова (исевдонаима), извѣстнаго болгарскаго дѣятеля и хорошаго знатока Македоніи. Эта статья, написанная въ концѣ 1888 г., была получена мною отъ автора, когда я былъ редакторомъ Извѣстій Слав. Благ. Общ. Но въ 1889 г. я отказался отъ редакціи и статьи этой не могъ напечатать. Въ послѣднее время у насъ опять стали писать о Македоніи и знакомые и незнакомые съ нею. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ (напр. г. Дурново) появились ссылки на статьи г. Драганова, какъ прекраснаго знатока этого края. Такъ какъ статья г. Офейкова весьма основательно опровергаетъ нѣкоторыя показанія г. Драганова и приводить любопытныя данныя, то редакція и нашла полезнымъ отвести ей мѣсто на страницахъ «Живой Старины», где будуть въ непрерывномъ временіи помѣщены и замѣтки Гильфердинга, изъ его карманныхъ книжекъ, за времена совершенной имъ 30 лѣтъ назадъ поездки по Македоніи.

На страницѣ 320, г-нь Драгановъ пишетъ, «что у Конановцевъ, въ противность ученолюбивымъ Барзакамъ, почти совершенно отсутствуютъ общинныя школы, а вѣсъ почти болгарскія училища содержатся средствами, отпускаемыми болгарскимъ Экзархатомъ изъ Константиноополя». Это совершенно невѣро. Болгарская Экзархія начала отиускать училищныя пособія нѣкоторымъ бѣднымъ македонскимъ общинамъ послѣ русско-турецкой войны, именно съ 1880 года, а болгарскія училища въ Скопѣ, Кумановѣ, Кратовѣ, Тетовѣ, Криворѣчной-Паланкѣ, Вранѣ и во многихъ еще деревняхъ существовали уже съ самаго начала счастливой эпохи возрожденія Болгарского народа. Болгарское училище въ Вранѣ, было, до послѣдней русско-турецкой войны, одно изъ лучшихъ болгарскихъ училищъ: тамъ главнымъ учителемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, былъ Николай Шимеджіевъ. Это училище, разумѣется, не существуетъ теперь. Мы можемъ указать г. Драганову, и какое училище въ которомъ году открыто, и какіе учителя, поддерживаемые общинами, учителствовали до настоящаго времени въ вышесказанныхъ Конановскихъ городахъ, въ которыхъ, онъ говорить, национальное болгарское чувство не существуетъ, и училища въ нихъ поддерживаются изъ Константиноополя. Не только до послѣдней русско-турецкой войны болгарскія училища поддерживались общинами Конановскихъ городовъ и сель, но и до сихъ поръ вѣсъ почти первоначальная училища, городскія и сельскія, въ сказанномъ краѣ, поддерживаются общинами. Болгарская Экзархія отиускаетъ пособія только класснымъ училищамъ; первоначальная же училища принадлежать исключительно общинамъ. Въ Скопѣ, напримѣръ, есть семь первоначальныхъ училищъ съ 8-ю учителями и двумя учительницами, поддерживаемыя общиной. Болгарская Экзархія отиускаетъ пособіе только Скопской прогимназіи. Тетовская община поддерживаетъ собственными средствами двухъ учителей и одну учительницу, а Экзархія отиускаетъ пособіе двумъ класснымъ учителямъ и одной учительницѣ. Община въ Криворѣчной-Паланкѣ поддерживаетъ тоже двухъ учителей; Ко-чанская— тоже двухъ учителей и одну учительницу. Мы приведемъ здѣсь названія тѣхъ Конановскихъ сель, которые собственными средствами, безъ всякихъ субсидій, поддерживаютъ свои училища и своихъ учителей. Въ Кумановской околії: Винци, Сопотъ, Кукушине, Живине, Чолонекъ, Св. Петка, Бояновци, Старо-Нагоричени: въ Скопской околії: Мирковци и Понени: въ Тетовской околії: Челонеки, Стенче, Теарци, Зубовци, Врутокъ, Блаце и Болгарани: въ Паланкской околії: Раиковци, Радибушъ, Петралица: въ Кочанской околії: Блатець, Винцица, Зърновци, Соколарци, Стапчево, Таркане, Оризари, Липецъ, Драгобраща и Лаки: въ Кратовской околії: Злетово, Онило, Древени, Лесново и Стромилицы. Городъ Щипъ собственными средствами поддерживаетъ четыре мужскихъ училища и два женскихъ съ 12 учителями и двумя учительницами. Нельзя

предположить, что все это было неизвестно г. Драганову. И если ему было неизвестно, въ такомъ случаѣ, почему онъ пишетъ съ такою уверенностью о дѣлахъ, о коихъ онъ не имѣть положительныхъ свѣдѣній. Дальше г. Драгановъ говоритъ: Барзаки не только не нуждаются въ экзархійскихъ субсидіяхъ, но и подозрительно, а то и съ недовѣремъ относятся къ присыаемымъ экзархатомъ учителямъ, начальникамъ общинъ и посредникамъ съ ними (?) въ Македоніи: одинъ же Охридянинъ А. Кецкаровъ, получивший свое образованіе въ болгарской Солунской экзархійской гимназії, сообщилъ намъ странную и поразительную для меня, по интересную новость, что его соотечественники бугари въ Охридскомъ окружіи и не принимаютъ никогда никакихъ экзархійскихъ аташе и протеже въ качествѣ учителей. Это не только невѣро, но и съѣкоторою тенденціозностью сообщено г. Драгановымъ. И могутъ ли ученики знать то, что дѣлаютъ общины? Можно ли довѣрять ученическимъ свѣдѣніямъ для изученія страны? А г. Драгановъ главный свой свѣдѣній о Македоніи получаетъ отъ учениковъ. Въ этомъ признается онъ самъ. Чтобъ опровергнуть теорію г. Драганова объ Охридскомъ округѣ, скажемъ, что экзархія всегда имѣла въ Охридѣ и его окружіи своихъ представителей, требуемыхъ и избираемыхъ самими населеніемъ. Изъ этихъ намѣстниковъ упомянемъ о митрополитѣ Наоанѣ и о протоіереѣ Христы Маленковѣ, который и до сихъ поръ состоялъ намѣстникомъ болгарского охридского митрополита. Какъ Охридская, такъ и всѣ общины въ Охридскомъ округѣ, всегда относились съ просьбами; въ экзархатъ для получения училищныхъ пособій, но Экзархія, по распоряженію средствами, удовлетворяла желаниямъ только тѣхъ общинъ, которыхъ дѣйствительно не имѣли возможности поддерживать своихъ учителей. Въ настоящее время Экзархія поддерживаетъ учителей въ слѣдующихъ городахъ и селахъ Охридскаго округа: въ самой Охридѣ отпускаетъ пособіе 4 учителямъ; кроме того отпускаетъ пособія и селамъ: Вещани, Велгощи, Преторъ, Струга, Рѣсенъ, Яниковецъ, Крушѣ и Любопино.

Одно изъ двухъ: или г. Драгановъ самъ введенъ въ заблужденіе или же онъ желаетъ ввести другихъ въ заблужденіе. Г. А. Кецкаровъ въ настоящее время находится экзархійскимъ учителемъ въ Охридѣ.

На той же 320 страницѣ г. Драгановъ говоритъ, что вообще училища въ Косовскомъ вилаетѣ болгарскія, греческія, сербскія, католическія, албанскія, турецкія, еврейскія возникли не на органическихъ началахъ, а искусственно. Любопытно знать въ такомъ случаѣ училища какой народности были бы неискусственны?.... Объ училищахъ по ту сторону Шара спорить не буду съ г. Драгановымъ: позволю лишь сказать два слова только объ училищахъ въ Скопинскомъ санджакѣ, какъ и во всей Македоніи, болгарскія училища возникли естественно, на такой же органической почвѣ, на какой возникли училища и въ самомъ Тыновѣ, Филиппоѣ, Софіи и пр. Въ городахъ Скопинѣ, Кратовѣ, Вранѣ, Щипѣ и пр. открылись болгарскія училища раньше учрежденія болгарской Экзархіи, раньше появленія недоразумѣній болгаръ и сербовъ, какой национальности принадлежитъ населеніе съверной Македоніи. Эти училища открылись мѣстнымъ населеніемъ въ самомъ началѣ возрожденія болгарского народа, слѣдовательно возникли они совершенно естественно. Законъ объ открытии училищъ въ Турецкой Имперіи гласитъ, что вообще народная училища открываются только по заявленіемъ по крайней мѣрѣ шести семействъ. Другимъ способомъ народная училища въ Македоніи не открываются. Всѣ болгарскія училища въ Македоніи открылись и открываются только по письменнымъ просьбамъ населенія. Вотъ почему сербы не могли и не могутъ, пока существуетъ этотъ законъ, открывать сербскихъ училищъ для македонскихъ болгаръ: не существуетъ населенія, которое бы желало открытия не болгарскихъ училищъ. Сербскій консулъ въ Солунѣ съ содѣйствіемъ русскаго генеральнаго консула, долго дѣйствовалъ въ прошломъ году, чтобы открыть въ Солунѣ сербское училище съ пансиономъ, но ему не удалось, по единственной причинѣ, что не было населенія, которое бы желало и просило открытия этого училища. То же самое случилось и въ Скопинѣ, где сербскій консулъ извращалъ старался и старается открыть сербское училище. Этого онъ не достигнетъ, пока населеніе само не пожелаетъ и не потребуетъ этого. Совсѣмъ уже другой вопросъ по ту сторону Шара, въ Призрѣнскомъ округѣ. Тамъ въ сербскихъ

сelaхъ открываются училища, потому что население желаетъ и требуетъ этого отъ властей. И правительство не отказываетъ ему въ этомъ.

Пользуемся случаемъ сказать, что глубокоуважаемый русскій генеральный консулъ въ Солунѣ, г. Ястребовъ, едва ли правильно поступаетъ, вмѣшиваясь въ национальныя сербско-болгарскія мѣстныя распри, бера сторону однихъ и осуждая и обижая другихъ. Это вредно для русскаго вліянія, потому что какъ интелигенція, такъ и самое населеніе, начинаютъ съ недовѣріемъ относиться къ консульству.

Г. Ястребовъ принимаетъ самое живое участіе въ сербской пропагандѣ въ Македоніи: это дурно повѣяло на македонскую молодежь, которая начинала сторониться солунскаго русскаго консульства, не любить самого консула и избѣгать всякия сношенія съ нимъ. Это жалко, но это фактъ. Всѣ тѣ, которые дорожатъ русскимъ вліяніемъ между македонскими болгарами, должны бы были посовѣтовать г. Ястребову быть безнепристрастнымъ и нейтральнымъ, стоять выше всѣхъ мѣстныхъ недоразумѣній и претензій разныхъ пропагандъ.

(Страница 319¹⁾). Какъ г. Драгановъ, такъ и г. Сретѣковичъ часто вспоминаютъ имя г. Груичева. Вѣроятно и тотъ и другой его не знаютъ. Г. Груичевъ до 1883 года жилъ въ Охридѣ и занимался мелкою торговлею сахаромъ. Въ этомъ самомъ году онъ исполнилъ очень важное экзархійское порученіе въ г. Дебрѣ, откуда, по возвращеніи, прѣѣхалъ въ Константинополь и не много спустя отправился въ Болгарію искать чиновническую должность. Тамъ онъ виродолженій двухъ лѣтъ, играть видную роль въ дѣятельности македонскихъ дружествъ, которая работали противъ сербской и греческой пропаганды въ Македоніи. Между прочимъ, онъ вмѣшился во внутренняя партизанская борьбы княжества я, недовольный, бросилъ Болгарію и снова прѣѣхалъ въ Константинополь вмѣстѣ съ какимъ-то Евровымъ, изъ Струги. Какъ Груичевъ, такъ и Евровъ въ началѣ скрывали истинную причину своего прѣѣза въ Константинополь, но послѣ стало известно, что они чиновники сербскаго посольства и занимаются сербской пропагандой между македонцами въ турецкой столицѣ. Я имѣю случай встрѣчаться иногда съ г. Груичевымъ, который и до сихъ поръ отказывается, что состоять чиновникомъ при сербскомъ посольствѣ и что сдѣлался органомъ сербской пропаганды между македонцами. Когда его спросятъ: хорошо, но откуда ты получаешь средства къ жизни? Онъ отвѣтѣтъ: отъ русскаго посланика. Это совершеннная ложь. Груичевъ стѣсняется признаться, что онъ органъ сербской пропаганды, потому что его соотечественники смысливаютъ надѣяться на него измѣнѣніе своей народности, за которую такъ много боролся. Онъ говорить, что получаетъ средства жизни отъ русскаго посланика, чтобы придать большую важность тому, что проповѣдуютъ македонцамъ, которые смотрятъ съ довѣріемъ на все то, что идетъ изъ Россіи или проповѣдуется отъ русскаго имени. Такимъ образомъ, г. Груичевъ пользуется русскимъ вліяніемъ между македонцами, чтобы провести свои притворныя и лицемѣрныя начала. Впрочемъ, эти начала не его собственныя, а проповѣдуютъ всѣми сербскими пропагандистами въ Македоніи. Эти то пропагандисты, вмѣстѣ съ г. Груичевымъ, не смысливаютъ проповѣдывать прямо и откровенно, что македонцы сербы; иѣтъ, они боятся сказать это, потому что, знаютъ что всякий македонецъ будетъ смысливать надѣяться наими, никто за ними не послѣдуетъ. Они выдумали и хитро проповѣдуютъ другое мнѣніе, именно, что македонцы настолько сербы и болгары, насколько и русские, чехи или поляки; что они собственно македонцы, совершенно отдѣльная славянская народность. И это выдумано для болѣе успѣшныхъ результатовъ въ дѣятельности пропаганды. Нужно же говорить македонцу иѣчто, что бы ему понравилось. Македонскіе болгары сербами не сдѣлаются, въ такомъ случаѣ давайте вдохнуть имъ совершенно новую и привлекательную для нихъ идею, сказать имъ, что они отдѣльный народъ, потомки Александра Македонскаго, съ славнымъ прошедшимъ и великой исторіей.

Но сдѣлали ли и дѣлали ли усѣхъ это мнѣніе между македонскими болгарами?

¹⁾ Все это замѣчаніе г. Груичевъ имѣть значеніе для характеристики взаимныхъ отношеній болгаръ и сербовъ и ихъ обоюдныхъ воззрѣній на Македонію. Ред.

Этого не видно¹⁾). Въ началѣ своего прибытия въ Константинополь, г. Грунчевъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Евровымъ, попробовалъ собрать временно пребывающихъ въ Константинополѣ македонскихъ болгаръ и убѣдить ихъ обратиться для училищныхъ пособій къ сербскому министру въ Константинополѣ. Но это ему не удалось. Ни одно македонское село не обратилось къ сербскому посланнику, или прямо къ сербскому правительству. Замѣчательно что въ то же самое время македонцы ежедневно обращаются къ русскому посольству въ Константинополѣ и къ болгарскому правительству о денежныхъ пособіяхъ для училищъ. Однимъ словомъ, македонскіе болгары смотрятъ на сербскую пропаганду подозрительно и не довѣряютъ ей. Если въ чёмъ нибудь усматриваютъ сербскіе пропагандисты, такъ это въ томъ, что увеличиваютъ вражду и негодованіе болгаръ къ сербскому народу; объ этомъ нельзя искренно не сожалѣть. Сербская пропаганда действуетъ въ согласіи съ греческими митрополитами и силлогосами, которые поддерживаютъ сербизмъ между болгарами съверной Македоніи. Порта тоже не только что смотритъ благопріятно на сербскую пропаганду между македонцами, но и начала сильно ей покровительствовать. Мѣсяцъ тому назадъ, вышло приказаіе всѣмъ константинопольскимъ газетамъ ничего не писать, ни нападать на сербскую пропаганду. Это всегдашняя политика турецкаго правительства: ослаблять сильныхъ и помогать слабымъ. Видя, что македонскіе болгары не поддаются не только грецизму, но и всевозможнымъ католическимъ и протестантскимъ пропагандамъ, турецкое правительство начало поддерживать въ Македоніи и сербскую пропаганду. Это удовлетворяетъ цѣли Порты, а съ другой стороны увеличиваетъ ненависть между сербами и болгарами. Это то и есть политика и интересъ турокъ. Не смотря на это, трудно сказать, что сербская пропаганда сдѣлаетъ какой-нибудь между македонскими болгарами. Товарищъ г. Грунчева, г. Евровъ, три мѣсяца тому назадъ относились къ б. Экзархіи и просили учительскаго мѣста въ Македоніи, причемъ увѣряли, что ему надоѣло служить хитрой идеи, выдуманной сербами: именно, что «современные македонцы составляютъ особенный исторический народъ». Въ настоящее время бѣдный Евровъ начально проводить время въ родномъ своемъ Стругѣ. Г. Грунчевъ тоже относился прошлое лѣто къ Экзархіи несолько разъ, чтобы выхлопотать своему племяннику Н. Грунчеву служебное мѣсто подъ вѣдомствомъ Экзархата.

Страница 318. Г-нь Драгановъ пишетъ, что ихъ В. Пр. Охридскій Синесій и Скопскій Феодосій, которыми Порта еще не позволила отправиться въ свои епархіи, принимаютъ участіе въ св. болгарскомъ Синодѣ, который будто-бы засѣдаеть въ Ортакій, резиденціи болгарскаго экзарха, и въ годъ или въ два года разъ носылаютъ свои настырскія окружныя посланія въ своихъ епархіяхъ. Г-нь Драгановъ и здѣсь ошибается. Въ Ортакій не засѣдаеть никакой болгарской Синодъ, следовательно, и сказанные болгарскіе митрополиты не могутъ принимать въ немъ участія. Св. Синодъ periodически засѣдаеть въ Софіи, а не въ Константинополѣ. Ихъ В. Преосвященства Охридскій Синесій и Скопскій Феодосій не посылаютъ своихъ окружныхъ посланій въ годъ или два года разъ, а исправно и всегда управляютъ своими епархіями изъ Константинополя посредствомъ особыхъ своихъ намѣстниковъ.

Страница 316. Я долженъ замѣтить, вопреки утвержденію Драганова, что митрополитъ Кириллъ, бывшій Скопскій, не бывалъ и не состоялъ экзархійскимъ делегатомъ въ Софіи, а пенсионеромъ болгарского правительства. Настоящій Скопскій митрополитъ В. Преосвященный Феодосій не учился въ Бѣлградской духовной семинаріи, какъ пишетъ г. Драгановъ, а въ Грекской греческой гимназії.

Страница 313. Г. Драгановъ утверждаетъ, что Скопскій санджакъ населенъ болѣшою частию не славянскими и не православными племенами. Это не вѣрно. Вотъ приблизительно населеніе Скопскаго санджака въ нуфузахъ: 28,556 турокъ, 86,796 болгаръ, 16 влаховъ, 476 евреевъ и 939 цыганъ.

Я первый разъ слышу кромѣ того, что въ скопскомъ санджакѣ есть сербы, которые мечтаютъ о возстановленіи Иникской патріархіи. Такая идея существуетъ между

¹⁾ Но судя по газетѣ г. Сарафова (Реформы) въ послѣдніе годы (въ концѣ 1900-хъ гг.), во крайней мѣрѣ это мнѣніе или ученіе въ Македоніи распространяется. Ред.

иъкоторыми интеллигентными людьми въ Сербіи, а вовсе не въ Скопскомъ санджакѣ. Пусть укажетъ г. Драгановъ, кто высказалъ ему въ Скопъѣ надежду о возстановлениі Испекской патріархіи. Мы можемъ увѣрить г. Драганова, что ничего подобнаго не существуетъ.

Страница 312. Мы совершили согласны съ г. Драгановымъ, что въ городахъ: Призрѣнѣ, Испекѣ, Новомъ-Назарѣ и пр. населеніе не болгарское. Но сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе, именно, что по ту сторону Шара, около Призрѣна и Дѣкова, есть, между сербскими и албацкими селами и болгарскія села, хотя ихъ и очень мало.

Страница 314. Г. Драгановъ говорить, что въ языке Конановцевъ членъ иѣть. Это показываетъ, что онъ имѣеть очень мало понятія объ этомъ языке. Мы можемъ привести, сколько угодно, примѣровъ въ доказательство, что членъ въ языке Конановцевъ существуетъ, какъ и во всей Македоніи. Слѣдующія иѣсни иѣты дѣвушкой Станиой Іововой, изъ села Осничани, въ 4 часахъ отъ города Скопья.

Шукнале мѣйке трѣнале
Не мѣджамъ в' Сѣпнѣ да ѡдамъ

Отъ пустите саачи.
Цѣрвено ми рѣменче давава....

.....Да избѣламъ ле-ле бѣло лѣце,
Да натѣгнамъ ле-ле гайтѣнъ вѣги,
Витолчани ле-ле да насмѣямъ,
Све небо ле-ле да развѣдрамъ,

Бакалитѣ ле-ле да отключатъ,
Да отжѣнамъ ле-ле бекѣрите,
Да извѣдамъ ле-ле ройно вѣно,
Да е мѣрина ле-ле све рѣята.

Не иий Нѣдо ройно вѣно,
Отъ вѣното глава боли.
Не ме боли отъ вѣното,
Тукъ ме боли отъ ѹдове,
Отъ ѹдове Стойнови,

Дека си е късканджия
На пѣнките иишанийя,
На мѣмите ясакчия,
На ѹдните бинеджия

Подринна, иѣдскокна Миршанче
Нрѣнеси донеси шишето ракия,
Обата до двата да го испијеме.
Татко ти мѣйка ти шишенчето прѣзно

Подринна иѣдскокна Миршанче,
Нрѣнеси донеси кошиччето съ грѣзѣ,
Обата до двата да го иззѣбаме
Татко ти мѣйка ти кошиччето прѣзно.

Изъ Тетова.

(Иѣты Маріей Сеньовой).

Чиво е днун мѣме убѣво,
Що рано рани на вѣда
Съ дѣвѣте стѣмини зѣмяни
Край зѣлените лѣвади,
Подъ високите тѣшали
Подъ топрлите чадѣри,

Подъ чадѣри тѣрзни
Дѣвойче вѣли говори
Тѣрзни мдре гѣдин,
Да ми скропите кюрдии
Безъ єндезе да я мѣрите....

Зàвила се бёла лòза вѝнова
Околь гràда Бùдима,
У Бùдима ёдно лòзе шíроко,
У лòзето ёдно дърво бадемо,
Подъ дървото ёдна чéшма шàреня,
На чéшмата ёдна илòча мèрмера,

На плòчата ёдна чàша бùлюра,
У чàшата рùйно вѝно пръвено,
У вѝното ёдна грùдка шéкерна,
Какъ се топи дной грùдка шéкерна
Такъ се топи мòе сърдце зà него.

Видо, Видо цàрно бко,
Вѝно ли съ (а) твòйтè очи,
Дали лòта бёла рàкия.
Единажъ мèне пòследуешь,
Тёжко мèне дпивуешь,
Зà илòделя пийниь дамъ,
Двè илòдели смàсевъ ёс дамъ,

Три илòдели бòленъ лèгамъ,
Бòленъ лèгамъ у сòбатा,
У сòбата шаренъ ковчегъ,
У ковчегота бёла книга,
На книгата написана—
Кой ес лòби да се земе.

И з тъ Куманова.
(Пéты П. Трандафиловыъ).
Вàрай, мàйкье, стàра мàйкье,
Що си бýло мòри къскънджика,
Къскънджика стàра мàйкье.
Къскъяджика мòри айнаджика,
Покàрай си синко невестата,
Да не йоди Димитрийо,
Да не йоди синко на чéшмата,
На чéшмата Димитрийо,
На чéшмата синко варðсана,
Варðсана синко тельдсана.

Съсь главата Димитрийо,
Съсь главата синко нарèдена,
Съсь кòсите Димитрийо,
Съсь кòсите синко начёшлини,
Съсь вèгите Димитрийо,
Съсь вегите синко вегъдсанп,
Съсь лицето Димитрийо,
Съсь лицето синко набèлено.
Къть се врàкя синко отъ чéшмата,
Дрòбни кàтке Димитрийо
Дробни кàтке синко расфоярляни...

Никола море Никола,
Нёкарай млàда нёвеста,
Нёкарай млада нёвеста,
Малко ли ти донела,

Шярёна кùчка съсь кùтре
И кùтремо е шярено.
Шярена кràва съсь тёле
И тёлемо е шярено.

Вотъ нарþчие Копановцевъ, т. е. нарþчие болгаръ изъ Скопской, Тетовской, Кумановской, Кратовской и Паланкской околияхъ. Позвольте мнë прибавить послѣ этого, что г. Драгановъ не особенно безпристрастно потрудился изучить жизнь и языки Копановцевъ.

Страница 315. И въ книгë «О гледало» Тетовца Кирилла Пейчиновича, написанной «языкомъ болгарскимъ долиня миссии» и напечатанной въ Будинѣ въ 1816 г. вездѣ встрѣчается членъ. На страницѣ 4, напримѣръ, встречаются слова грëхомъ, стоката, кукята, челадата, нивата, лозъто, бахчата и пр. На страницѣ 6: ли; дфетма, прежнитъ и пр. На страницѣ 25: молитвата, степотъ и пр.; на страницѣ 15: духовника, исповѣдникотъ, ночь-та.

Я не оснарива истини, что въ Копановскомъ нарþчии встречаются много сербизмовъ, но причина этому та, что Копановцы граница болгарского элемента, что тамъ приходять въ столкновение болгарский и сербский элементы. Копановское нарþчие не сербское, смъшанное съ болгаризмами, а болгарское съ илòкоторыми сербизмами. Болгарскимъ называется это нарþчие самими населенiemъ, которое и себя называетъ тѣмъ же именемъ.

Большое значение придается г. Драгановъ иѣкоторымъ названіямъ македонскаго населенія. Онъ какъ будто хочетъ сказать: македонцы не болгары, а міяки, бупановцы, барзаки и пр. Невѣрою передается значение мѣстныхъ племенныхъ названій въ Македоніи. Эти названія имѣютъ тѣ же значенія, что и въ другихъ мѣстахъ южной и сѣверной Болгаріи. Въ южной Болгаріи, напримѣръ, населеніе называется между собой: Скобари, Горци, Полчани, Руици, Якалицы, Вариклечки, Лангери, Загорци, Шони, Романійци и пр. Подобныхъ мѣстныхъ народныхъ названій найдете вездѣ много. Но это не значитъ, что населеніе южной Болгаріи называется между собой не болгарскимъ, а Скобарскимъ, Загорскимъ, Романійскимъ; то же самое не значитъ, что македонское населеніе называется не болгарскимъ, а міацкимъ, барзацкимъ и пр... Могу увѣритъ васъ, что можете обѣхать Македонію съ одного края до другого, и не услышите ни одного македонского мѣстного племенного названія. Другой совсѣмъ вопросъ если вдете съ цѣлью собрать свѣдѣнія обѣ этихъ именно названіяхъ и будете нарочно спрашивать. Если просто и прямо спросите македонца, кто онъ, вы никогда не получите отвѣта, что онъ берзакъ, міакъ и т. д., а скажетъ вамъ, что онъ болгаринъ или бугаринъ.

Офейковъ.

Константинополь
13 Декабря 1888 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюрскіе элементы въ русскомъ языке до татарскаго нашествія.

Выясненія, какія слова тюрскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языке, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Определеніе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюрскихъ нарѣчий до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчий (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюрскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематического изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюрскихъ нарѣчий. Кроме словъ тюрскаго происхожденія, изслѣдованію подлежать и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюрскихъ нарѣчий. При определеніи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюрскіе говоры *). Впрочемъ, въ виду сравнительной скучности матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологического пріуроченія изѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условiemъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которыхъ оно могло войти виослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго периода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедши въ русскій языкъ до XV вѣка.

Определеніе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языке, восходитъ къ общеславянской эпохѣ:— Какими путями шли заимствованія изѣ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованіе современныхъ русскихъ нарѣчий (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія **).

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

*) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

**) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатный въ двухъ, рукописный въ одномъ экземпляре и адресованы на имя Непремѣнного Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

3. Западное влияние на русский язык въ Петровскую эпоху.

Определение путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствование изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, определенного самимъ исследователемъ, круга произведений письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконений, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведений), съ указаниемъ происхождений этихъ словъ (слова немецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.)

4. Уменьшительные, увеличительные и т. п. имена въ русскомъ языке.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительные, увеличительные, ласкательные, презитеральные и т. п. имена существительные (нарицательные и собственные) и прилагательные въ литературномъ русскомъ языке и въ говорахъ великорусскихъ, белорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнейшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на сописаніе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурса трехлѣтія.

На сописаніе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, немецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявленнымъ при началѣ каждого конкурса трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.